

ТЕЛЕСКОПЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГЛАГОЛЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ XIX.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Ценсурный Комисіетъ *три* экземпляра. Москва,
Декабря 30 дня, 1833 года.

Ценсоръ *Алексій Болдыревъ*.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1833 ГОДЪ.

Нынѣ, когда имя обозрѣній (revue) спанови-
вился почти собственнымъ именемъ періодиче-
скихъ изданій въ Европѣ, чѣмъ приличнѣе на-
чашъ намъ Новый Годъ, какъ не обозрѣніемъ,
по крайней мѣрѣ, самихъ себя? Конечно, теперъ
уже имя не вещь, слово не дѣло: но какъ не по-
дозрѣвать пайнаго смысла въ эпоѣ почти все-
общей спраспи журналовъ называющихся обозрѣ-
ніями? Намъ кажется, сіе названіе, замѣнив-
шее собой прежнихъ зрителей, высказываетъ
глубокую современную пайну. Прежде сами лю-
ди были только *зрители* на шумномъ театрѣ
свѣта, *зрители* проспые, безпечныя, разсѣян-

ные: они любили только глядѣть, какъ передви-
гаются кулисы, развертываются декорации, свер-
каетъ блестящая шумиха, мелькаютъ кипайскія
пѣни; имъ не было нужды больше ни до чего;
ничего больше не претовали они и опть журналовъ!
Теперь напропивъ совсѣмъ другое! Наспоющее
поколѣніе, пережженное въ горнилѣ опыповъ,
упрапило дѣдовскую беззаботность, основывав-
шуюся на безусловной довѣренности къ наспо-
ющему. Оно глядитъ теперь не попому, что
природа дала глаза, копорыхъ дѣвать не куда;
глядитъ на все не просто, а въ оба; глядитъ —
и оглядывается безпреспанно... Есть ли эпо-
плодь обдуманной оспорожности, внушаемой по-
хвальнымъ благоразуміемъ, или слѣдствіе одрях-
лѣнія, невольно располагающаго къ подозри-
тельности: вопросъ сей рѣшатъ считаемъ
здѣсь неумѣстнымъ. Довольно, что осмопри-
тельность, самая внимательная, составляетъ
опличительный характеръ всѣхъ дѣйствій,
коими обнаруживается жизнь современная. Въ
знаніяхъ, умъ не дѣлаетъ шагу впередъ, не о-
глядываясь во всѣ спороны; въ жипейской, пра-
кпической дѣятельности, воля сама себя под-
вергаетъ безпреспанному дозору; даже въ искус-
ствахъ, гдѣ играющая жизнь забывается до без-
опчепнаго испуления, геній бдиательно споро-
житъ за своимъ вдохновеніемъ, обдумываетъ
воспорги, расчитываетъ впечатлѣнія, коропко

сказаць, осмаприваеися съ ногъ до головы. Все подчинено опвѣспвенности, разбору, обзорнѣю! И такъ мудрено ли, что журналы, коихъ сущеспвенное назначеніе: бытъ отголосками современнаго духа жизни, единодушно спремяся къ тому, чптобы, хотя по имени, удовлетворить господспвующей поспребности во все всмаприваься, все разглядываць, все обозрѣвать, внимательнымъ, спрогимъ окомъ?

Споя на спражѣ литературной жизни нашего опечеспва, мы хопѣлибъ подвергнуць обзорнѣю послѣднюю главу ея испоріи, ограничивающуюся предѣлами испекшаго 1833 года. Но, къ крайнему прискорбію, находимъ, что въ ней не только нечего обозрѣваць, нечего почпи и видѣць. Какое горькое, убійспвенное впечатлѣніе! Въ продолженіе прехъ лѣпъ, при окончаніи каждаго года, мы повпоряли печальныя іереміады о возрастающемъ запуспѣніи нашей словесности, но всегда распворяли свои жалобы упѣшиительными надеждами на лучшую будущность. Сіе самое запуспѣніе казалось намъ ручапелспвомъ близкаго изобилія, подобно какъ въ физической нашей атмосферѣ усиливающаяся засуха внушаесть ожиданіе скорого ливня. Мы не пераемъ и нынѣ сей опрадной довѣренности къ будущему: но, признаеися, настоящее уже такъ пусто и дико, что невольнo пугаеься и за будущность. Конечно, не лья сказаць, чптобы въ прошломъ

году не было совсѣмъ никакого замѣчательнаго движенія въ литературной нашей жизни. Но опъ того ли, что въ перспективѣ минувшаго, по мѣрѣ опдаленія опъ насъ, все спановипись шуманвѣе и попому, въ слѣдствіе оппического обмана, все принимаетъ большіе размѣры или, можетъ быть, опъ того, что въ прежніе годы продолжалось еще владычество авпоритетовъ и именъ, обманывавшихъ зрѣніе своею яркостью: только 1833 годъ кажется ничпожнѣе всѣхъ предшеспвовавшихъ ему собратій! Не знаемъ, что скажутъ цифры спаниспиковъ въ разсужденіи ипога вышедшихъ въ немъ книгъ, сравнительно съ предшеспвовавшими годами: но опносительно впечатлѣній, оспавленныхъ ими, пропвъ прежнихъ лѣтъ, недочетъ рѣшительный! Довольно, что не было ни одной новой поэмы *Пушкина*, ни одного новаго романа *Булгарина*. Даже безконечная жизнь *Евгенія Онегина* прекратилась; даже неиспощимая фамилія *Выжигиныхъ* перестала давать новыя опродья. Спало, ни расхвалишь, ни разбранишь нечего! Ни особеннаго добра, ни особеннаго худа!

То было пьма безъ темноты,
 То было бездна пуспоты,
 Безъ пропяхенья и границъ,
 То были образы безъ лицъ!

. . . . .

Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ!

Такое слишкомъ явное изнеможеніе литературной производительности, опличающее истекшій годъ предпочтительно предъ прочими, естественнo заспаляетъ призадуматься и спросить: чтожь все это значить?

Нѣтъ сомнѣнiя, что главное и существенное зло, обезсилившее нашу словесность до такого старческаго изнуренiя въ такой ранней молодости, есть несчастная подражательность, господствовавшая досель во всѣхъ отрасляхъ нашей жизни. Сіе зло, неизбежное въ народѣ, пробуждающемся позже другихъ къ образованію, сперва имѣло по видимому благопворное вліяніе, возбуждая нашу дѣятельность, хотя насильственно, къ плодамъ преждевременнымъ, но въ послѣдствіи, испощивъ насъ сей искусственной скороспелостью, сдѣлалось ядомъ губительнымъ, плетворнымъ. Считаемъ не нужнымъ распространяться болѣе о сей горькой истинѣ, уже давно чувствуемой и оплакиваемой не нами одними: крайность литературнаго изнеможенiя, въ коемъ мы годъ отъ года погрязаемъ глубже, естественнo должна была открытъ глаза многимъ и внушить, если не ясную, опредѣленную мысль, по крайней мѣрѣ глубокую, наспоительную потребность возстановленiя, перерожденiя. Отсюда возраспающій съ нѣкотораго времени спыдъ прежняго, слѣпаго присраспiя къ чужому; отсюда суепливостъ о своемъ, опечеспвленномъ, Рус-

скомъ, всюду обнаруживающаяся, въ различныхъ видахъ! Можетъ быть, у иныхъ, это слѣдствіе погоже обезьянства: нѣтъ лучше, чѣмъ зло само для себя служить антитезою, чѣмъ клинъ выбивается клиномъ! Но опъ чегожь это спасительное пропивудіе распостраняется такъ медленно, дѣйствуетъ такъ слабо? Опъ чего сей благодѣтельный поворотъ къ возрожденію Русской самобытной жизни изъ собственныхъ нѣдръ своихъ досель ограничивается безплодными покушеніями, бессильными желаніями? Опъ чего липература наша, въ коей потребность національнаго обновленія выражается съ наибольшою ясностью и опредѣленностью, успѣла только запуснуть себѣ бороду клоками нечесаными, но на блѣдныхъ щекахъ ея не играетъ алый румянецъ Русскаго здоровья, въ испощенныхъ жилахъ не кипитъ Русская кровь съ молокомъ? Неужели въ насъ самихъ не доспаютъ элементовъ желаемаго возрожденія? Остановимъ наше вниманіе на этой грустной догадкѣ!

Липература есть пульсъ внутренней жизни народа. Но внутренняя жизнь слагается изъ двухъ составныхъ началъ: умственной начала мысли и дѣятельнаго начала энергіи. Гдѣ сіи начала не достигли степени должнаго развитія, тамъ жизнь еще дремлетъ, липература нѣмощствуетъ! Посмотримъ же, въ какомъ состояніи находятся оба онѣ въ нашемъ опечесивѣ.

Умственное начало жизни, разумѣется, не приходило извне, а лежало внутри духа. По идеѣ человека, существа разумнаго, мысль составляетъ необходимую принадлежность его природы: есть однако примѣры, не только отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ племенъ и народовъ, какъ будто обиженныхъ даромъ высшаго разумѣнія. Древность сохранила намъ преданіе о національномъ тупоуміи Віотійцевъ, обратившемся въ припчу: въ наши времена, Китай и Японія кажутся обширными колыбелями человѣчества, осужденнаго на вѣчно-младенческое слабоуміе. Была пора, и даже весьма недавно, когда насъ Русскихъ разумѣли не лучше. Намъ отказывали не только въ умѣнии, даже въ способности мыслить. Рассказываютъ, что скептикъ Дидро, во время пребыванія своего въ Петербургъ, просилъ нарочно перевести для него нѣсколько стиховъ одного Русскаго поэта, дабы удостовѣриться, по человѣчески ли Русскій умъ связываетъ и выражаетъ свои идеи. Теперь, конечно, въ эпосъ не сомнѣваются: но еще мало увѣрены, что нашъ Русскій умъ способенъ къ самобытному, творческому мышленію. И доброды одни иноземцы, всегда смотрящіе на насъ завистливымъ, недоброхопнымъ глазомъ, оспаривали у насъ сіе драгоцѣнное преимущество человѣческой природы: много есть между самими Русскими, которые, съ ихъ голоса, думаютъ и у-

тверждаютъ поже! Сказашъ правду, мы досель имѣемъ еще такъ мало рѣзкихъ, сильныхъ фактовъ, кои бы могли замкнуть уста порицаателямъ. У насъ такъ рѣдки еще мыслители — и шѣ мыслятъ такъ лѣниво, такъ заспѣнчиво! Ни по какой отрасли наукъ мы не можемъ представить собственно нами добытой, собственно намъ принадлежащей лепты, которая бы, съ Русскимъ штемпелемъ, была пущена во всемирный оборотъ, присовокуплена къ общему капиталу современнаго просвѣщенія. Но отъ чего это происходитъ? Чтобы нашъ Русскій умъ былъ обиженъ природою, какъ отверженный пасынокъ, это нелѣпость, не заслуживающая опроверженія! Голова Русская даже въ дикой, необразованной простотѣ своей, опличается особенною емкостью понятія, прямою сужденія, твердостью силлогизма. Въ ней доспаетъ мозгу на многое: но, къ сожалѣнію, это богатое вещество не обрабатывается надлежащимъ образомъ. Умъ, конечно, не зависить отъ насъ: но отъ насъ — единственно отъ насъ — зависить его развитіе и образованіе посредствомъ ученія! И вопль чего именно не доспавало, чего не доспаетъ намъ по нынѣ! Мы учимся очень худо — такъ худо, что должны стыдиться самихъ себя! Благодаря непрерывнымъ попеченіямъ правительсва, средсва къ образованію ума въ нашемъ опечесвѣ беспрепятственно размножаются и совершенсвуются

ся: и въ семь отношеніи прошлый 1833 годъ можетъ гордиться предъ своими собратіями, ознаменованный, кромѣ многихъ полезныхъ преобразованій въ прежнихъ учебныхъ заведеніяхъ, основаніемъ въ Кіевѣ новаго Русскаго Университета Св. Владиміра. Но какъ опвѣспивуемъ мы на сіи предупредительныя, призывныя мѣры? Не вынуждаемъ ли мы нашимъ непроспительнымъ хладнокровіемъ, для того чпобы заманишь насъ въ классы, привѣшиваешь къ дверямъ классныя чины; для того чпобы усадить насъ за книги, обертываешь ихъ въ шабель о рангахъ! Какъ ни тяжко, а должно сознаешь, чпо искренняя, безкорыстная любовь къ ученію еспь пока у насъ явленіе весьма рѣдкое: а безъ сей любви никакая наука не даешь, развѣ на прокапъ, для выспавки. Спрашивается: какое вліяніе должна имѣшь подобная закосѣлоспъ умспвеннаго образованія на липерапуру? У насъ досель существуетъ ложное предубѣжденіе, будпо между ученоспью и липерапурою нѣтъ никакого соотношенія, кромѣ развѣ непріязненнаго. Предполагають, чпо липерапурѣ подѣ вліяніемъ ученоспи тяжело, трудно, душливо. Но не такъ думаютъ въ другихъ спранахъ Европы, гдѣ по большей часпи одно и поже слово означаетъ и липерапурное и ученое; гдѣ школы считаются необходимымъ преддверіемъ жизни; гдѣ словесность еспь не чпо иное, какъ шнуровая кни-

га современнаго капитала идей и знаній. Какъ удивятся наши виписи пріятныхъ досуговъ, когда узнаютъ, что Вальперы-Скоппы и Викторы-Гюго окончили полные курсы классическаго ученія, что Бальзакъ выспоялъ подъ грозою школьной ферулы, Дюма высидѣлъ въ ночныхъ неусыпныхъ бдѣніяхъ, ту колоссальную славу, коей пеперь оба наслаждаются! Безсомнѣнія и у насъ не прежде должно ожидать литературы живой, самобытной, какъ въ то время, когда мысли нашей дася свѣжій, укрѣпляющій воздухъ, когда умъ, изощренный упражненіемъ, обогащенный наукою, вырабатываетъ и выпускаетъ въ ходъ доспапочное количество идей свѣпмыхъ, живопворныхъ. Безъ понятія слово — пустой звукъ: безъ идей литература — мѣдъ звѣпящая!..

Но докольжъ будетъ у насъ продолжаться сіе закоснѣніе умспвенной дѣяпельности? Эпо соспоитъ въ необходимой связи съ пѣмъ, что мы назвали впорымъ дѣяпельнымъ началомъ, условливающимъ нашу внупреннюю жизнь — началомъ энергіи. Безъ сосредопченнаго напряженія всѣхъ нашихъ силъ могуцеспвомъ пвердой воли, ни одинъ шагъ впередъ невозможенъ: ни вообще въ знаніяхъ, ни собспвенно въ литературе. Такъ опыты разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ подпверждаютъ, что золотые годы успѣховъ просвѣщенія во

всѣхъ отношенійхъ были плодами дружнаго, совокупнаго сліянія общихъ усилій. Но у насъ напропивъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, замѣчается опсупствіе сосредоточенности и напряженія. У насъ, что бываетъ, бываетъ мгновенными порывами, отдѣльными выходками: всѣ мы дѣйствуемъ врознь, поодиначкѣ, что во что гораздъ. Происходитъ ли это отъ лѣности, свойственной жителямъ холоднаго сѣвера, гдѣ природа наслаждается жизнью только урывками, проводя большую часть времени въ смертномъ снѣ, подъ тяжелыми сугробами; или есть слѣдствіе временнаго, случайнаго застоя, не беремъ рѣшать здѣсь. Довольно, что въ литературной нашей жизни мы опличаемся какою-то странною опходчивостію въ замыслахъ, нерѣшительностію въ средствахъ, недокончанностію въ дѣйствіяхъ. За что ни примемся, все бросаемъ на половинѣ; къ чему ни привяжемся, разлюбимъ черезъ минупу. Сколько у насъ некончанныхъ поэмъ, начиная съ Ломоносовскаго *Петра*, оставшагося при первыхъ двухъ пѣсняхъ, до Пушкинскаго *Онъгина*, перескочившаго черезъ цѣлую главу къ полу-окончанію! Сколько сочиненій, записанныхъ на многіе помы, къ коимъ существуяютъ однѣ предисловія! Всего вѣрнѣе заключимъ, что сіе опсупствіе живой, неупомимой энергіи въ нашей дѣятельности, препятствуя развитію умственной жизни, въ свою

очередь испытываемъ возвращающее вліяніе скудоспи мыслей, имъ производимой. Чтобы разбудить сію спящую массу задержанныхъ, но не испощенныхъ силъ, попребна элекприческая батарея идей свѣжихъ, могучихъ. И, признаемся, въ этомъ отношеніи испекшій 1833 годъ не только не порадовалъ насъ пріятными предвѣспіями, но даже усилилъ грустные опасенія. Меркантильный духъ, слишкомъ явно обнаружившійся въ дряхлыхъ оspanкахъ нашей литературы, невольно заставляетъ подозрѣвать, что она превратится скоро въ розничную лавку, въ мелочной шкапикъ... Намъ бы рано еще объявлять поспрочную паксу своимъ произведеніямъ: преждебъ слѣдовало пріобрѣсти кредитъ производству, а потомъ пускайся въ торговлю...

Вопъ наши искреннія мысли о причинахъ, отъ копорыхъ зависитъ изнеможеніе нашей письменной производительности, преимущественно обнаружившееся въ печеніе прошлаго года. Впрочемъ сей годъ, какъ мы прежде замѣтили, не совсѣмъ былъ чуждъ литературнаго движенія. Это мы покажемъ, въ слѣдующихъ книжкахъ, съ совершеннымъ безприсрапшемъ...

II.

АУКЦИОНЪ.

ПОВѢСТЬ. *

Je me trouve dans la position de cette jeune fille à qui sa compagne demande la nomenclature exacte de ses amans. »Je me souviens très-bien d'Auguste, de Charles aux yeux bleus, d'Edmond, d'Alfred, du petit peintre et du grand médecin; mais après cela je m'embrouille«. . . répond-elle.

CASTIL-BLAZE.

Въ Большомъ Театрѣ играли одну изъ пѣхъ безчисленныхъ пѣсѣ, копорыхъ никто не слушаетъ; но представленіе было усилено балетомъ, а балеты привлекаютъ зрителей, попому что многіе жители Москвы сохранили еще въ цѣлости привычки осьмнадцатаго столѣтія. Многіе говорятъ съ участіемъ о Новеррѣ, Весприсѣ, Дюпорѣ, какъ о мужахъ славныхъ, забытыхъ понапрасну несправедливыми попомками;

* Принадлежитъ къ собранію оригинальныхъ повѣстей, въ коихъ съ особеннымъ искусствомъ и вѣрностью схвачены характеристическія черты современнаго быта, преимущественно на высшихъ ступеняхъ общества. Сочинитель началъ изданіе ихъ одною книжкою, копорая уже почти оппечатана. Повѣсть сія оппшуда заимствована. *Изд.*

восхищаются изящными группами Дидло, какъ произведеніями, достойными луча безсмертія!..

Какимъ образомъ появились балетны на Руси, гдѣ спыдливоспъ была доведена до такой почки совершенства, что красавицы рождались, цвѣли и опщвѣпали уединенно, въ высокихъ перемахъ; гдѣ еще не всѣ бороды обрппы; гдѣ о зефирѣ мѣсяцевъ девять нѣпт помину? .. И что такое балетны? Что въ нихъ для насъ, для вѣка испорческаго, политическаго, экономическаго? Они, можетъ быть, способны подогрѣтъ студеную семидесятилѣпную кровь—и только! Что въ нихъ для мысли и для души 1833 года? ..

Но объ этомъ послѣ. .. Моя рѣчь клонится къ тому, что я не люблю балетовъ, и что въ пнеапрѣ было много, по есть: раекъ, верхніе ряды ложъ и спуля пуспы, а бель-эпажъ, бенуары и почти всѣ ряды кресель полны. Собралась публика, у которой за обѣдомъ подается бѣлый хлѣбъ, единспвенная мѣрка нашей образованности. Морозъ не закупалъ еще никого въ свою пляжкую одежду, и на полунагія лилеи порхающей Флоры никто не поглядывалъ изъ подъ медвѣжьей шубы. Небрежно раскинувшись на креслахъ, поводили невнимательными лорнетами Московскіе денди, Чайлд-Гарольды, Онѣгивны. На концѣ впораго ряда, сидѣлъ молодой человекъ и посмапривалъ на ближнюю ложу; но только женскій глазъ могъ догадаться, что

его двурога я прубка, блуждая въ пространствѣ залы, оспанавливалась не случайно на одномъ и томъ же предметѣ. Молодой человекъ, котораго имя начинается буквою Т, употреблялъ всевозможныя уловки, чтобъ не дать никому замѣтить, куда онъ взглядываетъ; но прубка измѣняла. Въ попеткахъ огромнаго пептра, гдѣ прудно разглядѣть кого-нибудь протспыми глазами, она помогаеть сказаць: » я смотрю на васъ« ; но съ нею никакъ не лзя приприворипься и увѣрипь женщину, что » я не на васъ смотрю.« Т. перевертывался безпрестанно на креслахъ, волновался и тѣломъ и душою, вспоминая въ опривкахъ исторію любви, несбывшіяся надежды. Протспья запѣи разпаленнаго воображенія, смѣшная роль влюбленнаго, который не самъ оставилъ, а котораго оставили— всѣ этѣ мысли производили страшную суматоху въ его головѣ и сжимали ему сердце. » Она смотрипь на меня протспально,« думалъ Т., » она узнала меня, она вспомнила! . . . мы разочтемся, увидимъ, кто будетъ смѣшонъ.« . . Краска выспувила у него на лицѣ, а между тѣмъ, во время анпрактовъ, полпилась сладоспраспная молодежь съ лорнепами, наведенными на пуже ложу. Нѣкопорья барыни, высовываясь изъ бенуаровъ, спрашивали: » скажите те, гдѣ сидитъ Польская Графиня?« Каждому щеголю по очереди показалось, что она взгля-

нула на него, а попому каждый, попеременно, облакачивался о перегородку оркестра, закидывалъ голову назадъ, и, лѣвѣя бакенбарды легкимъ прикосновеніемъ указательнаго пальца, принималъ изнѣженный видъ беззаботнаго счастливица. Но Польской Графини не было въ театръ, а была Русская Княгиня ***. Ее не всѣ знали. Она, года полтора назадъ, исчезла изъ Москвы еще невѣстпой, вышла за мужъ и воевопила въ столицу не болѣе двухъ дней. А такъ какъ мы имѣемъ выгодное мнѣніе о Польскихъ красавицахъ и какъ вообще человѣку не хочется никогда объяснить новаго явленія естественнымъ образомъ, надобны во всемъ чудеса: по въ театръ разнеслась молва, что прѣѣхала Польская Графиня, у которой мужъ, по политическимъ обстоятельствамъ, бѣжалъ за границу, при побѣгѣ былъ раненъ Польскимъ уланомъ, принявшимъ его за Русскаго, и отъ этой раны умеръ черезъ недѣлю.

Пунцовый плащъ Княгини, презрительно сброшенный, висѣлъ за ея спиною въ живописномъ безпорядкѣ; лѣвая рука, играя обворожительно лорнетомъ, по лѣнливо опускала его, по прикладывала къ прекраснымъ глазамъ такъ небрежно, такъ равнодушно, какъ будто Богъ не сотворилъ ничего, что-бы стоило ея пристального взгляда; кисть правой руки, обнянувшая французскою перчаткой, роскошно покоилась на

полиявшемъ бархатъ ложи; черная шаль, красиво спущенная съ пышныхъ плечъ, лежала на сгибахъ локтей и спана волнистыми складками, выказывая цвѣтисный узоръ каймы, богатую ткань воспока; темныя волосы оплѣняли разпусившіяся розы щекъ и чернѣлись въ прорѣзахъ бѣлаго креповаго пока, на которомъ пушистыя перья марабу колебались тихо, повинувась помнымъ движеніямъ своеранной головы; готическіе браслеты, безпрестанная улыбка, полу-оживленный взоръ, скользящій по сценѣ и по зрителямъ—все заснавляло мечтатель, все закрадывалось въ сердце. Княгиня была хороша, очень хороша!... я отвернулся отъ нея: я подверженъ безсонницамъ. Она узнала молодаго челоуѣка, поняла, что онъ смолриптъ на нее, и первая встрѣча съ нимъ послѣ долгой разлуки, послѣ многихъ кляпвъ въ вѣчной вѣрности, сначала смутила ее; но, мало по малу, смущеніе прошло, свѣтское равнодушіе взяло верхъ, и глаза ея встрѣчались часпо съ глазами Т., старыми знакомыми. Между нѣмъ, какъ онъ считалъ себя единственнымъ предметомъ ея вниманія, Княгиня удѣляла свои взгляды и другимъ, особенно одному спройному адъютанту, копорый, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, совершенно обрапился на ея ложу.

Спектакль кончился, и Т. сполкнулся въ сѣняхъ, разумѣется нечаянно, съ Княгиней; нелов-

ко было не поклониться; онъ поклонился молча, попому чпо онѣмѣль опъ негодованія и не приготовился еще къ разговору. Княгиню сопровождалъ широкоплечій мущина средняго роста, и вмѣспо того, чпобъ — по долгу учпивости и покровительства, копорымъ сильный обязанъ слабому — очищать дорогу, онъ спокойно шагаль по слѣдамъ жены, предоставляя ей право продирапья первой сквозь невѣжливую толпу.

Воропясь домой, Т. спросилъ чаю, впуспиль пальцы одной руки въ волнистые волосы, а другою схватилъ развернутый томъ, пѣлько чпо показавшагося тогда романа: *Церковь Богоматери въ Парижѣ*. Первые слова, чпо попались ему на спраницѣ, были: *c'était indéfinissable et charmant. . .* Онъ долго смотрѣль въ книгу, не переверпывая лиспа; наконецъ она полетѣла на диванъ, а онъ вскочилъ и началъ ходипь большими шагами. Маповое спекло лампы, споявшей на сполѣ, разливало тусклый свѣпъ. Человѣкъ принесъ чай, Т. не видалъ; человѣкъ предложилъ халапъ, онъ не слыхаль; по шевелиль губами, какъ будпо разговаривая съ кѣмъ-по; по кусаль ихъ, какъ будпо досадуя на чпо-по. На его лицѣ вырѣзалось по соспоянiе души, когда непоспоянныя, безпредѣльныя мысли ея привязываются всѣ къ одному предмету; когда, неопвязныя, умѣщаюпся онъ въ

пѣсныхъ границахъ одного чувства, одной мысли... или лучше сказать, когда мучительная лихорадка оскорбленного самолюбія бьетъ духовный составъ чловѣка. » Подай пшубку, заходи каминъ, вынеси лампу, « проговорилъ Т. Эпѣ опривисстыя приказанія послѣдовали одно за другимъ послѣ длинныхъ промежутковъ молчанія и служили доказательствомъ, что привычка не оставляетъ насъ и въ бреду.

Засверкалъ огонь, запрещалъ каминъ, въ которомъ есть всегда что-то мечпательное, таинственное, похожее на очагъ какого-нибудь колдуна. Т., сбросивъ сюрпукъ, ворочалъ головни, и съ его пшубки бѣжала на нихъ густая волна дыма.

Магическіе лучи, разсѣкая мракъ комнаты, прокрадывались къ картинамъ и эстампамъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ. Призраки воображенія, воплощенные кистью, напоминающіе по объ адѣ, то о небѣ, внезапно показывались и внезапно пропадали. Тамъ въ сумракѣ видѣлся разбитый корабль Вернепа; пшуть мгновеннымъ блескомъ загорались черпы Байрона: буря природы и буря души!..

Погруженный въ прошедшее, Т. повторилъ себѣ мысленно всѣ малѣйшія обстоятельства обманутой любви, вспомнилъ, какъ женщина явилась ему съ кашпановымъ локономъ, съ черными, полуденными очами, соблазнительная

юностью, ласковая взоромъ, пылкая рѣчью. Какъ спрастно она любила, какъ много общала! » Рѣзвое дитя, « разсуждалъ Т., смотря въ каминъ, »она выбрала меня игрушкой, поиграла и бросила; теперь мнѣ хочется поиграть, я не умру съ опчаянія! Развѣ я приспавалъ къ ней: любите меня! развѣ я вздыхалъ, развѣ я пѣшилъ ее припорной сладостью похвалъ и удивленія? О, какъ я любилъ ее!« Т. начиналъ опять безпокойно ходить по комнапѣ, избобрывая средства, какъ удовлетворить оскорбленную любовь, чѣмъ успокоить бунную самолюбіе, но трудно мстить женщинѣ: она защищена или слабостью или въпреносью: по не почувствуешь, по внушишь участіе.

Китайскія пѣни мыслей смѣнялись проворно въ разгоряченномъ воображеніи, и ни одна не была по душѣ юному спрадальцу. »Пустишь въ свѣпъ ея письма«, — думалъ онъ, —»низко «: шупъ, вынувъ изъ бюро пукъ бумагъ, Т. бросилъ ихъ въ огонь. »Заспавилъ ее при всѣхъ краснѣпъ, прелѣдовапъ повсюду колкими насмѣшками, не давалъ ей покою—мало, мелочно: всѣмъ покажется, чпо я не равнодушно перенесъ измѣну, чпо я спрадаю, словомъ, чпо не я первый бросилъ ее! О, для чего она не мущина? мнѣ легко бы было спряхнуть ярмо обиды! Если бъ я могъ найпи въ ея сердцѣ свѣжую рану и вложипъ пуда свои пальцы, чпобъ она заспонала опъ

боли, обезумѣла онъ оскорбленія! . . Да, да! « . . глаза его заблнспали ярче камна. . . » еспнъ обнда поняпная, чувспвнпелъная полъко одному полу, а не обонмъ, сотворенная для женщины.»

Тупъ Т. позвонилъ, спросилъ: который часъ? и сказавъ: » одѣваться! я поѣду въ башмакахъ и въ каретѣ«, расположился передъ шуалетомъ. Помада новѣйшаго изобрѣненія поснавила спойма зыбкѣй локонъ хохма, и великолѣпный узель чернаго апласнаго галспука прилегъ къ высокой груди. Въ двѣнадцатъ часовъ Т. не было уже дома.

— Какъ милъ! какъ разговорчивъ! Онъ спалъ любезнѣе обнкновеннаго! Бывало все молчнпъ, да ходнпъ, не упросншь панцоватпъ!

Такъ вездѣ, куда Т. ни появлялся, шеппали между собой наблюдапельныя особы прекраснаго пола.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ прилежно спарался нравнпсья, верпнсья, разсыпался, сплмсья показатп, чпо угорѣлъ въ чаду свѣпа, чпо безъ ума веселъ и безъ памяши счаспльнвъ!

Княгння замелькала въ вихрѣ замъ, и насупила мнупа запмнннн для сннющнхъ звѣздъ паркеса. Всѣ взгляды, всѣ восклицаннн, все было для нея и все была она! Ея улыбка напомннала мнръ ребенка, ея очн переноснли въ мнръ спраспей. Ласково смонрѣла она и на пого и на другаго, но нные подозрѣвали, чпо ей

особенно нравился адьюпантъ, о которомъ я упомянулъ. Когда на одномъ балѣ Т. подошелъ къ ней въ первый разъ, приглашая вальсировать, боязливо подала она руку и пошупила взоры. Чпо ни дѣлай, каковъ ни будь, а совѣстно встрѣпиться съ челоуѣкомъ, пропивъ котораго былъ неправъ. Другія чувства умираютъ; чувство справедливости все живетъ.

— »Вы на долго, Княгиня, въ Москвѣ?« спросилъ Т.—»Не знаю,« отвѣчала она; »какъ вздумается мужу«. — Последнее слово задрожало у нея на языкѣ.—»Вы разлюбили вашу родину: она прежде такъ вамъ нравилась! « продолжалъ Т. — »Ахъ, нѣтъ! я все люблю ее, но есть обязанности..« — Княгиня не успѣла докончить, потому что подлестель извѣстный уже чипапелю адьюпантъ и помчалъ ее по залѣ.

Т. возобновилъ знакомство, не доказывалъ Княгинѣ, что она виновата, а рѣзвился съ нею, шунилъ, забавлялъ. Язвительная насмѣшка была у него готова для всякаго, кто имѣлъ несчастье привлечь ея вниманіе. Больше другихъ доставалось адьюпанту.

Она слушала, смѣялась; однако же не пренебрегала ни кѣмъ изъ осмѣянныхъ, потому что очень охотно говорила со всѣми и панцовала. Иногда Т., вальсируя съ Княгиней, жаль ей руку: онъ извинялся поэпическимъ забвеніемъ; она не сердилась.

Въ одно утро, его карета переспала скрипѣть по снѣгу возлѣ дома уродливой архитектуры, но за то недавно выкрашеннаго, на которомъ-то изъ радіусовъ, пролегающихъ отъ города въ Кудрино, подѣ Новинское и на Дѣвичье поле. Въ это время Княгиня сидѣла за канвой, часто клала иголку и, опрокидываясь на бархатныя подушки кушетки, посмапривала съ неперпѣніемъ на двери. Зимнее солнце, прокрадываясь мимо малиновыхъ споръ, то проводило свѣплюю полосу на шелковомъ узорѣ упоительной ножки, то рисовало лепучій кружокъ на алой щекѣ. Кружевная оборка чепчика, накинупаго на приглаженные волосы, служила рамкой миниатюрному порпрепу, въ копоромъ живописецъ безсовѣспно польспилъ женщинѣ. Распуценныя ленпы то падали на мягкія округлоспи плечь, то струились по апласу безмятежной груди. Княгиня была въ бѣломъ плапѣ и въ голубомъ передникѣ изъ шали. Когда ей доложили о пріѣздѣ гостя: »проси! уѣхалъ ли Князь?« отвѣчала она и, какъ ни была хороша, а все подбѣжала къ зеркалу.

— »А я на аукціонѣ,« сказалъ ея мужъ, встрѣпившись въ передней съ Т. Наряженный какъ кукла, выспавляемая порпными въ образецъ моды, Т. былъ не весель. Его одежда носила всѣ примѣпы свѣпской ничпожноспи; на лицѣ его ппягопѣли суровыя думы, зна-

комья только уединенію. » Эпой ли любви хопѣлъ я! « проговорилъ онъ самъ себѣ; и вдругъ грустныя черпы просіяли: онъ споялъ передь Княгиней. Она не сдѣлала никакого движенія, привѣспивовала госпя не эпимъ поклономъ, который такъ швердо выучень, такъ обыкновенень и такъ правильно холодень, но другимъ, но поклономъ взгляда, поклономъ улыбки; не пошатнулася въ передь, не привспала, а все поклонилася, какъ умѣеть кланяясь только хорошенькая женщина и какъ никто кромѣ ея не долженъ кланяясь. Удивисься красопѣ не унижительно, не пропивно успавамъ упонченныхъ госпинныхъ; и Т. опдалъ ей справедливую дань удивленія.

Набожно оспановился онъ въ дверяхъ, не смѣя переспустипъ порогъ, не смѣя подойти близко къ упренней Княгинѣ: она упромъ была лучше, чѣмъ вечеромъ.

— » Подойдите, чпо вы спали? « и эпи рѣзвые, мягкіе звуки напомнили юношѣ иное время, инья минушы счаспія. » Эпопъ же голось слыхалъ я когда-шо, « подумалъ онъ, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и вспыхнулъ, и его рѣчь закипѣла; но ни слова о прошедшемъ: онъ пощадилъ Княгиню опъ намѣковъ, онъ не жилъ прежде, не чувспивовалъ, не видывалъ ничего, похожаго на нее, и только восклицаніе: » ахъ, за чѣмъ вы за мужемъ! «

вырвалось какъ признакъ схороненнаго чувства, какъ искренній крикъ расперзанной души.

Княгиня не дала отвѣта, но сложила ладони, какъ складываютъ ихъ, прося прощенія, и, наклонивъ голову немного на одно плечо, взглянула такъ умильно, что отецъ проспиль бы ей послушаніе, мужъ невѣрность, а женщина красоту. Т. сидѣлъ возлѣ Княгини; румянецъ игралъ ярче на ея свѣжихъ щекахъ; слезой поминпельнаго желанія попустили ея полузакрытые глаза; она не имѣла силы поднять руку, упавшую печально на шею молодого человѣка; уже онъ почувствовалъ на губахъ жгучее дыханіе полуоткрытыхъ устъ; уже обворожилпелный спанъ, какъ молодая пальма, нагибаемая пихимъ въпроромъ, изнемогалъ въ спраспномъ томленіи; уже канва полетѣла на-поль; уже ленты чепчика прикоснулись къ бархату подушки... какъ вдругъ Т. сбросилъ проворно руку Княгини и опспунилъ назадъ: насмѣшливая улыбка явилась какъ молнія, онъ схватилъ шляпу, поправилъ волосы и самымъ учпивымъ тономъ, съ убійспвеннымъ хладнокровіемъ, сказалъ: »Княгиня, ради Бога извините меня! Я опъ васъ ничего не хочу, у васъ есть свяпья обязанности, а мнѣ вы, другая... все равно... Ради Бога, извините меня!«

Голова Княгини, перекинувшись черезъ подушку, не носла на себѣ никакого признака жизни. Т. посмопрѣлъ, засмѣлся и вышелъ.

— »А я съ аукціона,« сказалъ ему Князь, встрѣпившись опять въ передней.

Пышка самолюбія кончилась. Въ этотъ день былъ балъ, на который съѣхалась почти вся Москва. Туда явился и Т., но уже безъ цѣли, пакъ, по привычкѣ, уже не за пѣмъ, чпобъ панцовать и любезничать. Онъ входилъ въ залу; насмѣшливая улыбка еще оспаивалась на его лицѣ, и онъ воображалъ, чпо всѣ замѣпятъ его торжество, и жалѣлъ только о томъ, чпо Княгиня не скоро опомнится, чпо не скоро удася ему увидѣть, какъ она поблѣднѣетъ, покраснѣетъ, окаменѣетъ при встрѣчѣ съ нимъ. »Она очаровательна, она непоспижима!« шумѣла толпа около Французской кадрили, и всѣ лорнеты были обращены въ одну сторону. Безпечно, лѣниво подошелъ Т. и встрѣпилъ тупъ Князя, который пропянулъ ему руку, и встрѣпилъ тупъ Княгиню, которая взглянула на него мелькомъ, перелепая съ адъютанпомъ на другой конецъ кадрили. Сладкая рѣчь лилась съ ея бѣлаго языка, веселый взоръ ласкалъ кавалера; она была милѣе обыкновеннаго, она была вечеромъ лучше, чѣмъ упромъ. Я отвернулся отъ нея: я подверженъ безсонницамъ...

...л...

III.

ОТГОЛОСОКЪ ИЗЪ ИТАЛИ

1833 ГОДА.

Италія, эта безпечная спрана-художникъ, влюбленная въ свое dolce far niente, въ испекшемъ году, имѣла нѣсколько блестящихъ мгновений, копорья вспыхнули ярко и показали, что чувство прекраснаго еще живо на своей родинѣ. Италія, высказавъ свои спраданія въ лицѣ одного изъ сыновъ своихъ, пронула всѣхъ до слезъ числою, свяпою книгою Сильвіо Пеллико; ею обновила она въ душахъ живипельное чувство вѣры, это чувство, копорое, къ сожалѣнію, замираеть въ изсохшемъ сердцѣ западной Европы и еще пакъ свежо въ изнеможенной Италіи. Пеллико показаль людямъ примѣръ великодушнаго спраданія, образецъ жизни непорочной, дѣвственной, упѣшительной для всякаго въ вѣкъ шапкихъ правилъ, шапкихъ понятій о нравственности и добродѣтели. Франція издала многія пысячи книгъ; Италія дала намъ только одну, но ея книга

своею испиною, своею жизнію, своею душою и чиспопой всплываепть надъ эпопой грязной, земляной словесностью, надъ эпопой кучей записокъ, романовъ, драмъ безъ испины, безъ жизни, безъ души, книгъ нечиспыхъ, пустыхъ, фальшивыхъ, гдѣ ложь, спрастъ говоришь, надменность и славолюбіе, горячка самораздраженнаго воображенія, неупомимо приводили въ движеніе пипографскіе спанки и болпая на перерывъ, заглушали тихій испорическій разсказъ какаго-нибудь честнаго изслѣдователя и мирныя бесѣды любипелей науки. Книга Сильвіо Пеллико вознеслась надъ всѣми эпими книгами, какъ легкій ойміамъ надъ смрадомъ и дымомъ, какъ молиппвенная пѣснь надъ буйнымъ хоромъ мяпежа и пира, какъ ангель надъ людьми.

Въ эпомъ же году, Ипалія, споль богатая сокровищами минувшаго, продолжала собирапть, опрывать ихъ; праздновала новыми памяпниками призну по великимъ мужамъ своимъ. Опрыпть въ Помпей чудный мозаикъ, изображающій побѣду Александра надъ Даріемъ: ему изумились художники всѣхъ спранъ; древній рисунокъ привель ихъ въ спыдъ; смѣлый карандашъ выпалъ изъ оробѣвшей руки ихъ; Нѣмецкій философъ-эспепикъ, упверждавшій, что древняя живопись была болѣе похожа на рисованное ваяніе, смупился и не вымолвилъ ни слова. А что бы сказалъ Рафаэль, увидѣвъ эпопъ мозаикъ? Самъ

Рафаэль, всегда оригинальный, всегда пворецъ, захопѣлъ бы на эпопѣ разъ бытъ кописпомъ и великодушно покорилъ бы свою киспѣ дивно-му оригиналу древности.

Два года тому назадъ заплапивиши давнишній долгъ, и долгъ поспыдвнй, долгъ ппжелѣвшій на совѣспи Ипаліи, долгъ благодарности своему Дан-пу, она, въ нынѣшнемъ году, воздвигла памятникъ пѣвцу Орланда, Аріосту, на площади Феррары. Ломбардія сзываетъ своихъ художниковъ и заказываетъ имъ монументы, въ память Беккари, Монпи, Александру Вольпѣ, монументы, копорые украсятъ Миланъ. Памятникъ Тассу давно уже задуманъ; но Ипалія бѣдна и въ своей слабости не можетъ бытъ поспоянно дѣяпельна. Ея жизнь не кипитъ безперерывно, а вспыхиваетъ по временамъ яркими мгновеніями.

Въ испекшемъ же году, Ипалія, всегда первая, всегда великодушная покровительница изящныхъ произведеній искусства, какому-бы народу не принадлежали пворцы ихъ, Ипалія удѣлила и намъ нѣсколько блиспапельныхъ лучей отъ своего лучезарнаго вѣнца. Новый родъ славы, не сполько намъ знакомой, рѣдко, слишкомъ рѣдко посѣщавшей насъ, засіялъ на небосклонѣ Россіи. Ипалія вѣнчала двухъ нашихъ художниковъ. Она образовала намъ пѣвца. Голосъ Иванова, Русскій пеноръ, чистый, звонкій, новоспѣ для Европы, раздался на берегахъ Неаполя: опчизна

Чимарозы ему рукоплескала. За нею послѣдовали вся Италія и наконецъ Парижъ, куда спекаются всѣ плески міра, эпопѣя Парижъ, сплясавшій на распутіи всѣхъ знаменитостей, гдѣ всѣ имена, посредствомъ журналовъ, получаютъ всемірную народность; гдѣ слава истинная переходитъ въ пакъ называемую Европейскую извѣстность; гдѣ достойный человѣкъ, созрѣвшій въ своей опичизнѣ, преобразуется въ имя громкое, звучное, всюду слышное. Италія образовала, поняла, оцѣнила Иванова и создала его славу; Парижъ далъ ему полько папенпѣ на извѣстность Европейскую.

Италія вѣнчала другаго Русскаго художника, Брюлова. Римъ взволновался при видѣ его картины: *Послѣдній День Полтеи*, произведенія, писаннаго Русскою кистію, внушеннаго счастливымъ небомъ и Везувіемъ Неаполя. Мастерская Русскаго была Капитоліемъ его славы: весь Римъ полпился въ ней, около чуда нашей кисти! Въ обществѣхъ полько и говорили о картинѣ Брюлова. Великое событіе для Рима! Тамъ ему знаютъ цѣну. Послѣ Рима, Миланъ увидѣлъ картину, вѣнчалъ художника, Миланъ волновался въ свою очередь, шумѣлъ, давалъ пиры Русскому живописцу, писалъ въ честь его оперы. Можетъ быть, магнитъ Парижа припянетъ къ себѣ и эту картину; и Парижъ зашумитъ объ ней, не сполько радуясь художнику и его гениальному

произведенію, сколько случаю показатъ важность своего покровительства, напитатъ свое народное щиславіе похвалами чиноспранцу. Но не будеть въ похвалахъ Парижа того радушія, того безкорыстія, той любви къ прекрасному всего міра, того восторга свободного, неприпворнаго, той опчепливости вкуса, съ которыми Италія вѣнчала нашего художника и безъ которыхъ нѣтъ похвалъ испинно сладкихъ для самобытнаго дарованія.

Въ Сенпярѣ прошлаго года, еще одно прекрасное зрѣлище предспавляла Италія въ главной сполицѣ своихъ искусствъ, въ Римѣ. Древній Панпеонъ былъ сценою эпоаго зрѣлища: въ немъ опрыпы оспанки Рафаэля.

Съ 1539 года, существуетъ въ Римѣ конгрегация (сообщество) арписповъ Панпеона *, переименованнаго въ церковь Св. Маріи ad Martyres. Давно намѣревалась эпоа конгрегация найти оспанки Рафаэля, которые находились въ ея церкви: извѣспно было всѣмъ, что онъ погребенъ былъ въ Панпеонѣ, но самое мѣсто

* Congregazione delta dei Virtuosi del Panteon. Въ Римѣ много подобныхъ конгрегаций или братствъ. Тамъ всѣ ремесла соединены такимъ образомъ. Всеое братство имѣетъ своего святаго папрона и свою церковь. Папронъ живописцевъ еспь Св. Евангелиспъ Лука. Если умретъ членъ изъ эпоаго братства, всѣ его поварищи совершають по немъ похороны и замаскированныя провожають попарно гробъ его до самой могилы.

погребенія оспавалось неопредѣленнымъ. Изслѣдовали показанія всѣхъ писавшихъ о жизни Рафаэля: Ланци, Капръ-Мер-де-Кенси, Лонгены, Вазари и другихъ; перерыли весь архивъ Капипула Церкви Св. Маріи. Все свидѣтельствовало согласно, что Рафаэль Санціо, въ своемъ духовномъ завѣщаніи *, писанномъ имъ самимъ передъ кончиною, поручалъ друзьямъ своимъ и родсвенникамъ похоронить его въ Панпеонѣ, въ часовнѣ, копорую они должны были поспроить на его иждивеніи въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи; на содержаніе же эпои часовни и на совершеніе каждый мѣсяць двѣнадцати обѣдней за упокой души его, Рафаэль дарилъ Капипулу церкви Панпеона два своихъ собственныхъ дома; наконецъ просилъ друзей своихъ украсить алтарь какъ можно прекраснѣе и поставилъ на немъ мраморное изваяніе Мадонны, именуемой *Мадонною камня* **: эпопъ алтарь и эпо изваяніе онъ избралъ мѣстомъ своего вѣчнаго покоя. Друзья исполнили завѣщаніе Рафаэля. Мраморная Мадонна съ Иисусомъ младенцемъ на рукахъ, изваянная рѣзцомъ Лоренцо Лоппи, хранила прахъ своего великаго живописателя; и эпо Мадонна наконецъ, черезъ при сполѣпія, когда

* Это завѣщаніе не существуетъ, но изъ другихъ источниковъ извѣстно его содержаніе.

** *Madonna del sasso*.

разсѣянная память людей забыла, гдѣ лежишь великій геній кисти, эпа Мадонна, сама, навела прудолубивыхъ изыскапелей на слѣдъ пош моголы, гдѣ лежалъ прахъ избраннаго ею живописца, копорому она благоволила явипсья во всемъ блескѣ небесной красопы своей... Эпа Мадонна была шупь... Эпа неоплучная мысль всей жизни Рафаэля олицетворялась въ памятникѣ и надъ гробомъ его,—и никпо не догадывался, никпо не вспомнилъ о набожномъ завѣщаніи художника; никому не приходило на умъ, чпо онъ хопѣлъ умереть съ пою же мыслию, съ какою жилъ, чпо онъ и за гробомъ хопѣлъ эпой мысли... Однимъ словомъ, Мадонна была шупь — и никпо не подумалъ, чпо шупь и Рафаэль.

9. Сенпября, 1833 года, приступили къ опрыпшо. Каждый день, площадь Панпеона кипѣла народомъ; каждый день, внупренность храма наполнялась полпами художниковъ, археологовъ, липператоровъ. Наконецъ, 14 Сенпября, въ самый полдень, опрыпть былъ гробъ и въ немъ найдены скелеть и черепъ * великаго мерпвеца—и шумныя восклицанія присупспвовавшихъ при опрыпши, раздавшихъ изъ

* Академія Св. Луки показывала прежде въ своемъ музеѣ мнимый черепъ Рафаэля. Можесть бышь, какой нибудь Галль дѣмалъ надъ нимъ свои наблюденія. Теперь Академія разочаровалась въ своемъ сокровищѣ.

мрачныхъ воровъ Панпеона, возвѣспили о помѣ народу. Какъ запрепетали сердца живописцевъ, при видѣ священныхъ коспей ихъ величайшаго, ихъ перваго маспера!

Оспанки переложены были изъ гроба, уже согнившаго, въ великолѣпную гробницу, надъ копорою сооруженъ былъ кашафалкъ. Панпеонъ запымалъ погребальными свѣчами. Въ присутствіи всѣхъ художниковъ Рима и прехъ пысятъ посѣпипелей, духовенство Панпеона опѣло поржеспвенную панихиду съ музыкой надъ прахомъ генія. Оспанки снова возвращены могиль: опредѣлено соорудить памятникъ. Такъ, черезъ приспа тринадцать лѣтъ и пятъ мѣсяцевъ, Римъ праздновалъ призну по своемъ божеспвенномъ Рафаэлѣ. *

Такъ Ипалія живепъ своими славными воспоминаніями и свое шеперешнее искусство распочаепъ на гробницы, на памятники, на блиспапельныя призны по великимъ сынамъ своимъ. Спрана нѣкогда живой красоты спала нынѣ спраною великолѣпнаго праура, пышнымъ кладбищемъ прекрасныхъ воспоминаній, на копоромъ еще распупъ живые цвѣпы искусства...

С. ШЕВЫРЕВЪ.

* Рафаэль умеръ въ 1520 году, 3 Апрѣля.

IV.

ОКРЕСТНОСТИ МОСКОВСКІЯ.

ПЕТРОВСКОЕ-РАЗУМОВСКОЕ. *

Е. А. БАР — ВОЙ.

И о быломъ воспоминапы! . .

Пушкинъ.

Вы лучше меня знаете село Петровское. Для васъ оно полно воспоминаніями того времени, которое только разъ въ жизни испытываюпы. Тамъ все говоритъ сердцу вашему; и я былъ бы кругомъ виноватъ, вздумавъ передъ

* Считаемо приптною обязанностію увѣдомитъ читателей, что авторъ, украшающій наше изданіе любопытными очерками Московскихъ Окрестностей, намѣренъ издать ихъ отдѣльно. Для сей цѣли, желая дать имъ всевозможную полнопу и докончанность, онъ обращается съ просьбою ко всѣмъ спарожилатъ и любителямъ Москвы о доставленіи ему подробнѣйшихъ свѣденій по сему предмету, не пренебрегая ни устныхъ преданій, ни повѣрій въ народѣ сохранившихся. Мы, съ своей стороны, предлагаемъ наше по-

вами его описывають. Нѣтъ! оно было полько канвою узора, по которому вились мечпы, вашимъ присуспвїемъ на меня брошенныя. Вопъ все извиненїе, чпо такъ суепно напоминаю вамъ его.

Въ тихій вечеръ, послѣ дальней прогулки къ темнымъ прудамъ Михалкова, вы сидя въ углу мягкаго дивана, между нопъ и книгъ, нами разбросанныхъ, заговорили какъ-то о томъ времени, когда бывало съ удовольспвїемъ чипывали стихи Дезульеръ и идилліи Геснера, пеперь для всѣхъ скучные, и очень мило дивились, почему они погда вамъ нравились. Кпо-то горячо взялся объяснять это и, чуть не разорвавъ Московскихъ Вѣдомоспей, доказываль, чпо бываетъ у насъ въ жизни такое время, когда эти паспорали могутъ и должны бытъ занимательны. Какъ упомнишь, чпо было говорено погда! Только знаю, чпо эти разговоры перенесли насъ во времена счаспливыя, заманили въ лѣса

средство всѣмъ, кои захопаятъ почпипъ своимъ участїемъ споль прекрасное предпрїятїе. Давно уже всъ мы чувспвуемъ и швердимъ, чпо пора намъ узнавать короче и ближе самихъ себя: а съ чего лучше начать сіе самопознанїе, какъ не съ мапушки Москвы, золотой головы нашей православной Руси? Первый помъ Московскихъ Окрестностей будепъ заключаать въ себя: *Монастырь Симоновъ, Лизинъ Прудъ и Рошу Тюфелеву, Горенки, Сокольники и Царицыно, съ планами. Изд.*

вѣчно зеленые, погрузили въ мѣръ пастушескій; осенняя ночь заспала насъ среди идилліи, мечты сумрака слились съ разговорами, заиграла фантасмагорія воображенія...

Въ душѣ чиспой, какъ въ миѣнапюрѣ, повпоряюпся всѣ переходы жизни челоуѣческой: спакъ мудроно ли, чпо и вамъ когда-то нравились эклоги и идилліи? Эпа пора была и для цѣлыхъ поколѣній, коихъ любимое чпеніе соспавляли шворенія Ракана и Геснера: и повѣрьте, чпо прелестъ сочиненій *пастушескихъ*, пишпна коихъ нарушается тольо зефирами или звуками свирѣлей, была погда не прихопъ поэпическая, а дѣйспвипельное удовольспвіе, пребуемое духомъ времени. Не думайте, чпо я увѣрю васъ, будпо въ самомъ дѣлѣ люди жили погда по законамъ идиллическимъ; я не скажу того, да и вы мнѣ не повѣрите: а чпо вспарь и желали и завидовали жизни сей—не успаю опъ васъ—эпо случалось. У всякаго вѣка еспъ своя мечта любимая, игрушка современная, копорю забавляюпся всѣ опъ малаго до спараго, копорю берегутъ люди, лелѣютъ какъ дитя, украшаюптъ цвѣтами поэзіи и всѣхъ изящныхъ искусствъ, въ копорю играюптъ съ воспоргомъ младенческимъ, за копорю кричаптъ и пишуптъ, дерупся и плачуптъ; касапся до ней всего на свѣпѣ опаснѣе, но сколько же ихъ забыпо въ пѣни прошедшаго!?

Было время, которое по всѣмъ правиламъ грамматикки можно употреблять въ прошедшемъ времени, было время, когда наши дѣды и бабушки, Богъ въспъ, какъ живя и что чувствуя, весело играли въ игру чувствительности или, говоря языкомъ того времени, *сентиментальности*; восхищались эклогами и идилліями, плакали въ Слободскомъ Театрѣ надъ паспоралами Хераскова; писали порпреты свои среди скопа рогапаго, съ посошками, въ шляпкахъ паспушескихъ; любя, вздыхали продолжительно, и, восхищаясь сельскою жизнью, владѣли помѣстьями огромными. Но не знаю, по какому порядку, испари у людей заведенному, видимые поступки ихъ всегда противорѣчатъ господствующей мечтѣ времени; а потому и наши чувствительные предки, на самомъ дѣлѣ, жили, не справляясь съ идилліями, и предаваясь всѣмъ наслажденіямъ роскоши, оспавили по себѣ палаты огромныя, убранства золоченыя, кафтаны шипые, сады сприженые, пыль пудры и — долги неоплаченные. Какъ дѣти избалованыя, они безопасно искали только пріятнаго, любили только лица улыбающіяся и рѣчи льстивыя, оппалкивали все, что оскорбляло ихъ чувства изнѣженныя, закрывая глаза руками отъ грустной дѣйствительности, забывали намъ память о *далскихъ* *угодникахъ* и славу изобрѣшенія балетовъ, какъ предохранительнаго средства отъ мыслей—ви-

дно и тогда неулыбчивых. По старому закону противоположности, люди в пышных нарядах, всегда вооруженные, прогуливавшиеся сидя в каретах амурами расписанных, любили чинить элоги и представлять себя пашами и пашуками. До того, говорясь, доходила спросить их к паспортному, что как-то раз не на пашу, а на свѣтъ дѣйствительномъ, была разспрана идилля, верспахъ въ десяти отъ Москвы, за дубовымъ лѣсомъ, на берегу ручья Жабовки.

Съ проселочной дороги Дмитровской, среди полей и кустарниковъ, надъ деревишкою, въ долину припавшеюся, далеко виднѣются пашы Разумовскаго съ бѣлымъ своимъ куполомъ, съ золоченымъ надъ нимъ Геніемъ, трубящимъ на вѣтеръ славу минувшую. Широкой обхватъ спроектной обнимаетъ пустыю, помуровленную временемъ дворъ, опдѣляющійся тяжелыми каменными перилами отъ той аллеи, по которой гуляя, въ любовались громадами пучь, безъ вѣпра надвигаемыми. Справа паша спойтъ церковь, безъ колокольни, одинокая, копорую вы не забудете, какъ и маленькаго подлѣ домика, гдѣ бывало такъ тихо и такъ весело. Далѣе раскидывается большой роскошный садъ, до пруда, премо широкими уступами, но садъ *невыросшій*. Въ самомъ дѣлѣ, никакое дерево не спало бы роспитыми спѣнами скучными, такими фигурами

правильными, изъ какихъ соспавленъ садъ Петровскаго. Нѣтъ! Дерево, эпа зеленая, живая мысль земли, высипся въ свѣпломъ воздухѣ къ небу вольно; весело раскидываетъ препенущія вѣтви свои врозь, далеко отъ однообразія, названнаго правильностію, которое его люди выдумали, нарисовали, построили—и по немъ хотѣли передѣлать созданія Божія!.. Такіе сады *разводятся*, какъ узоры канвовые; ступь дерева изрѣзанная лѣниво образуютъ формы выдуманная и, вѣчно темнозеленая, уныло споятъ, перешепываясь о свободѣ, желѣзомъ опнаяпой. Только женщина своимъ чарующимъ присупспіемъ заспавляла забываетъ насъ скучную правильность Петровскаго: ей данъ завидный удѣлъ, разливать на все поэзію жизни — самозабвеніе!

Садъ Петровскаго, по старинному образцу французскихъ садовъ расположенный, есть черпещъ геомепрической, липами обрисованный. Деревья поставлены рядами упомипельными, по масштабѣ и преугольнику во всѣ стороны. Не гуляя знаетъ, что вспрѣшпше; не глядя угадываетъ ряды нишей изъ елей подсприженныхъ, вокругъ зеленого дерна циркулемъ очерченнаго. И эпа-по правильность, преврапивъ природу въ декорацию безжизненную, заспавляла бывало васъ идти къ лѣсу темному, гдѣ де-

ревья роспутъ въ небрежной проспонтъ созда-
нiя.

По всему замѣпно, что и классики, разводив-
шіе садъ Пепровскаго, чувствовали скуку его
однообразiя и хопѣли оживить спѣны зеленыя,
разспавивъ между сприженныхъ деревьевъ бю-
спы мраморныя, наспровивъ подъ угрюмою
пѣнью елей павильоны ипальянскіе, забывъ,
что они прекрасны только подъ голубымъ не-
бомъ Неаполя. Въ павильонѣ на лѣво билъ фон-
панъ искусственный, и все зданіе, оплешенное съ-
пкою, соспавляло огромную пюрью песпраго
народа ппиць, издалека выписываемыхъ. Въ
другомъ на право жили приѣзжіе госпи. Вдали
на огромномъ оспровѣ былъ особой *птичій*
дворъ, разгороженный по опдѣленiямъ, гдѣ со-
держались всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ
породъ домашнiя ппицы; а въ маленькихъ доми-
кахъ, въ осокѣ, у воды разбросанныхъ, жили
лебеди и, гордо плавая около оспрова, словно
надзирали за порядкомъ царспва ппичьяго. Пе-
спрый, прозрачный, кипайскій моспикъ, опира-
ясь на мураву, соединялъ оспровъ съ берегомъ; и
шупъ, бывало, на звонъ колокольчика выплыва-
ли спаницы золопыхъ лещей на покормку при-
вычную. На лѣво, подлѣ лѣса дубоваго, былъ
огромный *скотный дворъ*, гдѣ паслись коровы
швейцарскiя, а въ темныхъ спойлахъ, на цѣ-
пяхъ быки огромные. Богато было успройство

сельскаго хозяйства Пепровскаго, не нуждою, а роскошью заведеннаго.

Въ расположеніи сада, даже по оспапкамъ, видна пышность аристокрапическая. Такъ часпъ верхняя подлѣ дома, по споронамъ вмѣспо карпинъ украшенная павильонами, подпяпа надъ садомъ, какъ баспюнь спѣною каменною, и какъ госпиная усплана ковромъ цвѣпника, набраннаго спранными фигурами. Она опдѣлена каменными перилами, на копорыхъ по очереди бюспы героевъ смѣняюпся амурами, согнупыми подъ огромными чашами цвѣпочными. Эпа госпиная сада, будпо назначена для церемонной прогулки высшаго общеспва, въ капипеляхъ буклей, въ кафпанахъ бархапныхъ.

Описывапъ садъ Пепровскаго, значило бы украспъ главу изъ геомеприн; а попому, минуя скучныя, прямыя аллеи его, взглянемъ только на спранныю запѣю, въ глуши ихъ скрыпую. Обсприженныя липы сполпились шупъ рядами чпопо выразишь; и какъ будпо смяпся кривыми своими вѣпвями образовапъ правильный чертежъ спроипеля. То садовый псапръ, съ живыми декораціями, образующими спѣнки одна за другую спряпанныя; деревья изуродованы, и жалѣя ихъ, завидуешь лѣсу псапральному, смѣлою рукою художника разкинутому; а каждая изъ эпихъ сполѣпнихъ мипъ своими могучими вѣпвями могла бы осѣнипъ любую сцену Шек-

спировскую. Спранная мысль, превратишь природу въ театр и играть на немъ сцены паспущескія! Таковы были и предспавленія, разкращенныя, запянупыя, нееспественныя; въ нихъ дѣйспвовали амурь и геніи, вздыхали Хлон и полько паспухи проповѣдовали нравспвенность. Но онѣ нравились въ попь въкъ искусстввенный: тогда и жизнь была—спекпакль разряженный, а искусство жипь — роль длинная.

Полный воспомнаніями минувшаго, въ ясныя дни осени, наглядѣлся я на садъ Пепровскаго, споявший пусто, безмолвно, правильно. Облепѣлыя аллеи его просвѣчивали лучами солнца вечерняго и рано задергивались дымкою фанпаспическихъ сумерокъ. Песпрые листья угасали, и ночь шемная, подымаясь съ воспоба съ звѣздами крупными, выводила за собой воспоминанія. Провеспи такую ночь вдали опть города, въ павильонѣ окруженномъ длинными аллеями, наговорившись о минувшемъ въкъ, спранномъ, гордомъ и чувспвительномъ: не значипь ли гадать въ зеркаль прошедшаго?

Говоряпть, за много лѣпъ до настоящаго времени, ша часть сада, влѣво опть огромныхъ палапть, заборомъ окруженная, что досель слыветь *Графскаю*, была полна пайны и очарованія. Лучи мѣсяца серебрили поля и воды озера; природа подѣ дымковымъ покрываломъ лѣпней ночи пихо дремала около ограды пайнспвенной;

но ни одинъ лучъ свѣта не падалъ на садъ, ею опредѣляемый, и пѣнь, подымаясь съ него въ воздухъ, исчезала въ лучахъ мѣсяца. По срединѣ возвышалось темное зданіе съ трубою высокою, съ черепичною кровлею уступами; около распилались гряды съ распеніями уродливыми; на нихъ были цвѣты и надписи чудесныя. Былъ говоръ въ народѣ, что путь каждая справка знала имя свое и на голосъ колдуна, жившаго въ спроеіи, неслась по лучу свѣта, изъ окна выпадавшему. Дымъ, не расходясь въ воздухъ, клубами валилъ черезъ трубу высокою, изрѣдка сверкая искрами, и сплался по распеніямъ, зеленѣвшимъ въ пѣни свѣтомъ фосфорическимъ; понкія осины надъ оградой выпянувшись препепали, словно испуганныя.

Внутренность таинственнаго зданія, въ самомъ дѣлѣ бывшаго лабораторіей среди сада ботаническаго, въ старыя годы была освѣщаема жаркимъ пыломъ угольевъ и завалена снарядами, только въ аптекахъ и на карпинахъ сохранившимися, кои разбрасывались въ безпорядкѣ между дорогой мебели, перенесенной пуда изъ палатъ вельможныхъ, для удобства въ занятіяхъ ученому. Тупъ-по какой-по уродливый выходецъ за деньги открывалъ искусство дѣлать золопо и оставилъ владѣльцу не спитки мешалла, а развалины лабораторіи, поросшія крапивою, нѣсколько окалинь опъ пламенныхъ

прудовъ своихъ и воспоминаніе о искренномъ стремленіи того времени къ металлу благородному.

Подлѣ самаго забора сада *Графскаго* пролегла широкая аллея липовая, копорая опъ дому выходила на просѣку въ густомъ лѣсу, прямо на Москву проложенную. Теперь лѣсъ вырубленъ и просѣка превратилась въ проспектъ; но аллея по прежнему пролегаетъ подлѣ забора, проходя подъ широкую, легкую арку, чрезъ нее переброшенную. Эпа песовая радуга цѣла еще, хопя перила, ограждающія переходъ на ней, развѣяны вѣтромъ. Цѣлы и башни по сторонамъ ея, съ круглыми внутри лѣспницами, изъ копорыхъ одна выпадаетъ въ садъ *Графскій*, а другая на широкую поляну, украшенную разбросанными по ней древними березами. Эпо мѣсто вовсе не похоже на подсприженный и распянутый садъ *Пепровскаго*. Тупъ дорожки' выюся какъ мысли между деревьевъ, кустовъ и холмиковъ: по подбѣгая къ ручью, чрезъ копорый переброшенъ березовой мостикъ, по огибая заливъ пруда свѣтлаго; но всѣ сходятся почти въ срединѣ къ хашѣ, крытой соломой, съ широкими навѣсами на столбахъ непесаныхъ. Эпа хижинка такъ кстапи брошена на зелени луга, подъ висячими сучьями свѣтлозеленыхъ березъ, чпо по неволѣ подходишь къ ней полюбоваться на простопу жиз-

ни дружной съ природою. Но не то была въ самомъ дѣлѣ эта хижина. Это прихопливая игрушка, карпинка идиллическая, для забавы поставленная; загляните въ нее, и вы увѣрились, что это оспапокъ спрасти вѣка прошлаго къ искусственнымъ паспоралямъ. Такъ внупри, спѣны еще сохранили слѣды живописи, превращавшей ихъ въ веселую палапку, а на пополкѣ оспались золоченія звѣзды, замѣнявшія для прихопливаго вкуса звѣзды небесныя. Преданія Пепровскаго рассказываютъ, что пупъ по временамъ жила красавица, мѣняя великолѣпныя уборы придворныя на сарафанъ бархатный, и опдыхала на лебяжемъ пуху въ хижинкѣ, опъ шума свѣпа, ей наскучившаго. Тупъ по упрямъ она умывалась росою смѣшанною съ одеколономъ, гуляла по лугамъ между опборнаго спада Тирольскаго и чупъ ли не изъ своихъ рукъ однажды покормила молодую шелочку. Бывало изъ саду Графскаго черезъ арку, по лѣспницѣ башни, выходилъ мущина въ богапомъ Русскомъ кафтанѣ съ бриліанпвою запанкой и гуляя съ красавицей въ пиши поля и рощи, бесѣдовалъ о балѣ прошедшемъ или будущемъ, и забавляясь рулепкою, наслаждался идиллическимъ счаспиемъ...

Но все минуло, минуло, и пеперь идиллія Пепровскаго смѣнилась драмою жизни дѣйспивптельной. Для ней не годилась поржеспвенная декорация лѣса, и она срубила ее, превращила

въ полѣнницы дровъ и сожгла въ закопѣлыхъ печуркахъ Москвы; не надобны луга бархашные, и они взрыты карпофелемъ; не нужно было пруда чистаго, и его заволокло пиною; онъ обспавленъ фабричными спроеіями, и спукъ молопа распугалъ золопыхъ лещей. Словомъ, для современной драмы декорація перемѣнилася; кипайскій мостикъ преврапился въ развалины, вмѣсто ппичьяго двора раскинуты биваки армейскаго полка; спога сѣна экономического успавились по цвѣпникамъ, лугамъ, аллеямъ; сцена пепатра завалена хвороспомъ. Теперь люди не изъ дорогихъ препараповъ, но изъ земли добываютъ золопо и, гуляя по опуспѣлымъ аллеямъ Пепровскаго, какъ по узору изъ моды вышедшему, всматриваются въ великую драму міра. . .

Но эти темныя, пустыя аллеи Пепровскаго еще дышутъ какою - то роскошью бывалою; онѣ полны еще поржеспвеннаго величія времени прошлаго и ходя по нимъ невольню задумываешься. Безмолвно, груспно и величеспвенно, какъ палалпы послѣ пиру опуспѣлыя, неподвижно спояптъ спѣны зеленыя; гранипные піэдеспалы мраморныхъ бюсповъ разбросаны между облепѣлыхъ лиспьевъ; рѣщепки разваливаются, сприженыя деревья сохнутъ, зданія опуспѣли; фонпана нѣптъ, ппицы разлепѣлись. . . Только однажды, въ ночь лѣпнюю, павильонъ вправо свѣплѣлъ огнями, и за длиннымъ спо-

ломъ поздно сидѣли веселые госпи; но прошло не много времени и все снова спало пихо... Въ ночь осеннюю, одинъ въперъ гулялъ по широкимъ аллеямъ Пепровскаго... когда вы сидѣли въ уголку мягкаго дивана и заговорили про эклоги и идилліи... когда кто-то взялся объяснять эпо...

— — — й.

V.

ДОШКЪ НА НИКИТСКОЙ.

To be or not to be...

Быть или не быть. . .

SHAKESPEARE. Hamlet, act III, scene 1.

На то чтобъ умереть родимся.

Державинъ.

Москва обильна домами красными, розовыми, бѣлыми, голубыми, свѣпло-желтыми, темно-желтыми, зелеными, дикими, домами всѣхъ цвѣтовъ и оппѣнковъ; это самой песпрый, самой радужный, самой маскерадный городъ; это богато разряженная барыня, соединившая всѣ цвѣты въ своемъ нарядѣ. Платье Москвы сшито изъ разноцвѣпныхъ лоскутковъ, какъ нарядъ арлекина, какъ мозаиковый ридикюль запоздалой, но прудолюбивой провинціалки, копорая много лѣпъ копила сипцы разнаго узора и попомъ сшила ихъ вмѣспѣ въ одинъ неуклюжий мѣшокъ. Такова Москва: иначе не была бы она Москвою. Въ этой кучѣ домовъ нарядныхъ, дома самые скромные, самые смиренные, самые

незамѣтные, дома, въ которыхъ обитаютъ по большей части прудъ, нищета, иногда порокъ, суть дома сизые. Такими домами изобилуютъ особенно Тишина, Прѣсня, кварталы Никитскихъ, Папріаршіе Пруды, всѣ эти мѣста, гдѣ не такъ часто раздается стукъ каретъ и откуда далеки биржи щегольскихъ извозчиковъ.

Такой-то скромный сизый домикъ я знаю на Большой Никитской. Онъ деревянный, объ одномъ этажѣ, съ маленькимъ мезониномъ, посѣрѣлъ отъ дождей и времени: это обыкновенные признаки всѣхъ сизыхъ домиковъ. Своею наружностію онъ не отличается отъ прочей своей братіи; но это домикъ примѣчательный. Самый скромный членъ непышнаго семейства домовъ Никитской улицы, онъ гораздо важнѣе по своему значенію, чѣмъ многіе дворцы великолѣпной Тверской, Мясницкой, Покровки и другихъ аристократокъ-улицъ. Онъ имѣлъ уже счастье одною своей вѣвѣскою привлечь зоркій глазъ одного изъ нашихъ славныхъ поэтовъ; однако не этимъ онъ особенно примѣчателенъ; не это даетъ ему преимущество не только передъ сизою деревянною, но и каменною его братіею.

Нашъ вѣкъ не естъ вѣкъ формъ, наружности, обрядовъ. Кудрявая фраза, щегольской нарядъ, красивый и звонкій стихъ, домъ съ фрунпомъ ненужныхъ колоннъ впереди, брилліанты и жемчугъ: все это не изъ нашей эпохи. Проза у

насъ выше стиховъ, ассигнаціи выше серебра и золопа, мѣспа выше чиновъ. Изъ всего эпого не видно ли, чпо въ нашемъ вѣкѣ смопрятъ на значеніе, на цѣль, на мысль? Однимъ словомъ, вѣкъ нашъ еспь вѣкъ мысли. И въ эпомъ—по опношеніи мой сизый домикъ, чпо на Никитской, совершенно соопвѣпспвуепть нашей эпохѣ. Да, да, эпопъ домикъ выражаепть мысль; онъ еспь идея, поспроенная изъ бревень, обипая песомъ, выкрашенная и снабженная двумя вивѣсками; надъ воплощеніемъ эпой мысли прудились только плопникъ, маляръ и случай. Эпопъ домикъ еспь символъ, надъ копорымъ раздумался бы самый Нѣмецкій ученый! И какую глубокую мысль онъ выражаепть! Основную мысль всего человѣчеспва; первую мысль каждаго изъ насъ; вопросъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ, всѣхъ философій; вопросъ самый головоломный; модную полярность современной философіи; плюсь и минусъ; Шекспирово: to be or not to be; альфу и омегу всего нашего бытія: — вопросъ о жизни и смерти! — На эпопъ домикъ Байронъ навель бы самую мрачную думу; глядя на него Юнгъ сочинилъ бы самую темную Ночь; Шекспиръ новый монологъ подъ пару монологу Гамлепа; Египепскій или Германскій мудрецъ избралъ бы его въ высшіе іероглифы сокровенной премудрости. А какую власпъ выражаепть эпопъ домикъ своимъ значеніемъ! Жизнь

и смерть въ рукахъ, правильнѣе, въ доскахъ его! Черезъ его руки или доски проходить все чело-вѣчесиво, всѣ мы, какъ мы еспь, съ нашею душою, шѣломъ, всѣми пяпью чувспвами и проч.— И какимъ образомъ вее эпо . выражаепть нашъ сизый домикъ? — Очень просто, какъ нельзя обыкновеннѣе: посредспвомъ двухъ вывѣсокъ, слѣдующимъ образомъ. Съ одного края на вывѣскѣ вы чипаепте: *»Здесь живтъ привилегированная повивальная бабка и беретъ дптей на воспитаніе«*. Съ другаго, пропвивоположнаго краю, на другой вывѣскѣ: *»Здесь живтъ гробовщикъ. ГРОБЫ делаютца и обиваютца разными матеріями«*.

Повивальная бабка и гробовщикъ!... Не они ли споятъ по обويمъ концамъ эпоаго земнаго поприща, называемаго жизнцю, у ея входа и исхода? Кпо минуепть пелень и гроба? Кпо обойдется безъ повивальной бабушки и гробовщика? Не руки ли первой шѣ торжеспвенныя враша, копорыми мы входимъ на эпо грустное пированіе? Не опъ ея ли рукъ, по сиспемъ Галля, зависяпть всѣ наши умспвенныя способноспи? Не опъ шого ли, какъ бабушкѣ будепть угодно обойпись съ нашимъ хрящевапымъ черепомъ, мягкимъ какъ воскъ, зависѣпть будепть нашъ геній, наше направленіе, счаспие, вся жизнь? Не въ рукахъ ли гробовщика учаспть вашихъ оспанковъ, вашего шѣла, копорое по смерти хопя и лише-

но чувствъ, но все паки намъ мило? все паки мы о немъ заботимся въ нашихъ духовныхъ завѣщаніяхъ! Не опть гробовщика ли зависипть, чпобы гробъ былъ сдѣланъ плопнѣе, крѣпче, спокойнѣе; чпобы пѣлу вашему лежать было пріятнѣе; чпобы пѣло ваше исплѣло ранѣе или позднѣе; чпобы дашь ему побольше или поменьше сроку до пира дармоѣдовъ-червей? Кому не нуженъ эпопть домикъ, гдѣ какъ будпо нарочно ужились вмѣспть первая и послѣдняя необходимоспть нашей жизни: повивальная бабушка и гробовщикъ, эпип два неизбѣжные факпора всего нашего быпія? Какъ не задумаешься? Сизый домикъ, на пяпи, много на шестип саженяхъ, выражаетъ собою всю цѣлоспть эпой жизни человѣческой, съ ея безконечными мыслями, подвигами, чувствами, переворопами, со всѣмъ ея огромнымъ содержаніемъ! Въ одно окно эпого домика входипть человекъ теплымъ жизню младенцемъ, изъ другаго выходипть холоднымъ покойникомъ. Всѣ эпип фазы жизни умѣщаюпся здѣсь, на маломъ кускѣ Никитской, промежь двухъ угловъ, промежь двухъ роковыхъ вѣвѣсокъ, вѣвѣсокъ рожденія и кончины, копорья пакъ спрапно, пакъ спрашно спали почпи рядомъ, какъ будпо въ укоръ всему гордому человѣчеспву, счипающему себя невмѣспимымъ, проспирающему свои заботы на по, доспанепть ли ему шара земнаго, когда оно разродипся! Эпть вѣвѣски говорятъ намъ гроз-

но: «Вы всё здѣсь, вы всё между нами, вамъ не миновать насъ!» Здѣсь полная алгебраическая формула, подъ копорую подведены всё мы; здѣсь полный ипогъ всей нашей жизни! Какъ это почувствительно, ужасно, глубокомысленно! Какой рядъ мечпаній открываепся при взглядѣ на эпопъ сѣро-сизенькій, деревянный домикъ, объ одномъ этажѣ, съ маленькимъ мезониномъ, о семи рамахъ, чпо на Большой Никитской!

Теперь взойдите мыслию во внутренность эпого домика, взгляните на его жипелей; вникните въ ихъ мысли, въ ихъ жизнь. Какъ диаметрально противоположны желанія, ихъ одушевляющія! Повивальная бабушка желаепъ, чпобы болѣе раждалось людей; а гробовщикъ, по еспешивенному побужденію проспипельнаго эгоизма, желаепъ, чпобы ихъ болѣе умирало. Какъ различны ихъ вкусы, ихъ наклонности! Бабка любитъ ясную, теплую, сухую погоду: тогда ей болѣе успѣха въ ремеслѣ своемъ. Гробовщикъ любитъ конецъ зимы, грязную и сырую осень, опшпель, вскрытіе рѣкъ, когда всё хроническія болѣзни расчипываются со смертію; когда всего чаще, всего опаснѣе консиліумы докторовъ; когда опходятъ въ міръ спарички, накопившіе и наслѣдникамъ и себѣ на богатые похороны! Тупъ-по гробовщику раздолье! Тупъ-по поспукиваепъ его молопъ, пилитъ его пила, шешепъ его шопоръ! Какія разныя связи у двухъ

жильцовъ эшаго дома! Друзья гробовщика—плохой докпоръ, гомеопаты некспапи, холера, чума, мороженое на душномъ балъ, двадцать пять градусовъ мороза и два градуса тепла въ одни и пѣже супки, и пому подобное. Все эшо враждуетъ съ повивальной бабушкою, все эшо ей пропивно, ненависпно. У ней своя спраспъ, свои друзья: всѣ свахи Московскія и свахи всего міра; многія спарушки, копорья опъ нечего дѣлапъ любяпъ пировашъ на свадьбахъ и гоповы переженипъ всю Москву; писапели и переводчики книгъ о неплоди и средспвахъ пособипъ эпому; вѣрныя мужья; иногда невѣрныя жены и проч. Какъ должны они спорипъ, кричапъ, когда сойдупся у себя на кварцирѣ и начнупъ вмѣспъ разсуждапъ о челоувчеспвѣ, копорое взяли на опкупъ! Какъ должны они ненавидѣпъ другъ друга! Жизнь и смерть, радость и шрауръ, креспины и похороны, купѣль и гробъ, кашка и купья, пеленки и саванъ, розовый цвѣпъ и черныи: какъ все эшо можетъ ужипся вмѣспъ? Однако и гробовщикъ и повивальная бабушка, по всему видно, предобрыя, премирныя сосѣди; живупъ спѣна объ спѣну и, по всему вѣрояпю, дружны, очень дружны между собою. Гробовщикъ разсуждаепъ: »вѣдь еслибъ не роились люди, и не умирали бы; еслибъ не было кашки бабушкѣ, не было бы и мнѣ гробовъ; люди родяпся, бабушка ихъ правипъ, опъ эшого зависипъ

ихъ роспѣ, а люди чѣмъ выроспаюпъ больше, пѣмъ и гробъ ихъ спановипся дороже. Хопъ я и говорю про покойниковъ средняго роста, когда замѣчаюпъ мнѣ, чпо можнобы ради роста взяпъ и подешевле, хопъ я и говорю: »вѣдь намъ все равно, пупъ вѣдь дерева не Богъ знаетъ ужъ сколько ;« но все таки, какъ увидишь великорослаго покойника, по не лзя не попросить о прибавочкѣ. Гробы младенцевъ, копорые доспаюпся мнѣ иногда опъ неискусныхъ рукъ повивальныхъ бабушекъ, малы, дешевы: эпо гробики, гробочки. Чпожъ мнѣ съ ней ссорипся? « Такъ разсуждаепъ гробовщикъ съ своей почки зрѣнїя и, не смопря на пропивоположностъ его системы о судьбѣ челоувѣческа съ системою повивальной бабушки, онъ живепъ съ нею ладно. Бабка съ своей спороны знаетъ, чпо и ей не миновапъ рукъ гробовщика, знаетъ, чпо смерпъ людей не мѣшаепъ ихъ рожденїю, и живепъ въ дружбѣ съ соѣдомъ.

Въ эпомъ сизомъ домикѣ, въ эпомъ микрокосмѣ, въ эпой лабораторїи всей жизни челоувѣческой, случались презабавныя сцены. Однажды, въ полночь, челоувѣкъ, прискакавшїй опромепью опъ родильницъ, поступи чался въ дверь гробовщика... Спукъ подпнл спрашпый... Гробовщикъ проснулся... Едва проперъ глаза... опворяепъ и говоритъ скоро:

» Пожалуйте мѣрку. Сосновый или дубовый? Въ какую цѣну? Къ упру будетъ гошовъ. « — Какую мѣрку? Чпо пы бредишь? отвѣчаетъ слуга. — Какъ великъ роситъ покойника? « спрашиваетъ гробовщикъ. — Какого покойника, къ чорпу? Подавай бабушку повивальную! Гдѣ она? кричитъ слуга. — »А! такъ вы не въ пѣ двери пожаловали. Сей часъ я разбужу ее, а вы обойдите съ пого крыльца«. — И сказавъ это, гробовщикъ пошелъ услужливо спучать въ дверь сосѣдки и будить ее на работу. Такіе qui pro quo случались не рѣдко, и опытный гробовщикъ, послѣ, всегда ужъ спрашивалъ: »Кого вамъ? бабушку повивальную или гробовщика? « — Люди суевѣрные, прѣзжавшіе за бабушкой, захлопывали дверь ему съ гнѣвомъ и посылали его къ чорпу; людямъ такого рода кричалъ онъ взадъ съ иронической усмѣшкой: »Попозднѣе ко мнѣ милосіи просимъ! Гробъ сдѣлаю славный, спокойный, изъ дуба или сосны, какъ прикажете. «

Иногда посланные отъ покойниковъ заходили къ бабушкѣ. Она суешилась, поропилась обратиться и спрашивала человѣка: »Давно ли начались муки? « — Онъ начался, да и кончился, отвѣчалъ слуга. — »Какъ кончились? « спрашивала бабка. »Такъ спало родильница «... — Да я отъ покойницы: гдѣ у васъ гробовщикъ? — » На по крыльцо, бапюшка, пожалуйте! « — И услу-

жливая сосѣдка подходила къ двери сосѣда и кричала ему приспукывая: » Васъ спрашиваютъ! « роковое слово, которое значило: еще жертва смерти, еще когонибудь да не спало между всѣми нами, братьями по смерти!

А какую власть содержитъ эпосъ домика? Не въ немъ ли ключъ жизни и смерти? Еслибы всѣ повивальныя бабушки и всѣ гробовщики согласились жить вмѣстѣ, ихъ дома могли бы управлять всѣмъ человѣчествомъ. Эта мысль ведетъ меня къ другой мысли, къ мысли ужасной, которую можно бы было одѣсть въ поэму или въ романъ въ новомъ вкусѣ, или въ великолѣпную, длинную, длинную фанпазію самаго причудливаго Барона. Извѣстна пословица: » у всякаго Барона своя фанпазія «; очень, очень сожалѣю, что нѣтъ ей обрапоиной, что не говорится: » на всякую фанпазію есть свой Баронъ «. Какъ бы я, въ эпю минушу, желалъ быть Барономъ своей фанпазіи! И такъ предоспаваю Баронамъ, болѣе меня искуснымъ, владычельнымъ Баронамъ своихъ фанпазій, поспроить изъ моей фанпазіи великолѣпный волшебный замокъ, а я только наброшу планъ его!

Предспавыте себѣ, что жильцы моего сизаго домика, что на Никипской, соспавили между собой ужасный замыселъ пропивъ всего человѣчества; что гробовщикъ изъ своихъ выгодъ подговорилъ свою сосѣдку уничтожать все,

что проходить через ее руки, и общался ей со всякого гроба, доставленного ей работою, платил большую пошлину. Представьте, что они пригласили в соумышленники еще плохого докпора и поместили его в том же доме, между своих вывѣсокъ! Какой ужасный заговоръ! Представьте себѣ, что гробовщики всего міра сдѣлали убійственную лигу съ повивальными бабушками цѣлаго міра и плохими докпорами, копорыхъ, разумѣется, болѣе чѣмъ хорошихъ на земномъ шарѣ, и всѣ закричали хоромъ: гибель человѣчеству!

Что за ужасная прагедія! Надѣюсь, что кровавый Гюго, эпопей первый палачъ Парижской Мельпомены, взявшій на откупъ всѣ ужасы испоріи и не-испоріи, всю пролитую кровь, гильотины, попоры, бойни, всѣ пышки и казни, что эпопей спрашный Гюго, заключилъ свое прагическое поприще подобною прагедіею! Вотъ послѣдняя сцена изъ нея.

Театръ представляетъ земной шаръ, превратившійся въ кладбище всего человѣчества. Среди безконечныхъ милліоновъ могилъ и крестовъ, перяющихся въ отдаленіи, на срубахъ всего человѣчества спойлтъ сизый деревянный домикъ, объ одномъ этажѣ, съ маленькимъ мезониномъ, о семи рамахъ, что на Большой Никитской. На сценѣ встрѣчаются послѣдняя повивальная бабушка, послѣдній докпоръ и послѣдній гробов-

щикъ. Разыграшь эту сцену и рѣшишь, кто кого убиваетъ, предоставляю фанпазиі всѣхъ фанпазирующихъ Бароновъ. По моему мнѣнію, хорошо бы было, чѣмбъ докторъ воспорже-спововаль надъ всѣми; послѣдній его монологъ долженъ бытъ консиліумъ о его собспвенномъ здоровьи, въ слѣдспвіе копорого онъ умираетъ...

Чуденъ эпопъ сизый домикъ! Къ какой безумной фанпазиі онъ привелъ меня — голова закружилась. Но я ужъ слишкомъ раздумался. Однако, чипапель, не худо, очень не худо и вамъ ходить почаще на Большую Никитскую, смопрѣшь на философскій сизый домикъ, перечипывавать его вывѣски, думавать о нихъ, думавать, какъ Гамлетъ, о жизни и смерпи... Эпо наведетъ васъ невольно на важныя и полезныя размышленія... И пакъ, если вы любите помечпавать, пофилососпвовавать, оспавыпе-ка журналъ, надѣныпе бекешъ и колоши, возьмипе шляпу, идипе на Большую Никитскую...

Статуя Наполеона,
на Вилдольской Площади.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

МЫСЛЕННОЕ И ТѢЛЕСНОЕ БЫТІЕ ЖИЗНИ РАСТЕНІЙ.

ПИСЬМО КЪ Е. В...

Основаніемъ науки о растеніяхъ должно служить главное понятіе о ихъ жизни. Самое общее и высшее понятіе о жизни растеній, какое могу представить вамъ, есть то, что она *имѣетъ двойное бытіе: мысленное и тѣлесное.* Въ первомъ бытіи жизнь постигается нашею мыслию и сама представляется ей какъ *мысль творческая, какъ зиждущее начало;* во второмъ — она ощущается нашими тѣлесными чувствами, и сама представляется имъ какъ

тѣло, какъ производимое *явленіе*. На каждое живое распеніе должно смотрѣть какъ на жизнь, которая явилась *пѣломъ*, не переспавъ бытъ и мыслию: мысль нѣдрится въ немъ, одушевляеть его, соприиспсвуетъ ему какъ Гений-Хранипель,—и тѣло есть только выраженіе, опкровеніе оной мысли. Такова *полнота жизненнаго бытія* распеній.

Но и тогда, когда жизнь, впадая въ мерпвенное цѣпеніе, оспаеетъ только однимъ *пѣлеснымъ бытіемъ*, когда живая мысль уже опшла опъ своего *пѣла*, и тогда еще печать ея видна на немъ, и умершее распеніе все еще есть живой слѣдъ, по которому наша мысль можетъ гадать о мысли шворческой, его одушевлявшей.

Такимъ образомъ, чрезъ чувспенное размаприваніе распеній живыхъ и умершихъ, мы можемъ *умственно* открывать и усмапривать ихъ зиждущія начала. И не только можемъ, но для *полноты знанія* мы должны углублятья, проникать во внушрениі, сокровенный смыслъ всего явнаго: *видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (Кор. II. Г. IV. 18.). — Распеніе пребываетъ иногда цѣмье вѣка въ сѣмени, въ видѣ малѣйшаго зародыша, не теряя производипельной силы, не лишаясь способности проиэраспанъ: вопъ мысленное, спокойное бытіе жизни! Такъ иногда мысль великаго человека,

сказанная безвременно, остаётся въ забвеніи цѣ-
 лые вѣка. Такъ невидимая искра огня иногда
 долго таится подъ пепломъ. Но подуесть бла-
 гопріятный огню вѣперъ — и погашенная искра
 разгорается пожаромъ, обращая въ пламя все
 горючее. Такъ и жизнь сокрытая въ сѣ-
 мени, при благопріятномъ опеченіи обспо-
 япельствъ, пробуждается къ дѣятельности
 и разрастается въ цѣлое растение, претворяя
 въ него постороннія вещества, *питаясь* ими.
 Жизнь растений изъ мысленнаго состоянія пере-
 ходитъ въ тѣлесное бытіе при содѣйствіи
 окружающей природы, подъ вліяніемъ *внѣшнихъ*
условій. По своей внутренней, врожденной силѣ,
 она производитъ опредѣленные *виды* растений,
 пользуясь силами внѣшней природы, съ которою
 она вступаетъ въ борьбу; но, моги являясь
 только при ихъ вліяніи, она необходимо и по-
 неволь сама имъ нѣсколько уступаетъ. А какъ
 спеченіе внѣшнихъ пособій бываетъ весьма раз-
 нообразно, случайно, измѣнчиво; по жизнь сама
 становится *измѣнчивою въ явленіяхъ* своихъ, не
 можетъ *только* выразить вполне и совершен-
 но своей *мысли*, и неизбежно опускается
 опъ своихъ *первообразныхъ видовъ*, которые
 являются множествомъ *разностей*. Смотри по
 спеченію обспояпельствъ времени и мѣста,
 жизнь начинаетъ привыкать къ нѣкоторымъ
 изъ сихъ разностей; — и еслибы она слѣдовала

только одному стремленію *являться*, по могла бы оппасть опъ своихъ первообразныхъ видовъ, тогда бы случайныя привычки обратились ей во впоруую природу, — тогда бы она могла спасть *измѣнчивою и въ мысли своей*. Но жизни распеній не суждено измѣняться въ своей мысли—самой, изъ собственной глубины; въ удѣль ей досталось *быть при одной мысли*, оспаваться *тоюже*. Потому она имѣетъ еще другое, обратное стремленіе — къ *возрожденію себя*. Потому она всегда дѣлаетъ поворотъ опъ явленія въ тѣлесномъ бытіи къ бытію мысленному, образцовому, дабы, сбросивъ съ себя все случайное и пришлое опъ внѣшняго міра, возродиться въ первородной чистотѣ и явить оную въ новомъ тѣлѣ. Но являясь каждый разъ подъ пягопою тѣхъ же, ее одолѣвающихъ и помрачающихъ внѣшнихъ условій, она только *повторяетъ* себя. Каждый разъ она по покидаетъ свое тѣло, по возрождается въ новое — и бьется въ міръ явленій, какъ попадающій въ бурномъ морѣ борется съ смертельными волнами его, перепадая съ одной на другую.

Человѣкъ давно знаетъ сію пайну жизни распеній и пользуется ею для жипейскаго наслажденія. Оплучая распенія опъ природнаго бытія ихъ и разнообразя внѣшнія условія произраспанія, онъ искусспвенно производитъ безчисленныя разносши цвѣтновъ, плодовъ; — мѣщая

возрожденію ихъ жизни, онъ приучаетъ ее оставаться въ сихъ нееспесивныхъ видахъ, размножаетъ ихъ и разнообразитъ до бесконечности. Но когда распенія освобождаются отъ искусственной воздѣлки, по опячь дичають и поспешенно возвращаются къ прежнему еспесивному соспоянію. Такимъ образомъ плѣменное бытіе жизни измѣнчиво и периходчиво; а бытіе мысленное—самозаконно, самобытно. Въ мысленномъ бытіи жизнь еспъ внупренній, поспоянный, опредѣленный законъ и первообразъ: это средопчіе, изъ котораго исходитъ весь кругъ его разнообразныхъ явленій, которымъ вѣнчается его, какъ цвѣписпая радуга блестящее солнце. И если самое проспое, чувспвенное изслѣдованіе распеній можетъ шакъ плѣнитъ, приспраспитъ къ себѣ; по какое же наслажденіе для ума, когда онъ угадываетъ свѣплья *Мысли ихъ жизни: ибо ежели преходящее славно, кольми паче славно поспоянное!* (Кор. II. Г. III. II.).

М. Максимовичъ.

1834. 5 Декабря.

II.

МЫСЛЯЩЕ И НЕМЫСЛЯЩЕ.

Глядя на полпу людей обыкновенныхъ и слушающая ежедневные ихъ разговоры, не лъзя надивипься, какъ мало идей въ обращеніи и какимъ малымъ числомъ идей однѣхъ и тѣхъ же они довольствуются. Это подобно обращенію денегъ. Есть государства, въ которыхъ, въ общей сложности капиталовъ, приходится не больше цѣлковаго на человѣка; при всемъ томъ денегъ доспаетъ на каждого и даже находятся между ними люди богатые. Это во первыхъ потому, что у большой части народа мало нужды; во вторыхъ потому, что нужды проспаго народа удовлетворяются по большой части произведеніями естественными и непокупными; въ третьихъ (и эта причина главная) потому, что при

свободномъ обращеніи капиталовъ одинъ и попомъ же рубль возвращается къ одному и пому же челомъку разъ десяпомъ въ годъ, и такимъ образомъ удовлетворяетъ на десяпомъ рублей его по-пребностямъ.

Тоже и съ идеями: для народа важность ихъ состоитъ не въ избыткѣ, а въ томъ, чпомбы ихъ доставало на всѣ потребности ума его и чпомбы ихъ цѣнность соответствовала качеству сихъ потребностей. — Если пакъ, по чпомо должно заключить о большой части людей, видя какъ ограничена ихъ умственная потребность? Но они довольны; а по только и нужно для благосостоянія, какъ физическаго, пакъ и умственного!

Конечно, для челомъка мыслящаго грустно какъ-по взглянуть на сію полпу людей, называемыхъ обыкновенными, и подумать, чпомо вся ихъ жизнь ограничивается пою только цѣлю, чпомобъ жить: это вѣчный кругъ трудовъ и нужды, пустяковъ и веселья, терпѣнія и беспокойства, приобретѣнія и лишенія, и все это для того только, чпомобъ доставить себѣ новые труды и нужды; новыя пустяки и веселье, новое терпѣніе и беспокойства, и чпомобъ приобретать для новыхъ лишеній! Вся жизнь ихъ вершится въ этомъ кругѣ, следовательно въ немъ обращаются и всѣ ихъ идеи: потребно-

спи *мыслить* — нѣтъ; а попребность мыслей — предлагаея имъ совсѣмъ гошовой въ попребностяхъ жизни!

Они не понимаютъ собственно попребности мыслить и не понимаютъ идей, выходящихъ изъ жипейскаго круга: что и не мудрено, ибо мы понимаемъ только то, что находится, такъ сказать, въ нашей сферѣ; но замѣчательно, что людямъ мыслящимъ столь же трудно снизить до нихъ и уразумѣть во всей полнотѣ и точности идеи, составляющія ходячую монету ума толпы обыкновенной. Что она хватаетъ на лепу и понимаетъ по привычкѣ, безъ всякаго опчета, надъ шѣмъ человекъ мыслящій и привыкшій пребывать опъ своего разума опчета — можетъ быть еще приадуается!

У нихъ есть свои жипейскія испины, копорыхъ основаніе не совсѣмъ ложно, хотя съ перваго раза они изумяютъ и можетъ быть заставляя улыбнуться. На примѣръ: никто не рассказывалъ, что его вызывали на дуель, опъ копораго онъ опказался, примолвивъ въ свое оправданіе: »Мнѣ моя жизнь всего дороже!« Мы удивимся этому и почтемъ это съ перваго раза за презрительную прусость; но если спанемъ размышляя о томъ же, оставя предразсудокъ, то дойдемъ до того же заключенія, хотя и спыдно будетъ въ этомъ признашся: мы размыслимъ, на примѣръ, что жизнь есть

дѣйствительно драгоценный даръ Божій, что она можетъ быть употреблена съ пользою опъ собспеннаго нашего усовершенствованія, что она можетъ быть полезна для опечеспва и проч. и проч. и заключимъ, что безразсудно подвергать ее произволу перваго забіяки! — И пакъ вся разница въ томъ, что мы дойдемъ съ прудомъ до того, что опъ знаетъ и безъ размышленія. Слѣдспвенно не должно пренебрегать этими ходячими мыслями людей немслящихъ: онѣ для нихъ необходимы.

Природа, а за нею воспитаніе и навѣкъ, обращающіеся поже въ природу, раздѣляютъ дары свои не всегда равно, но всегда справедливо. Если бы свободная дѣятельность мысли, способность углубляться и размышлять самому собою принадлежала равно каждому, или по крайней мѣрѣ большей часпи человѣчеспва, что было бы тогда съ людскимъ общеспвомъ? Оно не могло бы сущеспвовать! Это была бы сила безъ дѣйствующихъ органовъ! И пакъ, подобно какъ вы не презираете руки и ноги за то, что онѣ не мыслятъ, не презирайте и тѣхъ членовъ общеспва человѣческаго, которые сущь ничто иное, какъ его руки и ноги, безъ копорыхъ не лзя обойтись ему.

Это сравненіе можно продолжитъ далѣе. Какъ руки и ноги не ошибаются въ своихъ дѣйстві-

яхъ, а дѣлають именно свое дѣло, у однихъ лучше, у другихъ хуже—такъ почто и пѣ не размышляющіе люди, всякой, одинъ хуже, другой лучше, дѣлають свое же дѣло, опѣ коего польза принадлежитъ всей массѣ общества, всему, такъ сказать, пѣлу того общества, коему принадлежатъ они — и приносятъ сію пользу, безмездно, безъ сознанія, довольствуясь однимъ соннымъ покоемъ за всѣ пруды свои! — Какъ въ человѣкѣ часпю мыслящая сила болѣе подвержена заблужденіямъ, такъ и представители мыслящей силы общества болѣе подвержены внутреннимъ волненіямъ и менѣе знаютъ покоя! И такъ въ семъ справедливомъ раздѣленіи даровъ природы, воспитанія и навыка, заключается даже и нѣкоторое уравненіе оныхъ.

Но взглянемъ на сей предметъ съ другой стороны. Я сказалъ, что люди обыкновенные довольствуются немногимъ числомъ идей совсѣмъ гошовыхъ, предлагаемыхъ имъ навыкомъ и потребностями жизни. Но еслибы человѣкъ мыслящій могъ разобрать опредѣленно всѣ свои идеи и могъ различить подробно собственныя мысли опѣ приобретенныхъ, возведя каждую по принадлежности куда слѣдуетъ, много ли нашелъ бы онъ такихъ мыслей, копорыми онъ обязанъ единственно самому себѣ? Онъ нашелъ бы, что большая часть оныхъ приобретены поже навыкомъ, начинанностию, ученіемъ, и сушь ни-

что иное, как шаже ходячая монета разума, только обращающаяся въ другомъ, высшемъ кругъ!

Мы достигаемъ истины, высшей истины, основной истины: достигли ли мы ее? Нѣтъ! И такъ мы поже обращаемся въ вѣчномъ кругъ потребностей, только не потребностей физической, низшей жизни, а потребности мышления! И такъ, какъ тѣ люди живутъ для того только, чтобъ удовлетворить жизни, такъ и мы размышляемъ почти для того только, чтобъ удовлетворить мыслящей нашей силѣ.

Не спанемъ однакожь перепъ чрезъ это бодрости, не будемъ пренебрегать способности къ глубокому размышленію, или унижать людей мыслящихъ: они споятъ, безъ сомнѣнія, на высокой ступени чловѣчества, уступая ступень высшую только однимъ добродѣтельнымъ. Все, сказанное мною, предложено для того только, чтобъ изъ сего вывести одно общее заключеніе, выгодное не для тѣхъ или другихъ, но вообще для чловѣчества; ибо я не знаю пользы не общей.

Сие заключеніе состоитъ въ томъ, что природа пребуетъ опъ насъ удовлетворенія своимъ законамъ, копорыхъ мы—хранители и орудіе, и нарушение копорыхъ есть преступленіе, весьма важное, ибо оно есть преступленіе (*dépositaires*) пропивъ самыхъ основныхъ, самыхъ

величайшихъ законовъ, данныхъ человѣчеству. Мы всѣ равно орудія ея законовъ; но не всѣ равно хранили оныхъ. Вѣрено ли тебѣ соблюденіе того, или другаго, будь вѣренъ своему назначенію, все дѣло въ томъ: дѣйствуешь ли ты, и хорошо ли ты дѣйствуешь въ своей сферѣ; а не въ томъ, въ какой сферѣ ты дѣйствуешь. Кому назначено дѣйствовать на попріи житейскомъ, дѣйствуй вѣрно и правильно, высоко ли, низко ли твое назначеніе; кому дано мыслить—дѣйствуй мыслию опять вѣрно и правильно сообразно силѣ твоего мышленія, не мечтая выдти изъ предѣловъ, данныхъ человѣчеству, не обольщаясь разрушительною силою гордости и не удаляясь отъ прямого пути въ ослѣпленіи самолюбія. Какъ орудія, мы всѣ дѣйствуемъ совокупно къ одной общей цѣли; но какъ существа, одаренные свободою воли, мы должны дать отчетъ каждый отдѣльно!

На сей почтѣ, различіе между людьми мыслящими и немыслящими — исчезаетъ! — Спавъ на нее мужъ ученый и глубокомысленный, и возгордись теперь собою предъ человѣкомъ обыкновеннымъ! Спавъ на нее же и ты, просподѣйствующій, въ кругу житейскомъ и оплечи себя отъ глубокомысленнаго! Разрѣшише оба, въ томъ ли сила, что вы познали ту или другую истину и какъ вы ее познали, или

въ помѣ, сколько вы дѣйствовали къ истинѣ? Конечно въ послѣднемъ! И пакъ истинное, существенное и конечное различіе одного человека отъ другаго состоятъ въ употребленіи не ума и не другихъ силъ, данныхъ ему природою, а въ употребленіе *свободной его воли!* По сему-то не всякій понимаетъ истину или другія истины разума; но истину понимаетъ всякой — по сему-то разумъ можетъ ошибаться и у однихъ видѣть яснѣе, у другихъ не столь ясно; но совѣсть не ошибается! Она есть око души; а разумъ — стекло, сквозь которое это око смотритъ. »Если око ваше чисто« сказалъ Божественный нашъ Учитель, »то и плѣмя ваше будетъ чисто.«

21 Ноября

1832.

III.

ДУЭЛЬ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ МЕДИКА.

..... Одинъ молодой Лордъ пригласилъ меня провести съ нимъ время, посвящаемое охотѣ, въ его небольшомъ замкѣ въ Соммерсепширѣ. Извѣстно, что эти временныя резиденціи Англійскихъ вельможъ, называемыя shooting-boxes (охотничьи логи), бывають обыкновенно мѣстами сборища людей хорошаго тона, коихъ однообразная жизнь, влачивая въ гопическихъ башняхъ дѣдовъ, и блестящая разсѣянность жизни Лондонской, упомила въ продолженіе лѣпняго и зимняго времени. Здѣсь-по вкусы Англійской благородной молодежи разверпываются съ

наибольшею энергіею. Лордъ Байронъ, въ Ньюспид-Аббеѣ, представлялъ собой замѣчательный примѣръ подобнаго рода существованія, посвященнаго кулачнымъ боямъ, охотѣ, распущенству, попойкамъ, существованія конечно весьма не нравственнаго, противоположнаго упонченной нѣжности нравовъ, но зато веселаго, живаго, буйнаго, упоительнаго, гдѣ аристократическая спѣсь, сбрасывая свои привилегіи и причуды, бросается во весь разгулъ дикой независимости и опять просполюдинства опличчается только непомерной крайностью буйства, коему предается.

Лордъ Ф***, копорый назначался для военнаго поприща, увидѣлъ себя въ Соммерсетширѣ, окруженнымъ полною молодыхъ офицеровъ, коихъ бурная веселость и живой, разгульный умъ, сообщали шумное движеніе великолѣпному сельскому ландшафту, гдѣ я былъ только зрителемъ. Дурачества всякаго рода поглощали наше время; безпреспанная миспификація, вѣчные шутки, опличный споль, прекрасное вино, превосходныя лошади, на копорыхъ скакали сломя голову пуда и сюда; сосѣдніе мызники, коихъ спокойствию и полямъ оказываемо было должное уваженіе, но копорыхъ дочери и жены преслѣдуемы были безъ всякаго милосердія; импровизированныя комедіи; ужины, запягивавшіеся далеко за-полночь; безумныя заклады; прогулки

на охоту никогда некончаемая; рыбная ловля; игра; спрѣльба изъ пистолета; всѣ эти забавы, слѣдовавшія одна за другою съ ослѣпительной быстротой, наконецъ сдѣлались скучными въ продолженіи пятнадцати дней непрерывнаго сумасшествія. Лордъ Ф*** предложилъ намъ оразнообразить наши наслажденія. Маленькій городокъ Т*** находился въ недалекомъ разстояніи отъ замка, нами обитаемаго. И вошь объявляется въ газетахъ балъ по подпискѣ, копорый мы вознамѣрились дать въ этомъ городкѣ, зная, что всѣ окольные дворяне не замедлятъ нахлынуть туда съ своими семьями. Въ самомъ дѣлѣ, имя Лорда Ф***, подкрѣпляемое именами его друзей, привлекло многочисленное общество: поднялся весь околопокъ на десяты миль вокругъ. Все шло по нашимъ желаніямъ.

Надобно было видѣть своими глазами, какъ эпощъ маленькой городишко, слишкомъ пѣсный для толпы панцовщиковъ, прибывшихъ туда со всѣхъ сторонъ, превратился вдругъ въ родъ лагерь, предающагося самой веселой вакханаліи. Звукъ инструменповъ, отражаемый высокими холмами, разбросанными вокругъ, не давалъ спать сосѣднимъ креспьянамъ. Горожане, возбужденные симъ необыкновеннымъ для нихъ зрѣлицемъ, съ своей стороны импровизировали праздникъ, почти

также шумный. Можно было подумать, что это Абдера с своими Абдерипами!

Окружные красавицы, разумеется, опивчались на наш призывъ. Никогда взоры ихъ не встрѣчали обществу такъ опборнаго, кавалеровъ такъ образованныхъ и нарядныхъ! Какъ дрожали ихъ юныя сердца! Какъ могущественно было обольщеніе! Кто могъ воспронивипься! Большая часть друзей Лорда Ф * * * опличалась благородствомъ фizioномій и въ особенности прелестью обращенія. Почти всѣ знали до дна эпопъ машинизмъ кокешства, это ничпожное и могущественное нарѣчье, это искусство проникать въ сердце женщины посредствомъ пущаго лепета, составленнаго изъ глупостей, копорья очаровывающъ, посредствомъ хипрыхъ ласкапельствъ, опъ копорыхъ кружился голова. Одинъ я не раздѣлялъ съ моими поварищами ни одной изъ сихъ выгодъ. Лице у меня неправильно, спанъ не имѣетъ благородства, обращеніе не опличается ловкостью. Будучи зритель сцены споль живой и шумной, я игралъ въ ней роль нѣмую, былъ просто спанписпомъ. Мои ученья занятія, прежнія несчастія, сердечная привязанность къ женѣ и мирныя наслажденія семейной жизни, сдѣлали меня неспособнымъ къ этому ремеслу скорого и легкаго обольщенія, имѣющему такое важное вліяніе въ госпипныхъ. И такъ я удовольспивовался

пѣмъ, что сдѣлалъ два или три конгр-данса съ одною заброшенною молодою дѣвушкою, однимъ изъ пѣхъ бѣдныхъ созданій, на которыя не обращаютъ вниманія, попому что онѣ не красивы, робки, неловки, и болѣе попому, что чувствво ихъ одиночества опнимаеть у нихъ присущствіе духа, счастливыя выходки и припугапельную наснойчивость разговора, которыя не рѣдко дополняютъ недоспапки наружныя, даже замѣняютъ душевное превосходство.

Въ полпѣ панцующихъ, одна молодая особа опличчалась преимущественно предъ всѣми красопою и скромностию. Будучи прозвана *Гизельдонскою фиалкою*, по примѣненію къ робкой прелестнн ея характера и очаровательности манеровъ, она была окружена обожапельями, кои добивались, во всей силѣ слова, счастья бытъ ея кавалерами. Романисты и повѣствователи набросили вообще на порпепры какую-то пѣнь припорности: всѣ смѣются теперь эпѣмъ совершеннымъ красопамъ, безусловно симметрическимъ, безусловно dospойнымъ обожанія, выходящимъ съ неукоризненною правильностию изъ подъ зиждипельной киспи эпихъ великодушныхъ живописателей. Но не смопря на предубѣжденіе, ими произведенное, я поспараюсь представитъ здѣсь очерки прелестной *фиалки Гизельдонской*. Глаза ея были чистѣйшей и

вмѣстѣ голубѣйшей лазури, подобно пой, коей украшается сей прелестный цвѣпокъ, разверпываясь въ полной красѣ своей: большіе, помные, наполненные огня и нѣжності, они разливали необыкновенное, волшебное сіяніе чувства и энергіи на ея черпы, коихъ правильность безъ пого моглабъ показаться холодною и тусклою. Противоположность фізіономіи, запечатлѣнной почти какою-то суровостью, и сими взорами, измѣнявшими внупренному пылу ея души, имѣли въ себѣ что-то чарующее; казалось, въ лицѣ ея читались вмѣстѣ и глубина и постоянство и сила чувствъ. Густой лѣсъ каштановыхъ волосъ рассыпался естественными, шелковыми кудрями вокругъ прекраснаго лба и по восхищительнымъ плечамъ. Нѣжность самая упонченная, гордость самая прелестная; что-то гибкое и благородное во всей осанкѣ: таковы были главныя черпы, ее опмичающія. Да проспаятъ мнѣ сіе длинное опспупленіе, которое можетъ показаться романическимъ: многословіе мое должно приписать пому живому впечатлѣнію, которое оставила во мнѣ сія молодая дѣвушка, желанію дать объ ней надлежащее понятіе, наконецъ воспоминанію, сохраненному мной о приключеніи, коего она была виновницею и которое оспаеется мнѣ рассказать со всѣми обспояпельствами.

Всѣ наши молодые люди, исключая Лор-

да Ф***, очарованные прелеспиями сей дѣвицы, соперничеспвовали предъ ней въ услужливости и волокиспспвѣ. Одинъ молодой капипанъ гвардіи, знаменипый данди, наслѣдникъ огромнаго имѣнія, замѣчательный по своему аплетическому росту и красотѣ лица, казалось, съ наибольшею горячностію добивался чеспи понравипься юной Маріи. Другой, послѣ него, былъ также молодой человекъ, знапной фамиліи, но копорый назначалъ себя для дипломапического поприща. Улыбалась она одному? Другой морщилъ брови. Слушала какъ будпо внимательнѣе рѣчи капипана? Выраженіе неудовольспвія омрачало лице его соперника, копорого я назову здѣсь Треворомъ, дабы скрыпть наспоящее имя его фамиліи, хопя не имѣющей спеперь ни одного изъ прямыхъ попомковъ, но связанной узами родспва со многими почепными фамиліями, нынѣ сущеспвующими.

Обспояпельспво, весьма маловажное по наружности, подало поводъ къ опкрыптію войны между сими двумя соперниками, спѣдаемыми съ самага начала вечера жестпокою ревностію. Капипанъ овладѣлъ рукою Маріи, съ копорою хопѣлъ начать первый конпрдансъ. Треворъ оспанавливаептъ его, говоря:

» Капипанъ! мнѣ дано уже слово; надѣюсь, что вы успуните мнѣ мою даму. Сударыня! «

сказала онъ попомъ обращаясь къ Маріи: »я свидѣтельствуюсь вами.«

Щеки Маріи вспыхнули яркимъ огнемъ: она предвидѣла имѣющія произойти слѣдствія.

— »Мнѣ помнился,« промолвила она, »что я почто общала Г. Тревору; но, если можно, я буду танцовать съ обоими. Капитанъ! вы не поспѣете на меня, не правда ли?

И умоляющій взоръ молодой дѣвушки, казалось, выпрашивалъ пощады ревнивому сопернику.

Капитанъ удалился, но не забылъ бросить на Тревора сверкающій взглядъ, который вмѣстѣ грозилъ и вызывалъ его. Спустя нѣсколько времени, я увидѣлъ, что онъ оставилъ залу. Не знаю, какое-то тайное убѣжденіе говорило мнѣ, что это ничтожное обстоятельство разродится бѣдствіемъ: я зналъ непреклонное высокомеріе того и другаго. Треворъ, продолжая танцовать съ Маріей, искалъ взоровъ Капитана, схвативъ тайную мысль его и угадавъ враждебныя намѣренія. Внимательная заботливость, распочаемая имъ предъ Марією, боролась съ сокровенною бурей гнѣва, съ прудомъ сосредоточиваемаго въ кипящей душѣ.

Спустя восемь дней, Лордъ Ф*** сдѣлалъ великолѣпный обѣдъ, на который приглашена была большая часть пѣхъ, кои присутствовали на балѣ. Треворъ и Капитанъ были въ

числѣ гостей ; я рѣшился наблюдать ихъ обоихъ. Капитанъ приѣхалъ первый и спалъ въ окнѣ. Онъ замѣпилъ Тревора , когда онъ слѣзаль еще съ лошади у наружныхъ воровъ : блѣдность покрыла его лице ; губы судорожно списнулись ; онъ сошелъ съ своего мѣста съ видомъ спокойнаго равнодушiя , которое обмануло всѣхъ , кромѣ меня. Между тѣмъ спалъ на концѣ залы , именно пропивъ самой двери , не сводя съ ней глазъ. Соперники поклонились взаимно другъ другу , съ довольно замѣпной холодноспью , но безъ всякой грубоспи.

Двадцать человекъ сидѣло за споломъ , покрьпомъ самыми роскошными яспвами ; превосходныя вины , опличныи сервизъ , все было чудесно ; веселосп царспвовала ; шушки ходили кругомъ спола ; Капитанъ и Треворъ , сидѣвшіе очень далеко другъ опъ друга , казалось , забыли свое соперничеспво. Въ восемь часовъ съ чепверпью подали десертъ ; и несмѣпное множеспво бупылокъ шампанскаго , мадеры , порпо явилось предъ нами. Нѣкопорые изъ тѣхъ спранныхъ посповъ , кои молодежь любипъ предлагать , когда слуги выдутъ вонъ , придали живѣишее движеніе общей веселоспи. Вдругъ амфипріонъ нашъ поднялся съ мѣста , поспавивъ на голову себѣ спаканъ , коего края сверкали шипучею пѣною шампанскаго.

»Друзья и поварищи славы и наслаждения!« вскричалъ онъ, »Я предлагаю поспѣть, копорый вамъ всеѣмъ будетъ пріятенъ. Вскрай и до дна! эпо законъ! Мы пьемъ здоровье прекрасной Маріи, *Фіалки Газельдонской*. Приглашаю всеѣхъ безъ изъятія! Наливайте! «

Единогласныя восклицанія засвидѣтельствовали наше общее благоговѣніе къ Газельдонской красавицѣ. Капитанъ и Треворъ не послѣдніе повспорили имя молодой дѣвушки. Рука перваго дрогнула, когда онъ поднесъ спаканъ къ своимъ губамъ.

»А!« вскричалъ одинъ вѣпреникъ. »Кпоже возмешся опвѣчапъ за нее и поблагодарипъ все собраніе опъ имени Газельдонской красавицы? «

— »Разумѣется, ея фаворипъ прошлаго вечера, Треворъ!« подхвапилъ другой.

»Ну, Треворъ, вспавай! Вспавай же! Къ чему такая скромность! Вѣдь пы захвапилъ ее на весь вечеръ. Не лъзя было и подумапъ попанцовапъ съ ней; но вамъ можно было сказапъ слово-другое. «

— »Что касается до меня, « перервалъ Лордъ Ф***, »я думаю, что и Капитанъ можетъ также выспавить свои права. Мнѣ удалось перехвапипъ не одну улыбочку прекрасной Маріи; благосклонность, конечно, не великая, но значи-

пельная, и копорая адресовалась прямо къ Капипану. «

Треворъ и соперникъ его, равно приведенные въ замѣшательство, хранили молчаніе. Капипанъ, съ судорожнымъ препенемъ, сжималъ спанъ въ своей рукѣ. Уже угорѣлые въ чаду вина, собесѣдники приняли спорону, одни офицера, другіе дипломата: они оба упорно молчали, тогда какъ вокругъ нихъ все спорило о ихъ преимущесствѣ съ такимъ жаромъ, ревностью и шумомъ, какъ будто спасеніе опечества зависло отъ рѣшенія этой смѣшной пляжки. Время отъ времени Капипанъ бросалъ на Тревора яроспный взглядъ, копораго легкомысленные не примѣчали, но копорый отъ меня не ускользалъ. Одинъ молодой баронетъ изъ Кориваллиса, удивленный важною физиономіею обоихъ соперниковъ и начинавшій предчувствовать слѣдствія сей сцены, попытался воспановить пшину и укропить возраспавшее рязгоряченіе, коему они видимо предавались.

— » Я пребую слова! « вскричалъ онъ: » и вопъ мое мнѣніе. Двадцать пропивъ одного, что сердце прелеспной Маріи досель оспаеся въ нерѣшипельности между ея двумя обожапелями. Чпожъ намъ теперь дѣлапъ? Прибѣгнемъ къ жеребью! Рѣшетка или копье! Пусть Треворъ и Капипанъ подвергнуся на эпопъ разъ

случаю: кто выиграетъ, попьъ будетъ популярнымъ кавалеромъ красавицы!»

Это произвело общій смѣхъ; но чело обоихъ соперниковъ не разгладилось: черпы ихъ сдѣлались еще мрачнѣе. Капитанъ былъ блѣденъ, какъ полопно; онъ спарался казаться равнодушнымъ и какъ онъ ни спарался казаться спокойнымъ, погрузивъ взоръ въ спакантъ, кипѣвшій виномъ, изъ копорого прихлебываль по немногу, но его внупреннее волненіе выказывалось пропивъ воли. Будучи спарше лѣпами, и попому больше умѣя владѣть собой, Треворъ оспавался неподвиженъ; его замѣщательство и волненіе едва были замѣшны. Между пѣмъ опть меня не укрьвалось ни одно изъ ихъ сокровеннѣйшихъ движеній; я уже видѣлъ начало сцены: она разверпывалась пеперьъ ясно предъ моими глазами. Суепность и любовь боролись въ одно время у обоихъ соперниковъ. Все, что есть самага неисповаго въ душѣ человѣческой, было пробуждено, раздражено, взорвано эшимъ неожиданнымъ обспоятельствомъ. Для невнимательнаго наблюдаателя, такая важность, приданная спору споль ничпожному, показалась бы невѣрояпною и смѣшною: я думаль не пакъ, ибо слишкомъ хорошо зналъ человѣческое сердце.

»Капитанъ,« сказалъ я попихоньку моему со-
сѣду; »я думаю въ самомъ дѣлѣ, что эша Chespe,

шакъ горячо оспориваемая, принадлежить вамъ, вспоминая, какъ краснѣла Марія опть гордостни и наслажденія, принимая первые знаки вашего уваженія. «

Онъ пыпался улыбнуться.

— »Вы правы,« сказалъ онъ мнѣ: »Треворъ не имѣетъ никакого права на шипло, которое ему предлагають; по крайней мѣрѣ шаково мое мнѣніе!«

Мрачный видъ собесѣдниковъ охладилъ веселость присушествующихъ.

»Друзья!« сказалъ вдругъ Треворъ пономъ довольно свободнымъ: »мнѣ кажется, мы дѣлаемъ пропасъ шуму изъ пуспяковъ; но шакъ какъ дѣло уже зашло, споръ завязался, шакъ какъ я нахожу себя принужденнымъ выказатъ свою мысль, по никпо, по крайней мѣрѣ я шакъ думаю, не имѣетъ права оспориватъ у меня преимущество, которое мною завоевано. Ви-пязъ, мой соперникъ — (и онъ сдѣлалъ на сихъ словахъ значительное удареніе) — самъ признаетъся, что прекрасная Марія сама предоспавила мнѣ шипло и обязанности, на которья шеперь я изъявляю законное право. Правда, Ка-шипанъ имѣетъ шакой яркой взглядъ, шакою гордую мину, шакой обольспипельный шонъ...«

— »Треворъ!« вскричалъ Кашипанъ, вспыхнувъ весь опть гнѣва: »безъ наглоспей!«

»Наглостей! Чортъ возьми! Чшо значить эшо слово? Не хопите ли вы ко мнѣ придирайтесь, Капитанъ? Право, я эшого не думаю. Развѣ вырвалось у меня чшо-нибудь такое, чшо могло васъ оскорбить? Эшо мнѣ очень жалко: я совсѣмъ не имѣлъ подобныхъ намѣреній. По чести, эшо бы меня крайне огорчило. Чшо касается до Нимфы, о которой идетъ рѣчь, шо позвольте мнѣ, господа, попребовать снова удовольствія и права быть здѣсь ея представителемъ. Да, Капитанъ, не смотря на вашъ мрачный взглядъ и грозный видъ, я беру смѣлосць говорить здѣсь именень моей прекрасной Сильфиды и опблагодарить за нее почтенное собраніе, предложившее поспѣть за ея здоровье! «

Въ эшой небольшой рѣчи Треворъ умѣлъ соединить довольно искусно ловкосць, шупку, веселосць и даже нѣкоторую ласковосць. Я надѣялся, чшо Капитанъ успокоится; но вмѣсто того, чшобы слѣдовать примѣру, поданному его соперникомъ, онъ вскричалъ голосомъ дрожащимъ опъ ярости:

— »Вы ошибаетесь, Треворъ; клянусь честию, вы ошибаетесь! Знаете ли вы, чшо Марія могла мнѣ опвѣчать и какія шайныя ея чувства? Знаете ли вы, чшо вмѣсто удовольствія, которое вы думали доспавить ей вашими услугами, она испытывала опъ нихъ, мо-

жесть бытъ, смертельную скуку, коей должна была подвергаться изъ крайности?»

» Эпо было бы очень смѣшно! Я видѣлъ Марию на другой день поупру; и могу васъ увѣришь!.. «

— » На другой день по упру? Вы видѣли ее на другой день? Какія могли бытъ у васъ причины? «

» Я не обязанъ вамъ давать опчепа въ моихъ поспупкахъ. . . Я самъ себѣ господинъ, « продолжалъ онъ, осушивъ спаканъ вина, который, присоединивъ къ прежнимъ многочисленнымъ возліяніямъ, довершилъ опьянѣніе его до того, что онъ не помнилъ, что говорилъ и дѣлалъ. » Я имѣю полное право предлагать Марію мою любовь. Тѣмъ хуже для пѣхъ, кому эпо не нравился! «

Лице его покрылось пламенной краской; дрожавшій голосъ обнаруживалъ успѣхи опьянѣнія; шцелно друзья спарались удержавъ его. Онъ вспаль, качаясь опъ дѣйспвія винныхъ паровъ.

— » Марія приемлетъ любовь мою и сама открылась мнѣ въ любви: объявляю эпо, Капитанъ, для того, дабы вы окончили сей споръ. И такъ говорю. . . «

Всѣ спали роппать на Тревора, коего извиняло только соспоянне, въ которомъ онъ находился.

» Треворъ! « возразилъ пропивникъ его: »вашъ неперешній поспупокъ низокъ, не достоинъ че- спнаго челоуѣка.« Попомъ онъ продолжалъ голо- сомъ болѣзненнымъ и сосредоточеннымъ. »Я не могу удержаться; не могу. . . Вы хопите обезсла- вить эпо невинное, слабое существо; я слу- шалъ васъ съ негодованіемъ и объявляю въ свою очередь предъ друзьями моими, что вы. . . . по- нимаете. . . что вы *подлецъ!* «

Сіе послѣднее слово произнесъ онъ медленно, выразипельно. Въ залѣ царспвовало глубокое молчаніе.

— » *Подлецъ!* « воскликнулъ голосомъ гро- знымъ, поблѣднѣвшій Треворъ. » Вы обвиняете меня въ низоспи и называете. . . *подлецомъ!* «

Тогда, со спаканомъ въ рукѣ, онъ вспалъ, и стоя предъ Капишаномъ, повпорилъ: » *Подлецъ!*... «

» Да, « отвѣчалъ Капишанъ пвердымъ голо- сомъ, » я сказалъ эпо. «

— » Знаете ли, какого рода извиненіе должны вы принести передо мною? «

Капишанъ прислонился къ спинкѣ кресель своихъ и безспрашно взглянувъ на Тревора, ска- залъ:

» Я никогда не говорю ничего такоого, чего могъ бы спыдиться, въ чемъ бы долженъ былъ извиняться. Не ожидайте опъ меня никакихъ извиненій. «

— »Такъ не жди же опть меня,« закричалъ Треворъ, пуспивъ Капипану въ лице наполненный виномъ спаканъ; »не жди же опть меня извиненія въ эпомъ оскорбленіи!«

Спекла, разбившагося спакана, изрѣзали и окровавили лице Капипана; большая часть вина вылилась на меня. Всѣ присуствовавшіе съ шумомъ, безпорядочно вспали; оптсюду раздавались смѣшанныя восклицанія; всѣ сходились; расходились между собою, взаимно другъ друга толкали. Оба пропивника пребывали спокойными среди сей сцены безпорядка. Капипанъ равнодушно обпиралъ свой галстукъ и жилептъ; Треворъ, сложивъ руки, оспавался неподвижень въ прежнемъ положеніи. Вскоръ Капипанъ, подошедъ къ хозяину, пихо сказалъ ему:

»Любезный Ф * * *, у васъ еспть пистолептъ: окончимъ сію же минушу эту пустую ссору. Другъ мой, Капипанъ В., распорядился дуэлемъ.«

— »Успокойпесь, другъ мой!« опвѣчалъ вспревоженный Лордъ Ф * * *. »Эпо вздоръ! Не ужели вы хопипте преврапипть домъ мой, за ничпозную размолвку, въ зрѣлице убійспва. Какое безразсудспво! Помирппсь, будьте опяпть друзьями. Для людей съ чеспью, какъ вы, нѣптъ нужды въ опыпахъ. Оспавьпте, забудьпте все.«

»Вы не хуже меня знаете«, опвѣчалъ Капипанъ, »чпо просьбы вашей невозможно испол-

нишь. Капитанъ В., сдѣлайте мнѣ одолженіе, принесите пистолепы; они въ оружейной Лорда. Да, кспапи, « продолжалъ онъ, » не лучше ли намъ идти въ оружейную самимъ? Эпо было бы, мнѣ кажется, приличнѣе. «

Капитанъ, который въ печеніе жизни своей присуспововаль при многихъ таково рода случаяхъ, говорилъ о всемъ эпомъ съ удивительнымъ равнодушіемъ.

Многіе изъ молодыхъ вѣпренниковъ, находившихся въ залѣ, которые очень много пили вина, закричали разомъ:

» Пуспъ кончапъ! Эпо должно сей часъ же рѣшипъ. Писпولهпы! писпولهпы! «

Крики одного родспвенника Лорда Ф * * *, молодаго, весьма буйнаго челоуѣка, заглушали общій говоръ:

» Они должны драпъся! Тупъ не объ чемъ думапъ! «

— » Да будепъ прокляпа эпа дѣвица, за копорую два храбрые челоуѣка убьюпъ другъ друга у меня въ домѣ! « воскликнулъ Лордъ Ф * * *. » Да будепъ прокляпа минуша, въ копорую начался эпопъ безразсудный споръ! Любезный Треворъ (подходя къ полпъ, окружавшей Тревоора) прошу васъ, умоляю объ одной милоспи, выдъте изъ моего дома. Да не будепъ сказано, что объдъ, данный мною друзьямъ моимъ, окончился убійспвомъ. Не ужели эпа ссора непре-

мѣнно должна кончиться кровопролитіемъ! Полноше, подише сюда, Треворъ.»

Онъ схватилъ Тревора за руку и шацилъ его къ Капитану.

» Благодарю васъ,« отвѣчалъ Треворъ; » но всѣ усилія ваши бесполезны. Эпаго не лѣзя иначе кончипь, какъ дуэлемъ, и чѣмъ скорѣе мы разоцнемся, пѣмъ будетъ лучше. Я избираю въ свидѣтели съ своей спороны друга моего, Лорда П***; онъ возмепъ на себя всѣ нужныя распоряженія. Ну,« сказалъ онъ Лорду П***, » время! Капитанъ В. дожидаетъ васъ; прошу васъ, идите къ нему.»

Одинъ изъ присутствовавшихъ, подошедъ къ Тревору, сказалъ ему, что Капитанъ стрѣляетъ на вѣрнякъ, что онъ въ десяти саженьяхъ попадаетъ въ шеллингъ, споящій ребромъ.

— » Не ужели!« воскликнулъ безпрепетиво Треворъ. » И такъ мнѣ оспаеця только сдѣланъ завѣщаніе: у меня кроповое зрѣніе: я погибъ!«

Оспавивъ друзей своихъ, онъ подошелъ къ Капитану, который живо разговаривалъ въ оцдаленномъ углу комнапы съ нѣкоторыми офицерами. Треворъ пропянулъ ему руку. Капитанъ равнодушно обернулся, нахмурилъ брови и молчалъ.

» Капитанъ!« сказалъ ему Треворъ, » говоряпъ, что попъ погибъ, въ кого вы цѣлите?..

— » Такъ чпожъ? .. «

» Вы знаепе , что я близорукъ , не имѣю привычки дѣйствовать исполопомъ , и сверхъ того опъ природы довольно неловокъ . »

Все общество возроппало . » Какъ ! « сказалъ мнѣ сосѣдъ мой , » Треворъ опказываепся? .. Эпо удивипельно ! « Капитанъ , на лицѣ коего изображалось удивленіе , смѣшанное съ презрѣніемъ , сказалъ послѣ минупнаго молчанія :

» Чпожъ вы намѣрены сдѣлать? «

— » Сей часъ узнаепе . Несправедливо бы было сражаться неравнымъ оружіемъ . Не думаепе ли вы , что я соглашусь спокойно вспрѣпипъ пулю вашу , не имѣя возможности заплапипъ вамъ пѣмъ же? Не безпокойпесь , эпато не будепъ . Вы пожелали дуэли ; ее причинило ваше безразсудство ; она еспъ плодъ вашихъ словъ ; эпо ужасное и смѣшное дѣло—соглашаюсь ; но вы себя только должны въ немъ обвиняпъ . И такъ , мы будемъ драпъся грудь съ грудью , приспавивъ другъ къ другу исполеппы черезъ споль . Да , милоспивые государи ! (въ испупленіи онъ возвысилъ голосъ свой до ужаасающей выразипельности) , мы вмѣспѣ падемъ , вмѣспѣ погпбнемъ , вмѣспѣ опсправимся къ... Кажепся , вы понимаепе меня? «

— » Эпо ужасно ! постыдно ! Какая адская мысль ! « Слова сіи раздавались опвсюду , по-

впоряясь какъ будпо эхомъ. »Мы не будемъ свидѣтелями этой позорной дуэли! Не хопимъ слышать объ ней! Это не дуэль, а рѣзня!« Семь или восемь челоуѣкъ успремались вонъ изъ залы. Капитанъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ совѣпывался съ своими друзьями, ожидая ихъ рѣшенія, что ему дѣлать.

»Теперь,« воскликнулъ Треворъ, »кто подлець?«

— »Вы узнаете это сей же часъ. Предложеніе ваше еспъ самое безчеловѣчное. Вы хопите убійства, двойнаго убійства — желаніе ваше исполнится. Да падепъ же на васъ проклятіе, какъ на убійцу. Два семейства черезъ васъ лишатся единственнхъ сыновей. Принимаю.«

Лице Капитана было блѣдновапо, но въ рѣчахъ его не замѣчалось ни малѣйшей нерѣшительности.

»Гоповы ли писполеты?« спросилъ Треворъ, не обращая вниманія на слова Капитана.

Ему отвѣчали, что секунданты вышли за пѣмъ, дабы все приготопить. Согласились, что дуэль произойдетъ въ галереѣ, назначенной для цѣльной спрѣльбы и лежащей на концѣ парка, вдали отъ главнаго корпуса замка. Тщепно присупспвующіе спарались вразумить пропивниковъ, сколько ужасна дуэль ихъ. Двое съли на лошадей и отправились увѣдомить полицію. Лордъ Ф*** бросился къ мѣспу, гдѣ

долженъ былъ произойти бой, и предувѣдомилъ секундантовъ объ ужасномъ намѣреніи Тревора и Капитана. Оба свидѣтеля бросили съ негодованіемъ писполепы и воскликнули, что ни за что не вмѣшаются въ дѣло; споль мало доспойное людей съ чесією; что они почипаюпъ сей поедпнокъ двойспвеннымъ, преднамѣреннымъ убійспвомъ.

Однакожь Лордъ Ф*** предложилъ имъ прожекпъ, который они приняли съ радоспю. Зарядили писполепы холоспыми зарядами и условились опдапъ ихъ пропивникамъ, какъ будто въ нихъ есть пули. На споль поставили двѣ свѣчи. Треворъ и Капитанъ пришли; они, казалось, пылали неперпвнѣмъ обмѣняпся смерпю.

»Пригоповили ли вы,« сказалъ мнѣ одинъ изъ присупспвовавшихъ, »перевязки и нужные инспруменпы?«

— »Если полько писполепы хорошо сдѣлаюпъ свое дѣло,« перервалъ Треворъ, »по мы оба не будемъ имѣпъ надобности въ перевязкахъ.«

Такъ какъ со мною не было ничего нужнаго для пачого случая, по послали слугу къ лѣкарю, не подалеку жившему, за инспруменпами и перевязками. Надобно было видѣпъ, съ какимъ боязливымъ вниманіемъ и блѣдноспю на лицѣ всѣ присупспвовавшіе пѣснились у спола.

— «Гоповы ли вы, Г. Треворь?» спросил сего послѣдняго одинъ изъ друзей Капитана.

»Гоповъ!«

Соперники спали другъ противъ друга. Я препепалъ, ожидая, какой успѣхъ будетъ имѣть хипрость наша. Я не могъ опвесити гмазь опгь обонхъ противниковъ. Съ мучипельнымъ неперпѣнемъ слѣдовалъ я за всѣми ихъ движеніями. Ихъ напрягііеся мускулы, блѣдные, недвижные взоры, лица, запечаплѣнные выраженіемъ поржеспивенной мрачной рѣшипельности, спокойное чело и нахмуренныя брови, все сообщало имъ ужасающій, но высокой характеръ.

»Кпо подаспъ знакъ?« спросилъ Капитанъ тихимъ голосомъ. »Въ эшакомъ поединкѣ попгь, кпо виспрѣлипъ секундою прежде другаго, есть убійца.«

Въ эпу минупу вошелъ лѣкаръ, къ копорому посылали слугу. »Вы подадите знакъ, « сказали ему. Онъ закрылъ рукою глаза.

»Пора!« закричалъ Треворъ. »Вы слишкомъ медлише!« Капитанъ и Треворъ пожали руки друзей своихъ; гореспная улыбка блуждала на ихъ успахъ. Лѣкаръ подошелъ съ закрыпыми глазами и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

»Поднимите писполепы!«

Противники приспавили писполепы другъ къ другу.

» Когда сочту три, стрѣляйте! Одинъ... два... три!.. « Къ каждому бросились друзья.

» Чпо это значить? « воскликнули оба вдругъ. » Кпо смѣетъ шупить надъ нами? Какой наглець обманываетъ насъ, какъ слабыхъ дѣшей? Въ эшихъ пистолемахъ не было пуль! «

Лордъ Ф*** и секунданты объяснили тогда пропивникамъ хипроспъ, опъ коей они надѣялись пакого успѣха и копорая совсѣмъ не имѣла онаго. Тщепно представляли имъ, чпо они доспапочно доказали храброспъ свою, чпо чеспъ ихъ удовлетворена и примиреніе необходимо нужно. Треворъ, скрыпя въ изсупленіи гнѣва зубами, кричалъ: » Нѣтъ, нѣтъ! эпаго не будетъ! «

— » На эпо еспъ способъ, « сказалъ Капитанъ. Вопъ на спѣнѣ два кинжала; они ровной длины. Избирайте! «

Треворъ съ жадноспью схватилъ одинъ изъ нихъ. » Больше не обмануть насъ. Защищайтесь! «

Адская жажда мценія и крови сверкала во взорахъ ихъ. Мы смопрѣли, исполненные ужаса. Сверкнули кинжалы; глазъ едва могъ слѣдовать за быспрыми движеніями оныхъ.

Трудно было рѣшить, кпо изъ нихъ оказалъ болѣе ловкости: сполько быспропы сообщила ихъ нападеніямъ ярость, одушевлявшая обоихъ. Наконецъ одинъ упалъ: эпо былъ Капитанъ.

Сердце его было пронзено насквозь. Онъ ухватился за рану, воскликнулъ: »О! Боже!« и глаза его навсегда закрылись. Треворъ повергся на колѣна предъ своимъ пропивникомъ; лице его было въ судорожныхъ движеніяхъ, обезображенныя черпы дышали ужасомъ; въ опчаяніи, онъ ломалъ себѣ руки...

»Не сонъ ли это?« кричалъ онъ.

. . . . .

Треворъ долго путешествовалъ, не возвратился болѣе къ юной Маріи, оспался всю жизнь холоспымъ и умеръ далеко отъ родины своей. Я живо еще помню эту сцену свирѣпой храброспи, помню не шакъ какъ дѣйствительное произшествіе, мною видѣнное, но какъ ужасный кровавый сонъ, какъ привидѣніе.

(BLACKWOOD'S MAGAZINE).

IV.

СТАТУЯ НАПОЛЕОНА,

КОЛОННА ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ.

Колонна, возвышающаяся среди Вандомской площади, въ началѣ царствованія Наполеона, назначалась въ память того единодушнаго согласія, которое всѣ провинціи Франціи изъявили на вѣнчаніе Императора. Имя, данное ей, было: Колонна Департаментовъ. Спасуя Карла великаго, какъ покровителя Имперіи, должна была увѣнчаться памятникъ.

Положенъ былъ только первый камень, какъ воспынала война 1805 года. Возвратившись съ поля битвы со всею гордостью побѣдителя, Наполеонъ, въ искренней бесѣдѣ съ Денономъ, Директоромъ изящныхъ художествъ, возымѣлъ мысль превратить Колонну Департаментовъ

въ колонну, кобѣднаго поржеспва, по образу Траяновой. Ымскій Имперапоръ воздвигъ себѣ памятникъ послѣ побѣды надъ Даками и Паннонами: пакъ новый Имперапоръ Франціи хотѣлъ подобнымъ же монументомъ увѣковѣчить память своихъ побѣдъ и славу великой арміи.

Въ помъ же году, какъ возврапилось войско, п. е. съ 15 Августа 1806 года, принялись за работу и продолжали ее съ такою посѣшностію, что памятникъ былъ совершенно изгоповленъ для опкрыпія къ 15 Августа 1810 года, п. е. ко дню рожденія Наполеона. Онъ самъ былъ занятъ эпою работою. Часпо прибѣгали къ его памяти. Какъ Людовикъ XIV снабжалъ Пелинона необходимыми объясненіями для написанія его нумизмапической исторіи, — пакъ и Наполеонъ съ особеннымъ удовольспвіемъ дикповалъ художникамъ пласпической журналъ своего похода. Денонъ, послѣ долгихъ бесѣдъ съ героемъ памятника соспавлялъ программу всякаго дѣйсвія; художникъ Берпере изобрѣпалъ по ней рисунки, копорые предлагались Имперапору, чпобы знапть, поняпа ли и выражена ли мысль его.

Но кромѣ эпихъ подробностей, главный предметъ монумента пребовалъ продолжительныхъ совѣщаній. Предстоялъ вопросъ понкій, вопросъ деликапный: его ли спатуѣ замѣнитъ спатую Карла Великаго и совершитъ ли пор-

жесиво опкрыпїя еще при его кизни? Долго опказывался Наполеонъ рѣшишь элопть вопросъ по желанїю своихъ поклонниковъ. Наконецъ ихъ настойчивая леспъ, какъ будпо, одолѣла его пропшвоборспво, а на самомъ дѣлѣ едва ли не выразила полько его собспвенное, тайное желанїе.

Предспавился другой вопросъ: изображапъ ли Наполеона въ его собспвенномъ плапѣ или въ древней одеждѣ? Вкусъ его, не сполько художеспвенный, сколько положительный, желалъ полько вѣрности изображенїя; однако онъ внимашельно выслушивалъ доводы пропшвниковъ сего мнѣнїя. Ему возражали, что эпо могло разрушпть гармонїю цѣлаго въ памятникѣ: надпись, спашуи на пїедеспалѣ изображающїя славу, фигура Испорїи, находящаяся въ срединѣ спана колонны, пребовали непременно, чпобъ цѣлое увѣнчалось или собспвенною его спашуею въ героическомъ спилѣ, или аллегорическою фигурою побѣды. Присоединяли къ эспимъ доводамъ и по, что монументъ назначался для вѣковъ и чпо идеальное предспавленїе особы Наполеона по смерпш его соопвѣпспвовало пош аповеозѣ, которая должна была слѣдовапъ за всеобщемо скорбїю народа. Наполеонъ сдался на эспш доводы: исполнение спашуи поручено было Шоде, первому ваяпелю своего времени. Онъ изваялъ Напо-

леона въ Римскомъ костюмѣ. Успѣхъ художника отвѣчалъ намѣренію.

Не всѣмъ извѣстны эпѣ подробности; но ихъ весьма доспапочно для того, чпобы совершенно осудить возобновленіе сего памятника, которое въ испекшемъ году, 28-го Юля, совершено было въ Парижѣ. Спапуя Наполеона, которая въ два или при часа подняпа была на верхъ колонны искуснымъ архипекпоромъ, представлена въ маленькой его преугольной шляпѣ, въ коропкомъ сюрпукѣ, который носилъ онъ обыкновенно сверхъ мундира. Если ужъ Французы рѣшились оскорбить вкусъ, то не надо было по крайней мѣрѣ оскорблять здраваго смысла, а для эпаго слѣдовало въ надписи сперепъ слова: *semper augustus*, копорья пеперь не имѣють никакого значенія; замѣнили спапуи славы, споящія надъ дверью входа, двумя гвардейскими гренадерами; наконецъ вмѣсто Музы Испоріи спспавилиъ Маршала Берпье, въ помѣ положенія, какъ онъ, подъ дикповку Императора, пишепъ бюллетени великой арміи. Не входя въ вопросъ, правилень или не правилень былъ взглядъ на искусство въ 1806 году, мы скажемъ полько одно: если ужъ хотѣли возобновлять монументъ, то не надо было его *передѣлывать*, чпобъ не впаспъ въ пропиворѣчье.

Смѣшеніе стилей въ монументахъ означало всегда эпохи паденія. Если не обманываетъ насъ

память, во времена варварства на колоннѣ Антонина поставили статую пирана; потомъ замѣнили ее въ другое время статуею святого. Уже ли ваяніе нашего времени находится на той же степени упадка, на какой оно было въ этѣ двѣ эпохи Рима?

Мы вовсе не намѣрены унижать память художника, который изготовилъ статую; мы думаемъ только, что онъ увлекся ложною мыслию. Онъ не разсчелъ, что черпны въ отдаленіи сольются, что очертаніе ногъ и колѣнъ исчезнутъ на такомъ возвышеніи, и что глазъ будетъ упираться только на чепвероугольныхъ ломаныхъ линияхъ сюрпука и маленькой преугольной шляпы, что всѣ этѣ линіи непріятно вырѣжущся на небѣ, — и зритель невольно подумаетъ, что надъ ламперной колонны стоитъ не фигура, а караульня.

(Извлечено изъ *LITER, BLÄTTER DER BÖRSEN-HALLE*).

(При сей книжкѣ предлагается изображеніе статуи Наполеона).

V.

ВОСТОЧНАЯ МАГІЯ.

§ I.

Я клялся хранишь пайну, имъ мнѣ ввѣренную, и сдержалъ бы слово мое; но смерть его разрѣшила меня опть кляпвы.

Однакожь должно начашъ выше, эпо спонить пого. Едва ли еспь люди, копорые бы не слыхали о Месмеръ, эпомъ dospoйномъ чело-вѣкѣ, коему, почпи за пяпъдесяпть лѣпъ предъ симъ, пришло въ голову, чпо онъ опкрылъ шо, чпо другіе многіе уже нашли въ порядкѣ природы, въ гармоніи ея часпей, единообразномъ сцѣпленіи и возобновленіи ея фазисовъ, именно взаимное вліяніе, свойспвенное одушевленнымъ сущеспвамъ, вліяніе, копорое можно воспроиз-

веспь въ чловѣкѣ, управляя и владычеспвующимъ.

Будучи сначала преслѣдуемъ, подобно всѣмъ людямъ, обнародывающимъ новую идею, онъ удалился изъ опечеспва своего съ сердцемъ сокрушеннымъ, обманутыми надеждами, и приѣхалъ въ Парижъ въ ту эпоху энпузіазма и волненія, когда умы, алкавшіе новыхъ впечатлѣній, ради были всему, даже Месмеру.

Тогда, среди сокрушающагося зданія общеспва, родилась эта новая свержеспспвенная будущность, копорую провозглашалъ чловѣкъ, быть можетъ, безумспвующій.

Но сіе облако прошло, исчезло; едва находимъ мы нынѣ слѣды онаго у нѣкопорыхъ изъ нашихъ соопечеспвенниковъ, опличающихся пламеннымъ воображеніемъ и въ немногихъ ученыхъ кабинетахъ любознапельной Германіи.

Но Воспокъ, сіе опечеспво съдой древности, нѣкогда бывшій колыбелью, нынѣ ставшій могилою всѣхъ искусствъ и наукъ, былъ также мѣспомъ, гдѣ процвѣтали науки occultes и существовали могущеспвенныя таинспва, поражающія воображеніе народовъ. Однакожъ паденіе колосса, воздвиженіемъ коего грозили слабому чловѣчеспву, не лишаепъ меня бодрости; я объясню вамъ другой способъ узнавать прошедшее и будущее, способъ болѣе проспой, еспспвенный, проспую игру, коею можно

забавляясь въ домашнемъ углу, вечеромъ среди семейства, игру, копорая разоблачаетъ предъ вами прошедшее и будущее, вызываетъ мертвыхъ изъ гробовъ, сообщаетъ свѣденія объ опсуспствующихъ. — Не смѣйпесь! вы увидите, что это дѣло важное; это такое могущество, коимъ вы будете неминуемо покорены, такая сила, копорая поразишь васъ; это нѣчто неуловимое, непонятное.

Уже пропекло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я поселился въ Каиръ; однажды упромъ Лордъ П***, братъ Герцога N***, уведомиль меня, что къ нему придетъ одинъ Алжирецъ, колдунъ по ремеслу, и будешь показывапъ магическій опышь, про копорый рассказываютъ много чрезвычайнаго. Я приняль приглашеніе, хопя мало тогда довѣрять воспочной магии; ибо кромѣ удовольстворенія любопытпства, мнѣ предспавлялся случай провеспи нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ, весьма пріятной. Лордъ П*** приняль меня съ свойспвенной ему ласковоспью и веселоспью, копорую умѣль сохранишь, не взирая на многочисленныя и разнообразныя свѣденія его, и прилѣжныя изысканія въ спрапахъ, куда проникапъ весьма прудно. Сколько людей на его мѣспѣ сдѣмались бы несносными педанпами!—» Колдунъ Ахметъ еще не пришелъ, «сказаль Лордъ, » но въ ожиданіи его мы нашьемся кофе. « — Мы сѣли и спали разговаривапъ

о взаимныхъ предпріятіяхъ нашихъ ; ибо это есть особенность дѣятельной путешественнической жизни, что человекъ и минуты спокойствія своего посвящаетъ прожектамъ.

Въ это время въ комнату вошелъ прекрасный, большого роста, мужчина ; на немъ была чалма зеленого цвѣта и бенишь того же цвѣта : это былъ Алжирецъ. Онъ скинулъ бенишь при входѣ, сѣлъ на диванъ, положилъ возлѣ себя другой, принесенный имъ на плечъ (обыкновеніе памошнихъ законоискусниковъ) и поклонился всѣмъ по успановленной въ Египтѣ формѣ.

Лице имѣлъ онъ кропкое, привѣпливое, хопя важное ; взглядъ его былъ живъ, пронцапелень, скажу даже—ужасень ; онъ, по видимому, спарался не вперяпъ его въ человекъ, съ коимъ говорилъ, но поглядывалъ по на лѣво опъ него, по на право ; впрочемъ, въ немъ не было ничего изъ пѣхъ спранностей, коими обнаруживаются сверхъеспественныя дарованія—ремесло волшебника. Онъ былъ одѣпъ какъ писцы или законоискусники ; говорилъ очень проспо, безъ надупой пайнспвенности, о всемъ, даже о своей наукѣ, о пѣхъ опытахъ, копорые дѣлалъ въ публикѣ, и копорые, казалось, почипалъ онъ игрушкою въ сравненіи съ другими пайнами его, о коихъ онъ полько намекалъ въ разговорѣ.

Ему принесли прубку, кофе; и между тѣмъ, пока онъ разговаривалъ о своемъ опечеслвѣ, о войнѣ, коей угрожала Франція (ему, по-видимому, эпо было все равно), привели двухъ дѣпей, надъ коими онъ долженспивалъ дѣлапъ опыпъ.

Тогда началась сцена. Все общеспво спало вокругъ Алжирца, который, посадивъ одного изъ дѣпей возлѣ себя, взялъ его за руку и, казалось, смопрѣлъ на него со вниманіемъ. Ребенокъ сей былъ сынъ Европейца; онъ имѣлъ опъ роду одиннадцать лѣпъ и, хопя плапье носилъ Европейское, но, будучи воспитанъ въ Египпѣ, хорошо говорилъ по Арабски. Ахмедъ, вынимая изъ чернилицы проспниковое перо свое, замѣпилъ робоспъ ребенка и сказалъ ему: » Не бойся, другъ мой! Я напишу полько нѣ-копорья слова у тебѣ на рукѣ, ты будещ смопрѣпъ на нихъ, вопъ и все. «

Ребенокъ ободрился, а Алжирецъ начерпилъ у него на рукѣ квадрапъ, спранно смѣшанный съ цифрами и буквами; налилъ на средину руки немного гуспыхъ чернилъ и велѣлъ ему смопрѣпъ, спрашивая, видипъ ли въ нихъ себя. Ребенокъ опвѣчалъ, чпо видипъ.

Волшебникъ попребовалъ жаровню, копорую попчасъ и принесли. Онъ развернулъ при бумажки съ разными вещеспвами, копорья бросилъ

по исчисленной пропорціи на огонь, пакъ чпо дымъ совершенно обдалъ всю голову ребенка.

Онъ велѣлъ ему снова смотрѣть на ладонь, совѣщовалъ глядѣть внимательно и уведомилъ его, когда увидишь Турецкаго солдата (каву), метущаго площадь. Ребенокъ нагнулъ голову; благовонныя вещества прецеди на угольяхъ, и колдунъ, сначала тихимъ, потомъ мало по малу болѣе громкимъ голосомъ, началъ произносить какія-то слова, изъ коихъ едва нѣкопторыя достигали ясно до слуха нашего.

Глубокое молчаніе царствовало; ребенокъ устремилъ глаза на свою руку; дымъ расплался какъ облако, распроспраня сильный, ароматическій запахъ. Ахмедъ, сохранявшій непоколебимую важность, казалось; голосомъ своимъ, копорый изъ пихаго спановился быспрымъ, шумнымъ, вызывалъ медлящее явленіе, какъ вдругъ ребенокъ, опкинувъ голову, закричалъ, заплакалъ горько и сказалъ рыдая, чпо не хочеть болѣе смотрѣть, чпо видѣлъ ужасное лице. Онъ препепалъ. Алжирецъ не удивился этому, и сказалъ равнодушно: »Эпотъ ребенокъ испугался; оспавъще его; если принуждашь, то его воображеніе можешь бышь слишкомъ поражено.«

Привели маленькаго Араба, находившагося слугою въ домъ, и копораго волшебникъ ни-

когда не могъ прежде видѣть. Не робѣя опъ увидѣннаго имъ, онъ охотно согласился на всѣ приговоренія, усpreмилъ глаза въ ладонь на опраженіе лица своего, которое, дрожа въ чернилахъ, видимо было даже съ боку. Благовоніе снова вознеслось въ облакахъ дыма, и заклинанія, въ родѣ монопоной пѣсни, попеременно, по усиливаясь, по ослабѣвая, казалось, должны спивовали поддержать вниманіе.—»Вопъ онъ!« воскликнулъ ребенокъ, и мы всѣ замѣпили внезапное, живое ощущение, съ коимъ онъ обрапилъ взоръ свой на средопочіе магическихъ знаковъ.

»Въ чемъ онъ одѣтъ?«—На немъ красная, вышитая золопомъ жилепка, Ампская чалма и за кушакомъ писполеты. — »Что онъ дѣлаетъ?« Мешетъ площадку у палатки очень богатой и прекрасной; она испещрена краснымъ и зеленымъ цвѣпомъ, а на верьку ея золопныя шарикн.—»Смотри, кпо пеперь идентъ?« (Послѣ минутнаго вниманія, молчанія и взываній). — Это Султанъ со всей свипой! О какъ это прекрасно! И ребенокъ смотрѣлъ вправо и влѣво, какъ въ оппическія спекла, коихъ проспранспво спараются разширись; смотрѣлъ со всѣмъ учаспиемъ, внушаемымъ ему симъ зрѣлищемъ, учаспиемъ, которое изъвлялось въ живоспи и просподошной почноспи его опвѣповъ.—»Какая подъ нимъ лошадь?«—Бѣлая съ перьями на головѣ.—»Каковъ онъ самъ?«—У него черная борода и зе-

ленькій бенишь. За симъ слѣдовало длинное описаніе свипы, съ самыми мелочными подробностями; короче, со всей видимой почноспью, не оспавлявшей никакого сомнѣнія, чпо зрѣлице, имъ описываемое, дѣйствипельно находилось у него предъ глазами. Наконецъ Сулпанъ сѣлъ въ палапкѣ, ему принесли прубку, всѣ спали вокругъ него.

— »Теперь, господа, назовипе людей, копорыхъ вы желаете вызвапъ; но спарайшесь хорошенько произносипъ имена.« Мы глядѣли другъ на друга, какъ всегда бываетъ въ такія минупы: никпо въ своей памяпип не находилъ ни одного имя. »Шекспира!« сказалъ наконецъ сопупешественникъ Лорда П* * * Маіоръ Т. — »Прикажи солдапу привести Шекспира,« сказалъ Алжирецъ. — Приведи Шекспира! закричалъ малюпка повелипельнымъ голосомъ. — Вопъ онъ, — сказалъ ребенокъ, послѣ непродолжипельнаго молчанія, нужнаго для выслушанія нѣкопорыхъ невняпныхъ словъ, произносимыхъ волшебникомъ. Трудно бы было описавъ удивленіе наше и вниманіе, съ коимъ мы вслушивались въ опвѣпы ребенка. »Каковъ онъ?«—На немъ чернѣй бенишь; онъ весь въ черномъ; у него борода! — »Онъ ли эпо?« спросилъ Алжирецъ. »Сверхъ пого, вы можете спросипъ объ опечеспвѣ его и лѣпахъ.«—Хорошо! Гдѣ онъ родился? сказалъ я. — »Въ спранѣ, окруженной опвсюду водою.«—Эпопъ опвѣпъ по-

разиль насъ. » Вели привести Крадока, « прибавилъ Лордъ П* * *, съ неперпѣниемъ челоуѣка, опасася дапсь въ обманъ. — «Кава привель его. — Въ чемъ оу одѣпъ? —» Въ красномъ плапѣ; на головѣ у него большой черной парбушъ и какіе — по спранные, смѣшныя сапоги! Я никогда не видывалъ пакихъ; они черныя и доходяпъ у него выше колѣна. «

Всѣ сіи опвѣпы, коихъ справедливость ясно была видима, не взирая на еспеспвенное замѣшапельспво въ выраженіяхъ, замѣшапельспво, не могшее быпъ припворнымъ, были пѣмъ удивительнѣе, что изъ нихъ явспвовало, что ребенокъ видѣлъ предметы совершенно для него новые. Такъ Шекспиръ, съ небольшимъ чернымъ плащемъ своего времени (ребенокъ назвалъ плащъ бенишемъ, не зная другаго названія) и весь черный костюмъ, принадлежащій только Европейцу, ибо на воспокъ чернаго не носяпъ, припомъ борода, не носимая Европейцами при Франкскомъ костюмѣ, все это, безъ сомнѣнія, было новостью для ребенка. Уже одно мѣсто рожденія его, названное спраною, копорая окружена водой, еспъ опвѣпъ удивительный. Что касается до Г. Крадока, то это еще доспощримѣчательнѣе, ибо большой черной парбушъ, означающій военную прехъ — угольную шляпу, и черныя сапоги, носимые сверхъ панпадонъ, супъ вещи, копорыхъ, по спспвеннымъ

словамъ его, онъ не видалъ, а однакожь онъ являлись ему среди насъ, по единспвенному вызову челоуѣка, такою же, какъ и мы.

Мы заспавляли възъыванъ многихъ и другихъ людей; и всякой опвѣпъ, при всей своей неправильности, оспавлялъ въ насъ глубокое впечатлѣніе. Наконецъ волшебникъ сказалъ, что ребенокъ успаетъ. Онъ поднялъ ему голову, прижавъ ему глаза большими пальцами, прочелъ молитвы и попомъ нуспилъ его. Ребенокъ былъ какъ пьяный; глаза его блуждали, лобъ былъ покрытъ потомъ, все существо, казалось, было попрясено въ немъ. Однакожь, мало по малу онъ поправился, сдѣлаея веселъ, былъ доволенъ прѣмъ, что видѣлъ; охотно о помъ разсказывалъ, вспоминалъ все обстоятельство съ подробностями онъхъ, какъ будто говоря о произшествіи, которое дѣйствительно происходило предъ глазами его.

Я всегда имѣлъ особенную склонность къ симъ сверхъ - есптеспвннымъ вещамъ; но у меня вкусъ сей не былъ слѣдоуемъ ученія или каприза; это сильное впечатлѣніе, попрясающее нервы мои, овладѣвающее мною проптивъ воли, не взирая на спрахъ, имъ мнѣ внушаемый. Я боюсь вліянія, производимаго на меня сими чрезвычайными дѣйспвіями; усиливаюсь сопропвивляться имъ, но не могу. Волшебникъ замѣпилъ особенное вниманіе, обращаеое мною

на его движенія и слова, замѣпилъ вліяніе, которое взглядъ его, моими взорами вспрѣченный, произвелъ на все мое существо; замѣпилъ, ибо это вліяніе дѣйствительно существовало: игра глазъ его, быспро на меня вперенныхъ, казалось, приковывала къ нему мой взоръ.

Оставивъ ребенка, онъ подзвалъ меня къ себѣ, сказалъ, что намѣренъ произвести надо мною сей же самый опытъ съ равнымъ успѣхомъ. Все общество смѣялось и пригласило меня испытать. Я также смѣялся, но мнѣ совсемъ не нравилась мысль объ этомъ опытѣ. Однакожъ не лзя было опказатьсь; я согласился. Чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ лице свое; глаза мои мучились опъ дрожанія жидкости, въ рукѣ моей находившейся, вскорѣ чпошо... не смѣю признасться, но я испугался; испугался не того, что увижу, но дѣйствія, которое бы произошло опъ опвѣшовъ, кои бы я долженъ былъ давать предъ любопытными и насмѣшливыми свидѣтелями. Я сдѣлалъ усиліе, закрылъ глаза, сказалъ, что это бесполезно, что я не могу ничего видѣть; поднялъ голову и не смѣлъ взглянуть на волшебника: мнѣ казалось, что онъ прочтетъ въ моихъ глазахъ спрахъ. Я опошелъ въ сторону, кликнулъ моего драгомана Белье, велѣлъ ему опозвать Ахмеда и спросилъ у него, не опкроетъ ли опъ мнѣ своего секрета, за

какую ему угодно цѣну, и что я съ моей спорны обяжусь сохранять оный въ тайнѣ.

По окончаніи сцены, Ахмедъ закурилъ трубку, разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ зрителей, еще не опомнившимися опть удивленія, произведеннаго надъ ними его волшебствомъ, напился кофе и ушелъ. Всѣ удалились. Едва успѣвъ оспаться на единѣ съ Белье, спросилъ я объ опвѣстѣ, имъ полученномъ. Ахмедъ сказалъ ему, что онъ согласенъ опкрыть мнѣ секретъ свой, что споптъ мнѣ явись къ нему на другой день и вмѣстѣ условись.

§ II.

ТАЙНА.

Я купилъ съ ученымъ Жидомъ кошечій глазъ, за копорый заплашилъ восемь мединовъ.

Монкони.

Все это рассказывалъ я всѣмъ колдунамъ, но ни одинъ не могъ мнѣ объяснить шаго.

На другой день рано поупру, я съ Белье, нарядившись проспымъ солдапомъ, свѣвъ на ословъ, коихъ мы взяли въ Турецкомъ кварталѣ, опправились къ большой Елизарской мечепи, близъ коей жилъ Алжирецъ

Ахметъ. Не въирая на многочисленныя описанія, сдѣланныя намъ въ слѣдствіе нашихъ вопросовъ, мы съ шрудомъ нашли жилище Ахмета, среди сего дедала святошей, нищихъ, слѣпцовъ, лавокъ и закоулковъ. Наконецъ прибыли мы въ глухой переулокъ, гдѣ жилъ нашъ колдунъ. Я позвонилъ; минушу спуспя, дверь отворилась до половины. Женщина, мывшая бѣлье, сказала намъ, закрывъ до половины лице покрываломъ, пакъ, чпо мы могли съ шрудомъ видѣшь полько одинъ глазъ, хопя вполне видѣли шею, чпо Ахмедъ отозванъ куда-по и ждешь насъ на другой день послѣ асра.

Мы съ почноспью явились на впоричное свиданіе, и взошли по весьма крупной лѣспницѣ во впорое жильѣ, проспю убранное, но снабженное диванами весьма хорошими и новыми коврами. Ахметъ принялъ насъ учтиво и ласково; лице его сіяло веселоспью непринужденной; возлѣ него игралъ прекрасный ребенокъ: эпо былъ сынъ его. Вскорѣ попомъ небольшого роспа черный невольникъ, опличавшійся спранными ужимками, принесъ намъ шрубокъ.

Впорчемъ весь домашній бытъ его носилъ на себѣ печать спокойспвія, избылія и благососпожня. Говорю эпо не попому, чпобы слѣдовалъ общему мѣбнію нашего вѣка, копорое, кажется, намѣрено убѣдиль въ томъ, чпо дабы жить счаспливо

въ семействѣ, по должно бытъ жестокимъ про-ремщикомъ, или, по крайней мѣрѣ, спрогимъ Капономъ; * но попому, чпо меня все въ его жилищѣ поразило своимъ проповорѣчемъ съ идеями, которыя еспественно соединяють съ ремесломъ колдуна нѣчто волшебное, кабалистическое: оспроконечный колпакъ, плащѣ съ дьявольскими узорами и лампу въ черепѣ.

Пока не принесли кофе, разговоръ касался только обыкновенныхъ предметовъ; но напившись онаго, мы спали говоримъ о занятіяхъ и искусствѣ хозяина. Онъ увѣдомилъ насъ, чпо искусство его сообщено ему двумя знаменитыми шейхами его родины, и присовокупилъ, чпо видѣнное нами есть только малѣйшая часть того, чпо онъ можетъ сдѣлать. Тогда, при изчисленіи длинной номенклатуры тайнъ и чрезвычайныхъ дѣйствій, производимыхъ маленькими исписанными бумажками и приемами самыми смѣшными, замѣтилъ я многіе, основывавшіяся на свѣденіяхъ физическихъ, довольно глубокихъ, и въ особенноти нѣкопорыя безъ всякаго сомнѣнія производившіяся могуществомъ быстраго и сильнаго магнетизма. »Сверхъ того я могу,« говорилъ онъ, »попчасъ усыпить человека, заспавить его капаться по землѣ, придти въ бѣшенство, и въ

* Это говоритъ Французъ.

сихъ припадкахъ принудилъ его опкрышь всё его пайны. Также, когда захочу, могу, посадивъ челоуѣка на опдѣленный пабурепъ, и производя вокругъ него особенныя пѣлдвиженія (онъ показывалъ сѣ пѣлдвиженія: онъ были именно пѣже, которыя употребляютъ нашими магнетизерами) усыпилъ его; но онъ будетъ спать съ незакрытыми глазами, говоришь, дѣлашь жеспы, какъ неспящій челоуѣкъ.» Сѣмъ средспвомъ, по его словамъ, получалъ онъ удивительныя резульпаты. Надлежало бы видѣшь какъ онъ дѣйствуешъ, узнать хорошо о людяхъ, надъ коими онъ спалъ бы производилъ свои дѣйспвія; я имѣлъ эпо намѣреніе; любопытно бы было внимательнo изслѣдовать сего челоуѣка, имѣвшаго споль разнообразныя свѣденія; но внезапная смерть его воспрепятствовала тому.

Впрочемъ въ эпошъ разъ дѣло шло сполько о томъ, чпобы онъ опкрылъ мнѣ пайну явленій въ ладони. Мы условились: онъ спребовалъ 40 Испанскихъ шалеровъ и хопѣлъ, чпобы я поклялся надъ кораномъ, не объявлять никому сѣ пайны. Спорговались за пидцать шалеровъ. Я пропѣлъ кляпву, онъ велѣлъ позвать сына своего, и, пока мы курили, онъ пригопвилъ всё нужныя для его дѣйспвій вещеспва. Опрѣзавъ опъ большаго сверпка кусочекъ бумажки, начерпилъ онъ на ней знаки, которыя

должно изображать на рукѣ, и буквы, имѣющія съ оными сношенія; попомъ, послѣ минушной нерѣшимости или раскаянія въ своей опроверженности, опдалъ мнѣ ее. Вопшь почная съ оной копія:

ЛѢВАЯ РУКА.

ЧЕТЫРЕ ПАЛЬЦА.

БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦЪ	ε	А	С
	ε'	●	γ
	λ	1	2

НАЧАЛО КИСТИ.

Онъ продиктовалъ мнѣ молитвы; я записалъ ихъ. Вопшь онъ:

Анзилу аюга ель Дженни она ель Дженнунъ.
Анзилу бепакки мапалагонпогонъ алейкумъ.

2   3   2.

Тарикки, Анзилу, Тарикки.

Изъ сего явспвуепъ, что это весьма просто; но трудность состоитъ въ способѣ произносить или пѣть ихъ съ должнымъ кадансомъ. Впорую часъ надлежитъ повпорять нѣсколько разъ, смотря по надобности, но чаще въ помъ порядкѣ, какъ я назначилъ.

Три благовонныя вещества супъ:

Такегъ мабахи.

Амбаръ Ипди.

Консонбра Джаонъ.

Первое и пренъе кидаются въ огонь въ равномъ количествѣ, впорое рѣже.

Онъ дѣйствовалъ надъ сыномъ своимъ. Ребенокъ имѣлъ такую къ этому привычку, что явленія слѣдовали безъ пруда одно за другимъ. Онъ рассказывалъ намъ чрезвычайныя вещи, коихъ оригинальность рѣшительно доказывала, что супъ не было ни малѣйшаго обмана.

Я удалился, давъ обѣщаніе побывать у него на завтра снова, и выучивъ наизусть молитвы и знаки, которые должно черпить на рукѣ. Во весь томъ вечеръ, сидя на диванѣ, я упражнялся въ томъ, чтобъ выучиться произносить молитвы тѣмъ же голосомъ и въ той же мѣрѣ каданса, какъ Алжирецъ. На другой день я дѣйствовалъ самъ, въ присутствіи Ахмета, съ большимъ успѣхомъ и съ тѣми чувствованіями, кои долженствовали внушить спрванное могущество, имъ мнѣ сообщенное. Я удалился, обѣщая навѣстить его, какъ скоро испытую силу новаго могущества моего.

Возвращаясь, я зашелъ на рынокъ Невольниковъ, гдѣ купилъ три благовонныя вещества, въ коихъ имѣлъ нужду. Черезъ нѣсколько дней, послѣ открытія мнѣ сей тайны, по причинѣ

нѣкоторыхъ извѣстій, былъ я принужденъ ѣхать въ Александрію.

Я велѣлъ нанять небольшую, сколько можно легкую лодку, для переѣзда чрезъ Махмуди въ самую Александрію.

Уже на лодкѣ сдѣлавъ я два опыта, вполне удавшіеся и весьма изумившіе моихъ мапросовъ. Въ Александріи занимался я эпимъ съ большимъ поспоянспвомъ, думая, что въ пакомъ опдаленіи не можетъ уже сущеспвовапъ никакого согласія между Алжирцемъ и дѣпьми, коихъ я употреблялъ; а дабы еще болѣе обезпечить себя въ эпомъ опношеніи, я бралъ ихъ въ самыхъ опдаленныхъ часпяхъ города или на дорогахъ, въ шо время, какъ они приходили изъ деревни. Я получилъ отъ нихъ удивительные опвѣпы, копорые всѣ (хотя нѣкоторыя были и невѣрны, но сіе можно приписать невѣжеспву ребенка, опносипельно предметовъ, ему являвшихся), опличались одинакожъ оригинальноспью, безъ сомнѣнія болѣе удивительною, нежели проспая испина. Между прочимъ однажды я заспавиль явилъсѧ Лорда П***, находившагося въ Каирѣ, и ребенокъ, описывая его, сказалъ: *Смотри, какъ смѣшно: у него серебряная сабля.* А надобно знать, что во всемъ Египтѣ, едва ли кто нибудь, кромѣ Лорда, носилъ саблю съ ножнами сего металла.

По возвращеніи моемъ въ Каиръ, я узналъ, что уже поговаривали о моемъ искусствѣ; и однажды, къ великому удивленію моему, явились ко мнѣ люди Г. Мсарры, Французскаго драгомана, съ просьбою опыскапъ украденный у одного изъ нихъ плащъ. Эпа довѣренность къ моему могуществу, коей я и самъ еще не имѣлъ, весьма меня позабавила; но я удержался опть смѣху и весьма серьезно приказалъ имъ привести перваго ребенка, какой имъ попадется.

Я началъ дѣйствовать съ нѣкоторой робостью. Довѣренность, которую ко мнѣ имѣли, налагала на меня обязанность, не обмануть ихъ ожиданія; въ эпомъ участвовало не много и самолюбіе. Я былъ въ шакомъ же безпокойствѣ, ожидая опвѣщовъ ребенка, какъ и Арабы; надѣявшіеся чрезъ посредство оныхъ возврапитъ свою собственность. Къ довершенію несчастія, кава долго медлилъ приходомъ, не взирая на большія горсти благовонныхъ веществъ, бросаемыхъ мною въ огонь, и громогласныя взыванія мои къ благосклоннѣйшимъ духамъ; наконецъ онъ явился, и послѣ необходимыхъ предварительныхъ церемоній, велѣлъ я ребенку шребовать вора. — Воръ пришелъ. — Надобно было видѣть пропянушыя головы, опверзшыя рпы, усремленные взоры моихъ слушателей, ожидавшихъ провѣща-

пельнаго опвѣща; и дѣйствительно, ребенокъ описалъ намъ его лице, чалму, бороду, такъ что не было сомнѣнія, чтобъ онъ не видалъ его предъ собою. — «Эпо Ибрагимъ! да, эпо онъ, нѣтъ сомнѣнія!» закричали всѣ, и я увидѣлъ, что мнѣ оспалось только закрышь глаза ребенка; ибо они всѣ бросились опть меня, дабы бѣжать за Ибрагимомъ. — Желая, чтобъ дѣйствительно онъ былъ виноватъ, поелику до меня дошли сбивчивые слухи о нѣсколькихъ палочныхъ ударахъ, имъ въ слѣдствіе сего полученныхъ. Я не могъ узнать хорошенько, что происходило въ Гизегъ, гдѣ пропалъ плащъ.

Гордясь успѣхами моими, въ число коихъ включаю и палочные удары, данные Ибрагиму, отправился я къ Ахмету, дабы, увидясь съ нимъ, узнать еще нѣсколько другихъ пайнъ. Но дверь его жилищца была заперта, и въ ближайшемъ къ оному кофейномъ домѣ, куда я зашелъ выкурить трубку, рассказали мнѣ печальную повѣсть объ Ахметѣ. Одинъ знапный, но весьма спарый Турокъ, женился на очень молодой дѣвушкѣ, и для соблюденія достоинства супруга, желая исполнить всѣ обязанности новаго состоянія своего, обратился съ просьбою о помъ къ Алжирцу; сей послѣдній написалъ ему на бумажкѣ, копорую Турокъ долженствовалъ положить подъ подушку, воз-

ванія, приличныя обстоятельству. Волшебному могуществу сей бумажки приписали внезапно послѣдовавшую смерть Мусульманина; но по другимъ, дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, она послѣдовала гораздо еспешвеннѣе. Ахметъ, мало надѣясь на дѣйсвительность своихъ воззваній, далъ спарому Туркъ споль сильное возбуждательное средство, что на другой день его нашли мертвымъ возлѣ молодой супруги. Начальство узнало по найденной бумажкѣ объ участіи въ семь дѣлѣ Ахмета; его схватили и опрубили ему голову.

Этой-по его несчастной кончинѣ обязанъ свѣтъ опкрытіемъ пайны, которую онъ ввѣрилъ мнѣ. Оканчиваю словами Сперна: *I leave it to you, men of words, to swell pages about it.*

(REVUE DES DEUX MONDES).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва 12 Января, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

О ГЕТЕ И ШИЛЛЕРЪ.

(ИЗЪ ГЕЙНЕ.)

(Авطورъ сначала показаль, какимъ образомъ Романпическая школа возникла въ Германіи подь вліяніемъ каполической Религін, одушевленная любовію къ среднему вѣку. Въ эпой школѣ оны видипть необходимое явленіе пропшводѣйствія съ одной спороны духу сухаго подражанія классической древности, съ другой крайностиамъ пропешпанпскаго ученія. Шлегели, Тикъ, Новалисъ и другіе были основатели эпой каполическо - романпической школы. Фоссъ, продолжавшій направленіе Лессинга, боролся съ нею какъ въ религіозномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Онъ, классикъ въ смыслѣ Лессинга и рационалистъ, преслѣдовалъ спрасшь къ среднему вѣку и особенно грозно обличаль инприги каполицизма. Множество пропшвниковъ возпало на него; много обидъ и неприятностией перпѣлъ онъ, особливо въ спароспи, но не измѣнилъ до конца своему мнѣнію, и своимъ поспояннымъ пропшводѣйспвіемъ нанесъ сильный ударъ религіознымъ мнѣніямъ романпической школы.)

(Прим. Пер.)

Романтическая школа въ Германіи видѣла уже начало своего разрушенія въ томъ, что отличились ея католическіе замыслы, и въ поже самое время, въ собственномъ храмѣ, получила ударъ ужасный, копорый былъ ей нанесенъ рукою одного изъ ея боговъ, ею же самою возведенныхъ на престолъ обожанія. Вольфгангъ Гёте сошелъ съ своего пѣдестала и произнесъ приговоръ противъ Шлегелей, противъ пѣхъ же жрецовъ, копорые возжигали ему омиамъ. Голось Гёте разсыялъ внезапно это привидѣніе романтической школы. Призраки средняго вѣка разлетѣлись; совы скрылись по прежнему въ развалинахъ древнихъ замковъ; вóроны взмахнули прямо къ башнямъ готическихъ церквей; Фридрихъ Шлегель уѣхалъ въ Вѣну; тамъ всякой день ходилъ онъ къ обѣднѣ и кушалъ славныхъ жареныхъ пулярокъ; копорыми славился столица Австріи. Между пѣмъ братья его, Августъ Вильгельмъ, удалился въ пагоду Браны.

Сказавъ опкровенно, Гёте игралъ въ это время роль очень двусмысленную, за копорую не лзя никакъ похвалить его безусловно. Правда, что и Шлегели не поспупали съ нимъ чеспно. Въ войнѣ ихъ со старую школой, понадобился имъ живой поэтъ для образца: они не нашли лучшаго для своей цѣли, какъ Гёте. Въ ожиданіи опъ него сильной липературной опоры, они воздвигли ему алтарь, воскурили

нимъ и поспавили народъ передъ нимъ на колѣни. Была большая выгода имѣть при себѣ такого близкаго бога. Дорога изъ Иены въ Веймаръ есть аллея прекрасныхъ сливныхъ деревъ, копорыхъ плоды, говорятъ, очень вкусны лѣпомъ, особенно, когда зной возбуждаетъ жажду. По этой-то аллее частно прогуливались Шлегели въ Веймаръ, и тамъ имѣли не одну бесѣду съ Г. Тайнымъ Совѣтникомъ Гёте, который былъ всегда опличнымъ дипломапомъ, слушалъ ихъ очень спокойно, улыбался съ благосклонностію, а иногда подчивалъ ихъ и объѣдами. Они было также полкнулись и къ Шиллеру; но онъ, какъ честный человекъ, не хотѣлъ объ нихъ и слышать. Переписка между имъ и Гёте, напечатанная не такъ давно, пролила нѣкоторый свѣтъ на отношенія между обоими великими поэтами Германіи и Шлегелями. Гёте, съ важнымъ видомъ, безпрестанно улыбаепся, когда дѣло идетъ объ нихъ; Шиллеръ бѣсится на ихъ спрасъ заставляя въ-ми средспвами говорить о себѣ и называетъ ихъ *скворцами*.

Однако не смотря на это, Гёте обязанъ былъ братьямъ Шлегелямъ нѣкоторою частію своей славы. Они ввели его въ моду; они внушили публикѣ изученіе его произведеній. Обидный и надменный опказъ, копорымъ онъ наконецъ прервалъ связь свою съ ними, обнаружи-

ваепъ неблагодарность. Или провидѣць Гёте оскорбился пѣмъ, что Шлегели хопѣли упо-пребипъ его полько средспвомъ для своей цѣ-ли; или его санъ Минисперскій въ государспвѣ про-спеспанпскомъ не согласовался съ ихъ капо-лическою цѣлью; или гнѣвъ древнихъ языче-скихъ боговъ пробудился въ немъ, когда онъ подмѣпилъ пайнья уловки каполиковъ, попому что Гёте и лицомъ и нравомъ былъ очень по-хожъ на Юпитера, также какъ Фоссъ на кри-ваго Одина. Послѣдній долженъ былъ бишь мо-лопкомъ Тора; Гёте же спойло полько съ серд-цемъ вспряхнувъ свои волосы, надушенные ам-брозіей,—и Шлегели ушли въ нору. Важный доку-ментъ эпаго разрыва со спороны Гёте напеча-панъ во впорой часпи его періодическаго изданія: *Kunst und Alterthum*, подъ заглавіемъ: *о но-вомъ искусствѣ Германскомъ, христіанскомъ и патриотическомъ*. Эпою спатьею Гёте про-извелъ 18 Брюмера въ Нѣмецкой словесности: ею онъ упвердилъ свое владычество; жестоко изгналъ изъ храма Шлегелей; привлекъ на свою спорону полпу ихъ самыхъ ревностныхъ уче-никовъ и заспавилъ провозгласипъ себя единымъ самодержцемъ. Съ пой поры, ужъ забыли о Шлегеляхъ; поминали ихъ полько изрѣдка, какъ теперь поминають Барраса или Гоіэра; не го-ворили даже о поэзи романпической или клас-сической: Гёте и одинъ Гёте былъ у всѣхъ на

умъ. Правда, что въ эпохе время явилось на поприщѣ нѣскольکو поэповъ, копорые немного успунали ему въ силѣ и воображеніи, но они почпипельно признали его своимъ главою; они окружили его съ благоговѣніемъ; они цѣловали его руки, спановились передъ нимъ на колѣни. Эпи вельможи Парнасса опличались полько шѣмъ опъ другихъ поэповъ, что имѣли право носипѣ лавровые свои вѣнцы въ присупспвіи Гѣпе. Иногда и они бросали въ него камни; но ужасно негодовали, когда низише осмѣливались дѣлапъ поже. Липѣрапурная Ариспокрапія, въ какихъ бы опношеніяхъ ни была съ своимъ кумиромъ, всегда негодуепъ на дерзоспѣ черни пропивъ него. Но въ эпип послѣдніе годы ариспокрапы умспвеннаго міра Германіи возымѣли сильныя причины къ возспанію. Я ужъ сказалъ когда-но, что Гѣпе походилъ на Людовика XI, копорый угнепаль высшее дворянспво и возвыщаль среднее сословіе. Гѣпе боялся всякаго оригинальнаго писапеля съ характеромъ; онъ хвалилъ и цѣнилъ полько незначущіе, мелкіе спаланшы; онъ довель эпипу систему до шого, что похвала опъ Гѣпе считалась пашенпомъ посредспвенности.

Новые поэпы, показавшіеся подъ скипепромъ самодержавія Гѣпе, похожи на молодой лѣсъ, копорого пни спали замѣпны полько съ

пѣхъ поръ , какъ свалился эпопѣ огромный , сполѣпнѣй дубъ , покрывавшѣ ихъ своими вѣпвами и пѣнью .

Явились пропивники эпому папріарху лѣсовъ . Пропивоборспиво было ему не безъ досады . Люди мнѣнѣй самыхъ пропивоположныхъ соединились вмѣспѣ пропивъ него . Спаровѣры сердились на по , чпо на пнѣ эпаго огромнаго дерева не было ни одного дупла съ образкомъ свяпаго ; чпо лѣсныя нимфы древноспи , совѣсмъ нагя , совершали свои хороводы подъ его сѣнью . Какъ желали они имѣспъ чудотворную силу свяпаго Бонифація и благословенною сѣкирой сокрушиспъ эпопѣ очарованный спарый дубъ ! Поборники новой вѣры , возвѣспники либерализма , гнѣвались , за чѣмъ эпо дерево не превращилось въ дерево свободы , за чѣмъ нельзя было упопрѣбиспъ его на баррикады . Дубъ , въ самомъ дѣлѣ , подымался слишкомъ высоко : не было средспва ни повѣсиспъ краснаго колпачка на его вершинѣ , ни панцовапъ карманьолу подъ его пѣсню . Чпо касается до публики , она чпила его за красочу , попому чпо онѣ наполнялъ мѣръ своимъ благоуханѣемъ ; попому чпо вѣпви его спакъ великолѣпно , спакъ высоко возносились къ небу , чпо самыя звѣзды казались полько позлащенными плодами эпнаго чудеснаго дуба .

Оппозиція пропивъ Гёте началась съ появленія *Годовъ странствія*, копорые вышли въ печать въ 1821 году подъ заглавиемъ: *Годы странствія Вильгельма Мейстера* (Wilhelm Meister's Wanderjahre), нѣсколько времени спустя послѣ паденія Шлегелей, у Гопфрида Бана, въ Кведлимбургѣ. Гёте объявилъ подъ эпимъ именемъ продолженіе *Годовъ ученія Вильгельма Мейстера* (Wilhelm Meister's Lehrjahre.) Спраннымъ случаемъ, эпо продолженіе явилось въ одно время съ своею пародіею, въ копорой не только насмѣшливо передразнивали спилъ Гёте, но и характеръ героя въ его оригинальномъ романѣ. Въ эпой пародіи былъ видѣнъ не только большой умъ, но и снаровка: авпоръ долгое время оспавался неизвѣспнымъ; напрасно спарались опкрыпъ его имя: посредспвомъ эпой хипрөспи вниманіе публики было поддержано весьма искусно. Наконецъ узнали, что авпоромъ былъ какой-то сельскій священникъ, совершенно неизвѣспный, по имени *Pustkuchen*, что по Нѣмецки значипть *вздутая ячница* и что въ выражало вполне характеръ писателя. Въ эпой книгъ укоряли Гёте въ спомъ, что его поэзія не имѣла нравспвенной цѣли; что онъ не умѣлъ изобрѣспать благородныхъ созданій, а только одни проспонародныя лица. Шиллеръ, напропивъ, предспавлялъ только характеры идеаль-

ные, возвышенные, а попому какъ поэтъ спо-
ялъ выше Гёте.

Эта послѣдняя мысль, что Шиллеръ выше Гёте, была зародышемъ всей книги. Тогда на-
пала на всѣхъ охота сравнивать произведенія
обоихъ поэтовъ,—и мнѣнія раздѣлились. Шил-
леристы гордились чистоплюю, возвышенно-
стью Макса Пикколомини, Теклы, Маркиза Позы
и другихъ героев драмы Шиллера, тогда какъ
Филипу, Маргериту, Клару и другія прекрас-
ныя созданія Гёте признавали за женщинъ
безнравственныхъ. Гётеисты улыбаясь согла-
шались, что эти лица, равно какъ и другія,
не слишкомъ-то были нравственны; но утвер-
ждали, что нравственная цѣль, копорой пре-
бывали опъ поэзіи Гёте, не есть собственно
и безусловно цѣль искусства. Подобно вселен-
ной, копорая оспается всегда тою же, не
смотря на то что человѣческія сужденія объ
ней мѣняющся безпрестанно, — не должно ли
также и искусство сохранять свою независи-
мость опъ временныхъ возрѣній чловѣка?
Искусство въ правѣ оспаваться совершен-
но независимымъ опъ нравоченія, копорое
имѣетъ много своихъ временныхъ, часпныхъ
условій, по народамъ и эпохамъ. * Чувство

* Надо бы прибавить: не смотря на постоянство одного
общаго закона добра, копорый Провидѣніемъ разлитъ во

испипныхъ Хриспипанъ , осуждающихъ плоть какъ навожденіе дьявола , оскорбляеися всегда при видѣ изображеній боговъ Греціи ; цѣломудренныя иноки накрыли передникомъ древною Венеру ; благоприспийность нашихъ новѣйшихъ времяъ изобрѣла для нагихъ спапуѣ смѣшной лиспокъ винограда ; одинъ набожный квакеръ пожерпвовалъ всѣмъ своимъ наслѣдспвомъ на по , чпобы купипъ и сжечъ лучшія миеологическія карпины Джуліо Романо. Религія , полагавшая Бога въ маперіи , обогоспворявшая плоть , перешедъ въ нравы , влекла за собою нравоученіе , которое давало цѣну только пѣмъ произведеніямъ искуспва , гдѣ возвышена была плоть , и слѣдовапельно опвергло бы пѣ созданія искуспва хриспипанскаго , кои представляющъ порабощеніе плоти , опвергло бы ихъ какъ безнравспвенныя. Кромѣ того , вникнемъ еще въ слѣдующее : не только нравоученіе измѣняеися съ вѣками , но часпо произведенія искуспва считающся нравспвенными въ одной спранѣ и безнравспвенными въ другой. Такъ наши образовапельныя искуспва возбуждающъ опвращеніе въ правовѣрномъ мусульманинѣ , — и , обрапно , предметы , самыя невинныя въ гаремѣ Воспока , приводящъ въ со-

всемъ челоѣчеспвѣ и вѣчно напечапльнѣ для насъ въ Хриспипанскомъ ученіи. *Прим. Пер.*

блзнь Хриспіанина. Въ Индіи, гдѣ ремесло Баядеры нисколько не опозорено, драма *Васантасена*, героиня копорой еспь покупная дѣва любви, эпа драма нисколько не счипаепся безнравспвенною. Предспавьте эпу драму на Théâtre-Français, все закритчипь: безнравспвенно! и эпо закритчипь попъ же самый паршеръ, копорый еждедневно емопритчъ съ удовольспвіемъ на шѣ комедіи, гдѣ главная спихія инприга, гдѣ главную ролю занимаютъ молодья вдовушки, подѣ конецъ всегда выходящія за мужъ, вмѣспо того, чптобы сгоратъ на коспрахъ съ ихъ умершими спругами, какъ того пребуептъ Индѣйское нравоченіе. Я совершенно раздѣляю мнѣніе парпії Гѣте въ поѣ спепени, какъ она возвышаептъ искусство, образуептъ изъ него другой міръ, вознесенный надъ эпимъ дольнымъ міромъ, гдѣ волнуепся жизнь челоѣческая съ своими вѣрованіями и нравами, споль непоспоянными, споль перемѣнчивыми; но я никакъ не могу бытъ на споронѣ поѣ же парпії, когда она, исходя опъ того же начала, спавиптъ искусство выше всего и совершенно успраняептъ опъ него міръ дѣйспвипельный, копорому всегда принадлежитъ первое мѣспо *.

* Здѣсь Гейне или впалъ въ пропиворѣчіе или по крайней мѣрѣ не разрѣшилъ вопроса: какимъ же образомъ найпти средину и согласитъ независимость искусства съ потребностью дѣйспвипельнаго міра? Дѣйспвипельный міръ, за-

Шиллеръ гораздо болѣе привязанъ былъ къ этому міру, и въ эпюмъ опношеніи мы обяза- ны хвалишь его. Духъ времени живо поразилъ великую душу Фридриха Шиллера. Онъ борол- ся съ нимъ, онъ былъ имъ побѣжденъ, онъ по- слѣдовалъ за нимъ на поле битвы, онъ схва- щилъ его знамя, по самое знамя, подъ копо- рымъ съ пакимъ воспоргомъ сражались по сю спорону Рейна. Шиллеръ увлекся идеями вѣка: онъ былъ космополишь. Свою ненависшь къ минувшему въ первый разъ выразилъ онъ въ *Разбойникахъ*; здѣсь явился онъ плушишкой- Типаномъ, копорый, вырвавшись изъ школы, бѣжишь битъ спекла у великаго Юпипера. Такъ началъ онъ, и кончилъ пою любовію къ будущему, копорая пакъ прекрасно разцвѣла въ *Донъ Карлостъ*: Шиллеръ самъ выразился въ эпюмъ *Поэтъ*, вмѣспѣ и поэтѣ и воинѣ, копо- рый сражается за свое пророчеспво и подъ испанскимъ плащемъ носилъ сердце самое бла- городное, какое полько когда-либо любило и спрадало въ Германіи.

Здѣсь Поэтъ - пворецъ уподобился Богу; Копорый пворилъ по Своему подобію. Но если Карлъ Мооръ и Маркизь Поза похожи на Шил- лера, по Гёте похожъ на своего Верпера, на

нимая первое мѣспо, не имѣеть ли права пребовать, чпобы искусство уважало его религіозныя и нравспвен- ныя мнѣнія? — *Прим. Пер.*

Вильгельма Мейстера, на Фауста, въ которыхъ можно видѣть всѣ фазы его ума. Шиллеръ бросается въ Испорію, съ воспоргомъ хочеть общеспвенныхъ успѣховъ челоуѣчспва, поеть лѣпописи міра: Гёте погружается въ частныя ощущенія челоуѣка, въ искусствѣ ли по или въ природѣ. Гёте, какъ панпейспъ, долженъ былъ единспвенно заниматьса Еспеспвенною Испоріей, какъ своимъ главнымъ дѣломъ: не въ одной поэзіи, но и въ ученыхъ сочиненіяхъ онъ показалъ плодъ своихъ изысканій. Его индиференпизмъ былъ пакже слѣдспвіемъ панпейспическаго возрѣнія на міръ. Если Богъ во всемъ, — по не совершенно ли равно заниматьса пѣмъ или другимъ, облаками или древними камнями, народными пѣснями или чучелами обезьянъ, людьми или комедіанпами? Но Богъ не въ маперіи, какъ думали древніе; Богъ въ успѣхѣ, въ духѣ, въ спремленіи, какъ выражается Гегель. Сей Богъ успѣха, спремленія, Богъ духа, не перпиетъ равнодушія. Гёте, какъ равнодушный панпейспъ, не думалъ о пользахъ челоуѣчспва: онъ безпечно и спокойно игралъ въ искусствва, въ анапомію, въ систему цвѣповъ, въ познаніе распеній, въ наблюденіе облаковъ. Богъ не въ эпомѣ, а въ движеніи, въ дѣйспвіи; Богъ живеть и дѣеть: Его свяпымъ дуновеніемъ перебираюпся листы Испоріи, эпой, испинно божеспвенной книги: вопъ чпó

чувствовалъ и подозрѣвалъ Фридрихъ Шиллеръ, когда писалъ *Тридцатилѣтнюю войну, Отпаденіе Нидерландовъ, Орлеанскую Дѣву и Вильгельма Телля.*

Разумѣется, и Гёте восхвѣлъ нѣкопорыя высокія мгновенія новой испорціи, но онъ ихъ пѣлъ какъ художникъ. Онъ отвергнулъ съ печалію воспоргъ хриспіанскій; онъ не понималъ философскаго воспорга нашего времени, потому что, предавшись ему, боялся нарушить спокойствіе души своей: вопъ почему онъ всегда подчинялъ воспоргъ испорическому возрѣнію; онъ видѣлъ въ немъ что — то давнее, вещество для обработки. Духъ въ рукахъ его превратился въ матерію, и онъ далъ ей самую пріятную, самую изящную форму. Такимъ образомъ Гёте явился величайшимъ художникомъ въ нашей словесности,—и все, что ни написалъ онъ, было образцовымъ произведеніемъ, чудно окончаннымъ, совершеннымъ.

Примѣръ учителя увлекъ учениковъ, и въ Германіи начался пошъ словесный періодъ, которій я нѣкогда называлъ *періодомъ искусствъ*, и которому приписываю самое пагубное вліяніе на полипическое развитіе Германскаго народа. Впрочемъ, я не отрицаю дѣйствительнаго достоинства образцовыхъ произведеній Гёте. Они украшаютъ наше любезное опечество, какъ

прекрасныя статуи украшаютъ садъ, но это статуи. Можно въ нихъ влюбиться, но онѣ безплодны. Поэзія Гёте не возбуждаетъ къ дѣйствию, какъ поэзія Шиллера. Дѣйствіе есть чаша слова, а прекрасное слово Гёте бездѣпно. Сей приговоръ постигаетъ все, что рождается отъ одного только искусства. Статуя Пигмалионова была прекрасная женщина; мастеръ въ нее влюбился; она оживилась его лобзаніемъ, но не зачала отъ него. Кажется, Г. Ш. Нодде сказалъ что-то похожее. Вчера я думалъ объ эпосѣ, гуляя въ нижнихъ залахъ Лувра и смотря на древнія статуи боговъ. Онѣ спояли намъ съ своими нѣмыми и бѣлыми глазами, съ мраморною улыбкою, на которой покоилась тайная меланхолія: не грустное ли воспоминаніе о Египтѣ, о странѣ мертвыхъ, откуда эти боги приняты начало? — а можетъ быть печальная досада по шой жизни, откуда изгнали ихъ другіе боги, скорбь по ихъ погребенномъ безсмертіи: казалось, они ждали слова, которое возвратило бы ихъ бытію, освободило бы ихъ отъ сухой и холодной неподвижности. Эти древніе мраморы привели мнѣ на память поэтическія созданія Гёте, которыя также окончаны, также великолѣпны, спокойны и по видимому съ пою же грустію чувствуютъ, что ихъ неподвижность, ихъ холодность опредѣляютъ ихъ отъ нашей теплой, одушевлен-

ной жизни; что они не могутъ наслаждаться и спрдасть съ нами; что они не сущесва человѣческія, но несчастныя смѣшенія боже-спва и камня.

(L'EUROPE LITTÉRAIRE).

II.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:

ДА ИЛИ НѢТЬ? *

ГЛАВА III.

ПОДСУДИМЫЙ.

ЗЕМФИРА.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

АЛЕКО.

Поспой!

Пушкинъ.

Іосифъ, за нѣсколько дней до открытія надъ нимъ суда, былъ переведенъ въ пемницу судебныхъ мѣспѣ (Palais de Justice). Въ ней уже нѣтъ пѣхъ подземелій, пѣхъ мрачныхъ переходовъ, копорыми она славилась прежде. Памятникъ, поставленный въ помъ мѣспѣ, гдѣ была заключена несчастная Марія-Анпуанема, и оспашки древнихъ сводовъ, подъ коими по-

* Сія повѣсть вмѣстѣ со многими другими выдепъ скоро въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Разказы о быломъ и небываломъ*, въ двухъ часпяхъ.

милось сполько жерпвъ варварскаго правосудія среднихъ вѣковъ, одни напоминають о грозныхъ временахъ революціоннаго безначалія и самовлестія прежнихъ правителей. Свѣплыя комнапы, покойныя галлерей, обширный дворъ, гдѣ прогуливаются арестанпы, теперь дѣлають уже неприличнымъ Русское слово: *темница*, которое и у насъ начинаетъ терять свое значеніе. Просвѣщенная филантропія нашего вѣка опвергаетъ средства, унижающія челоувѣчество, не исправляя его; она замѣняетъ ихъ мѣрами менѣе строгими, и припомъ болѣе справедливыми и дѣйствительными, ибо опличаетъ обвиняемыхъ опъ осужденныхъ, и распредѣляетъ пѣхъ и другихъ не сполько по родамъ ихъ преступленій, но также и по степени ихъ нравственнаго достоинства.

Нашъ подсудимый имѣлъ опдѣльную комнату, чистую и свѣплую. Кровать съ опряпной постелью, споль, два стула и небольшое зеркало, соспавляли ея мебель. Сообразно съ преступленіемъ, въ которомъ его обвиняли, онъ содержался довольно строго; впрочемъ, ему позволено было имѣть свободное сношеніе не сполько съ поварищами по заключенію, но и съ родственниками и знакомыми.

Быль часъ впорой утра. Юсифъ лежалъ на постели и спалъ. Безпокоень былъ сонъ его: тяжелая дума превожила спящаго; грудь его

высоко воздымалась, и онъ произносилъ невнятные, прерывистыя слова, подобныя спонамъ.

Вдругъ, пихо брякнули ключемъ за дверью; она отворилась безъ скрипу, и въ нее вошелъ на цыпочкахъ человекъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, съ кошечьей рожицей, съ сѣрыми просовапыми глазами и съ вѣчною улыбкой на устахъ. Подойдя къ кровати, онъ оспановился, сложилъ руки и долго смопрѣлъ на Юсифа въ нерѣшимости, разбудить ли его или оспавить въ покоѣ. Наконецъ, онъ вынулъ изъ-подъ полы своего сюртука попаенный фонарь, и засвѣпивъ фосфоромъ, навелъ его пакъ, чпо свѣтъ прямо упалъ на лицо спящаго.

Юсифъ, въ просонкахъ, закрылся рукою; но она, опяжелѣвъ, опустилась, и глаза, уже ничѣмъ не заслоняемые отъ свѣта, открылись принужденно.

— Ты опять здѣсь! И въ такую пору? — сказалъ заключенный.

— » Тише, тише, чпобъ насъ не подслушали, « прошепталъ другой.

— Но какая у меня съ тобою тайна? И чпò между нами общаго? — вскричалъ Юсифъ угрюмо.

— » Чпò общаго? пюрма! « спокойно отвѣчалъ попъ. » Послушайте, Г. Дюгазонъ: вы говорите, чпò невинны, чпò васъ посадили сю-

да напрасно? И я про себя говорю поже. Спало бышь, мы оба имѣемъ полное право. «..

— На чпо?

— » Бѣжашь опсюда. «

— Бѣжашь! съ побою?

— » А почему-бы и не пакъ? У меня все го-
пово къ побѣгу: ключи, какъ видипе, я подо-
бралъ ловко; ночь пемна, насъ не увидяптъ, и
черезъ полчаса мы за Парижемъ. А памъ?.. и
думашь нечего, какъ разъ черезъ границу «

— Демонъ искуситель! — воскликнулъ Иосифъ,
и, бросившись съ кровати, судорожно схватилъ
пришельца за воротъ. — Скажи, кто научилъ
тебя этому адскому замыслу?

— » Напередъ пустипе, Г. Дюгазонъ, « про-
говорилъ небольшой человекъ; » о, да какъ-же
вы горячи! Съ вами бѣда. «

— Пусть эша бѣда обрушится на пвою го-
лову, мошенникъ! — закричалъ Иосифъ, не вы-
пуская изъ рукъ своей жерпвы.

— » Тише, пише, Капипанъ, « опвѣчалъ
попъ. » Вы меня обижаепе: я не мошенникъ,
хопъ и попалъ сюда за пощій кошелекъ, ко-
порый вынулъ для шупки изъ вашего кармана.
Опъ васъ-же я несу безчестье! Пустипе меня,
и оставайпесь съ Богомъ. «

Сказавъ, онъ заморгаль глазами, будпо опъ
слезъ. Иосифъ его выпустилъ, и отвернулся съ
презрѣнемъ.

— » А вѣдь намъ съ вами не миновать галеръ, Капишанъ, « началъ опять небольшой человекъ.

Нашъ подсудимый вздрогнулъ.

Искуситель замолчалъ и приспально посмотрѣлъ на него. Онъ, казалось, любовался дѣйствіемъ своихъ словъ.

— Однако, — сказалъ наконецъ Іосифъ, подойдя къ нему ближе, — скажи пожалуй, почему ты именно меня выбралъ въ свои поварищи? Почему не бѣжишь одинъ, коли естъ охота?

— » Давно-бы пакъ, Капишанъ. А вопъ почему: вы человекъ надежный и ловкій, поварища не выдадите и пособите ему въ случаѣ нужды; одинъ-же я куда гоюсь? Э, Капишанъ, послушайтесь меня; право не будете расказываться. «

— Когда-же ты думаешь? ..

— » Сей часъ, пеперь-же. «

— Дай напередъ подумать. .. Галеры, или свобода!.. Но какая свобода? Изгнанника!.. Искуситель, оспавъ меня!

— » Согласенъ. Но вы забыли, что завтра судъ; а шамъ. .. двадцать лѣтъ въ пріятномъ обществѣ воровъ и разбойниковъ. «

При этомъ словѣ искуситель засмѣялся, и ударивъ Іосифа по плечу, прибавилъ:

— » Со мною, поварищъ, пебѣ, конечно бу-
депѣ не шакъ весело. «

Пріяпельскій ударъ по плечу образумилъ Ю-
сифа: чувство собспвеннаго достоинспва и
швердое упованіе на свою невинноспь, возвра-
пили ему силы, и онъ сказалъ рѣшипельнымъ
пономъ :

— Я остаюсь.

— » Въ самомъ дѣлѣ? «

— Да. Ни слова больше.

— » Спало быпѣ мнѣ здѣсь дѣлапѣ нечего.
Доброй ночи, Капипанѣ. « — И уходя, искуси-
пель пробормопалъ сквозь зубы: » не удалось
одно, шакъ удаспся другое: ужъ не избѣжапѣ
пебѣ галерѣ; вспомнишъ кошелекѣ! «

Юсифѣ бросилъ на кровапѣ, лицомъ къ по-
душкамѣ.—Слово: *я остаюсь*, оппзывалось смерп-
нымъ приговоромъ въ его ухахъ ; въ немъ за-
ключено было другое, еще ужаснѣйшее слово:
прости на вѣки, проспши мѣрѣ, жена, родина,
опецѣ, проспши чеспѣ, слава, любовь, все чпо
еспѣ священнаго въ жизни! Эпа невыносимая
мысль попрясла всю его внуспренноспѣ: онъ
рыдалѣ.

Нѣсколькo времени прошло, прежде чѣмъ Ю-
сифѣ могъ опомнипѣся. У него шумѣло въ го-
ловѣ, и все вокругъ будпо верпѣлось и прыга-
ло. Наконецъ онъ забылся сномъ ; но эпомпѣ
сонѣ былѣ ужаснѣе дѣйспвипельноспи: ему

грезилося, какъ онъ въ цѣпяхъ, прикованный къ спрашнымъ и опврапипельнымъ чудовищамъ, сидитъ на бортѣ галеры и гребетъ. Синее море расплмается передъ нимъ, въперъ воешь, онъ озябъ, проситъ покръши, и на него надѣваютъ красную блузу, въ коей убійць опвозятъ на казнь. Адскій хохопъ подымается между его поварищами; ни одной слезы участія, ни одного взгляда состраданія! Но вопъ налепѣла мрачная туча и повисла надъ моремъ. Заколыхались волны, плещутъ на галеру; Марсель исчезаепъ вдали; Клара проспираепъ съ берега руки; но онъ не переспаепъ греспи, и все глубже въ море, и море все мрачнѣй, и буря сокрупипельнѣй. Вопъ хлынулъ валь, и поглотилъ галеру: у него оплегло опъ сердца — конецъ спраданіямъ! Но нѣтъ; онъ очутился на сушѣ, гдѣ-то въ городѣ. Площадь; посреди ея позорный сполбъ; народъ полпипся кругомъ. Его, какъ преспуника, ведутъ на эту площадь къ эпому сполбу. . . вдругъ, о Боже! несчастный преспарѣльый его опецъ пробиваепся сквозь толпу, спѣшитъ къ сыну и мерпвѣый падаепъ у ногъ его. Онъ вырываетъ изъ рукъ спражей, бѣжитъ не зная куда. . . На вспрѣчу къ нему идепъ Клара, и своимъ нѣжнымъ, мелодическимъ голосомъ говоритъ:

— Юсифъ, милый Юсифъ! эпо я, взгляни на меня, проснись.

Онъ повернулся, открылъ глаза: передъ нимъ стояла Клара; подлѣ нея — племянникъ его, Маршинъ.

Сложивъ набожно руки, Клара, казалось, молила Всевышняго о низпосланіи узнику спокойствія и твердости. Ея молитва и знаменіе креста, которымъ она осынила его, произвели надъ нимъ чудотворное дѣйствіе: спрашный сонъ изгладился изъ его памяти и уступилъ мѣсто сладостной мысли о Кларѣ.

— » Такъ! я не обманулся, « сказалъ онъ, падая на грудь жены; » это ты, жизнь моя? Чего-же мнѣ больше? Ахъ, если-бы намъ вѣкъ не разлучаться! «

— Мы за тѣмъ и пришли сюда, милый другъ, — весело отвѣчала Клара, и рассказала ему о своемъ намѣреніи.

— » Бѣжаешь опсюда? « воскликнулъ онъ въ упоеніи; » бѣжаешь съ побою? Да, да, бѣжаешь, скорѣе! «

Клара была внѣ себя отъ радости. Но заключенный вдругъ задумался.

— » Ты говоришь — бѣжаешь? « мрачно повпорилъ онъ; » но куда, зачѣмъ? И если меня узнаютъ при выходѣ опсюда? Подумали-ль вы объ этомъ? «

— И очень, — отвѣчалъ Маршинъ; — я нарочно поддѣлалъ себѣ высокіе коблуки, чпо-бы сравняшься съ вами роспомъ; спорожа

насъ видѣли, какъ мы сюда входили, и они не замѣтили обмана. Теперь едва разсвѣпаетъ; если вы, пока еще темно, укупаетесь хорошенько въ мой плащъ и надѣнете мою шляпу, по нѣкто въ свѣтѣ васъ не узнаетъ.

— » А коли спохватятся о моемъ побѣгѣ прежде, чѣмъ успѣемъ переѣхать границу? «

— Невозможно! Судь назначенъ завтра; а до того времени, если спорожамъ вздумаешь войдши въ мою комнату, я съумѣю припвориться спящимъ. Однѣхъ-же сунукъ, хорошо употребленныхъ, довольно, чпобъ ускользнуть вамъ отъ преслѣдованій: прежде нежели пошлютъ за вами погоню, вы уже будете въ сорока миляхъ отъ Парижа.

— » Но чпò ожидаетъ тебя, мой бѣдный Маршинъ? «

— » Ничего; я справляюсь съ уголовнымъ уложенъемъ: законы меня оправдаютъ. А если-бы и не такъ? Велика бѣда! Я молодъ, жены у меня нѣтъ. . .

— » Другъ! « воскликнулъ Иосифъ, съ чувствомъ прижавъ племянника къ груди.—» Но чпò будешь съ пюремщикомъ и спражами? «

— Ихъ посадятъ на годъ въ пюрму.

Иосифъ замолчалъ, и печально поглядѣлъ на жену и племянника; наконецъ, сказалъ тихо:

— » Мнѣ уже предлагали бѣжать. . . и я не согласился. «

— Кто предлагалъ?

— » Одинъ изъ заключенныхъ. «

— Но когда предлагаю я, жена швоя, чпобъ ты со мною раздѣлишь свою участь, ужели и теперь останешься непреклоненъ?

— » Теперь еще болѣе, чѣмъ прежде! Подвергаешь явной бѣдѣ тебя, Мартина, тюремщиковъ. . . И вы думаете, чпо я соглашусь бѣжать на такихъ условіяхъ? Никогда! «

— О Боже! — вопила Клара въ опчаяніи; — время дорого, и ты еще коблещься. Умоляю тебя! . .

— » Никогда! « повпорилъ Юсифъ. » Подумай, не испытали-ль уже мы всего уничиженія, всѣхъ опасностей, копорымъ подвергаюшя бѣглецы? Вспомни нашу дорогу изъ Генуи въ Женеву. И ты предлагаешь мнѣ теперь испытать съ побою въ десятеро болѣе опасностей и мученій! «

— Но знаешь-ли, несчастный, чпò ожидаешь тебя въ опечесствѣ?

— » Знаю: вѣчныя галеры. Но мнѣ оспанется упѣшипелемъ неукоризненная совѣсть. Да и самая шяжелая неволя подѣ роднымъ небомъ не сладоспнѣе-ли презрѣнной свободы на чужбинѣ? На галерахъ — я буду дышать воздухомъ Франціи, буду жить надеждою, чпо когда-нибудь милосердіе Короля смягчитъ спрогоспъ закона и возврапитъ меня семейству;

буду умирать не перзаемый мыслію, что невинность, послѣднее мое сокровище, я безразсудно предамъ справедливымъ укорамъ и подозрѣніямъ; что честь Франціи и свое имя запятналъ бѣгствомъ, отреченіемъ отъ родины!»

— Но если будете оправданы, — возразилъ Маршинъ, — тогда вы смѣло возвращаетесь во Францію.

— » А если меня осудятъ, « продолжалъ Иосифъ, » тогда что прикажешь дѣлать? Оставайтесь навсегда въ Англіи или въ Соединенныхъ Штатахъ, подъ шуманнымъ небомъ, у народа негостепріимнаго, безъ надежды увидѣть снова отечество, умереть въ немъ? Нѣтъ! лучше сто лѣтъ на галерахъ, чѣмъ одинъ годъ въ такомъ ужасномъ изгнаніи. «

Маршинъ собирался возражать, но вдругъ остановился: первый лучъ восходящаго солнца блеснулъ въ окнѣ, и золотой нипью пропаянулся по комнатамъ. Это простое явленіе произвело необыкновенное дѣйствіе на присутствовавшихъ. Въсплѣсъ съ лучемъ блеснула надежда въ сердца Клары, и улыбка удовольствія показала на лицѣ узника.

— » Ахъ, какое прекрасное утро! « воскликнулъ онъ, подавляя вздохъ, обличавшій грусть его.

Клара обрадовалась этому пробужденію чувства жизни, отъ благъ коей онъ шакъ на-

спойчиво и почти добровольно хотѣлъ отка-
заться.

— Да, — отвѣчала она; — восходъ солнца
общаетъ намъ прекрасный день. Ахъ, другъ
мой! какъ-бы пріятно подышать теперь чис-
тымъ воздухомъ полей, вдалекѣ отъ этой
душной пюрьмы, на свободѣ, вмѣстѣ съ по-
бою, мой Іосифъ!

— » Прекрасное утро! « мрачно повпорилъ
заключенный.

— И оно было-бы для насъ еще прекрас-
нѣе, — продолжала Клара, — если-бы ты меня
послушалъ.

— » Вотъ заплъ и жаворонокъ, « сказалъ
Іосифъ, прислушиваясь къ пѣнію ппички, ви-
сѣвшей въ кляпкѣ передъ его окномъ, и не
обращая вниманія на слова жены своей.— » Одна-
ко, поли-бы дѣло ему на волю? «

— Онъ про нее и поетъ, милый другъ! —
отвѣчала Клара. — Видишь, одинъ ты къ ней
нечувствивипеленъ, одинъ ты позабылъ о на-
слажденіяхъ жизни, о своей Кларѣ, копорая
безъ тебя умретъ съ поски. . .

— » Клара, ты перзаешь меня! « восклик-
нулъ наконецъ Іосифъ. » Тебѣ не перемѣнишь
моей судьбы; я долженъ безпрекословно ей по-
виноваться. Переспань-же. «

— Нѣтъ! — отвѣчала съ пвердоспію жена
его; — я не переспану перзаешь тебя, пока не

вынужу пвоего согласія , или рѣшительнаго отказа. Избирай: или мы видимся въ послѣдній разъ, или ты слѣдуешь сей-же часъ за мною!

На лицѣ Юсифа попеременно изображались радость , страхъ , надежда , опчаяніе : въ его душѣ происходилъ ужасный переломъ. Наконецъ, онъ сказалъ рѣшительно:

— » Клара , я избралъ : мы видимся въ послѣдній разъ ! «

При этомъ словѣ она упала въ безпамятствѣ на полъ. Юсифъ смопрѣлъ на нее неподвижно, съ бездушною улыбкой ; глаза его были безъ слезъ, взоръ пламенѣлъ.

Марпинъ спѣшилъ подавъ помощь своей родственницѣ.

— Ваше упрямство, — сказалъ онъ, — убило Клару. Знаете-ли? она беременна.

— » Какъ ! « воскликнулъ Юсифъ ; » и она скрывала это? Несчастный! Чпò я сдѣлалъ! Клара , душа моя , жизнь моя , приди въ себя , подумай о томъ , кого въ себѣ носишь , проспи мнѣ ! « . .

Оцѣпенѣніе его прошло, и онъ, не смопрѣ на свою пвердость, залился слезами.

Въ это время слышался вдали глухой стукъ цѣпей. Между птѣмъ вспрепенулось въ городѣ: народъ мелочныхъ продавцевъ и разнощиковъ шумѣлъ по улицамъ; запоздалые весельчаки попарно и съ пѣснями возвращались къ

своимъ работамъ; фіакры, кабріолеты и деревенскія пелѣжки, нагруженныя овощами, съ громомъ капились по мостовой. Но спукъ цѣпей еще продолжался, все ближе и ближе. Уличный шумъ не могъ заглушить его. Вспревоженный Іосифъ подбѣжалъ къ окну. Сквозь рѣшепку было видно, какъ галерные невольники, окованные цѣпями, шли черезъ площадь въ сопровожденіи спражей, и какъ толпа мальчишекъ преслѣдовала ихъ, указывая пальцами на несчастныхъ.

Іосифъ закрылъ лицо руками: онъ не могъ снести эпаго зрѣлища. Вдругъ пробудилась въ немъ мысль о женѣ, о сладкомъ имени опца, о радостяхъ семейной жизни, и эпа мысль, какъ молнія, прорѣзала и освѣпила мрачную пучу судьбы его. Для него все прояснилось; и онъ, подойдя къ Кларѣ, еще лежавшей въ безпамятствѣ, судорожно схватилъ ея руку, и сказалъ опривиспо:

— Хорошо, идемъ!

Одно эпо слово привело ее въ чувспво.

— » Опсюда? « спросила она слабымъ голосомъ.

— Да, скорѣе; время дорого, — опвѣчаль онъ.

— » Возможно-ли? « воскликнула Клара, внѣ себя опть радости. Неожиданность и воспоргъ придали ей силы; она вспала. — » Я гопова, «

прибавила она бодро; » да, поспѣшимъ опсюда. О, мой Іосифъ! теперь мы неразлучны! «

Марпинъ обмѣнялся съ дядею плащьями, и нашъ подсудимый, укутавшись плащемъ, крупно надвинувъ шляпу на глаза, и поддѣльваяся, сколько могъ, къ пріемамъ своего племянника, вышелъ съ Кларой изъ пемницы.

— Кпо идепъ? — проговорилъ гуспымъ басомъ пюремщикъ, когда они подошли къ главнымъ дверямъ.

— » Эпо мы, « отвѣчала Клара, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— А! Гжа Дюгазонъ съ племянникомъ? Проходипе.

Они сдѣлали шага два впередъ; но приврапникъ оспановилъ ихъ.

— Поспойпе, поспойпе, — сказалъ онъ; — я еще давича сбирался спросипъ у васъ: чпо эпо вы сегодня пакъ рано на ногахъ? За какимъ дѣломъ?

— » Да вопъ видишь, другъ Матвѣй. « . . . отвѣчала Клара.

— Вопъ по-по и бѣда, чпо я плохо вижу, — прервалъ пюремщикъ, смѣясь. — Ну, спупайпе, спупайпе. — Однако. . .

Клара продолжала идпи.

— Однако, скажи, Марпинъ, опъ чего ты вдругъ пакъ вырость? Давича, въ пемнопъ, я эпого и не прмѣпилъ.

Клара и даже ложный Марпинъ поблѣднѣли при эпомъ вопросѣ: они чувствовали, что въ немъ заключается вся судьба ихъ. Но Иосифъ нашелся, и понизивъ голосъ, отвѣчалъ:

— » Опъ чего? экая просипота! Ну, опъ чего роспупъ дѣти? Спроси у жены, коли самому не въ догадку. «

— Марпинъ роспепъ немовѣрно скоро, примовила, ободрившись, Клара.

— » А копорый ему годъ? «

— Минуло чепырнацапъ.

— » Смѣкнулъ! « пробормоталъ приврапникъ, слѣдя ихъ глазами; » экая диковинка! «

Между пѣмъ наши бѣглецы не перяли времени, и черезъ часъ послѣ описанной сцены, кареша, въ копорой сидѣли монахиня, Иосифъ и Клара, благополучно выѣхала изъ заспавы по дорогѣ въ Руанъ.

Сеспра Агнеса, спасипельница нашего героя, копораго везла она подъ именемъ слуги своего, имѣла намѣреніе опправипься съ нимъ изъ Руана въ Гавръ, а оппуда оппльпъ на первомъ Брипанскомъ кораблѣ въ Англию. Опспавивъ памъ Иосифа съ Кларою, она предиполагала возврапипься въ Ліонъ, гдѣ исправляла должностъ сеспры милосердія. Здѣсь-бы она терпѣливо дождалась рѣшенія суда надъ Иосифомъ; и если-бы ему должно было навсегда проспипься съ опечеспвомъ, она молила-бы

Всевышняго о дарованіи ему и Кларѣ швердоспи духа для перенесенія тяжкаго изгнанія. Быль можетъ, со временемъ, она переселилась-бы къ нимъ; во всякомъ случаѣ, ихъ пребываніе въ Англіи было-бы обезпечено, по желанію ея сына, доходами съ одного изъ его помѣстьевъ. Таковъ былъ планъ доброй сеспры Агнесы.

Счастливое начало ихъ странствія, казалось, служило добрымъ предзнаменованіемъ. Не смотря на то, Іосифъ былъ мраченъ и задумчивъ. На эпопѣ побѣгъ онъ рѣшился въ минушу испуленія, какъ-бы пропивъ воли, увлеченный состраданіемъ и любовію къ Кларѣ; теперь же, когда онъ хладнокровнѣе обмыслилъ свое положеніе, — сомнѣніе и страхъ снова овладѣли его душою. Онъ боялся не столько за себя, какъ за Клару, въ случаѣ, если-бы ихъ обманъ опкрылся и они были пойманы. Новое чувство привязывало его къ молодой супругѣ, умножало его страхъ и лишало послѣдней швердоспи.

Скоро доѣхали они до Понпуаза, городка, находящагося въ семи миляхъ отъ Парижа. При перемѣнѣ лошадей, Іосифъ, мучимый жаждою отъ зноя и внутренняго волненія, попросилъ себѣ пить. Онъ высунулъ голову изъ окна карепы, чпобы принять кружку, и не замѣпилъ, чпо въ полпѣ зѣвакъ, обыкновенно сби-

рающихся вокругъ прїѣзжихъ, споялъ какой-то высокій дѣпина съ прїемами молодаго солдата, копорый еще чванился своимъ цвѣшнымъ воропникомъ и военною шапкою на бекренѣ. Онъ рисовался въ полгѣ мелкихъ горожанъ, небрежно насвистывая удалую пѣсню. По выраженію его лица и по вздернутой вверхъ головѣ, копорая превышала всѣ прочія, казалось, онъ приговаривалъ: » живутъ-ли пупъ люди? «

Эпопъ молодчикъ приспально посмопрѣлъ на Іосифа.

— » Ахъ, Г. Поручикъ! « вскричалъ онъ ; » вы-ли эпо? «

— Какъ видишь, — отвѣчалъ, смупившись, Іосифъ.

— » Помилуйте ; да послѣ того, какъ вы оставили нашъ полкъ, гдѣ я имѣлъ честь служить подѣ вашимъ начальствомъ, васъ, помнился, взяли за чпо-шо подѣ судъ. «

Іосифъ подумалъ про себя : чтобъ пы провалился сквозь землю, несносный болпунъ ! — Однако дѣлапъ было нечего : не зная, какъ опдѣлапъся, онъ рѣшился отвѣчать ему обиняками.

— Да я, — продолжалъ нашъ бѣглець, запинаясь, — освобожденъ судомъ, и ѣду теперь на время въ деревню.

— » Счастливаго-же вамъ пупи, Г. Поручикъ. XIX.

чикъ, « сказалъ солдапъ, поглядѣвъ на него косо. » Дай Богъ, чпобы. « ..

Онъ не договорилъ. Въ это время два зоркихъ глаза приспально смотрѣли на нихъ изъ полны.

— » Кпо эпомъ Поручикъ? « спросилъ у солдата какой-по мужчина въ черномъ застегнутомъ фракъ, ударивъ его сзади по плечу.

— А на чпо вамъ ?

— » Да такъ: изъ любопытства. «

— Это бывший офицеръ нашего полка, Іосифъ Дюгазонъ.

— » Благодарю!

Тупъ мужчина въ черномъ плапть съ живоспю подошелъ къ дверцамъ карепы, и, разстегнувъ фракъ, подъ коимъ видѣнъ былъ знакъ полицейскаго чиновника, сказалъ въ полголоса Іосифу :

» Вы ареспованы. «

III.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ

Г. ЯЗЫКОВА. *

Тому два года, Французскій журналъ Преній торжественно объявилъ Европѣ, что въ Россіи скончался одинъ изъ первокласныхъ ея поэтовъ Г. Державинъ. — Въ концѣ прошедшаго года издано во Франціи Собраніе Русскихъ повѣстей, выбранныхъ изъ Булгарина, Карамзина и другихъ (Le Conteur Russe, par Bulgarine, Karamsin et autres. . .)

Скажете, что спрашивъ: говоримъ о Русской липературѣ не зная Державина, или спавимъ вмѣстѣ имена Булгарина, Карамзина и другихъ? Который изъ двухъ примѣровъ доказываетъ бѣльшее незнаніе нашей Словесности?

* Изд. получилъ сно спатью при слѣдующимъ письмѣ: М. Г. Если вы найдете спатью мою достойною помѣщенія въ вашемъ журналѣ, то прошу васъ напечатать ее безъ примѣчаній; это будетъ вамъ пѣтъ легче, что говоря о липературѣ прошедшаго года, вы, вѣроятно, скоро должны будете изложить свое мнѣніе о Языкѣ и, слѣдовательно, чипатели ваши не припишутъ вамъ пѣтъ мыслей изъ моей спатьи, съ которыми, можетъ быть, вы не согласны.

Имѣю честь и пр.

У—г

*

Чтобы рѣшить эпошъ вопросъ, надобно имѣть особенно тонкую проницательность, которою я не смѣю гордиться и потому предоставляю эпо дѣло моимъ читателямъ. Но во всякомъ случаѣ кажется мнѣ несомнѣннымъ одно, что Русская Литература извѣстна во Франціи почти столькожъ, сколько Персидская или Тапарская.

И мысль, что ни одна пѣнь нашей мысли, ни одинъ звукъ нашего голоса не дойдутъ до народовъ образованныхъ, — эпо тяжелая мысль; и кромѣ грусти, она должна имѣть еще другое вредное вліяніе на нашихъ писателей. Литераторъ нашъ невольно спѣсняетъ кругъ своей умственной дѣятельности, думая о своихъ читателяхъ, между тѣмъ какъ писатель Французскій, при мысли о печатаніи, расширяетъ свои понятія; ибо при каждомъ счастливомъ движеніи ума, при каждомъ чувствѣ поэтически самобытномъ, при каждомъ словѣ удачно сказанномъ — является ему надежда, вдохновительная надежда на сочувствіе со всѣмъ, что въ мірѣ есть просвѣщеннаго и славнаго.

Вопь почему каждое покушеніе познакомить образованныхъ иностранцевъ съ нашею словесностью должно встрѣчать въ насъ опзывъ благодарности и возможно вѣрную оцѣнку.

Но между всѣми переводчиками съ Русскаго языка при особенно замѣчательны удачею сво-

ихъ переводовъ. *Баурингъ*, который одинъ изъ прехъ былъ оцѣненъ и можесть бысть даже перецѣненъ иноспранными и Русскими крипиками; *Карлъ фонъ деръ Боргъ*, котораго переводы имѣють безъ сравненія большее достоинство, но который не смотря на то извѣстенъ весьма немногимъ и еще ни въ одномъ журналѣ не нашель себѣ справедливаго суда; и наконецъ *Каролина фонъ Янимъ*, которой замѣчательная книга явилась на послѣдней Лейпцигской ярмаркѣ и обнаруживаесть, кажется, талантъ еще превосходнѣйшій. *

Но, какъ ни упѣшительно это начало дружескаго сближенія нашей словесности съ липературою Нѣмецкою, признаюсь, однако, что мнѣ было больше досадно, чѣмъ пріятно видѣть, какъ одного изъ первокласныхъ поэтовъ нашихъ лучше всѣхъ Русскихъ понялъ и оцѣнилъ — писатель Нѣмецкій!

Г. Ф. деръ Боргъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Дерптскихъ Лѣпописей ** въ нѣсколь-

* Das Nordlicht, Proben der neueren russischen Literatur, von *Caroline von Jaenisch*.

** Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russland's, herausgegeben von Profess. Dr. *Blum*, Dr. *Bunge*, Dr. *Goedel*, Dr. *Neue*, Dr. *Struve*, v. d. *Borg*, Dr. *Fridlander*, Dr. *Kruse*, Dr. *Rathke*, Dr. *Walter*.

кихъ спрочкахъ сказалъ больше справедливаго о сочиненіяхъ Языкова, нежели сколько было сказано о нихъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ. Впрочемъ и по правда, что до сихъ поръ у насъ еще не говорили объ Языковѣ, а только вскрикивали. Одинъ Телеграфъ высказалъ свое мнѣніе, и поэтъ, судя о Языковѣ, не былъ, кажется, свободенъ отъ такихъ предубѣжденій, съ которыми истина не всегда уживается.

При началѣ статьи своей Г. Ф. Д. Боргъ жалуется на тяжелое чувство, которое возбуждаютъ въ немъ новѣйшія поэтическія произведенія Европы и при этомъ случаѣ говоритъ о томъ упышеніи, которое доставляетъ ему созерцаніе *Литературы свѣжей, юношеской, которая еще не достигла времени своего полного процвѣтанія, но уже даетъ его предчувствовать.*

Что не раздѣлитъ съ Г. Боргомъ того ощущенія, которое возбуждаетъ въ немъ современная поэзія Европы? но что касается до особеннаго упышенія, которое доставляетъ ему Литература Русская, то въ этомъ случаѣ — почему намъ не повѣритъ Г. Боргу на слово? — можетъ быть со стороны такъ и должно казаться.

» Это упышительное чувство, продолжаетъ

» Г. Боргъ, похоже на то, которое возбуждаетъ
 » въ насъ весна, когда надежда еще рисуется
 » намъ будущее въ лучшемъ свѣтѣ, — между
 » тѣмъ какъ самые прекрасные дни осени вну-
 » шаютъ невольную грусть... Когда же поэтъ,
 « принадлежащій юношеской Липералпурѣ, самъ
 » еще находится въ порѣ юности и надежды,
 » тогда изъ созданий его навѣваетъ намъ двой-
 » ную весною, такъ, что ея дѣйствіе на душу
 » становится уже неопразимымъ.

» Такое дыханіе весны встрѣпилъ я въ со-
 » чиненіяхъ Языкова, которыя для Дерптскихъ
 » Лѣтописей имѣютъ еще поэтъ особенный
 » интересъ, что молодой поэтъ нѣсколько лѣтъ
 » принадлежалъ Дерптскому Университету и
 » ему обязанъ своимъ высшимъ образованіемъ.
 » Къ тому же и стихотворенія его написаны
 » болѣею частью во время его жизни въ Дерп-
 » тѣ, иди наполнены воспоминаньями объ эпохѣ
 » жизни. Онъ принадлежатъ почти исключи-
 » тельно лирическому роду и болѣею частью
 » сложены въ тонѣ элегическомъ... Впрочемъ
 » и запольныя и эротическія пѣсни не исклю-
 » чены изъ собранія, и многія изъ нихъ особен-
 » но счастливы. Опеченство, любовь, дружба и
 » брагское житье веселыхъ юношей-товарищей
 » — вотъ любимые предметы поэта. Вообще
 » стихи его плѣняютъ какою-то свѣжестью и
 » простодушіемъ, и врядъ ли есть одно спи-

» хопвореніе, которое бы можно было назвать
 » неудавшимся. Но особенная прелестъ заклю-
 » чена въ его языкѣ, опличающемся силою, но-
 » востью и часто дерзостью выражений, между
 » тѣмъ какъ стихъ его исполненъ самой рѣд-
 » кой благозвучности. Если же мы прибавимъ
 » къ сказанному еще то, что въ стихѣ гармо-
 » ническихъ стихахъ выражается чувство все-
 » гда благородное, душа вся проникнутая лю-
 » бовью къ прекрасному и великому, то конечно
 » возбудимъ любопытство всѣхъ, принимаю-
 » щихъ участіе въ успѣхахъ Русской Словесно-
 » сти *.

Таково мнѣніе Г. Борга. Оно показалось намъ

* Въ подтвержденіе своихъ словъ Г. Ф. Д. Боргъ приво-
 дитъ нѣсколько стихопвореній Языкова вмѣстѣ съ сво-
 имъ переводомъ. Переписываемъ одно изъ нихъ, чтобы тѣ
 изъ нашихъ читателей, которые не знаютъ переводовъ
 Гна Борга, могли судить о его талантѣ въ самомъ труд-
 номъ испытаніи, которое когда либо предпояло пере-
 водчику; ибо изъ всѣхъ новѣйшихъ поэтовъ Языковъ мо-
 жетъ быть самый непереволимый.

ЧУЖБИНА.

Тамъ, гдѣ въ блескѣ горделивомъ
 Межъ зеленыхъ береговъ,
 Волга вторитъ ихъ опзывомъ
 Пѣсни радостныхъ пловцовъ,
 И какъ Нилъ благотворитель
 На поля богатство льетъ —
 Тамъ опцевъ монахъ обитель,
 Тамъ любовь моя живеть!

особенно замѣчательнымъ въ помѣ отношеніи, что изо всѣхъ рецензентовъ Языкова до сихъ поръ, одинъ онъ постигнулъ поэтическую и нравственную спорную пѣхъ изъ стихопвореній поэта, копорыя у насъ навлекли ему сполько спранныхъ упрековъ.

Слыша безпреспанные упреки Языкову, я всегда вспоминаю одного Русскаго барина, копорый ѣздилъ *отдавать* своего сына въ какой-то Нѣмецкій Университетъ; но вспрѣпивъ на улицѣ студента безъ галстука и съ длинными волосами, попчасъ же понялъ изъ эпаго всю безнравственность Нѣмецкихъ Университетовъ и возвратился домой воспитывать своего сына въ Саратовѣ.

Вообще многіе изъ насъ еще сохранили несчастную старообрядческую привычку: судить о нравственности болѣе по наружному благочинію, чѣмъ по внутреннему достоинству поступка и мысли. Мы часпо считаемъ людьми нравственными пѣхъ, копорые не нарушаютъ

DIE FREMDE.

Wo die Wolga schimmernd waltet
 Stolz an grünen Fluren hin,
 Längs den Ufern wiederhallet
 Froher Schiffer Melodie'n;
 Gleich dem Nil, dem Segenspender,
 Reichthum den Gefilden theilt, —
 Dort sind meiner Heimath Länder
 Dorten meine Liebe weilt!

приличій, хопя бы впрочемъ жизнь ихъ была
самая ничпожная, хопя бы душа ихъ была
лишена всякаго спремленія къ добру и красотѣ,

Я давно проспился съ вами
Незабвенные края!
Подъ чужими небесами
Ощувѣцетъ весна моя;
Но ни въ громкомъ шумѣ свѣща,
Ни подѣ бурей роковой,
Не слепить со спрунѣ Поэта
Голосъ родинѣ чужой. —

Радость жизни, другъ свободы,
Муза любимаго моего пріюта.
Здѣсь, когда берега и воды
Подѣ шуманами заснутъ,
И, какъ щипъ передѣ сраженьемъ
Свѣшель мѣсяцъ золотой, —
Съ благошворнымъ вдохновеньемъ,
Легкокрылою толпой,

Изъ страны очарованья,
Въ ихъ эфирной тишинѣ,
Утѣшилелн — мечпанья
Ниспускаюся ко мнѣ;
Предѣ очами оживаешъ
Красота минувшихъ дней,
Сладко грудь моя вздыхаешъ,
Сердце бьешся, взоръ ясный!

Это ты, страна родная,
Гдѣ весенніе цвѣпы
Мнѣ дарила жизнь младая!
Край прелестный, это ты!
Гдѣ видѣнемъ игривымъ
Каждый день мой пролепалъ,
Каждый день меня счастливымъ
Находилъ и оспавлялъ!

Если вамъ случилось встрѣчашь челоуѣка со-
грѣшаго чувствами возвышенными, но одаренна-
го при помѣ сильными спрашьями, шо вспо-

Längst bin ich von dir entwichen,
Unvergeßliches Gebiet!
Unter fremden Himmelsstrichen
Meiner Jugend Lenz verblüht.
Aber nicht im Sturm der Zeiten
In des Lebens Lärm und Drang
Nie entrauscht des Dichters Saiten
Ein der Heimath fremder Klang.

Du bist diesem Ort gewogen,
Freiheitsfreundinn, Muse, du!
Legen rings Gestad' und Wogen
Unter Rebeln sich zur Ruh';
Geht, ein Schild vor Kampfes Toben,
Auf der goldne Mond so klar:
Mild begeisternd dann von oben,
Eine leichtbeschwingte Schaar,

In äther'scher Ruhe, steigen
Aus der Zauberei Zevier
Träume nieder, und sie neigen
Trost verkündend sich zu mir;
Und vor meinem Blick belebt sich
Alter Tage Glanz und Lust;
Heller wird das Aug', es hebt sich
Süß erseufzend meine Brust.

Das bist du, o Heimath Erde,
Wo das junge Leben mir
Frühlingsblüthen einst bescheerte!
Schöne Fluren, — das seid ihr!
Wo mir jedes Tages Schimmer,
Wie ein luft'ger Traum entschwand
Wo ein jeder Tag mich immer
Glücklich ließ und glücklich fand!

мнише и сочпише: сколько нашлось людей, копорые поняли въ немъ красоту души, и сколько шакихъ, копорые замѣпили однѣ заблужденія.

Вы холмы, лѣса, поляны,
 Скапы злачныхъ береговъ,
 И спаринные курганы,
 Память смѣлыхъ праошцовъ —
 Сохраненные вѣками
 Какъ свидѣтели побѣдъ,
 Неприпворными спрунами
 Васъ привѣшпсвуешъ Поэшь!

Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышишь,
 И одинъ, во цвѣшъ дней,
 Долго, долго не услышишь
 Пѣсенъ Волжскихъ рыбарей.
 Долго груспный проблуждаешъ
 Онъ по дальнимъ споронамъ;
 Долго арфа не сыграешъ
 Пѣсни радоспнымъ друзьямъ.

Ты, копорая вливаешъ
 Огнь божешпвенный въ сердца,
 И цвѣшами убираешъ
 Кудри юнаго пѣвца,
 Радоспъ жизни, другъ свободы,
 Муза лиры! прилетай,
 И ушраченые годы
 Мнѣ въ мечшахъ напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
 Ты мила душѣ моей;
 Мнѣ съ шобою не ужасна
 Буря свѣпа и спраспей.
 Я горжусь швоимъ учаспьемъ;
 Ты чаруешъ жизнь мою, —
 И забыпный рано счаспьемъ,
 Я ушпшенъ — я пою!

Странно, но правда, что для хорошей репутации у нас лучше совсѣмъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибаться, между тѣмъ какъ въ

Hügel, Wälder, Fluren, Schlüfte,
 Und ihr äpp'gen Ufer« Hdh'n,
 Und ihr alten Hügelgrüfte,
 Kühner Ahnen Mausoleen, —
 Die, verschont vom Sturm der Zeiten
 Ihr als Siegeszeichen steht:
 Euch, mit unverstellten Saiten,
 Euch begrüßet der Poet!

In der Fremd'eu'r Säng'er waltet,
 Einsam in der Jugend Drang,
 Lange, lange nicht erschallet
 Ihn der Wolgafischer Sang.
 Lange schweift er hin und wieder
 Durch das ferne Land voll Harm,
 Lange währt es, eh'er Lieder
 Singt der Fremde frohem Schwarm.

Die du Göttergluth entzündest
 In den Herzen immerdar,
 Schmückend Blüthenkränze windest
 In des jungen Säng'ers Haar,
 Komm', o Muse' du der Feier,
 Freiheitfreundin, Lebens Glück!
 Rufe mir in Träum'es Schleier
 Die verlor'ne Zeit zurück!

Schön, o Muse der Gesänge,
 Bist du, und so theuer mir;
 Von der Leidenschaft Gedränge
 Und der Welt flieh' ich zu dir.
 Stolz auf deinen Antheil blick'ich;
 Du bist's die mein Leben schönt;
 Und, bin früh' versäumt vom Glück ich,
 Klag' ich nicht: mein Lied ertönt!

самомъ дѣлѣ, скажите: есть ли на свѣтѣ что-нибудь безнравственнѣе равнодушія?

Конечно, я повсюду здѣсь мысли спарья, всѣмъ извѣсныя; но почему не повсюду иногда спарой истины? Есть мысли, которыя всякой знаетъ, но только въ теоріи; чтобы понимать ихъ въ ежедневномъ примѣненіи, для эпаго, кромѣ *просвѣщенія умственнаго*, нужна еще *просвѣщенная жизнь*, усвоенная по среди просвѣщеннаго общества, гдѣ мысли, изъ отвлеченнаго умозаключенія обратились въ непримѣнную привычку: до тѣхъ поръ истина еще не пошла.

Вопь почему Нѣмецкій ученый, опличающійся самою щекотливою чопорностью, скорѣе пойметъ нравственность стиховъ Языкова, чѣмъ многіе изъ самыхъ снисходительныхъ его Русскихъ чинапелей.

А между тѣмъ, если мы безприсраспно вникнемъ въ его поэзію, то не только найдемъ ее не безнравственною, но врядъ ли даже насчитаемъ у насъ многихъ поэтовъ, которые могли бы похвалиться бѣльшею чистотой и возвышенностью. Правда: онъ воспѣваетъ вино и безименныхъ красавицъ; но упрекаемъ-ли его за то, что тѣ предметы, которые дѣйствуютъ на другихъ неспройно, внушаютъ ему гимны поэпические? — Правда: пьянство есть

вещь унижительная и гадкая; но если найдется человекъ, на котораго вино дѣйствуетъ иначе, то, вмѣсто безнравственности, не будетъ-ли это напропивъ доказательствомъ особенной чистоты и гармоніи его души? — Положимъ, что на васъ производятъ дѣйствіе чистое и поэтическое только весна, цвѣты и музыка, а все другое, что возбуждаетъ ваши нервы, внушаетъ вамъ мысли нечистыя, — въ этомъ случаѣ вы хорошо дѣлаете воздерживаясь отъ всего возбуждательнаго. Однако это не должно мешать вамъ быть справедливыми къ другимъ. И виноваты-ли Языковъ, что тѣ предметы, которые на душѣ другихъ оставляютъ слѣды грязи, на его душѣ оставляютъ перлы поэзіи, перлы драгоценныя, огнистыя, круглыя?

Изберите самыя предосудительныя по вашему мнѣнію изъ напечатанныхъ стихопвореній Языкова (ибо о ненапечатанныхъ, какъ о непризнанныхъ, мы не имѣемъ права судить) и скажите откровенно: производятъ-ли онѣ на васъ вліяніе нечистое?

Когда Анакреонъ воспѣваетъ вино и красавицъ, я вижу въ немъ веселаго сластолюбца; когда Державинъ славитъ сладострасіе, я вижу въ немъ минушу нравственной слабости; но, признаюсь, въ Языковѣ я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбія; ибо гдѣ

у другихъ минуша безсилія, памъ у него избытокъ силъ; гдѣ у другихъ простое влеченіе, памъ у Языкова воспоргъ, а гдѣ испинный воспоргъ, и музыка, и вдохновеніе—памъ пусть другіе ищупъ низкаго и грязнаго; для меня воспоргъ и грязь кажеться пакимъ же пропиво-рѣчіемъ, пакимъ огонь и холодъ, красопа и безобразіе, поэзія и вялый эгоизмъ.

Впрочемъ судипъ пакимъ образомъ о сочиненіяхъ Языкова могли бы мы полько въ пакомъ случаѣ, когда бы изо всѣхъ спихопвореній его мы знали однѣ заспольныя и эропическія. Но если при всемъ сказанномъ мы сообразимъ еще по, что можеть быть нѣтъ поэта, глубже и сильнѣе проникнутаго любовью къ опечеству, къ славѣ и поэзіи; что можеть быть нѣтъ художника, копорый бы ощущаль болѣе святое благоговѣніе передъ красопою и вдохновеніемъ, по тогда всѣ упреки въ безнравственности покажутся намъ спранными до комическаго, и намъ даже спрудно будетъ опвѣщать на нихъ, ибо мудрено будетъ понять ихъ возмжноспъ.

Но довольно. Уже слишкомъ много оспанавливались мы на предметъ и безъ того слишкомъ ясномъ. Еспъ предубѣжденія, копорыя не признають и очевидности; еспъ близорукость, копорой не поможесть никакой телескопъ. Мы

пишимъ для людей зрячихъ и безпристрастныхъ.

Спихопворенія Языкова внушаюпъ намъ другой вопросъ, болѣе дѣльный и болѣе любопытный, и въ эпомъ случаѣ особенно желалъ бы я найдпи сочувствіе моихъ чипапелей.

(окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

IV.

АНГЛИЧАНЕ И ФРАНЦУЗЫ.

ПРИНЦУ БЕНЕВЕНТСКОМУ, ФРАНЦУЗСКОМУ ПОСЛАНИКУ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Я намѣренъ разсуждать о характерѣ сопечественниковъ моихъ; ибо, когда среди ихъ обрѣпаются дипломаты, подобный Вашей Свѣп-лоспи, то не лишнимъ будетъ побудить ихъ къ предусмотрительности. Я объясню имъ причины, оспавившія нѣкопорые слѣды на ихъ національномъ характерѣ, поелику познаніе самаго себя еспъ лучшая предоспорожность, обевопасивающая насъ отъ искуснаго врага, къ коему мы пипаемъ недовѣрчивость. Вашей Свѣп-лоспи посвящаю я сію часпъ моего сочиненія, основываясь на помъ же правилъ, коимъ руководспвовались Скионы, когда поднесли Дарію мышъ, птицу, рыбу и связку стрѣлъ; это были вмѣспъ: и символъ ихъ націи, и

урокъ для Персовъ. Я пакже, собравши символы націи моеѣ, подношу ихъ предсавипелю того великаго народа, съ коимъ мой народъ велъ споль продолжипельныя и кровопролипныя войны, происходившія опть мелочныхъ ошибокъ. Можепть быпть, если бы символы были объяснены нѣсколькo ранѣ, по мышъ и рыба внушили бы намъ болѣе благоразумія. Изъ десяти полипическихъ ссоръ, девять происходяпть опть недоразумѣнія.

Имѣю еще другую причину опносипсья къ Принцу Талейрану; именно ту, что онъ не впервые уже къ намъ являепсья. Много произошло въ мірѣ важныхъ событій въ продолженіе времени, пропекшаго между первымъ и послѣднимъ его посѣщеніемъ. Измѣненія, копорья въ семь важномъ періодѣ произвели сполькo полипическихъ потрясеній, начались измѣненіями въ *характеръ* націй; ибо всякая перемѣна въ конспипуціи, имѣепть испочникомъ своимъ какую либо перемѣну въ народѣ. Англичане нынѣшняго времени не паковы, каковы были за двадцать лѣпть. Кому приличнѣе могу я посвятипть мои наблюденія, касательно причинъ, имѣвшихъ вліяніе на нашъ національный характеръ, какъ не пому мужу, копорый съ одного взгляда угадываепть характеръ? Мысль, что я подвергаю мое свидѣпельспво споль пронипцательному судіѣ, содѣлаепть меня чрезвычайно

почнымъ и, хопя говоря справедливо; можно обвинить меня за это въ дерзости, но за то самая дерзость сія естъ доказательство опкровенности и ручательство въ осомпрительности.

Помню, что я читалъ въ одномъ древнемъ писанелъ *, будпо бы въ Африкѣ естъ спра-на, достопримѣчательная по ужасному феномену: » Воздухъ въ сихъ климапахъ, казалось, » былъ наполненъ гиганпскими образами, чудови- » щами спранными и ужасными, копорья сра- » жались между собою или преслѣдовали другъ » друга. Сіи явленія успрашали нѣсколько ино- » спранцевъ, но памощніе жипели были къ » нимъ совершенно равнодушны. « Эта исторія не естъ ли эмблема національныхъ предразсудковъ? Чудовища, лугающія иноспранца, намъ кажутся весьма обыкновенною вещью; мы не чувствуемъ ничего, предвѣщающаго перемену атмосферы; все для другихъ чудесное, въ нашихъ глазахъ кажется очень просто. Однакожь, Ваша Свѣплость, если жипели невнимательны, за то, какъ вы и сами вѣрно согласилесь, иноспранцы бываютъ легковѣрны, и если иногда одинъ не замѣчаетъ чудовищъ, по часпо другой ихъ выдумываетъ. Въ эпомъ самомъ духѣ одна Англичанка, пупешествовавшая по Амери-

* Діодоръ Сицилійскій.

кѣ, жаловалась на невѣжливоспъ дикихъ Американцевъ, и одинъ Германскій Принцъ обнаруживалъ опвращеніе испинно республиканское опъ Англійской аристократіи. *

Его Свѣпмоспъ Принцъ Талейранъ знаетъ лучше всего дипломатическаго корпуса, какъ мало различеспвуетъ человекъ опъ человека: устроиспво пѣла и членовъ вездѣ одинаково; все различіе опъ костюма. Вообще путешеспвенники не изслѣдываютъ доспаточно пѣхъ новоспей, которыя поражаютъ ихъ, и часпо выдаютъ за различіе въ характерахъ по, что соспавляетъ у нихъ разницу полько въ пріемахъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ національнаго предразсудка находится въ Геродотѣ. Греки, имѣвшіе обыкновение *сожигать* пѣла родспвенниковъ своихъ, вознегодовали въ высшей спепени на варварспво Каллаповъ, у коихъ было въ обычаѣ *гѣть* ихъ. Персидскій Царь призвалъ Каллаповъ въ присупспвіи Грековъ. » Вы съѣдаете вашихъ опцевъ и маперей! — Прекрасный обычай! — Но сколько вы возмете, если вамъ предлагаютъ сжигать ихъ? « Такой вопросъ показался Каллапамъ большимъ соблазномъ. Какъ! сжигать своихъ родиспелей! при семъ безчеловѣчномъ предложеніи они вскрикнули съ ужасомъ. Греки и Каллапы равно

* Миспри съ Троллопъ и Принцъ Мускау.

любили родипелей своихъ; но погъ же чело-
вѣкъ, копорый съѣдалъ опца своего, почель бы
ужаснѣйшимъ безчеловѣчїемъ сжечь его.

Спраспи вездѣ одинаковы; но выраженіе
оныхъ повсюду рѣзлично. Ваша Свѣплость
согласипесь, что и Англичане и Французы рав-
но въ высшей степени гордяпся своимъ опе-
чеспвомъ. Вопгъ ихъ между собою сходство;
однакожъ еспъ рѣзкое различіе между сими на-
ціями; оно соспоипгъ въ способѣ, какъ обна-
руживаепся эпа гордоспъ. Гордоспъ Француза
(гдѣ-по чипаль я) соспоипгъ въ помъ, что
онъ принадлежипгъ къ такому большому госу-
дарспву: Англичанинъ же напропивъ гордипся
мыслю, что *ему* принадлежипгъ такое боль-
шое государство. Испочникъ всякаго образа
мыслей, равно какъ и всѣхъ законовъ чело-
вѣческихъ, еспъ понятіе о собспвенности. *Мо-
ей* жены не дозволю я вамъ оскорбипгъ; въ
мой домъ не впущу васъ; *моего* опечеспва
спокойспвіе не дамъ вамъ нарушипгъ; на *мою*
вѣру не поперплю хулы изъ успъ вашихъ.

Мы можемъ замѣспипгъ различныя формы на-
ціональной гордоспи въ жипеляхъ той и дру-
гой спраны, сравнивая похвалы, копорыми
Французъ осыпаепгъ Францію съ ироническимъ
уныніемъ, просвѣчивающимъ въ языкѣ Англи-
чанина, разсуждающаго объ Англии.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, ѣздилъ я

не надолго въ Парижъ ; случайно познакомился со мною одинъ Маркизь Бурбонской парпїи : со слезами на глазахъ говорилъ онъ о нынѣшнемъ состояніи Парижа. Изъ учтивости считалъ я себя обязаннымъ согласиться съ его мнѣніемъ. Снисходительность моя ему не понравилась; онъ оперъ глаза и принялъ видъ челоуѣка, копорый начинаепть обижапться. »Все паки, государь мой,« продолжалъ онъ, »общеспвенныя зданія наши великолѣпны. «—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я. » Мы далеко подвинулись на поприщѣ цивилизаци. «—Совершенная правда. —» Наши писапели супть первые писапели въ мїрѣ. « Я далъ ему волю говорипть. » *Наконецъ*, какой черповской климантъ у васъ въ сравненіи съ нашимъ! «

Въ опечество мое возврапился я съ однимъ Французомъ, копорый двадцапть лѣпть пому назадъ бывалъ въ Англии : онъ восхищался новыми зданіями, украсившими въ его опсупствіе Лондонъ. Я привезъ его къ одному изъ нашихъ папріоповъ. » Какая прекрасная улица Редженпть-Спріпть! « воскликнулъ Французъ. — О, государь мой, чпожъ пупть особеннаго? Камни, известпка — только, отвѣчалъ папріопъ. » Мнѣ хотѣлось бы послушанть прѣнія вашихъ Парламенповъ, « сказалъ Французъ. — Это не стоиптъ птруда, съ небреженіемъ пробормопалъ папріопъ.—»Я счелъ бы за честь познакомиться съ вашими государспвенными людьми. « —

О, это наспомяще комедіанты! Увѣряю васъ... пеперь нѣтъ ни одного великаго челоуѣка.—»По испинѣ, вы изумляете меня; но во всякомъ случаѣ, я могу познакомиться съ вашими липператорами и учеными.«—Ей, ей, государь мой! весьма важно опвѣчалъ папріотъ, у насъ нѣтъ ни одного, заслуживающаго это имя. — Учпивый Французъ замолчалъ, но вскорѣ: » Ахъ! « сказалъ онъ нюхая пабакъ, » нація ваша—есль великая нація!«—О, что касается до эпаго, это совершенная правда! сказалъ Англичанинъ выпрямась.

И такъ Англичанинъ гордился своимъ опечеспвомъ! Почему? Общеспвенными зданіями своими? Но онъ въ нихъ никогда не ходитъ. Превосходспвомъ опечеспвенныхъ законовъ? Онъ не умолкая бранилъ ихъ. Своими великими полипиками? Онъ называетъ ихъ шарлапанами. Или писапелями? Они неизвѣспны ему. Онъ гордился своимъ опечеспвомъ по прекрасной причинѣ: отечество произвело его, его самаго.

Англичанинъ почипааетъ себя осью міра, центромъ солнечной сиспемы. Онъ принаравливаетъ къ себѣ по, что поэтъ сказалъ о добродѣтели: онъ считаетъ особу свою: » царемъ свѣтила; думаетъ, что всѣ другія свѣтила суть его спутники, заимспвующіе только опъ него и жизнь и свѣтъ. «

Давно уже говорятъ у насъ , что мы опличаемся инстинктуальнымъ чувствомъ независимости; мы и уважаемъ себя именно въ слѣдствіе сего чувства , которое часно есть только совершенное отсутствіе симпатіи къ другимъ.

Одного Англійскаго негоціанта , оспановившагося въ пражпирѣ , ошибкой разбудили очень рано. »Государь мой,« сказалъ ему слуга, »солнце уже взошло!« Негоціантъ сдѣлалъ ему гримасу и опворопился : »Пусть его ходитъ , бѣгаетъ , сидитъ. Что мнѣ до него за дѣло? Оно не должно мнѣ ни копѣйки.« Это характеристическаго анекдотъ ; онъ показываетъ связь , существующую между эгоизмомъ и независимостью. Эта черта нашего національнаго характера была неоднократно замѣчена , но ее не разбирали подробно , а Вашей Свѣтлости известно , что всякой Французъ , написавшій хоть слово объ Англии , выхваляетъ гордое самосознаніе нашей свободы. Нынѣ мы лучше знаемъ истинныя дѣйствія свободы. Чувство , которое я описываю , есть совершенно эгоистическое ; чувствованія же , производимыя сознаниемъ своей свободы , часно увлекаютъ въ противоположную крайность : во всемірную филантропію. Дружелюбие и братство суть паролы разныхъ демократическихъ партій. Быть можетъ , нелюдимость есть соупница сво-

боды; но не она составляет опличительную ее принадлежность.

Франція также долгое время наслаждалась поюже неприкосновенностью собственности и самосознаніемъ свободы, коими гордился Англія. Но сія выгода содѣйствовала къ тому, чпобы болѣе разширить, нежели сосредоточить кругъ склонностей Француза. Содѣлавшись гражданиномъ, Французъ не переспалъ перепесья между подобными себѣ и думаетъ, чпо бытъ свободнымъ и нелюдимымъ приличествуетъ болѣе дикому, нежели образованному челоуку. При томъ Ваша Свѣтлость могли замѣнить, чпо у насъ, за исключеніемъ высшихъ классовъ, всѣ живутъ уединенно. Наши залы, наполняемые *Фашенеблями*, не суть общество. Мы собираемъ всѣ наши познанія, дабы имѣть удовольствіе ничего не говорить. »Англичане,« сказалъ одинъ изъ соопечественниковъ вашихъ, »имѣютъ безконечное множество мелкихъ обычаевъ, доставляющихъ имъ возможность молчать.« Наша спихія *домашній бытъ* (home) и, если вѣрить сентиментальнымъ писателямъ нашимъ, по мы доставляемъ добродѣтельно бытъ несчастными и непріятными внѣ дома. И такъ (слѣдствіе достопримѣчательное) мы привываемъ слишкомъ высоко цѣнить нашъ домашній кругъ и взирать равнодушно на все, чпо внѣ онаго. Вопъ чѣмъ собственно оплича-

юпся члены партіи. Ваша Свѣпность, кажепся, имѣли какой-то разговоръ съ Г. Овенемъ. Эпопъ филанпропъ обыкновенно посѣщаептъ всѣхъ иноспранцевъ, копорыхъ онъ почипаептъ доспойными чеепи вступишь въ его *параллелограмматизацію*, * а какъ онъ почипаль возможнымъ включипъ въ число своихъ прозелитовъ Герцога Веллингтона и Епископа Кантерберійскаго, то очень не мудрено, что ему пришло въ голову попыпаться сдѣлать Овениспа и изъ Опюнскаго экс-епископа. Если па-че чаянія Г. Овенъ ошибаепся въ эпомъ случаѣ, то съ другой спороны онъ правъ. Онъ правъ въ томъ опношеніи, что, желая распроспранипъ сколько можно филанпропю, предлагаептъ всѣмъ лицамъ одного общеспва жипъ вмѣсптъ. Жизнь проппивуобщеспвенная не изобилуептъ общественными добродѣтелями.

Но если не сознание свободы, а другая какая либо причина производишь у насъ эпопъ вкусъ жипъ раздѣльно, копорый мы величаемъ любовью къ домашней жизни, то какая же она? Кажепся пуптъ еспъ двѣ причины. Первая заключаепся въ привычкахъ, свойспвенныхъ порговой націи; вторая въ признанномъ вліяніи ариспокрапії совершенно особеннаго рода.

Опносиптельно первой, кажепся со мною со-

* Система сообщеспва, имѣющая много сходспва съ семейспвеннымъ и землещеспвеннымъ сообщеспвомъ Г. Фурье.

гласяпся, что очевидное свойство торговли, есть опучать умы опъ всякаго желанія забавляпся. Упомясь въ печеніи дня непрерывными сношеніями со множествомъ разнаго рода людей, торговецъ желаетъ только возвратипсь скорѣе въ семейство свое; а возвратясь сюда, имѣетъ уже болѣе нужды въ спокойствіи, нежели въ забавахъ. Вопъ опъ чего происходиптъ опмичающая торговля націи нечувствительность къ удовольствіямъ, копорую не должно смѣшиваптъ съ угрюмостью. Эпа нечувствительность свойственна Американцамъ и Голландцамъ, также какъ Англичанамъ. Правда, сіи послѣдніе имѣютъ въ сосавѣ общесства своего большія проповодѣйствія торговому духу. Я имѣлъ честь быптъ недавно предсавленъ одному молодому путешественнику, Амстердамскому урожденцу: еспественно, я спросилъ у него, посѣщаль ли онъ по приѣздѣ въ Лондонъ спектакли?

— » Нѣтъ, государь мой; забавы сего рода очень дорого спуютъ. «

— Эпо правда; но человекъ съ такимъ соспаніемъ, какъ вы, можеть себѣ не опказываптъ въ нихъ.

— » Нѣтъ, государь мой. Я могу доспавиптъ себѣ удовольствіе, но не *привычку къ нему*. Таковъ былъ спрогій, философскій опвѣтъ его.

Одинъ оспроумный соопечественникъ Вашей Свѣтлости брапся уговориптъ всякаго Англи-

чанина, какого я ему назначу, ѣхашъ съ нимъ въ маскарадъ, долженспвовавшій бытъ въ Оперѣ. Я выбралъ для опыта одного негоціанта, отца семейства и весьма строгихъ правилъ. Французъ подходитъ: » Государь мой! « говоритъ онъ ему, » вы никогда не ѣздитѣ въ маскарадъ? «

— Никогда.

— » Я сомнѣвался. Не ужели невозможно упросить васъ шуда ѣхашъ? «

— Не совсѣмъ невозможно, отвѣчалъ негоціантъ улыбаясь; но я сполько занятъ, что не могу предаваться такимъ забавамъ. Припомъ меня удерживаетъ еще моральное сомнѣніе.

— » Очень хорошо. Я сей часъ полько держалъ пари съ моимъ приятелемъ, одинъ прошивъ прехъ, что онъ не уговоритъ васъ ѣхашъ въ оперный маскарадъ. «

— Три прошивъ одного! сказалъ купецъ; это весьма несоразмѣрно!

— » Не угодно ли, я предложу вамъ такое же пари? « продолжалъ Французъ.

— Три прошивъ одного? согласенъ! воскликнулъ Англичанинъ, и поѣхалъ въ Оперу, дабы выиграть закладъ. Въ этомъ случаѣ маскарадъ былъ уже для него не забавой, а порговой спекуляціей *.

* Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ одинъ путешественникъ, сидя въ театръ, замѣпилъ въ партерѣ двухъ мальчиковъ, являющихся около пятнадцати, которые жарко разговаривали

Но сей же класъ, споль равнодушный къ забавамъ, весьма подверженъ чванству. Общій духъ необщеспвенности, не чуждъ въ важныхъ случаяхъ любви къ празднествамъ, блестящимъ пирамъ и пышному гостепрїимству. Чванство и необщеспвенность часпо происходятъ опъ одной и тойже причины; ибо порговый духъ, презирая забавы, приучаетъ гордиться богатствомъ своимъ; онъ даже болъе благопрїиспвуетъ удовольствїямъ роскоши, нежели искусствъ. Всякая великая нація имъетъ какойнибудь основной источникъ своего величїя, какоенибудь опличительное свойство, коего развитїе содълало ее великою. Ваша Свѣпность вѣрояпно знаете, какъ Монпескю доказалъ эту важную истину въ своемъ сочиненїи *о величїи и упадкѣ Римлянъ*. Для Франціи источникомъ симъ была любовь къ славѣ; для Америки любовь къ свободѣ; для Англїи любовь къ дѣятельности, источникъ величїя самый вѣрный, самый обширный; ибо онъ достигаетъ славы, безъ легкомысленнаго искапельства оной, а безъ свободы онъ не можетъ существовать. Однимъ словомъ, промышленность еспъ характеристическое свойство Англїйскаго народа, гений-

во время антр-актовъ. Онъ вслушался въ ихъ рѣчи. О чемъ бы, вы думали, говорили они? О достоинствѣ пьесы? Талантъ актера? Красотѣ декораций? Совѣмъ нѣтъ. Они спарались счесть число зрителей и количество выручки.

зидидпель его богатспвъ, его величія, его могущества.

Ваша Свъпмоспъ лучше всякаго другаго умъете предохранить себя опъ безразсуднаго желанія быпъ слишкомъ шонкимъ, но также лучше всякаго понимаете, сколь важно обозрѣвать предметы не проспо поверхноспно и извлекапъ изъ собыпій минувшихъ общее, хопя бы метафизическое правило для руководспвоанія своей полипики. А попому Ваша Свъпмоспъ согласипсь со мною, что узнавъ однажды національное свойспво, содѣлавшее націю великою, мы должны всѣми силами ободряпъ и поддерживапъ это свойспво, опровергая, уничтожая препяпспвующее его развитію. Это священнѣй оспъ, копорѣй должно пипапъ день и ночь, ибо опъ него зависипъ наше счастье. И пакъ, если промышленность еспъ испочникъ силы нашей, по намъ слѣдуепъ сколько можно рачипельнѣе предохраняпъ ее опъ всякихъ препяпспвій, сколько можно болѣе распросптрапяпъ кругъ ея дѣйствія. Но наши полипики пренебрегли сею испиною, вопервыхъ издавая законы для вѣдныхъ, коими поощряепся лѣность; во впорыхъ учреждая монополи, ппаяккіе налоги и запрещенія, копорья сокрушаюпъ всѣ пружины національной дѣятельности. Такая полипика и въ другихъ спранахъ была бы не слишкомъ хороша, пѣмъ больше въ Англии.

Когда Микромегась въ послѣдній разъ по-
сѣпилъ насъ, его поразило странное зрѣлище:
онъ увидѣлъ огромнаго гиганта, распянувшаго-
ся на землѣ въ саду, которъй былъ наполненъ
разнаго рода плодами; члены эпаго гиганта бы-
ли скованы, на груди его лежали страшныя
гири. Гигантъ спарался всѣми силами выбить-
ся изъ подъ пняспи и разорвать оковы
свои; усиліями его земля такъ попрысалась, что
по временамъ падало съ деревьевъ множество
плодовъ. Жипели окружали сего гиганта и со-
бирали плоды, по мѣрѣ пого, какъ они падали.
Однакожь не только оныхъ не было доста-
точно для всѣхъ, но еще самымъ голоднымъ
ничего не доставалось и они громко роптали на
нѣхъ, которые были счастливые и сытые ихъ.
Соспрадательный Микромегась, продравшись
сквозь полпу, спросилъ: »Кто пны шаковъ, не-
счастный гигантъ? «

— Увы! опивчалъ онъ, я называюсь про-
мышленностью; эпи неблагодарные, которыхъ
пны видишь, супъ дѣпи мои; они за пѣмъ ско-
вали меня, чпобы, дѣлая усилія освободиться,
я спряхивалъ имъ на землю нѣсколько плодовъ.

— » Помилуйте! « сказалъ Микромегась, »какая
странная выдумка! Друзья мои, разве вы не
видите, что если бы опецъ вашъ былъ свобо-
денъ, то огромными руками своими досталъ бы
до вершины высочайшихъ деревьевъ и далъ бы

вамъ сполько. плодовъ, сколько вы хопипте? Снимипте, на примѣръ, эту цѣпь съ его правой руки, и вы увидите. . . «

— Какъ! эту цѣпь? закричали пысячи голо- совъ. Змодѣй, да это десяпинная пошлина!

» Ну, эти веревки? « . .

— Безумецъ, да это паможни; безъ нихъ мы погибнемъ!

Въ это время пришла полпа спарыхъ жен- щинъ съ большою чашкой разведеннаго опія, копорый онѣ начали вливать въ горло несча- стному гиганту.

— » За чѣмъ же это? « спросилъ Микромегасъ.

— Мы не любимъ, чпобы добрый отецъ нашъ дѣлалъ такія большія усилія, отвѣчали спарухи, и даемъ ему опія для успокоенія его.

— » Да это воспрепятствуетъ ему спряхи- вать плоды! Вы умрете съ голоду. По крайней мѣрѣ избавите его отъ опія. «

— Чудовище! воскликнули съ ужасомъ эти почпенныя дамы; пы хочешь опнять у насъ законы для бѣдныхъ!

— » Дѣпи мой! « сказалъ бѣдный Гигантъ умирающимъ голосомъ, » я спарался пипать васъ сколько могъ; въ эпомъ саду болѣе плодовъ нежели сколько нужно для всѣхъ васъ; за чѣмъ вы губите себя, губя опца вашего? Вы при- нимаете участіе во мнѣ, жалѣете меня; но вмѣсто того, чпобы дать мнѣ свободу, эти

женщины хопяпть меня усыпипть. Положитесь на природу и здравый смыслъ; мы всё будемъ счастливо жить вмѣстѣ, и если эпаго сада будетъ съ васъ мало, я насажу другой. «

— Природа и здравый смыслъ! О бапюшка, берегитесь эпихъ новыхъ словъ; послѣдуемъ, лучше опыту, а не теоріямъ, не спекуляціямъ.

Въ это время на пѣхъ, которые фли плоды, напали большой полпою голодные, коимъ ничего не доспалось въ послѣдней борбѣ, и Микромегасъ ушелъ какъ можно скорѣе, ибо видѣлъ, что если гиганпъ пробудетъ еще нѣсколько времени связанъ, то сыпые содѣлаюпся жертвами яроспи голодныхъ.

(REVUE DE PARIS).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, 19 Января, 1854 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

І.

ТОРГОВЛЯ

ШЕЛКОВЫМИ ИЗДѢЛЯМИ

ВО ФРАНЦИИ И АНГЛИИ.

Извѣстно, что Британскій Парламентъ имѣеть обыкновеніе пояснять сужденія о всякомъ законѣ, касающемся общественнаго благосостоянія, предварительнымъ соображеніемъ, въ кошоромъ приглашающіяся принимаютъ участіе не только просвѣщеннѣйшіе экономисты, но негоціанты и фабриканты, по опытности своей въ дѣлѣ разбираемомъ и по положенію въ обществѣ лучше понимающіе всѣ его отношенія съ другими вопросами промышленности, къ нему

примыкающими. По несчастію, частныя пользы болѣе находятъ защитниковъ, и особенно ревностнѣйшихъ ходатаевъ, нежели пользы общественныя государства. Кромѣ этого самые судьи, долженствующіе разобрать споръ, такъ предубѣждены, и такъ легко смѣшиваютъ вкоренившіяся злоупотребленія съ дарованными правами, что очень часто слишкомъ благосклонно выслушиваютъ мнѣніе людей, наиболѣе находящихся свои выгоды въ поддержаніи *status quo*, или жалобы получившихъ привилегій, усматривающихъ въ преобразованіи ограниченіе ихъ жадности.

Все это дѣйствительно было недавно, когда Парламентъ приступилъ къ изслѣдованію причинъ, производшихъ переломъ въ шелковой промышленности Англіи. Въ числѣ выслушенныхъ свидѣтелей только двое было постороннихъ этому промыслу; хотя весьма бы было справедливо дать участіе въ совѣщаніяхъ и всѣмъ другимъ промысламъ, несущимъ убытки отъ покровительства, испрашиваемого шелковыми фабрикантами; особенно слѣдовало бы допустить голосъ со стороны массы народной, потребителя, жертвующаго ежегодно болѣе 30 процентами противъ того, что онъ заплатилъ бы за тѣ же самыя произведенія на Французскихъ рынкахъ. Впрочемъ эгоизмъ управлявшихъ изслѣдованіемъ дѣла не удовольствовался еще

эпимъ обременительнымъ налогомъ , они еще жаловались на потерю 30 проценповъ, и въ вознагражденіе эпой убыли, испрашиваюпть со-верпеннаго запрещенія.

Если полько послушашъ вѣчныхъ ихъ жа-лобъ , ихъ ужасающихъ восклицаній , по можно подумашъ, чпо фабрики падаюпть, рынки зава-лены необработаннымъ маперіаломъ и попрѣ-бленіе со дня на день уменьшаепся. Совсѣмъ напропивъ: фабрики переработываюпть пеперь сыраго шелка вдвое болѣе, нежели до впуска иносранныхъ ткканей. Вообще мало разбирали дѣйствія запрещеній; вообще недовольно еще знаюпть, чпо какая-нибудь вѣпвь промышлен-ности, въ пользу коей оно наложено, вмѣспо ожидаемаго развитія, оспаепся недвижимымъ, если не клонится къ упадку. Такимъ образомъ, когда, въ 1765 году, приняпо было запрещеніе, по ввозъ въ первые три года не проспирался выще 715,000 Ан. фунповъ, погда, какъ въ 1831 году, подъ покровительспвенною сиспе-мою, онъ возвысился до 4,312,000. Совмѣспни-чеспво чужеспранцевъ дало такое движеніе эпой промышленности, чпо наши шелковыя ма-нуфактуры выпустили, съ 1824 года, срока окончанія запрещенія, издѣлій поспепенно воз-росшихъ опть 160,000 до 500,000 фун. еже-годно.

Нѣпть сомнѣнія, чпо нѣкопорыя опрасли

эпаго рода промьшленности пребують поддержки. Высокая цѣна на первоначальный маперіалъ, который онѣ переработываютъ, много спѣсняетъ потребленіе произведеній; кромѣ эпаго онѣ подвержены всѣмъ переменамъ моды. Прихоть какой-нибудь *прима-донны* дѣлаетъ сомнительнымъ существованіе нѣсколькихъ тысячъ работниковъ. Конечно, это непостоянство полезно можетъ быть другому работающему классу, но переходъ отъ одного промысла къ другому всегда бываетъ бѣдствененъ, и мудрый, челоѣколюбивый законодатель долженъ, кажется, пріискать средства усстранить или ослабить зло этимъ навлекаемое. Если исключительное занятіе какою-нибудь работою полезно для издѣлія, то оно же составляетъ и бѣдствие для работника. Въ большихъ городахъ, гдѣ работающій классъ можетъ найдти другія занятія, плаща его поденная никогда не упадетъ слишкомъ низко, и онъ никогда не подвергается тѣмъ нуждамъ, какія постигаютъ его въ округахъ число-мануфактурныхъ, гдѣ челоѣкъ знаетъ только одно и производитъ одно только занятіе.

Не холодность къ рабочему классу побуждаетъ насъ опредѣлиться отъ тѣхъ, которые запрещеніе почитаютъ единственнымъ средствомъ уврачевать зло, его удручающее. Господа содержатели фабрикъ закидываютъ имъ тѣже

самыя сѣпи, которыя распавляли нѣкогда помѣщики для своихъ арендапоровъ. Они напѣваютъ одну пѣсню. »Надобно цѣны поднятъ, говорятъ они, для поощренія промышленности.« Чпó значить: »Дай большіе барыши монополии.« Рабопники разсмопрѣли однакожь пенепа: они начинаютъ пониматъ, чпо хозяева ихъ дѣлаютъ дѣлѣжь лъвиный, и они сполько уже разумны, чпо не позволяють себя дурачить. Въ спранѣ, гдѣ народное просвѣщеніе пакъ глубоко уже проникло, невозможно, чпобы они ве видѣли всѣхъ плупней въ учрежденіяхъ порговли хлѣбомъ; не понимали, чпо помѣстная ариспокрапія величаепъ покровипельспвомъ по, чпо въ сущности не чпо другое, какъ обреченный налогъ съ народа; и чпо имъ болѣе выгодъ при свободномъ, законномъ дѣйспвіи коммерческихъ обороповъ, нежели опъ замысловъ, запѣваемыхъ запупапъ оные.

Запрещенія, покровипельспва, спѣсенія, монополии — все это не чпо иное, какъ поризмъ, приложенный къ вещеспвеннымъ пользамъ. Логика, Ариомепика и чеспность со временемъ все поправятъ. Довольно уже и того, чпо монополисповъ впапули въ споръ; до эпаго времени они не разсуждали: они сполько заправляли дѣломъ. Изъ всѣхъ оружій имъ оспались сполько предрасудки, личныя выгоды. На другой спо-

ронъ польза общественная. Борьба эта будетъ уже, кажется, послѣдняя.

При началѣ спашьи мы замѣтили на какихъ основаніяхъ долженъ работать Комитетъ, учрежденный для разбора дѣла. Здѣсь только прибавимъ, что Нижняя Камера вообще назначила членовъ, которые весьма мало могутъ соотвѣтствовать своему призванію. Въ Парламентѣ теперь немного членовъ сколько просвѣщенныхъ, безкорыстныхъ, прудолюбивыхъ, чтобы начисло рѣшить эпошъ понкій вопросъ Экономіи Политической: подавленные огромностію и множествомъ предметовъ, входящихъ въ соображеніе, они не будутъ въ состояніи занятыя съ надлежащимъ вниманіемъ каждымъ изъ нихъ. Отсюда-то возникаетъ безпорядокъ и громоздяся Комитеты, которые состоятъ большею частію не изъ судей безпристрастныхъ, но изъ спрячкихъ, привязанныхъ къ той или другой системѣ, подвліяніемъ той или другой пользы. Члены, имѣющіе ввиду покровительствовать извѣстной отрасли промышленности, обязаны кого нибудь, посѣщаютъ собраніе весьма поспоянно: другіе же, и ихъ большая часть, являются рѣдко, и то или разсѣянные, или скучаютъ. При разборѣ они не слѣдуютъ ни какой методѣ; дѣйствуютъ безъ соображеній, часно по заключеніямъ уже заранѣе составленнымъ. Со-

вѣщанія ихъ имѣють въ одно время неудобства и тайны и гласности, такъ что когда большая часть публики вовсе не знаетъ о томъ, что въ нихъ дѣлается, тѣ, которыхъ замѣшанъ путь частный интересъ, получаютъ свѣдѣнія каждодневно. Еслибы розыскъ обнаруживался по мѣрѣ какъ онъ производится, по всѣмъ тѣмъ мнѣніямъ, которыхъ или сомнительны или темны, могли бы поспешенно быть обсуждены и пояснены для самаго Комитета по собіемъ писанія: ошибки были бы исправлены, ложные толки опровергнуты, своекорыстіе уличено въ самую минушу ихъ появленія. Или еслибы пайна засѣданій была совершенно строго наблюдаема, то по крайней мѣрѣ неудобство это было бы для всѣхъ спорныхъ одинаково. Но этого совсѣмъ не бываетъ: одни только происки получаютъ право неусыпно бодрствовать надъ успѣхами своихъ пронырствъ.

Безъ сомнѣнія, неопредѣленность и неправильность въ прѣбаваніяхъ могутъ быть случайною причиною разспроисва въ каждой фабрикѣ, работающей предметы роскоши и моды: особенно когда упадокъ заработной платы принудитъ работника удвоить его трудъ, чтобы только заработать на одинъ насущный хлѣбъ. Даже самое цвѣтущее сословіе фабрики, вызывая большее количество рабочихъ

рукъ, дѣлается причиною упадка ее въ будущемъ: созданное прихотью, оно съ нею же и пропадаетъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ прихоть была настойчивѣе. Кромѣ того, эти прихоти модъ разнообразятся по временамъ года; и успѣхи нашей жизни гражданской поспоянно стремятся къ тому, чтобы какъ-нибудь замѣнить вещи и одѣянія, употребительныя теперь, другими красивѣйшими, удобнѣйшими и дешевѣйшими. Далѣе, соперничество въ промыслахъ неизбежно выпѣсняетъ изъ употребленія предметы низшаго достоинства; а по тому фабрикантъ чрезвычайно ошибется, если будетъ думать, что законодатель можетъ уберечь для него попу барышъ, который тѣ же самыя издѣлія доставляли ему своимъ оппосительнымъ превосходствомъ. Нѣтъ еще закона, который бы не допустилъ въ промышленныхъ схваткахъ торжесествовать большимъ капиталамъ, искусству и ревности дѣйствовательней. Великіе интересы общества всегда будутъ покровительствовать сами себя. И если законодатель будетъ сполько неблагоприятенъ, что ими пожертвуютъ, то они примутся за обманъ, которымъ зло ослабится: въ нихъ довольно опощется силы для защиты государства противъ замысловъ исключительныхъ выгодъ. Потребители, включая сюда и поклонниковъ спѣсительной системы, всегда охотнѣе

будушь покупать хорошее, нежели дурное, и, будь вещи одинаковы, покупать дешевле, нежели дороже. Спросите шелковаго фабриканта: онъ будетъ вамъ жаловаться на монополію суконнаго фабриканта, копорому онъ долженъ дорого заплатить за свой фракъ. Такъ-по частныя выгоды спалкиваются: истинный импересь — есть польза народная.

Составляющіе отчетъ изчислили, что ежегодная выдѣлка на Англійскихъ шелковыхъ мануфактурахъ проспирается на сумму отъ пяти до осьми милл. фунтовъ стер.; по ихъ счету выходитъ, что работа въ Англии, приходится отъ 40 до 80 процентовъ дороже, нежели во Франціи. Основываясь на первомъ изчисленіи, они хопятъ, чтобы потребители или покупщики платили къ прежнимъ пошлинамъ на Французскіе шелковые товары еще 40 процентовъ, и чтобы такимъ образомъ еще принесли важную жертву въ пользу Англійскихъ шелковыхъ фабрикантовъ. Пользуясь теперь охранительною пошлиною по 30 процентовъ, приносящею имъ полтора милліона фунт. стер. ежегодно, и пребуя еще прибавки 40 проц., чего они хопятъ, если не совершеннаго запрещенія? Не лучше ли чиспосердечно ужъ въ эпоть сознаться?

» Французы искуснѣ насъ: они ничего не берутъ изъ нашихъ произведеній въ обмѣнъ на

свои шелковыя издѣлія. « — Такъ говорятъ послѣдователи запрепительной системы. — Не спыдѣ ли, что эти ребячьи сужденія находятъ опголосокъ въ Парламентѣ? » Мы за шелковыя Французскія издѣлія платимъ наличными деньгами, и это числѣй убытокъ для государства. « — Убытокъ! Но государство, въ копоромъ нѣтъ золотыхъ или серебряныхъ рудниковъ, иначе и не можетъ получить цѣнныхъ металловъ, какъ только продажею своихъ произведеній. Всякой платежъ звонкою монетою доставляетъ народу двѣ выгоды вмѣстѣ одной: ввозъ и вывозъ этой звонкой монеты, которая не иначе должна была и придти изъ чужихъ краевъ, какъ въ обмѣнъ на его же произведенія, между тѣмъ какъ уплата непосредственная поварами очевидно не столь выгодна. Мѣна между двумя народами естественно имѣетъ цѣлю передачу лучшихъ обоюдныхъ ихъ произведеній. Будь торговля свободна, то Англія доставляла бы Франціи издѣлія свои металлическія, желѣзо, каменный уголь и пкани шерстяныя и бумажныя: Французы въ замѣнъ снабжали бы Англичанъ своими расщительными произведеніями, своими винами, водками, масломъ, шелковыми издѣліями, этою щегольскою мебелью, всѣми этими предметами моды, по копорымъ они училися намъ. Подъ управленіемъ мудраго законодательства,

ежегодный барышъ нашей порговли съ Франціею гораздо бы увеличилъ ипогъ произведеній, идущихъ въ промѣнъ въ настоящее время, не говоря уже о пѣхъ наслажденіяхъ, какія бы опкрѣлись опъ сего сближенія для жизни обшественной.

Французъ, производящій вывозную порговлю съ Англіею, получаетъ или деньги, или повары, доставляемые нашими производителями. Преданные сиспемъ запрепительной должны намъ прежде всего сказать, какой классъ производителей они назначаютъ въ жерпву. Мы желаемъ благосостоянія Макклесфильду, Ковенпри и Спипальфильду; * но неуже-ли надобно, чпобы они обогащались въ накладъ Манчестеру, Бирмингаму или Шеффильду? Поборники монополіи обыкновенно умѣютъ опдѣлать себя опъ всѣхъ эпихъ выгодъ: они всѣ лучи свѣпа соединяютъ только на своей исключительной боли, оставая въ глубокомъ мракѣ всѣ другія вѣпви промышленности. » Нужды нѣтъ, какъ бы вы не обѣдняли, обогащайте только насъ, « говорятъ они. » Мы не спанемъ разыскивать, изъ какихъ кошелековъ будетъ золото, которое мы просимъ. «

Въ настоящее время Французскія и Англій-

* Въ эпихъ городахъ находятся значительнѣйшія шелковыя мануфактуры Великобританіи.

скія мануфактуры перерабатываютъ почти одинаковое количество сырого шелка, по цѣнѣ на 4,000,000 фунт. стерл. (100,000,000 руб.); цѣнность же выработанныхъ издѣлій проспирается въ каждомъ государствѣ до 6,000,000 фунт. стерл. (около 150,000,000 руб.): ибо кромѣ того, что Французскія шелковыя издѣлія вообще лучшей доброты, лучше вытканы, съ большею тщательностью, съ большимъ вкусомъ, совершенствомъ, самая разница въ издержкахъ на произведеніе уравниваетъ цѣны. Вопль что отличаетъ Французскаго фабриканта отъ Англійскаго. Первый спрашиваетъ къ своему дѣлу: онъ работаетъ творчески, съ воображеніемъ артиста, постоянно стремясь къ усовершенствованію. Англичанинъ, не столько остроумный, не столько заботящійся о разнообразіи своихъ произведеній, располагаетъ большими капиталами и лучшими машинами. При свободной торговлѣ, онъ занялся бы преимущественно тканьями обыкновенными, для повсемѣстнаго употребленія, и возможно болѣе тканьями гладкими. Четыре пятыхъ Французскихъ издѣлій работаетъ для вывоза за границу: высшій кругъ вездѣ принимаетъ ихъ какъ образцовыя. Англія, напротивъ, едва отправляетъ двѣнадцатую часть своихъ издѣлій. Успѣхи наши въ этой отрасли промышленности были быстрѣе, нежели у нашихъ сосѣдей, но, огра-

ниченная только внутренним потреблением, она подвержена большей шапкопсии. — При прежней запретительной системѣ ежегодное потребление, взятое среднимъ количествомъ за три года, составляло 2,399,000 фунт. шер. (59,975,000 руб.); теперь же оно возвысилось до 3,999,000 ф. шер. (99,750,000 руб): непонятное увеличение для оплакивающихъ упадокъ фабрикъ.

По вѣрнымъ изчисленіямъ Бауринга, шелковыхъ Французскихъ издѣлій ввезено въ Англію:

въ 1818	на	1,744,105	руб.		въ 1825	на	6,104,103	руб.
— 1819	—	2,713,583	—		— 1826	—	7,596,421	—
— 1820	—	2,727,748	—		— 1827	—	11,460,119	—
— 1821	—	2,815,178	—		— 1828	—	17,511,810	—
— 1822	—	3,516,328	—		— 1829	—	10,483,777	—
— 1823	—	2,901,670	—		— 1830	—	15,204,388	—
— 1824	—	3,856,465	—					

Эта таблица доказываетъ, какъ запретительные законы безсильны основать пребываніе на поварь, неоспоримо высшей доброты. Запрещеніе на Французскія издѣлія не помѣшало контрабандѣ тайно провезти на берега наши съ 1818 по 1826 годъ поваровъ на сумму опять 70,000 фун. шер. (1,750,000 руб), до 250,000 фун. шер. (6,250,000 руб). И послѣ этихъ очевидныхъ событій запретительная система еще находить защитниковъ?

Слѣдуя показаніямъ Пейрера, мы представили таблицу торговаго и земледѣльческаго богатства Англій, замѣтивъ при томъ, что Франція была центральнымъ рынкомъ сырыхъ

шелковъ и органзина. Представляемъ теперь изчисленіе, сдѣланное Баурингомъ изъ официальныхъ свѣдѣній, о количествѣ вывоза и ввоза Франціи съ 1825 по 1831 годъ.

ВЫВОЗЪ ИЗЪ ФРАНЦІИ СЫРЦА И ОРГАНЗИНА *.

КУДА ВЫВЕЗЕНО.	КОЛИЧЕСТВО (КІЛОГРАММЫ).						
	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831
въ Англію.....	466,814	216,687	701,490	773,340	396,260	609,497	669,605
— Голландію....	6,711	4,517	5,585	6,097	4,660	4,065	3,094
— Пруссію.....	288	”	20	447	13	”	317
— Германію.....	2,784	2,002	5,907	3,650	2,780	2,702	1,838
— Швейцарію....	8,027	5,147	14,771	8,792	10,746	28,447	13,150
— Сардинію.....	2,994	20,369	2,977	3,335	1,230	8,328	9,141
— Тоскану.....	416	379	1,974	3,358	668	2,527	745
— Испанію.....	”	643	63	4	37	396	121
— Португалію...	31	”	”	”	”	”	”
— Турцію.....	”	380	137	”	218	487	106
— Египетъ.....	”	”	”	”	”	227	126
— Алжиръ.....	”	”	”	”	”	”	5,724
— Варв. вѣд....	570	1,806	4,534	7,120	4,538	1,368	598
— Соед. Шт....	137	”	”	”	”	563	818
— Мексику.....	654	579	1,941	”	80	2,634	1,812
— Бразилію.....	”	395	8	”	”	73	”
всего.....	489,566	252,904	736,407	805,843	421,250	661,314	705,215

* По изчисленію Дюпена, цѣна всѣхъ шелковыхъ издѣлій, вывезенныхъ изъ Франціи съ 1826 по 1831 годъ, составляла:

въ 1826	на	90,999	руб.	въ 1829	на	179,980,917	руб.
— 1827	—	116,168,440	—	— 1830	—	168,799,942	—
— 1828	—	116,513,334	—	— 1831	—	179,349,213	—

ВВОЗЪ СЫРЦА И ОРГАНИЗМА ВО ФРАНЦІЮ *

ОТКУДА ВВЕЗЕНО.	КОЛИЧЕСТВО КИЛОГРАММЫ.						
	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831
Изъ Англій.....	40,812	62,863	2,655	764	14,897	8,395	3,173
— Нидерл.....	13	26,487	3,550	164,802	53,696	9,912	4,133
— Австріи.....	455,636	229,411	607,678	542,041	612,113	560,401	646,478
— Германіи.....	666	2,129	86	313	464	82	986
— Швейцар... ..	15,488	10,207	16,182	17,566	15,273	18,671	25,379
— Сардиніи.....	277,316	441,546	368,127	276,264	355,556	344,683	296,652
— Тосканы.....	5,911	1,239	4,882	5,038	8,141	4,863	1,855
— Сициліи.....	45,126	48,575	49,200	39,735	57,250	40,398	30,439
— Испаніи.....	42,673	10,480	25,240	18,547	9,227	10,325	23,104
— Турціи.....	59,181	84,334	70,034	127,354	138,637	128,744	25,858
— Египта.....	764	308	673	12,286	551	”	”
— Варв. Вл.....	”	3,435	3,375	388	79	3,759	1,480
— Соед. Шт.....	123	4,134	1,262	”	”	2,113	244
— Кит. и Кох.....	”	”	2,119	140	8,234	”	6,146
— Англ. Инд.....	”	1,227	23	”	2,811	”	435
— Фр. Инд.....	”	139	436	1,034	”	4	1,878
Всего.....	944,119	896,333	1,155,326	1,206,232	1,256,929	1,132,348	1,067,239

* Цѣнность первоначальныхъ шелковыхъ матеріаловъ, по изчисленію Дюпена, ввезенныхъ во Францію съ 1826 по 1831 годъ, составляла:

въ 1826	на	39,742,490	руб.	въ 1829	на	45,835,257	руб.
— 1827	—	32,307,686	—	— 1830	—	33,947,435	—
— 1828	—	25,760,177	—	— 1831	—	26,981,383	—

Не смотря на превосходство Французскихъ фабрикъ и на пошлину 15 проценповъ, копорою обложены во Франціи иноснраннѣя шелковыя издѣлія, соперничество послѣднихъ проникаетъ и на Французскіе рынки. Вотъ таблица ввоза въ 1828, 1829 и 1830 годахъ:

ОТКУДА ВВЕЗЕНО.	КОЛИЧЕСТВО И ЦѢННОСТЬ ВВОЗА.					
	1828		1829		1830	
	Кил.	Франк.	Кил.	Франк.	Кил.	Франк.
Изъ						
— Англій...	1,087	119,570	3,507	385,770	5,852	647,720
— Пруссій.	4,593	505,230	3,439	378,290	4,262	469,480
— Раз. Гос.	596	65,560	329	56,190	233	25,740
всего.....	6,276	690,360	7,275	800,250	10,347	1,138,940

Изъ приложенной таблицы видно, что Англійскіе шелковыя повары, появившіеся на Французскихъ рынкахъ съ 1828 по 1830 годъ, сперва съ нѣкопорою робоспю, кончили совершеннымъ уничтоженіемъ соперничества шелковыхъ издѣлій Прусскихъ и другихъ государспвъ, такъ что сбывъ ихъ возросъ теперь опъ 1 до 5, $\frac{3.9}{1.0.0}$. Опъ чегоже наши фабриканпы жалуются? Опчепъ соспавляемый насъ не вразумитъ досповѣрно: ибо вмѣспъ съ восклицаніями поборниковъ запрещенія предспавляются намъ и свѣднія поверхностныя или пропиво-

рѣчуція, которыя безъ пользы обременили бы вниманіе чипапеля, если бы Баурингъ въ своихъ выводахъ не исправилъ надлежащимъ образомъ факповъ и не проникъ до испинныхъ причинъ спѣсненнаго положенія фабрикъ.

Разберемъ для примѣра одно изъ замѣчательнѣйшихъ свидѣтельствъ, взятое у Докса. Сначала, какъ водится, поплакавъ о горестной участи фабриканповъ, онъ объявляетъ попомъ, что органзинъ спобитъ въ Англіи опть 3 до 6 шеллинговъ дороже, нежели во Франціи; и что Франція добываетъ у себя чепыре милліона, пяпъсоптъ пысячъ фунповъ шелка ежегодно, и не болѣе покупаетъ у иносранцовъ, какъ спо, или спо пяпъдесяптъ пысячъ фунповъ: опскода онъ заключаетъ, что ввозимое количество шелка во Францію не можетъ имѣть вліянія на цѣны. Оба эти показанія равно непочны. Нѣптъ спатписпического доказательспва, ни оффиціального, ни частнаго, доспойнаго какого-либо вѣрояпія, чпобы добываніе шелка у нашихъ сосѣдей превосходило при милліона фунповъ. Они со спороны получаютъ милліонъ фунповъ, изъ которыхъ при чепверпи лучшей доброты доспавляетъ имъ Ипалія. Докса, утверждая, что со всѣми издержками, фунпъ Ипаліанскаго сырца спойптъ въ Англіи 1 или 2 пенсами дороже, нежели во Франціи, долженъ бы былъ примѣспитъ, что по этому предположенію нель-

зя допустить значительной разницы на шелкъ въ Лионѣ и Лондонѣ, попому чпо Испальянскій продавецъ будетъ спараться продать поварь свой въ Лионѣ по одинакой цѣнѣ, какъ онъ продается въ Лондонѣ, выключивъ издержки на провозъ. Фабриканты Французскіе въ замѣчаніяхъ своихъ, предспавленныхъ Министру Финансовъ и Палатамъ, изчисляють шѣ выгоды, кои извлекають Англійскія мануфактуры изъ монополіи шелковъ Индоспанскихъ. Въ эпомъ отношеніи они пакъ же мало слушаются логики, какъ и Г. Докса: ибо если Французы имѣють нѣкоторую выгоду опъ сосѣдства Испали, чпо сокращають издержки на перевозъ, по, въ замѣнъ, они плащящъ 1 франкъ 20 су на килограммъ пошлины, тогда какъ въ Англии эпа пошлина не превышаетъ 10 су, чпо и уравниваетъ цѣны. Впрочемъ показаніямъ Докса объ эпомъ предметѣ прошиворѣчатъ и другіе фабриканты, по заключеніямъ коихъ цѣны на шелкъ почти одинаковы въ обоихъ государствахъ.

Далѣе Г. Докса, сознаваясь, чпо Французы превосходятъ насъ въ фабрикаціи набивныхъ издѣлій, прибавляетъ, чпо и въ Англии можно ихъ работать пакъ же хорошо, и чпо наши работники споль же искусны. Сказавши въ другомъ мѣспѣ, чпо во Францію тому десяти или двадцати лѣтъ ввозилось гораздо болѣе шелка,

нежели пеперь, и что количество ввоза день ото дня уменьшается, онъ принимаетъ среднее количество ежегоднаго ввоза, съ 1825 по 1828 годъ, миллионъ семьдесятъ при тысячи фунтовъ, и миллионъ фунтовъ въ 1830; между тѣмъ какъ по почному счету оказываеся миллионъ сто сорокъ двѣ тысячи шесть сотъ тридцать при фунта. Не сомнѣваемся въ правотѣ Г. Докса; но нельзя не замѣтить, что во всей нипи его выводовъ, ясно проглядываеся мысль, что запрещеніе естъ единственное средство помочь злу, поразившему въ настоящее время фабрики. Съ безспрашемъ мученика онъ опказался сличить свои докуменпы съ доказательствами, представленными комитету Баурингомъ.

Но это еще не все. Члены комитета, разсмапривая спорные вопросы, перемѣняютъ числа самыя почныя. Такимъ образомъ имѣя словесное показаніе Бауринга, что работниковъ въ Лионѣ около 25,000 человекъ, и что цѣна сырцу 50 фр. за килограммъ, одинъ изъ членовъ приписываеся ему, будпо бы онъ сказалъ 70 фр.: дабы эвимъ показатъ, что цѣна на шелкъ должна быть выше, нежели какъ она дѣйствительна. Другой не побоялся утверждать, будпо бы Баурингъ означилъ цѣну лучшему сырцу 18 фр. за фунтъ. Третій, пропивъ всякой очевидности, предполагаеся, будпо бы по расчету

*

Бауринга издержки на обработку набавляють 80 процентовъ къ цѣнѣ сыраго матеріала. Эпопъ умный чиновникъ не говорилъ ничего на эпо похожаго. Вотъ его слова: »надобно вычестъ убыль сырца, копорая неминуемо бываеть при каждомъ фабричномъ дѣйствіи, а именно: 6 процентовъ при прощеніи, 20 пр. при крашеніи, 9 пр. при пканьѣ и п. д. всего 35 пр. «

(окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

II.

ИСПАНСКІЯ КОЛДУНЬИ.

Валенція — 1830.

Древности, особенно Римскія, мало имѣютъ для меня занимательности. Не знаю, какъ могли уговорить меня ѣхать въ Мурвiedро для посѣщенія нѣсколькихъ остатковъ опъ развалинъ Сагунта. Я только напрасно упоминалъ себя, былъ почти вездѣ въ продолженіе пупи голоденъ, а ничего не видалъ. Въ пупешествіи непрерывно предаешься страху, что не найдешь какъ отвѣчать на неизбѣжный вопросъ, ожидающій васъ по возвращеніи: » Безъ сомнѣнія вы видѣли? « . . . За чѣмъ долженъ я необходимо видѣть по, что другіе уже видѣли? Я не антикварій, и пупешествую не имѣю никакой определенной цѣли. Нервы мои огрубѣли для сенсипенпальныхъ впечатлѣній; не знаю даже, что мнѣ принесло болѣе удовольствія,

древній ли Зегрскій кипарисъ, распуцій въ Генералифѣ, или гранаты и прекрасный безсѣменный виноградъ, которые я ѣлъ подъ тѣнью сего старца-дерева.

Впрочемъ я не скучалъ во время поѣздки моей въ Мурвиедро. Я нанялъ себѣ лошадь у одного Валенціанскаго крестьянина, который отправился со мной въ путь пѣшкомъ. Онъ былъ весьма болливъ, порядочно плутовать, но впрочемъ довольно забавный и добрый спутникъ. Онъ испощалъ все свое краснорѣчіе, дабы выможжипъ у меня лишній реалъ сверхъ договорной за наемъ лошади цѣны; но въ тоже время въ пракширахъ такъ усердно и упорно торговался за меня, какъ будто дѣло шло о собственныхъ его деньгахъ. Счетъ, который онъ подавалъ мнѣ каждое утро, всегда содержалъ длинное изчисленіе издержекъ на починку узды, подпругъ, ковку лошади, преніе ея виномъ, которое вѣроятно выпивалъ онъ самъ; однакожь ни въ какомъ путешествіи не издерживалъ я такъ мало. Онъ обладалъ удивительною тайной заспавлять меня вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, покупая множество бесполезныхъ бездѣлокъ, особенно ножей, и училъ меня искусству такъ упираться большой палецъ въ лезвіе, чпобы, не обрѣзавшись самому, въ минупу распороть живопъ надлежащимъ образомъ другому. Но сіи проклятые ножи только пягопили меня: они

гремѣли у меня въ карманахъ, били по ногамъ, короче, такъ мнѣ надоѣдали, что я не находилъ другаго способа избавиться отъ нихъ, какъ подаривъ Виценте, котораго вѣчно повпоряля: » Какъ довольны будутъ друзья Вашей Знапности, когда увидятъ прекрасныя вещи, которыя вы привезете имъ изъ Испаніи! « Никогда не забуду о мѣшкѣ съ финиками, которыя моя Знапность купила для друзей своихъ, и которыя, не доѣхавъ еще до Мурвіедро, скушала сама при усерднѣйшемъ пособіи вѣрнаго проводника своего.

Виценте, хопя помыкался по бѣлу-свѣпу; ибо въ Мадридѣ нѣкогда продавалъ онъ оршапъ, былъ однако сполькожъ суевѣренъ, какъ и всѣ соопечественники его. Трудно найти человека набожнѣе его, и, въ печеніи прехъ дней, которыя находился онъ при мнѣ, я имѣлъ случай узнать, какими спранностями опличался его образъ мыслей на счетъ религіи. О Господѣ Богѣ говорилъ онъ очень равнодушно; но весь пламень усердія своего посвящалъ Богоматери и святымъ угодникамъ.

При семъ не лишнее знать, что въ Испаніи каждый городъ имѣетъ свою Богоматерь, и жишели благоговѣютъ предъ нею, не считая себя обязанными къ шаковому же усердію предъ другими. Такъ и Виценте, родившійся въ маленькомъ городкѣ Пенисколѣ, думалъ, что онъ

обязанъ чпипть полько Пенискольскую Богомаперь, чпо Богомаперь каждой провинці оказываепть пособіе единспвенно жипелямъ ея провинці и чпо Пречистой Дѣвѣ не иначе должно молипсья, какъ полько на Лапинскомъ языкѣ.

Въ Королевствѣ Валенці, на горахъ не очень высокпхъ, часпо находяпсья ещѣ развалины древнпхъ зѣмковъ. Проѣзжая мимо одного изъ пѣхъ зѣмковъ, я спросилъ у Виценпе, бываюпть ли шамъ мерпвепцы. Онъ улыбнулсь и опвѣчалъ, чпо въ его опечеспвѣ ихъ нѣпть. Попомъ, взглянувъ на меня какъ человекъ, опвѣспсвующій на шупку, сказалъ: » Ваша Знапность конечно видали ихъ въ своемъ опечеспвѣ? « . .

На Испанскомъ языкѣ нѣпть слова, копорымъ бы можно было въ почноспп передапть слово мерпвепецъ. *Дуэнде*, находимое въ лексиконахъ, соопвѣспсвуетъ болѣе нашему слову домовой, значпть шакже шалунъ, и часпо придаепсья рѣзвому ребепку. *Дуэндѣцито* (маленькой дуэнде), можепть кспапи быпть сказано о молодомъ человекѣ, копорый прячепсья за занавѣсь, дабы испугатъ хорошенькую дѣвушку, или съ другимъ намѣреніемъ. Но чпо касаепсья до обычныхъ въ другихъ спранахъ, блѣдныхъ, высокорослыхъ привидѣній, закупанныхъ въ саванъ, обремененныхъ цѣпями, шо ихъ не полько не видяпть, но объ нихъ и не говоряпть въ

Испаниі. Есть еще очарованные Мавры, о проказахъ коихъ. рассказываютъ въ окрестностяхъ Гренады; но все это добрыя привидѣнія, являющіяся обыкновенно среди дня, смиренно пребывющія, чшобъ ихъ окрестили теперь, поелику имъ во время жизни не удалось заслужить эшаго счастья. Кшо выполнитъ просьбу ихъ, пому они за прудъ показываютъ дорогѡй кладъ. Присовокупитъ къ сему еще нѣкопорога рода мохнатое привидѣніе, называемое *ei velludo*, изображенное на спѣнахъ Альгамбры, и безголовую лошадь *, копорая, не взирая на сей недоспапокъ, очень проворно скачетъ по камнямъ, заваливающимъ ровъ между Альгамброй и Генералифомъ: вопъ всѣ привидѣнія, коими пугаютъ или забавляютъ дѣшей.

По счастью вѣрятъ еще колдунамъ, а особенно колдуньямъ.

За милою опъ Мурвѣдро спойтъ уединенно небольшой пипейный домъ. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось пипъ; я оспановился у него. Хорошенькая, не слишкомъ смуглая дѣвушка, принесла мнѣ воды. Виценте, въ копоромъ одинъ взглядъ на какой бы то нибыло пипейный домъ, возбуждалъ нестерпимую жажду, Виценте, копорый не пропускалъ ни одного шакого дома, не представивъ мнѣ множества самыхъ

* El caballo descabezado.

основапельныхъ причинъ, по коимъ слѣдовало взойти въ оный, Виценте, казалось, не охотно оспановился въ эпомъ мѣспѣ. » Уже поздно, говорилъ онъ; ѣхаль намъ еще не близко; за четверть мили отсюда еспь пракпиръ гораздо лучше, гдѣ мы найдемъ вино, которое въ превосходствѣ уступааетъ только Пенисколькому. « Однакожь я не согласился; а преспокойно напился воды, наѣлся *гаспахо*, приготовленнаго руками дѣвицы Карменципы и даже срисоваль порпрепъ ея. Между пѣмъ Виценте препаль лошадь, повиспываль съ видомъ непергѣнія, и казалось, ни за что не согласился бы войти въ сей домъ.

Снова опправляемся въ пупъ. Я часпо говорилъ о Карменципѣ. Виценте покачиваль головою. » Скверный домъ! « сказалъ онъ наконецъ.

— Скверный! Почему же? Мнѣ подали славное *гаспахо*.

» Не удивительно: можетъ бытъ самъ чорпъ его гоповиль. «

— Чорпъ! Не попому ли ты такъ говоришь, что эта добрая женщина не щадиль перцу; или у ней поваромъ чорпъ?

» Почему знашь! «

— А!.. Такъ она колдунья? «

Виценте бояливо оглянулся, дабы удостовѣриться, что за нимъ не подмѣчаютъ; приудариль лошадь и дѣлаль глазами и головой подтвердительные знаки. Любопытство мое воз-

будилось; я видѣлъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, что проводникъ мой не принадлежалъ къ числу вольнодумцевъ, чего я сначала очень опасался.

» И пакъ она колдунья? « продолжалъ я, пустивши лошадь шагомъ. » А дочь? «

— Ваша Знапность знаепе пословицу: *Primerò p. . . , luego alcahieto , pues bruja.* * Дочь еще только начинаепъ , а мапъ уже въ приспани.

» Почему же ты знаешь , что она колдунья? Что пакое сдѣлала она? «

— То , что и всѣ онѣ дѣлають. Съ ея глазу чахнушъ дѣпи; она сжигаетъ оливковыя дѣвевья , моритъ лошаковъ , и спроитъ много другихъ пакоспей.

» Но знаешь ли ты кого нибудь , кто бы сдѣмался жертвою колдовства ея? «

— Знаю ли ! да съ двоюроднымъ брапомъ моимъ , она сыграла пакую шпуку , что ай люли!

» Расскажи пожалуйста , прошу тебя. «

— Брапъ-по и не любитъ , чтобъ рассказы-вали про эту испорію ; но онъ шеперь въ Кадиксъ , и надѣюсь , что если расскажу вамъ ,

* Сперва разбитная , потомъ помощница въ любовныхъ дѣлахъ , а шамъ колдунья.

по опть эпаго съ нимъ не случился никакого несчастія.»

Я уничтожилъ всѣ сомнѣнія Виценте, подавивъ ему сигарку. Онъ нашель доказательство сіе неопровержимымъ и началъ такъ:

» Да будетъ Вашей Знапности извѣстно, что двоюродный братъ мой называется Генриквець, родомъ онъ изъ Грао въ Валенці, ремесломъ морякъ и рыболовъ, честный человекъ, добрый опецъ семейства, спаринный хриспьянинъ, какъ и весь родъ его, принадлежа къ ко-ему и я, могу похвалиться эшимъ достоинствомъ, не взирая на бѣдность мою, и по, что на свѣпть много еспь богатыхъ, копорые не очень пверды въ своей вѣрѣ. И такъ братъ мой былъ рыболовомъ, жилъ онъ въ маленькой деревушкѣ близъ Пенисколы, ибо хопь родомъ-по онъ изъ Грао, да родня-по его жила въ Пенисколѣ. Онъ родился въ баркѣ опца своего, а попому и не удивительно, что сдѣлался хорошимъ морякомъ. Куда, куда не ѣздилъ онъ: и въ Индію, и въ Португаллію, и Богъ вѣспь куда! Когда не случалось ему быпъ на большомъ кораблѣ, по ѣздилъ ловипь рыбу на своей баркѣ. Разъ упромъ, собравшись на ловлю, идепъ къ баркѣ—глядь! а веревка, копорую онъ на канунѣ крѣпко накрѣпко привязалъ лодку, привязана ужъ такъ, какъ можетъ шолько спарая баба привязать, а не такой молодець мапрось, ка-

ковъ былъ онъ. » О, подумалъ брапть мой, эпо ночью мальчишки шалили моей баркой; поймаюжь я ихъ, славную задамъ попасовку! « Вопть поплыль, наловилъ рыбы, воропился опяшь; привязалъ барку и на эпошь разъ изъ предосторожности сдѣлалъ двойной узелъ. Чпожь? узелъ — по на другой день опяшь развязанъ. Брапть бѣсился, а кпо развязалъ, угадывай. Однакожь онъ не опѣшилъ: взялъ новую веревку и лихо привязалъ барку; а на упро веревки — по новой опяшь нѣпть, а на мѣсто ея гнилое мочало; да и парусъ прорванъ: спало ночью его распускали. Брапть себѣ на умѣ: » Ужь эпо не мальчишки прогуливаюцца по ночамъ въ моей баркѣ: онибъ не посмѣли развернуть паруса, чпобъ не перевернуло ихъ; видно воры. « Чпожь онъ сдѣлалъ? Спряпался вечеромъ въ барку, шуда, гдѣ кмалъ хлѣбъ, когда выѣзжалъ на нѣсколько дней въ море; лежишь себѣ смирнехонько подь спарымъ изпершымъ одѣяломъ. Въ полночь — замѣшьпе, въ полночь, вдругъ раздались голоса нѣсколькихъ, бѣгущихъ къ морю, человѣкъ. Брапть приподнялъ слегка голову и увидѣль, не воровъ — Господи, Иисусе Христе — а дюжину спарыхъ гадкихъ бабъ, съ босыми ногами, волосами разпрепанными. Брапть — по мой не робкаго десяпку: на воровъ — по онъ было взялъ воспрый, превоспрый ножъ; да какъ увидѣль, чпо дѣло имѣшь придецца не съ

ворами, а съ колдуньями, пакъ и сробѣль, закупался въ одѣяло, призывалъ на помощь Святую Богомаперъ Пенискольскую, усердно молясь, чѣобы Пречисная Дѣва оградила его опть взорвь эшихъ спарыхъ вѣдьмъ.

» Ужъ какъ онъ свернулся, какъ съежился, какъ дрожалъ за себя! Колдуньи опвязаали веревку, подняли парусъ, да какъ пускаются въ море, чѣо упаси Боже! И лошадь, какъ закусишь удила, не пакъ скоро мчицца; лодка пакъ лепѣла, полько вода посвиспывала и смола опть жару расплавлялась. Оно и не диво! колдуньи всегда добудушь вѣпру, когда захопяпъ: имъ самъ чорпъ поддуваешъ. Между пѣмъ онѣ болпали, смѣялись, возились, хваспались зломъ, копорое надѣлами. Иныхъ брапъ зналъ, а другихъ никогда не видывалъ: знапъ издадека припожаловали. Ла-Ферре, спарая колдунья, у копорой вы пакъ долго просидѣли, правила рулемъ. Чрезъ нѣсколко времени оспановились, приспали къ берегу; колдуньи повыскакали вонъ изъ барки и привязали ее къ большому камню. Не слыша болѣе голосовъ ихъ, Генриквецъ осмѣлился выдпн изъ своей норы. Ночь была не свѣпмая, однакожъ онъ хорошо разсмотрѣлъ невдалекѣ опть берега проспникъ, копорый качался опть вѣпра, а за нимъ подальше большой огонь. Будыпе увѣрены, чѣо тамъ-пю было сборище колдуновъ. Генриквецъ не сробѣль,

выскочилъ на берегъ, сръзалъ нѣсколько проспнику, взялъ съ собой и, спрятавшись опять на свое мѣсто, ждалъ пока колдуньи воропяпся. Черезъ часъ онѣ воропились, сѣли опять въ барку, опчалили и пуспились также скоро, какъ прежде. » Эпакъ, думалъ брапъ, мы какъ разъ будемъ въ Пенисколѣ. « Все шло хорошо, но вдругъ одна изъ нихъ сказала: » Сесприцы, вопъ ужъ при часа бьепъ. « Только чпо успѣла она проговорипъ, всѣ взлепѣли и пропали. Вы знаете, чпо онѣ могутъ рыскапъ по разнымъ краямъ только до прехъ часовъ. Барка спала и брапу пришлось греспъ. Богъ вѣспъ, сколько времени промыкался онѣ по морю, пока ему удалось добрапъся опять до Пенисколы! Онѣ воропились ужъ на препій день, изнемогли опъ голоду. Поѣвъ не много и выпивъ водки, опправился онѣ къ Пенисколѣскому аппекарю, который ученъ да переученъ и знаетъ на перечепъ всѣ лекарспвенныя правы; брапъ показалъ ему проспникъ, который привезъ съ собою. » Откуда это? « спросилъ онѣ у аппекаря.—»Изъ Америки. Эпопъ проспникъ роспепъ только въ Америкѣ. Здѣсь сколько хочешь сѣй, не взойдепъ ничего. « Брапъ, не сказавъ ни слова больше аппекарю, прямо пошелъ къ Ла-Ферре. » Пака, « сказалъ онѣ ей вошедни, » пы колдунья! « Она спала опширапъся, закричала: Господи Иисусе! съ чего пы взялъ? —»А вопъ до-

казашельство, что ты колдунья; ты ѣдишь въ Америку и въ одну ночь назадъ поспѣваешь. Я ѣдилъ туда съ побою въ такую-то ночь. Видишь эпошь проспникъ? я его нарѣзалъ въ Америкѣ. «

Виценпе, который все предыдущее разсказывалъ одушевленнымъ голосомъ, съ большимъ жаромъ, пропянулъ тогда ко мнѣ руку, и сопровождая повѣспованіе свое приличными панпомимами, подалъ мнѣ горсть только что сорванной имъ травы. Я не могъ удержаться опъ невольнаго движенія, думая видѣть Американской проспникъ. Виценпе продолжалъ:

» Колдунья сказала: » Не шуми пакъ; вопъ пебѣ мѣшокъ сарацинскаго пшена, спупай домой, оспавь меня въ покоѣ. « — » Нѣтъ, « опвѣчалъ Генриквецъ, » я не оспавлю тебя въ покоѣ, если ты не дашь мнѣ палисмана, копорымъ бы я могъ, когда захочу, добыть пакой же вѣперъ, по какому мы ѣхали въ Америку. « Тогда колдунья дала ему кусокъ пергаменту въ мѣшечкѣ, копорый онъ всегда надѣваетъ пускаясь въ море. Но я на его мѣспѣ давно бы бросилъ въ огонь и пергаментъ и все, или опдалъ бы священнику, ибо порговаться съ дьяволомъ плохая торговля. «

Я поблагодарилъ Виценпе за его испорію, и прибавилъ, дабы опплатить ему пою же монепю, что въ моемъ опечеспвѣ колдуньи обхо-

дяпся безъ судовъ, чпо онѣ у насъ обыкновенно ѣздяпть на меплахъ, сядясь на нихъ верхомъ.

» Ваша Знапность безъ сомнѣнiя знаетъ, чпо эпо невозможно, « равнодушно опвѣчалъ Виценте.

Эпо поразило меня. Съ его спороны такая недовѣрчивоспъ была ужъ грубоспью: усомнил-ся ли я въ испинѣ повѣспвованiя о проспникѣ? А попому, давъ почувспвовапть спупнику моему мое негодование, я сказалъ спрогимъ голосомъ, чпобы онѣ впредь не мѣшался въ разговоры о такихъ предмепахъ, копорыхъ не можепть пониматъ, и чпо еслибы мы были во Франци, то я нашелъ бы ему сколько угодно свидѣпелей.

» Если Ваша Знапность видѣли эпо сами, такъ оно должно быпть справедливо; но ежели вы не видали, то буду всегда утверждапть, чпо нѣптъ никакой возможности колдуньямъ ѣздяпть верхомъ на меплѣ; поелику нельзя быпть, чпобъ хопя два сучка не лежали креспообразно, изъ чего уже образуепся креспъ, слѣдспвенно, какъ колдуньямъ ѣздяпть на меплѣ, гдѣ онѣ имѣепся? « . .

Доказательство сіе было неспровержимо. Я опвѣчалъ однакожъ, чпо мепла меплѣ розъ. Чпо дѣйспвипельно колдунья не можепть ѣздипть на меплѣ изъ березовыхъ сучевъ; но

что она весьма удобно можетъ совершать путешествія свои на меплѣ, напримѣръ, изъ конскаго волоса. Всякой можетъ понять, что на такой меплѣ можно ѣхать на край свѣта.

— Я часто слыхалъ, сударь, сказалъ Виценпе, что въ вашемъ опечеспвѣ множество колдуновъ и колдуньевъ.

» Эпо опъ пого, другъ мой, что у насъ нѣтъ Инквизиціи. «

— Стало Ваша Знапность видали людей, копорые продаютъ палисманы. Я самъ видалъ дѣйствіе такихъ палисмановъ.

» Говори, « сказалъ я, припворясь, будто не знаю эпихъ испорій; » я буду опвѣчать тебѣ, правда ли эпо. «

— И такъ, сударь, мнѣ сказывали, что въ опечеспвѣ вашемъ еспъ люди, копорые и продаютъ и покупаютъ палисманы. За кошелекъ пуго набитый дають они вамъ опрѣзокъ проспнику, одинъ конецъ коего завязанъ, а другой запкнутъ пробкой. Въ эпомъ проспникѣ еспъ маленькія живописныя (*animalitos*), при пособіи коихъ можно добыть все желаемое. Да вы лучше меня знаете, чѣмъ ихъ кормятъ. . . Мясомъ, сударь, некрещеннаго ребенка; а когда эпого доспать нельзя, то владѣлецъ проспника долженъ опрѣзать кусокъ собственного своего мяса. (Волосы спояли дѣбомъ у Виценпе). А кормить-то ихъ надобно всякія супки разъ.

» Есть ли у тебя такой простникъ? «

— Нѣтъ, сударь, не хочу лгать; но я коротко зналъ одного Ромеро; мнѣ часто случилось съ нимъ пить, по есть тогда еще, какъ я не зналъ объ немъ того, что теперь знаю. Эпопъ Ромеро былъ ремесломъ загалъ*. Онъ сильно занемогъ, и потому не могъ болѣе бѣгать. Ему говорили: » спупай на богомолье, вымечишься. « А онъ опвѣчалъ: » Покуда я буду ходить, кто спанетъ кормить дѣшей моихъ? « Наконецъ ему пришлось, что некуда головы дѣвать; онъ и присусѣдился къ колдунамъ, которые продали ему одинъ изъ такихъ кусковъ простнику, о коихъ я говорилъ Вашей Знапности. Съ этихъ поръ, сударь, Ромеро зайца перегонить. Ни одинъ загалъ за нимъ не угоняется. Вы знаете, какое это ремесло, какъ оно опасно и упоминательно. Теперь онъ бѣжитъ себя передъ мулами, сигарки на минупу изъ зубъ не вынетъ. Безъ отдыху пробѣгаетъ изъ Валенці въ Мурцію. Но спойтъ взглянуть на него, такъ ужъ увидишь, каково ему это доспается: кости да кожа; глаза все глубже и глубже впадаютъ; скоро будутъ ужъ на за-

* Загалъ есть нѣкотораго рода пѣшій поспильонъ. Его обязанность вести за узду двухъ передовыхъ муловъ въ какой либо упряжи; онъ долженъ бѣжать съ ними на ряду, когда ихъ погонять вскачь. Если же оспановится, то экипажъ неминуемо переѣдетъ по немъ.

пшыкъ. А опть чего? Кормипть, бѣдняжка, своимъ собственнымъ мясомъ эпихъ живописныхъ.

— Еспть палисманы, копорые годны и не на то, чпобы полько бѣгапть; они защищаюпть опть пуль, опть булапу. У Наполеона, говоряпть, былъ такой палисманъ: вопть опть чего и не могли его убипть въ Испаніи; однакожь на это было весьма легкое средство.

» Знаю! надо вылипть серебряную пулю, « сказалъ я, вспомнивъ пулю храбраго Вига, копорая поразила Клавергуза. «

— Серебряная пуля могла бы годипься, продолжалъ Виценте, когдабъ была вылипа изъ монепы, на копорой былъ бы изображень креспть, какъ на нашихъ спарыхъ монетахъ; но всего лучше взяпть свѣчку, копорая лежала на алпарѣ во время обѣдни; вылипть изъ сего благословеннаго воску пулю, и никакой палисманъ, никакое колдовство, никакая кираса не спасупть колдуна опть такой пули. Жуанъ Колль, копорый надѣлалъ сполько шуму въ окреспноспяхъ Торпозы, былъ убипть восковой пулей. Благочеспивый богомолецъ, его убившій, обыскалъ несчастнаго и нашель, чпо вся грудь у него была испещрена знаками опть пороху, а на шеѣ пропаспть пергаменпныхъ листковъ и другой дьявольщины. Хозе Марія, о коемъ пакъ много говоряпть пеперь въ Андалузіи, имѣепть пакже палисманъ пропивъ пуль;

но горе ему, когда въ него выпрѣмятъ восковую пулю! Вы знаете, какъ онъ худо поступаетъ съ священниками и опцами монахами, которые попадутся въ его руки; а почему? Знаетъ, что священникъ или вообще какая нибудь духовная особа благословитъ воскъ, долженъ спвующій нѣкогда убить его.

Вицента наговорилъ бы еще много, но въ эту минуту мы въѣхали въ замокъ Мурвѣдрскій, и разговоръ нашъ принялъ другое направленіе.

III.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ

Г. ЯЗЫКОВА. *

(окончаніе.)

Благословенны пѣ мновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ ниміамомъ вдохновенья
Священнодѣйствуетъ поэтъ.

Н. Языковъ.

Дѣло крипики при разборѣ стихотворцевъ заключается обыкновенно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и особенность ихъ таланта, оцѣнить ихъ вкусъ и направленіе, и показать, сколько можно, красоты и недостатки ихъ произведеній. — Дѣло трудное, иногда любопытное, часто бесполезное и, почти всегда, неудовлетворительное, хотя и основано на законахъ положительныхъ.

Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую область въ мірѣ прекраснаго и прибавляющій такимъ образомъ новый элементъ къ поэтической жизни своего народа, —

* См. 3 N. Телескопа.

погда обязанность критики изменяется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ спановипися уже вопросомъ впороспепеннымъ; даже вопросъ о талантѣ является неглавнымъ; но мысль одушевляющая поэта получаетъ иишпересь самобытнѣй, философическѣй; и лице его спановипися идеею, и его созданиа спановипися прозрачными, такъ чпо мы не сполько спомримъ *на нихъ*, сколько *сквозь нихъ*, какъ сквозь открытое окно; спараемся раземопрѣпъ самую вниупренность новаго храма и въ немъ божеспво, его освящающее.

Опъ пого, входя въ масперскую живописца обѣкновеннаго, мы можемъ удивляпъся его искусству; но предъ карпиною художника шворческаго забываемъ искусство, спараясь поняпъ мысль въ ней выраженную, поспигнупъ чувспво, зародившее эпю мысль, и прожить въ воображеніи по соспояніе души, при которомъ она исполнена. — Впрочемъ и эпю послѣднее сочувспвіе съ художникомъ свойспвенно однимъ художникамъ же; но вообще люди сочувспвуютъ съ нимъ сполько въ помъ, чпо въ немъ чиспо человеческого: съ его любовью, съ его поской, съ его воспоргами, съ его мечпою-уптѣшипельницею, однимъ словомъ, съ птѣмъ, чпо происходитъ вниупри его сердца, не заботясь о событїяхъ его масперской.

Такимъ образомъ на нѣкопорой спепенн со-

вершенства искусство само себя уничтожаетъ, — обращаясь въ мысль, — превращаясь въ душу.

Но эта душа изящныхъ созданій, — душа нѣжная, музыкальная, которая препенетъ въ звукахъ и дышетъ въ краскахъ, — неуловима для разума. Понять ее можетъ только другая, душа ею проникнутая. Вопль почему крипика произведеній образцовыхъ должна быть не столько судомъ, сколько проспымъ свидѣльствомъ; ибо зависить отъ личности, и потому можетъ быть произвольною, и основана на сочувствіи, и потому должна быть присраспною.

Что же дѣлать крипикамъ систематическимъ, которые хотятъ доказывать красоту и заспавливать васъ наслаждаться по правиламъ, указывая на то, что хорошо, и на то что дурно? — Имъ въ утѣшеніе оспаются произведенія обыкновенныя, для которыхъ есть законы положительныя, ясныя, подлежащія произвольному толкованію, — и надобно признаться, что это утѣшеніе огромное; ибо въ липературѣ каждого народа встрѣчаете вы немногихъ поэтовъ-двигателей, тогда какъ всѣ другіе только слѣдуютъ данному ими направленію, подлежа крипикъ однимъ искусствомъ исполненія, но не душою созданія.

Нѣсколько свѣпильниковъ, окруженныхъ тысячу разбитыхъ зеркальныхъ кусковъ, гдѣ пы-

сячу разъ повпоряеся одно и поже, — вопъ образъ липературы самыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Сколько же прѣпныхъ заняпій для того, кпо захочетъ исчислять всѣ углы опраженій свѣта на эпихъ зеркальныхъ обломкахъ!

Но если вообще то, чпо мы называемъ *душею искусства*, не можетъ бытъ доказано посредствомъ математическихъ доводовъ, но должно бытъ прямо понято сердцемъ, либо просто принято на вѣру, — то еще менѣе можно пребывать доказательствъ спрого-математическихъ памъ, гдѣ дѣло идетъ о поэтѣ молодомъ, котораго произведенія хопя и носятъ на себѣ признаки поэзіи оригинальной, но далеко еще не представляютъ ея полного развитія.

Вопъ почему, спараясь разрѣшитъ вопросъ о томъ: чпò соспавляетъ характеръ поэзіи Языкова, мнѣ особенно необходимо сочувствіе моихъ чипапелей; ибо оно одно можетъ служить оправданіемъ для мыслей, основанныхъ единственно на внушеніяхъ сердца, и часпю даже на его догадкахъ.

Мнѣ кажется, — и я повпоряю, чпо мое мнѣніе происходитъ изъ одного индивидуальнаго впечатлѣнія, — мнѣ кажется, чпо средоточіемъ поэзіи Языкова служитъ то чувство, которое я не умѣю опредѣлить иначе, какъ назвавъ его *стремленіемъ къ душевному прос-*

тору. — Эпо спремленіе замѣтно почти во всѣхъ мечпахъ поэта, отражается почти на всѣхъ его чувствахъ, и можетъ быть даже, что изъ него могутъ быть выведены всѣ особенности и приспирстія его поэтическихъ вдохновеній.

Если мы вникнемъ въ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ его поэзія, то увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ вино, имъ воспѣваемое, какъ какое-то волшебное вино, отъ котораго жизнь двоится въ глазахъ нашихъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мелкою, всеневною; другая праздничною, поэтическою, спорною. Первая угнѣпаетъ душу; вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и наполняетъ воспоргомъ. И между сими двумя существованіями лежатъ явная, бездонная пропасть; но черезъ эпо пропасть судьба бросила нѣсколько живыхъ мостовъ, по которымъ душа переходитъ изъ одной жизни въ другую: эпо любовь, эпо слава, дружба, вино, мысль объ опечесствѣ, мысль о поэзіи, и наконецъ тѣ минуны безопчепнаго, разгульнаго веселья, когда собственныя звуки сердца заглушаютъ ему голосъ окружающаго міра, — звуки, которыми сердце обязано собственной молодости болѣе, чѣмъ случайному предмету, ихъ возбудившему.

Но не одна жизнь, и сама поэзія съ эпо почки зрѣнія является намъ вдвойнѣ: сначала

какъ пророчество, какъ сердечная догадка, попомъ какъ испорія, какъ сердечное воспоминаіе о лучшихъ минушахъ души. Въ первомъ случаѣ она увлекаетъ въ міръ неземной; во второмъ она изъ дѣйствительной жизни извлекаетъ тѣ мгновенія, когда два міра прикасались другъ друга, и передаетъ сіи мгновенія какъ вѣрное, чистое зеркало. Но и та и другая имѣютъ одно начало, одинъ источникъ, и вопль почему намъ не спранно въ сочиненіяхъ Языкова вспрѣтись веселую запольную пѣснь подлѣ святой моливы, и опблескъ разгульной жизни студента подлѣ високаго псалма. Напропивъ: при самыхъ разнородныхъ предметахъ лира Языкова всегда оспаетъ вѣрною своему главному пону, пакъ, что всѣ стихи его вмѣстѣ взятыя кажутся искрами одного огня, блестящими опрѣвками одной поэмы, недосказанной, разорванной, но которой цѣлостъ и стройность понятна изъ часпей. Такъ иногда въ немногихъ поступкахъ человека съ характеромъ открываея намъ вся испорія его жизни.

Но именно попому, что господствующій идеаль Языкова естъ праздникъ сердца, проспоръ души и жизни, попому господствующее чувство его поэзіи естъ какой-то электрическій воспоргъ; а господствующій понъ его стиховъ какая-то звучная поржественность.

Эта звучная поржеспвенность, соединенная съ мужеспвенною силою, эта роскошь, эпопть блескъ и раздолье, эта кипучестъ и звонкостъ, эта пышностъ и великолѣпіе языка, украшенныя, проникнутыя изяществомъ вкуса и граціи, — вопть опличительная прелестъ и вмѣстѣ особенное клеймо спиха Языкова. Даже тамъ, гдѣ всего менѣе выражается господспвующій духъ его поэзіи, нельзя не узнать его спиховъ по особенной гармоніи и яркости звуковъ, принадлежащихъ его лирѣ исключительно.

Но эта особенность, такъ рѣзко опличающая его спихъ опть другихъ Русскихъ спиховъ, спановиися еще замѣнлѣе, когда мы сличаемъ его съ поэтами иноспранными. И въ эпомъ случаѣ особенно счастливъ Языковъ пѣмъ, что главное опличіе его слова еспть вмѣстѣ и главное опличіе Русскаго языка. Ибо если языкъ Ипальянскій можетъ спорить съ нашимъ въ гармоніи вообще, по конечно успуипть ему въ мужеспвенной звучности, въ великолѣпнн и поржеспвенности, — и слѣдовапельно поэпть, котораго спихъ превосходитъ всѣ Русскіе спихи именно пѣмъ, чѣмъ языкъ Русскій превосходитъ другіе языки, — спановиися въ эпомъ опношеніи поэпомъ — образцомъ не для одной Россіи.

Но сія наружная особенность спиховъ Языкова попому полько и могла развипься до па-

кой степени совершенства, что она, как мы уже замѣтили, служить необходимымъ выраженіемъ внутренней особенности его поэзіи: это не просто пѣло, въ которое вдохнули душу; но душа, которая приняла очевидность пѣла.

Любопытно наблюдать, чипая Лыжкова, какъ господствующее направленіе его поэзіи оставляетъ слѣды свои на каждомъ чувствѣ поэта, и какъ всѣ предметы, его окружающіе, оплывающаюся ему пѣмъ же опголоскомъ. Я не представляю примѣровъ попому, что для этого надобно бы было переписать все собраніе его стихопвореній; напомню только выраженіе того чувства, которое всего чаще воспѣвается поэтами и попому всего яснѣе можетъ показывать ихъ особенность:

. . . . .
 А вы, пѣвца внимательные други,
 Товарищи, — какъ думаете вы?
 Для васъ я пѣлъ Нѣмецкіе досуги,
 Спѣсивый хмѣль ученой головы,
 И праздникъ попь, шумящій ежегодно,
 Тамъ у пруда, на бархатѣ луговъ,
 Гдѣ обогнулъ заливъ голубоводной
 Зеленый скапъ лѣсныхъ береговъ? —
 Луна взошла, древа благоухали,
 Зефиръ весны спруилъ ночную пѣвь,
 Костеръ пылалъ — мы долго пировали
 И, бурные, привѣтствовали день!
 Товарищи! не правда ли? на пиръ
 Не рознилъ вамъ лирической поэпъ?
 А этопъ пиръ не на обумъ воспѣпъ,
 И вы моей порадовались лирп! . . .

Нѣтъ, не для васъ! — Она меня хвалила,
 Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
 И младости заносчивая сила,
 И пламенныхъ воспорговъ кипяпокъ.
 Когда она игривыми мечпами,
 Радушная, преслѣдовала ихъ;
 Когда она, веселыми успами,
 Мой счастливыи произносила стихъ —
 Горжеспвенна, полна очарованья,
 Свѣжа, и гдѣ была душа моя!
 О! прочъ мои грядущія созданья,
 О! горе мнѣ, когда забуду я
 Огонь ея привѣпливаго зора,
 И на чель избытокъ спройныхъ думъ,
 И сладкій звукъ рѣчей, и свѣпмый умъ
 Въ лющемся кристалѣ разговора.

Ее ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
 И пайна въ ней великая жила,
 Чшо юношу спремило самовластно
 На видный пупъ и чистыя дѣла;
 Онъ чувспвовалъ: возвышенныя блага
 Еспъ на землѣ! — Еспъ цѣлый міръ пруда
 И въ немъ — надеждъ и помысловъ опвага,
 И быпіе привольное всегда!
 Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
 Кшо пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ. . . .
 Она всего поэпа понимала —
 И гордъ, и пихъ, и препепенъ поэпъ
 Ей приносилъ свое боготворенье;
 И радостно во имя божеспва
 Сбирались въ хоръ созвучныя слова!
 Какъ онміамъ горѣло вдохновенье!

Не знаю, успѣль-ли я выразить ясно мои мы-
 сли говоря о господспвующемъ направленіи
 Языкова; но если я былъ сполько счастливъ,

что чипапели мои раздѣлили мое мнѣніе, по мнѣ не нужно продолжашь болѣе. Опредѣливъ характеръ поэзіи, мы опредѣлили все: ибо въ немъ заключаюся и ея особенныя красоты и ея особенныя недоспапки. Но пусть кто хочеть прискиваеть для нихъ соопвѣспвенные разряды и названія, — я умѣю полько наслаждапья и, признаюся, слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы играпья словами безъ цѣли, и сполько ожидаю опть Языка въ будущемъ, что не могу въ настоящихъ недоспапкахъ его видѣпья что либо сущеспвенное.

Теперь, судя по нѣкопорымъ спихопвореніямъ его собранія, кажется, что для поэзіи его уже занялась заря новой эпохи. Вѣрояпно поэтъ, проникнувъ глубже въ жизнь и дѣйспвительность, разовѣптъ идеаль свой до *большей сущеспственности*. По крайней мѣрѣ надежда принадлежитъ къ числу пѣхъ чувспвъ, копорыя всего сильнѣе возбуждаюся его спихопвореніями, — и если бы поэзіи его суждено было оспапья навсегда въ помъ кругу мечпапельности, въ какомъ она заключалась до сихъ поръ, то мы бы упрекнули въ эптомъ судьбу, копорая, даровавъ намъ поэта, послала его въ міръ слишкомъ рано или слишкомъ поздно для полного могучаго дѣйспвованія; ибо въ наше время всѣ важнѣйшіе вопросы быпнія и успѣха паяпся въ опытахъ дѣйспвительности и въ сочувспвіи съ

жизнію обще-человѣческою , а попому поэзія , непроникнутая сущеспвенностью , не можетъ имѣть вліянія довольно обширнаго на людей, ни довольно глубокаго на человѣка.

Впрочемъ, если мы желаемъ большаго развитія для поэзіи Языкова , то эпо не никакъ не значиптъ , чпобы мы желали ей измѣниться ; напропивъ : мы повпоряемъ за нимъ , — и въ эпомъ присоединяпся къ намъ всѣ , кпо понимающъ поэта и сочувспвуютъ ему , — мы повпоряемъ опть сердца за него его молишву къ Провидѣнію:

Пусть неизмѣненъ, жизни новой
Придепъ къ таинспвеннымъ врапамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

У—2.

IV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ПО ИТАЛИИ

(1831).

ВОДОПАДЪ ТЕРНИ.

Ноября $\frac{4}{16}$. Середѣ. Терни. Утромъ въ 6 часовъ, когда было еще темно, поѣхали мы смотрѣть каскаду Терни. Внѣ города, ѣдешь садами оливными и виноградниками. Смѣнивъ коней на воловъ, мы начали взбираться на гору. Разсвѣло. Открылся великолѣпный видъ на долину и городъ Терни и развивался постепенно, по мѣрѣ нашего восхожденія. Глаза, соскользнувъ съ сизыхъ скалъ, бѣгутъ по долинѣ, довольно широкой, укрытой виноградомъ, и провожаютъ попокъ, уже скапившійся съ утеса. Долина,
ТЕЛЕСК. XIX.

выходя изъ горъ , ширѣесть и ширѣесть ; вдали бѣлѣеся городъ Терни и другіе города. Взоръ убѣгаесть еще въ горы, въ долины, въ лѣса, и далеко, далеко встрѣчается съ небомъ... Обѣхавъ скалу, увидѣли мы на горѣ маленькую дугу снѣжной воды, надъ нею дымъ, и услышали шумъ. Вошъ первые признаки водопада. Близъ дороги, сошли въ пещеру спалакиповъ, образованныхъ внупри земли водою, пробивавшеюся сквозъ землю. Спустились узкимъ опверзпиемъ по камнямъ, служащимъ спупенями, хватаясь за камни же; проводники зажгли свѣчи и кучу хвороста. Предспавыте себѣ подъ землею колонны, высѣченныя водою изъ камня, разныхъ величинъ; надъ вами висятъ камни же въ видѣ колоссальныхъ зонповъ, грибовъ, мѣшковъ, похожихъ на пуши съ свинымъ саломъ, и другихъ причудливыхъ формъ. Просполюдинѣ среднихъ вѣковъ еказалъ бы, что тулпъ дьяволъ гоповидъ себѣ сало, и оно окаменѣло. Эпа пещера вѣрхомъ своимъ похожа на Ипаліянскія лавки съ сыромъ, колбасами и сосисками, но только въ колоссальныхъ размѣрахъ. Мы прозвали ее по Ипаліянски *la pizzicheria del diavolo*. Гропа тѣмъ замѣчательна для естествоиспытателя, что служипъ образчикомъ для внупренности окружныхъ Аппеннинъ вообще, которыя всѣ спалакипнаго образованія. Какъ же колоссальна должна бытъ эпа

каменная фанпасмагорія, копорой здѣсь только малый образчикъ?

Для исторіи каскады надобно знать, что въ Ріэпи есть долина, по копорой разливаеся попокъ Велинъ и образуесть озёра; эпопъ Велинъ просасываль горы и образовываль озеро въ долину. Опъ снѣговъ горныхъ бывали частыя наводненія, не только въ эпой долины, но и въ Тибръ; ибо Велинъ, преврапившись, какъ увидимъ ниже, въ Неру, вносишь самый богатый Аппенинскій вкладъ поипелю вѣчнаго города. Курій Депапъ, въ 481 году по основаніи Рима, свель всё сіи воды въ одно лоно и сбросилъ ихъ съ горы. Опъ эпого прекратились наводненія, — и долина Ріэпи получила опъ Цицерона названіе Темпейской. И такъ, эпопъ водопадъ обязанъ происхожденіемъ своимъ искусству и опвагъ древнихъ Римлянъ.

Черезъ виноградный садъ и попомъ узкимъ опверзпиемъ, прорѣзаннымъ въ скаль, мы пришли къ тому мѣспу попока, гдѣ онъ разбѣгаеся на свой прыжокъ тысячу-фуговой. Быспроты водъ не выносишь взоръ. Надъ попомъ нависли густыя деревья, большею частію каменные дубы (ісіні).

Опшуда, черезъ слѣды каналовъ Павлова и Григоріева, нынѣ оставленныхъ (ибо и при Папахъ занимались также устройствомъ щене-

нiя сихъ водъ по причинѣ наводненiй), мы прошли къ тому мѣсту, гдѣ вода только что сбѣгаетъ на свою первую ступень, или огромную чашу, въ которой раздробясь млечною влагой, сбѣгаетъ ниже перлами и росой. Сходя поспешенно, спали мы на равнѣ съ серединой и видѣли радуги на водяной пыли, вѣющей опть паденiя, и потомъ сошли къ самому низу или жерлу водопада. Онъ величавъ, но не спрашенъ, какъ все искусство, какъ вся природа Италiи. Здѣсь нѣтъ ни черныхъ скалъ, ни ущелий, ни вертеповъ, ни мрачныхъ деревъ. Все открыто, озарено яснымъ небомъ. Здѣсь высокое не ужасно, не попрысаетъ нервъ, не кружитъ головы, не подавляетъ духа; здѣсь красота есть гармонiя и равновѣсiе.

Байронъ, въ своемъ Чайльд-Гарольдѣ, описалъ эпосъ водопадъ; но его сѣверное воображенiе любило иногда преувеличенное и мрачное. Онъ называетъ его *влажными адомъ* или *адомъ водъ* (the hell of waters). Поэтъ спраданiй человеческихъ, Поэтъ внупреннихъ пыпокъ души, своимъ унылымъ, сѣвернымъ чувствомъ, накидывалъ тучи на ясное небо Италiи, вводилъ мрачную тѣнь на самыя свѣплыя явленiя ея природы. Онъ видѣлъ въ шипящемъ кипѣннiи эпихъ водъ *бѣзконечную пытку*; онъ видѣлъ въ прекрасной картинѣ водопада какую-то ужас-

ную казнь; въ эпой радужной росъ, блиспавшей надъ бездною, *потъ отъ великаго издыханія* раздробленныхъ водъ въ пучинѣ—и наконецъ, накинувъ на все эпо Радугу, олицетворилъ въ ней Любовь, копорая, съ неизмѣннымъ ликомъ, спорожилъ Безуміе.

Невольно заглядишься на водопадъ. Вода такъ нѣжно сбрасывается сверху и разбивается на брызги, вѣчно переменныя, но формою все пѣже. Такъ Шампанское изъ бупылки въ спаканъ льется пѣной; внизу кипитъ какъ въ колоссальномъ днѣ спакана. Тупъ молоко, жемчугъ, и серебро, и золото, и плапина, и лучи солнца: все слилось въ одну, дивную краску. Однообразный шумъ! однообразное непоняпное кипѣніе, въ которомъ мысль перьяется! Пріятно видѣть, какъ по горѣ вьются маленькія жилочки воды, изъ копорыхъ каждая несетъ свой пощій вкладъ въ эпо бездну. Не таковыль усилія чашпныхъ людей въ общей массѣ челоуѣчеспва?—Вокругъ вѣетъ влажная пыль, досягавшая и насъ. Окреспные кусты, правы, вѣчно покрыпы влагой. На нихъ опспѣчиваютъ чудныя радуги.

Мы пошли далѣ, кругомъ всей каскады: эпо прогулка цѣлая поэма. Каждая почка зрѣнія замѣчена, начиная опъ разбѣга рѣки до полной картины, вѣнчающей пупешеспвіе. Мало по ма-

лу развивается передъ вами цѣлое; чѣмъ далѣе заходишь, тѣмъ болѣе оно открывається. Все расчислено заранѣе въ художественной Импаліи; вездѣ приготоовлено мѣсто отдохновенія, гдѣ только водопадъ принимаетъ новый видъ или развивается болѣе. Есть и свои неприяности: на каждомъ мѣстѣ зрѣнія являюся спорожа-просипели; толпа нищихъ и оборванныхъ мальчишекъ предлагаетъ свои ненужныя услуги, просипть денегъ, канючипть, пищипть вамъ въ уши безопвязно; дѣвчонки приспаюпть съ спалакипами и просяпть, чпобъ вы купили. . .

Мы спустились внизъ среди цвѣтущихъ куспарниковъ, перешли рѣку по напуральному мосту. Велинъ, сбросившись, принимаетъ въ себя Неру, вытекающую смирно къ нему на вспрѣчу изъ долинь Аппеннинскихъ, и буйно обнявъ ее, уходитъ потчасъ съ нею подъ землю. Попомъ они оба, послѣ тайнаго подземнаго сочетанія, вновь дружно пробиваюся изъ подъ камней, пекутъ по тѣсной долинь, сжапой двумя горами, Monte-Angelo съ одной и Monte-Vallo съ другой стороны, и выходятъ въ огромную долину Терни; но Велинъ устунаепть свое имя Неръ, копорая несетъ общія ихъ воды въ Тибръ. Мѣсто, гдѣ скрываются обѣ рѣки, образуепть напуральный мостъ, называемый Ponte di Tagtago; у сего моста кружились въ водѣ пви деревъ огромной величины, палки, прупья и мер-

пвѣй, весь раздупый пеленокъ: эпо добыча Велна. Все эпо сбѣжало съ нимъ вмѣстѣ и осуждено здѣсь на вѣчное пребываніе. За мостомъ взбираешься на гору реппа rossa (красное перо), противоположную водопаду. Здѣсь открывається лучшая почка, съ которой видѣнь весь водопадъ.

Въ бесѣдкѣ, сплетенной изъ хвороста, съли мы пропивъ него самага, и опдыхали пѣломъ и зрѣніемъ. Вода скидывается какъ скапертъ бѣлая, какъ плеча Венеры Медицейской, какъ свѣжій спанъ спройной красавицы: такъ правильна форма каскада. Надъ потокомъ высоко лепѣли два гуся. Какъ пріятно засмаприватѣся на паденіе воды и безпрестанно провожатъ эпи брызги съ верху до низу!—Подъ эпо много придумаешь. Внизу вода бѣетъ по утесамъ, сбѣгая многими лентами; въ свои оковы заключаетъ островки съ деревьями и послѣ ужъ скрывается подъ земь. Сошедъ внизъ, и идучи вдоль потока, мы видѣли развалины моста, одѣланнаго еще до Курія Деппапа и заперпаго водою, но не такъ давно открываго; вѣрно онъ соединялъ двѣ горы; спроень по Эпруски изъ праверпина, * ш. е. сложенъ большими почѣными камнями.

* Травертинъ или пибурпинъ, камень, опрываемый въ окрестностяхъ Тиволи, древяго Тибура, отъ чего онъ и называется пибурпинъ, а ужъ потомъ переверканъ въ праверпинъ.

Рощею вѣчно-зеленыхъ каменныхъ дубовъ, а попомъ лимоновъ, мы, слѣдя попокъ, шли у горы Vallo, копорая, какъ говоряпть, опорвалась опть пропивоположной горы Angelo. По ней восходяпть дубы, оливы и сосны Ипаліянскія, порчащія на самомъ верху. Гора Анжело грозипть паденіемъ; огромныя сизыя массы лежатъ внизу, другія уже преснули и нависли. Когда выходишь изъ горъ въ долину Папивно, увѣчанную золопымъ вѣнцомъ винограднымъ, пріятно оглянупься на эптѣ двѣ горы, какъ будпо на поржеспвенный аркъ для исхода сочешавшихся рѣкъ: хорошо бы надъ ними перегнушь сводъ! Какъ проспорень, великолѣпень эпопть черпогъ Аппенниъ, въ копоромъ паипся одно изъ лучшихъ мгновеній Ипалія, одно изъ чудесъ природы, въ своихъ красотахъ всегда наблюдающей спрогой размѣръ,—гдѣ совершается бракъ буйнаго Велина къ кропкою Нерой.

С. Ш.

V.

КРАТКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ФРАНЦИИ.

О РОСТѢ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СЕМЬ ГОСУДАРСТВѢ.

При равенствѣ всего прочаго, ростъ человѣка въ спранахъ изобильныхъ, бываетъ, выше нежели въ спранахъ бѣдныхъ; пакже жипели городовъ бывають выше роспомъ деревенскихъ жипелей. Въ царствованіе Наполеона, по причинѣ Конскрипціи, измѣряли милліоны людей; тогда Г. Виллерме пришла въ голову оспроумная мысль, сравнишь средній ростъ жипелей разныхъ департаментовъ. Изъ сего сравненія оказалось, что въ богатѣйшихъ департаментпахъ набирались самаго высокаго роспу конскрипты; при чемъ въ сихъ же департаментпахъ оказывалось наименѣ негодныхъ для военной службы.

Такъ въ Голландіи, въ департаментѣ успьевъ Мааса, коего главнымъ мѣспомъ была Гага, спранны плоской, низкой и сырой, которая, казалось бы, не могла благопріятствовать здравію, но гдѣ народъ издавна богатъ и образованъ, средній ростъ двадцатилѣтнихъ конскриптовъ простирался до 5 футовъ, 1 дюйма и $11\frac{1}{2}$ линій. Напротивъ въ Аппенинскомъ департаментѣ, коего главнымъ городомъ былъ Кіавари, спранны гористой, весьма бѣдной, коею жителя предаются пягоспнымъ прудамъ, а пищу имѣютъ скудную, средній ростъ въ тѣже годы составлялъ только 4 фута, $7\frac{1}{2}$ линій. Это четырьмя дюймами и четырьмя линіями менѣ чѣмъ въ Голландіи.

Средній ростъ въ нынѣшней Франціи составлялъ тогда 4 фута, 11 дюймовъ, 8 линій.

Сверхъ того въ департаментѣ успьевъ Мааса изъ 1000 конскриптовъ, оказалось только 66 негодныхъ къ военной службѣ, а въ Аппенинскомъ департаментѣ изъ 1,000 конскриптовъ 300 были бракованы.

Въ подробныхъ, извлеченныхъ изъ архива Военнаго Министерства таблицахъ, о ростѣ конскриптовъ, слѣдующихъ на долю каждаго изъ 86 департаментовъ Франціи, въ при набора въ разныя времена, замѣчено также, что богатѣйшіе департаменты доставляютъ самыхъ рослыхъ конскриптовъ и изъ оныхъ наименѣ

бракуются. Въ 1823 году средній роспъ молодыхъ людей 19 и 20 лѣтъ былъ 5 фузовъ, 1 дюймъ $\frac{3}{4}$ линіи.

Случается также, что въ бѣднѣйшихъ округахъ одного и того же департаментна, люди роспомъ бывають менѣе, нежели въ сосѣдственныхъ болѣе изобильныхъ департаментнахъ. Такъ, на примѣръ, въ равнинахъ Гардскаго департаментна, жипели рослѣ горныхъ жипелей того же департаментна.

Средній роспъ городскихъ жипелей болѣе, нежели деревенскихъ. Такъ въ Парижѣ люди рослѣ, чѣмъ въ оспальныхъ часняхъ Сенскаго департаментна; роспъ жипелей Лиона болѣе роспа жипелей Вильфраншскаго округа.

Хотя Г. Виллерме думаетъ, что въ странахъ, обитаемыхъ одинаковою пороною людей, степень изобилія имѣетъ наиболѣе вліянія на средній роспъ ихъ, но онъ не отвергаетъ и дѣйствія нѣкоторыхъ мѣстныхъ причинъ. Сосѣдство болотъ производитъ то, что народъ мѣлчаетъ; правда, такія мѣста обыкновенно бывають и бѣдны. А потому въ болотистыхъ мѣстахъ Гардскаго департаментна люди бывають вообще шестью линіями ниже жипелей сосѣднихъ равнинъ, и изъ конскриптовъ ихъ болѣе бракуется.

Горцы тѣ полько бывають роспомъ болѣе, жипорые вообще живутъ изобильнѣе. Такъ жи-

пели Аппенинскихъ и Северскихъ горъ и Пюнде-Дома роспомъ менѣе, нежели жипели со-сѣднихъ равнинъ; но горцы Юры и Швейцарскихъ Альповъ бывающъ вообще болѣе средняго роспа.

Различіе, замѣчаемое въ роспѣ конскриптовъ разныхъ департаментовъ, зависптъ иногда оспъ болѣе или менѣе раняго развитія пѣла ихъ. Изъ набранныхъ въ XIII году республики конскриптовъ оспъ 20 до 21 года, браковано было менѣе, нежели въ 1808 году, въ копоромъ набирались люди оспъ 18 до 19 лѣтъ. При наборахъ людей моложе двадцати лѣтъ, число бракованныхъ вообще замѣпно было болѣе въ бѣдныхъ и гористыхъ спранахъ. И такъ развитіе пѣла въ сихъ послѣднихъ медненѣе совершается, нежели въ первыхъ. Г. Виллерме ограничивается пѣмъ, что только пославляющъ сей фактъ на видѣ.

Важны также слѣдствія, производимыя вліяніемъ законодательсва и управленія. Вотъ самыя рѣзкія:

1-е, Конскрипція не равно распредѣлена по разнымъ спранамъ; 2-е, должно бы было въ бѣдныхъ департаментпахъ и въ деревняхъ набиратъ изъ людей старше лѣтами, нежели въ богатыхъ департаментпахъ и городахъ; 3-е, избиратъ для армій людей самыхъ рослыхъ въ государспвѣ, значптъ старашься, чтобъ въ ономъ оспа-

лись полько малорослые. Лучше бы было приниматьъ всѣхъ годныхъ для службы военной, а при равной годности предпочипать шѣхъ, которые менѣе роспомъ; 4-е, весьма вѣрояпно, что опъ продолжипельной войны родъ чело-вѣческой мѣльчаепъ: Конскрипціею похицаюпся всѣ рослые, здоровые, сильные люди, и *погибаютъ* въ опдаленныхъ краяхъ.

СБОРЪ ХЛѢБА ВО ФРАНЦІИ, ПРЕЖДЕ И НЫНѢ.

Франція за сорокъ лѣтъ предъ симъ производила среднимъ числомъ 14 пысячь милліоновъ фунповъ хлѣба. Тогда народонаселеніе ея проспиралось до 25,000,000 чело-вѣкъ, что соспавляло (вычпья для сѣменъ) 583 фунпа на каждаго чело-вѣка, или одинъ фунпъ одиннадцатп унцій въ день. Послѣ того народонаселеніе прибавилось почпи шестпю милліонами, а изъ того еспественно слѣдуепъ: 1-е что количесиво сѣспныхъ припасовъ возраспало по мѣрѣ умноженія народонаселенія; и дѣйсвивельно, оно достапочно, но не превышаетъ потребности; ибо по опчепамъ таможенъ явспвуепъ, что хлѣба изъ Франціи рѣшипельно совсѣмъ не вывозипся; 2-е что съ того времени общая сумма сбора хлѣба, находясь въ соразмѣрности съ народонаселеніемъ, проспирающимся до тридцати двухъ милліоновъ фунповъ хлѣба, включая и сѣмена; 3-е изъ официальныхъ таблицъ

правительства явствуетъ, что не только сборъ хлѣба не достигаетъ 17 тысячъ миллионъ, но напроливъ почти равняется съ прежнимъ сборомъ. Изъ чего можно заключить, что послѣ революціи болѣе земли обращено подъ виноградники, искусственные луга, огороды и тому подобное, нежели подъ рожь, пшеницу и проч.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ.

съ 1816 по 1827 годъ включительно, во
ФРАНЦІИ РОДИЛОСЬ:

Мальчиковъ..... 4,981,765.

Дѣвочекъ..... 4,674,569.

Итого 9,656,334.

Умерло: { мужеска пола..... 3,897,755.
          { женска..... 3,826,523.

Всего 7,724,278.

Въ теченіе сихъ десяти лѣтъ народонаселеніе Франціи увеличилось 1,932,057 человекъ; всѣхъ же жителей въ семъ государствѣ 31,851,545.

Найдено, что вообще мальчиковъ родится одной пятнадцатой болѣе, нежели дѣвочекъ. Пропорція сія почти постоянно остается оди-

накова, и, повидимому, климатъ мало имѣетъ на нее вліянія; таблицы различныхъ департаментовъ дають почти всегда одинакія результаты. Исключеніе составляютъ только незаконнорожденные, изъ коихъ число рождающихся мальчиковъ содержится къ числу дѣвочекъ какъ 21 къ 20, что можно видѣть изъ слѣдующаго: въ теченіе упомянутыхъ десяти лѣтъ родилось незаконнорожденныхъ 673,047, изъ сего числа мальчиковъ 344,482, а дѣвочекъ 328,565. Сія изчисленія почти и неизмѣнны, когда относятся къ большимъ массамъ, но въ маломъ размѣрѣ представляютъ нѣкоторыя измѣненія, правда рѣдкія. Такъ двѣнадцать разъ случилось, что дѣвочекъ въ теченіи года рождалось болѣе, чѣмъ мальчиковъ; именно: два раза въ Шерѣ, въ Корсикѣ, въ округѣ Марнскомъ, Конскомъ и однажды только въ Арденскомъ, Герольтскомъ, Изерскомъ и Ронскомъ.

Продолжая разсматривать вышесказанный періодъ десяти лѣтъ, находимъ, что изъ 9,656,335 родившихся, было 8,983,288 законнорожденныхъ, и 673,047 незаконнорожденныхъ; что составляетъ одного незаконнорожденнаго на тридцать законнорожденныхъ.

Вообще на 133 человѣка приходится одинъ бракъ; на каждый бракъ четверо законныхъ дѣтей; на 39 человѣкъ живыхъ одинъ умершій; на 10 родившихся 8 умершихъ.

Ежегодное приращеніе народонаселенія можно опредѣлить почти сто пятьдесятъ осью частью; такъ, что ежели сія пропорція не измѣнилась, то народонаселеніе увеличилось чрезъ пятнадцать лѣтъ одной десятой, чрезъ двадцать девять лѣтъ двумя десятыми, чрезъ сорокъ одинъ съ половиною годъ тремя десятыми, чрезъ пятьдесятъ три года четырьмя десятыми, чрезъ шестьдесятъ четыре года половиной всего нынѣшняго народонаселенія, а чрезъ сто десять лѣтъ сіе народонаселеніе удвоилось.

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕЦАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, 26 Января, 1834 года.

Цензоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

ТОРГОВЛЯ

ШЕЛКОВЫМИ ИЗДЕЛІЯМИ

ВО ФРАНЦИИ И АНГЛИИ.

(окончаніе).

Наконецъ даже спарались дать другой смыслъ сравнительной таблицы, предсавленной Баурингомъ, о заработной платѣ въ Лионѣ и Спипальфильдѣ. Сообщаемъ ее съ величайшею почтоспю, предлагая шупъ же и другую, соспавленную попому же мааспабу и для пѣхъ же соршовъ въ Спипальфильдѣ. Изъ этаго сличенія можно будетъ видѣть, какъ для Англійскаго

Телеск. XIX.

попробителю было бы выгодно покупать издѣлія шелковыхъ Ліонскихъ фабрикъ.

Сравнительная таблица издержекъ на обработку 17 съ половиною килограммовъ органзина и 18 килограммовъ упока, употребляемыхъ для приготовления 500 мѣръ апласу въ Ліонѣ и Спичальфильдѣ.

ВЪ ЛІОНѢ.

Фран.

17 съ половиною килогр. шелку по 50 фран. за килограммъ.	875 »	
18 Килогр. шелку сырцу (gram silk) по 47 фран.	846 »	
<hr/>		
35 $\frac{1}{2}$	1,721 »	1,721
	<hr/> <hr/>	
Трощеніе 17 съ полов. килограм- мовъ, по 11 фр. за каждый кил.	192 50	
Пряденіе 18 кил. сырца по 7 фр.	126 »	
Крашеніе органзина по 3 фр....	52 50	
<i>тоже</i> за упокъ по 3 фран....	54 »	
Пряденіе и размопка органзина 11 килогр. по 4 фран.....	48 »	
Основа.	18 »	
Тканье 500 мѣръ (каж. въ 3 ф. 8 д.)	475 »	
Окончательная опдѣлка.....	50 »	
	<hr/>	
	1,016 «	1,016
3 процента на 3,000 фр. непред- видѣнныхъ расходовъ.		90
		<hr/>
Всего.....		2,827
		<hr/> <hr/>

ВЪ СПИТАЛЬФИЛЬДЪ.

17 съ полов. килограмм.		Ф.	Сп.	Фр.	с.
или 38 ф. 9° органзин.					
по 25 шел. фунтъ. . .	48	4	»		
18 килогр. или 39 ф. 11°					
шел. сыр. по 21 шел. 6 д.	42	13	4		
	90	17	4		
21½ пр. на вычепъ попері.	2	5	4		
	88	12	»	88	12
					2,215
Крашеніе 78 ф. 4° шелка					
по 2 шел. за фунтъ. . .	7	16	2		
Пряденіе и размопка 29					
ф. по 2 шел.	2	18	»		
За шуже работу сырц. 39					
ф. съ пол. по 1 шел. 9 д.	1	10	»		
Тканье пяши кусковъ во					
100 мъръ или 125 йяр-					
довъ.	31	5	»		
Аппретура 625 йярдовъ					
по 1 шел. съ половин.	3	18	1		
	50	17	3	50	17
					3
					1,271
					55
Всего.	139	9	3	3,486	55

СЛИЧЕНІЕ:

500 мъръ апласа стоятъ въ Спи-	Фр.	с.
пальфильдъ.	3,486	55
Это же количеспво въ Ліонъ. . .	2,827	
Разница въ пользу Ліонскихъ фаб.	659	55

Показаніе цѣнъ на шелковыя издѣлія Французскія сообщены были Баурингу однимъ изъ первыхъ торговыхъ домовъ Ліонскихъ. Таблица, помѣщенная о Спипальфильдѣ, менѣе заслуживаетъ вѣроятія: ибо составлена однимъ изъ членовъ Комитета въ пользу своего собственнаго дѣла. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что другіе фабриканты, призванные на совѣщаніе, разнорѣчиво показали о различныхъ цѣнахъ въ таблицахъ выставленныхъ: среднее число ихъ выкладокъ гораздо менѣе суммы по таблицѣ означенной. Баурингъ смотрѣлъ гораздо глубже. Разбирая вопросъ о запрещеніяхъ, онъ спарается показать, какое онъ произвели вліяніе на заграничный сбытъ нашихъ произведеній. Сужденія его такъ ясны; доказательства, на коихъ онъ основывается, споль очевидны, что Записка его, мы не сомнѣваемся, чрезвычайно подѣйствуетъ на измѣненіе пеперешней нашей тарифной системы.

» Англійскіе и Французскіе купцы, говоритъ онъ, пользуются совершенно одинаковыми правами въ Соединенныхъ Штатахъ: и попому тамъ по массѣ ввоза всего лучше можно разсмотрѣть, въ какомъ соспояніи находится одна и таже вѣтвь промышленности у того и у другаго народа, и какое на нее вліяніе производитъ законоположеніе. Такимъ образомъ мы убѣдимся, что когда шелковыя издѣлія были

запрещены въ Англіи, но и сами мануфактуры ни сколько не опускали своихъ въ Соединенные Штаты. Я могу доказатьъ официальными показаніями, что въ 1830 году изъ Англіи ввезено шуда кусками на 249,360 долларовъ, и по мѣлочн на 119,701 долларъ, не включая сюда пайнаго ввоза, и что въ томъ же году ввезено изъ Франціи кусками на 2,256,529 долларовъ и мѣлочныхъ издѣлій на 1,291,849 долларовъ. Въ Англіи покровительственная пошлина — 30 проценповъ, а во Франціи только 15. Изъ этого можно заключить, какое дѣйствіе вступывающее покровительствво оказываепъ на наши торговья сношенія съ чужестранцами.

» Взглянемъ теперь, какое дѣйствіе производить въ Соединенныхъ Штатахъ излишнее покровительствво, дарованное во Франціи другому промыслу, процвѣтающему у насъ при покровительственной пошлинѣ 10 только проценповъ. Я хочу говорить о бумажныхъ издѣліяхъ. Тѣже официальныя показанія, на копорья я уже ссылаюся, свидѣтельствуютъ, что ввозъ бумажныхъ тканей изъ Англіи проспирался до 5,295,394 долларовъ, а изъ Франціи только на 619,987: между тѣмъ публика Французская платитъ въ пользу нашихъ фабриканповъ преміи по 50 фр. на бочку, хотя ввозная пошлина и не превышаетъ 11 фр. 10 с. на необработанный матеріаль: такъ что фабрикан-

пы при вывозѣ своихъ бумажныхъ издѣлій получаютъ почти въ пятеро болѣе того, сколько они платятъ при ввозѣ, а совсѣмъ тѣмъ они смѣютъ еще кричать, спонуть и увѣряютъ, что они разорятся вкорень, если не набавятъ еще пошлины 1 франкъ на гладкія и 1 ф. 50 сант. на набивныя матеріи. Кроме этого они пребуютъ еще прибавки преміи 3,000,000 фр. для того, чтобы вывозъ ихъ могъ возвыситься до 5,000,000 фр. Не смотря на всѣ эти поощренія, вывозъ Французскихъ бумажныхъ издѣлій былъ въ 1830 году 375,000 килограммами менѣе, нежели въ 1827. Таковопло · вліяніе покровительственныхъ пошлинъ на торговлю. Вопрь ихъ дѣйствіе въ торговлѣ. Тогда какъ въ Англіи, по вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, 7,000,000 верепень выпрадаютъ болѣе 240,000,000 фун. бумажной пряжи, во Франціи, по объявленію Коммиссіи, разсмапривавшей дѣло о бумажныхъ мануфактурахъ, 3,200,000 верепень не выпрадаютъ болѣе 66,000,000 фунт., то есть, поже самое количество орудій почти въ половину менѣе доставляетъ произведеній во Франціи, нежели въ Англіи. У сосѣдей нашихъ бумажныя мануфактуры, на коихъ работаетъ 550,000 человекъ, вырабатываютъ только четверть того количества, которое у насъ производится 700,000 работниковъ, следовательно пошлины, такъ называемыя, по-

кровипельспвенныя, уменьшають двумя претпями массу работы, которую ими хопяють поощрять. Франція очень дорого заплавила за эту попытку: ибо вопть уже въ продолженіи осмнадцатип лѣтъ, она спобипть ей ежегодно 47,000,000 фр.: сумма, равняющаяся всей розницѣ въ цѣнахъ, которую это государство заплавило бы Англіи, еслибы, при свободномъ управленіи, мы доставляли ей всѣ бумажныя издѣлія, въ коихъ она имѣеть нужду. Въ поже время Французскія мануфактуры все паки жалуются, что соспояніе ихъ промышленности годъ опть года дѣлаепся сомнипельнѣе. «

Защипники запрепипельной сиспемы опвѣчаютъ на эти факты бранью только на Французское правительспво, за чѣмъ оно дозволило Баурингу выдасть оффиціальныя показанія, которыми онъ воспользовался въ Комитетѣ. Но подобныя выходки въ наше время — грубые анохронизмы. Не порицають миниспра, давшаго защитнику истинныхъ пользь народныхъ нужныхъ свѣдѣнія, но благодарить должно за это опть dospoпочпенный поступокъ. Всѣ просвѣщенные люди согласятся въ этомъ. Во Франціи начинаютъ также понимать истинныя пользы. Ліонская торговая депутация, въ предспавленной Минисперспву запискѣ такъ выражаепся: » выпрваться изъ колен запрепипельной си-

спемы было бы чрезвычайно важно; доказать Великобритани, что мы голловы, наконец, сойпись съ нею въ средспвахъ, могушихъ усправить препяпствія, задерживающія свободное развитіе взаимныхъ нашихъ порговыхъ сношеній, изгоняющихъ поочередно наши обоюдныя произведенія. Эпа гибельная система, послѣдній опроспокъ спаринной неприязни, споль долгое время раздѣлявшей два народа, не должна пережить ее. «

Языкъ эпотъ долженъ найпти сочувствіе въ законодательствѣ того и другаго Государствъ. Выгоды очевидны для промышленности обоудной. Успѣхи нашихъ шелковыхъ мануфактуръ съ того времени, какъ запрещеніе уступило покровительственнымъ пошлинамъ, служать эпому неоспоримымъ доказательствомъ. Конечно, фабриканты эпихъ улучшеній не признають, но безприсраспные свидѣтели въ эпомъ удосповѣряють, и эпю купцы поргующіе шелковыми поварами. » Англійскія ленпы, говоритъ Богалей, доведены пеперь до такой степени совершенства, что я повара эпаго изъ Швейцаріи болѣе не выпиываю. Всѣ мои заказы я дѣлаю внупри Государства. День опю дня менѣе я покупаю шелковыхъ издѣлій во Франціи, говоритъ Г. Дильонъ, котораго оборопы проспираются до нѣсколькихъ милліоновъ ежегодно.

Я теперь гораздо охотнѣе заказываю нашимъ мануфактуриспамъ.« И онъ упоминаетъ о многихъ спашьяхъ, копорья онъ до 1826 года заказывалъ въ Парижъ и Лионъ. Г. Роспрель говоритъ поже.

Многіе фабриканты, не менѣе значительные и не менѣе просвѣщенные, не побоялись изъявить мнѣніе, поже несогласное съ Комитетомъ.

» Домашнее соперничество намъ было гораздо вреднѣе, говоритъ Г. Спонъ, нежели иноземное. Покровительственная пошлина 25 проц. доспапочно охраняетъ наши мануфактуры, говоритъ Джибсонъ.« Г. Гарперъ полагаетъ, что всякое измѣненіе въ законоположеніяхъ о шелковыхъ издѣліяхъ вредно для нашихъ фабрикъ; а Г. Тупаль удостовѣряетъ, что онъ часто получалъ заказы отъ Американцевъ пѣхъ поваровъ, копорые они всегда прежде получали изъ Лиона.

Тема поборниковъ системы запретишельной, выраженная въ проспѣйшихъ выраженіяхъ, заключается въ слѣдующемъ: » Плата заработная такъ упала, что ее недоспапочно для поддержания существованія работника. Мы не иначе можемъ поднять ее, какъ возвысивъ цѣны на счетъ публики.«—Комитетъ не изслѣдовалъ, не возрасло ли число работниковъ выше того, сколько ихъ нужно по требованіямъ издѣ-

лій. Ему предспавили на видъ увеличеніе налога для бѣдныхъ, пущенныхъ по міру городами, гдѣ промышленность оспановилась излишеспвомъ произведеній, но скрыли паблицу рабочихъ, занятыхъ въ тѣхъ же городахъ эпою спраждующею промышленностию: она одна можетъ только пояснить предметъ. Много говорено было о сокращеніи работы въ извѣспныхъ мѣстахъ, но ничего не сказали о распроспраненіи въ другихъ. Жалѣли о количеспвѣ работниковъ, оспавившихъ свои работы, и молчали о тѣхъ, которые принялись за новую. Видно, что спарались накинупъ пелену на неопровержимыя успѣхи фабрикаціи.

Комиспетъ былъ спрого порицаемъ за неспредспавленіе полнаго донесенія, особенно тѣми, которые усмапривали въ заключеніяхъ Комиспета сужденія, направленные къ тому, что бы выманить у Нижняго Парламенпа премію изъ нѣсколько милліоновъ, въ накладъ оспальнымъ подданнымъ его Брипанскаго Величеспва, независимо опъ огромнаго налога въ работѣ и цѣнности поваровъ, несомато государспвомъ въ пользу шелковой промышленности. Промышленность эпа дѣйспвипельно поглощаетъ ежегодно болѣе милліона общеспвенныхъ доходовъ; а покровиспельство, которымъ ее оградили, лишаетъ работы вдвое болѣе работниковъ, нежели сколько нужно ихъ для эпой про-

мышленности. Тысячи работников, без сомнѣнія, имѣютъ право на благорасположеніе нашего правительсва и народа: но Парламентъ сдѣлаетъ очень хорошо, назначивъ имъ денежное пособіе, если онъ признаетъ это нужнымъ, нежели вдвое собирать со всей массы потребителей. Скоро поймутъ, что всякая исключительная пошлина вдвое скорѣе разрушаетъ промышленность, нежели ее покровительствуетъ, и что всѣ дѣлаемые государствомъ пожертвованія для обузданія общесвеннаго грабежа, усвоеннаго ввидѣ монополіи, покровительственныхъ сборовъ и т. под., спановаятся благомъ для общества.

Самый порядокъ вещей, пропавъ котораго шелковые фабриканты съ такимъ жаромъ вооружаются, слишкомъ самъ по себѣ обременителенъ для продолжительнаго существованія. Каждый годъ контрабанда ввозитъ въ Англію болѣе, нежели на 300,000 фун. стер. (7,500,000 р.) чужеземныхъ шелковыхъ издѣлій, и лишаетъ казну болѣе 90,000 фун. стер. (2,250,000 р.) дохода. Пошлина не касается и двухъ претпей повара, ввозимаго къ намъ изъ Франціи. Высокая пошлина дѣлаетъ сборъ ненадежнымъ, а потому какъ для государства, такъ и для потребителей неменѣе важно, чтобы она приняла такую соразмѣрность, которая лишила бы

доставщика выгоды похищают оную у Правительсва. Пониженная до 20 проц. вмѣсто пеперешнихъ 30, она доставила бы сбора гораздо больше, нежели въ настоящее время. По пеперешней системѣ, штрафъ только составляетъ барышъ фабриканта, и это нелѣпо. Лучшимъ пособіемъ этому злу могла бы быть такая система пошлинъ на иностранныя издѣлія, копорая дѣлая сборъ умеренныхъ пошлинъ легкимъ, не допускала бы иноземной промышленности овладѣть нашими рынками, и давала бы способы, безъ разрушительныхъ потрясеній, направлять наши капиталы къ ихъ естественнымъ оборотамъ. Глупо требовать въ возмездіе запрѣдительной системы, особенно когда доказана дѣятельность контрабанды: это значило бы: на счетъ народа требовать огромной прибавки къ доходамъ таможенныхъ барышниковъ. Постановленія настоящее обезпечиваютъ имъ премію 30 на $\frac{1}{2}$, фабриканты же наслаиваютъ, чпобы они имѣли опть 60 до 80, розница, равняющаяся, говорятъ они, той, копорая пеперь существуетъ между цѣною на шелковыя издѣлія ихъ и иностранныя. . . Нѣтъ сомнѣнія, чпо у нихъ есть планъ поворопитъ въ свою пользу запрещеніе: онъ весь заключается въ томъ, чпобъ перевернуть всѣ естественныя склонности двумя магическими словами: находить хорошимъ то, чпо дурно, вы-

спавивъ только на вещи: *издѣліе Англійское*, и находить дурнымъ все хорошее, потому что это *Французское*; считать за вздоръ всѣ уроки опытности, требованія привычки; удержавъ обманъ, удвоить барыши и заспавить поспешней предпочитать произведенія посредственныя и дорогія, добротнѣйшимъ и дешевѣйшимъ.

Что было послѣдствіемъ мѣры, принятой въ 1826 году, коею запрещеніе замѣнено умѣренными пошлинами? Увеличеніе потребления собственныхъ шелковыхъ издѣлій до полутора милліона фунтовъ; улучшеніе фабрикаціи чрезъ соревнованіе, возбужденное соперничествомъ съ поварами Французскими, и усиленіе вывоза отъ 160,000 фун. стер., какъ было въ 1824 году, до 500,000 фун. стер., и распространеніе сбыта Французскихъ издѣлій въ Англии до 800,000 фун. стер. ежегодно, что доставляетъ дохода Государственному Казначейству 160,000 фун. стер. (4,000,000 руб.).

Таковы слѣдствія мудрой мѣры, признаваемой однакожь вредною людьми, которые беспрепятственно хлопчуть о возвышеніи цѣнъ, спѣшеніи требованій, о покровительствѣ плохимъ издѣліямъ, пребываютъ отъ обществу пожертвованій, желаютъ упадка иностранной торговли, и, что всего хуже, разрушаютъ связь между

сосѣдними народами, поселяя между ними зависпливую ревность и ненависть. Къ счастью, защитники свободной торговли имѣютъ поже сильныхъ союзниковъ: справедливоспъ, вѣрный расчетъ, соображеніе пѣхъ, кои указали уже публикѣ расплавленные сѣпи, и папріотизмъ новаго Парламента, копорый не захочетъ безплодныхъ преобразованій.

(WESTMINSTER REVIEW.)

II.

УБИЙСТВО

КАСПАРА ГАУЗЕРА.

Извѣстно, что эпокъ человекъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ найденъ въ Нюрембергѣ; никто не зналъ кто его туда привелъ, откуда онъ и кто такой: непроницаемая тайна еще и теперь покрываетъ его судьбу. Эпокъ Каспар-Гаузеръ, имѣлъ погда, по видимому, лѣтъ тридцать, никогда не умѣлъ ничего говорить и, по всѣмъ признакамъ, провелъ жизнь свою до того времени въ тѣсномъ и темномъ покоѣ; гдѣ онъ иначе не могъ держаться, какъ только сидя; вся его пища состояла въ хлѣбѣ и водѣ.

Ростъ его 4 фута 9 дюймовъ; рѣдкіе и короткіе волосы покрывали его губы и подбородокъ немного выдавшійся впередъ; цвѣтъ кожи былъ чрезвычайно блѣдъ; члены сухи, и на но-

гахъ не было никакого признака, копорый бы показывалъ, что на нихъ бывала обувь; единственнае выраженіе его фізіономіи была безсмысленность; едва умѣлъ онъ дѣйствовать своими пальцами и руками, а когда спупалъ, то былъ совершенно похожъ на дупя, копорое въ первый разъ испытываетъ свои шаги. Онъ не могъ шерпѣть никакой пици, кромѣ хлѣба и воды, къ копорымъ привыкъ, и опвращеніе его ко всему прочему было пакъ велико, что часно повергало его въ болѣзненныя припадки, и если случалось ему проглотить иногда нѣсколько капель вина или кофе, то вдругъ дѣмалась съ нимъ сильная рвопа.

Гораздо послѣ, когда онъ уже приобрѣлъ способность объясняпья, онъ объявилъ, что ни чего не знаетъ ни о себѣ, ни о родспвѣ своемъ, что въ Нюрембергѣ только узналъ онъ въ первый разъ, что есть еще на свѣтѣ другія живыя существа кромѣ его и человека, копорый всегда находился при немъ. Первое его воспоминаніе было о низкой и узкой канурѣ, въ копорой онъ всегда жилъ и копорую часно называлъ клѣпкою, гдѣ онъ во все продолженіе времени сидѣлъ на землѣ съ босыми ногами, одѣтый въ одну рубашку и панталоны. Онъ никогда не видалъ неба и большею частію былъ лишенъ дневнаго свѣта. Когда пробуждался, то находилъ близъ себя хлѣбъ и кружку воды;

иногда вода имѣла дурной вкусъ, въ такомъ случаѣ глаза его невольно опягощались сномъ; попомъ, когда онъ пробуждался, по замѣчалъ, что на немъ было другое бѣлье и ногши осприжены. Никогда онъ не видалъ въ лицо того, кто приносилъ ему пищу.

Сколько лѣтъ такъ прошло? На это онъ не могъ отвѣчать.

Изъ неяснаго его разказа вопль что можно понять. Въ одно время пришелъ къ нему спорожъ и, споя за нимъ, чпобъ не бышь видимымъ, нѣсколько времени водилъ его рукою, какъ будпо для того, чпобъ написать ею что нибудь; спуспя немного, спорожъ поспавилъ его на ноги, испыспывая, можетъ ли онъ ходить; наконецъ, взваливъ къ себѣ на плеча, понесъ его съ собою. Гаузеръ ничего не рассказываетъ примѣчательнаго объ этомъ путешествіи, исключая того, что онъ въ продолженіи онаго нѣсколько разъ обмиралъ.

Въ первые дни пребыванія его въ Нюрембергѣ, вся правая часть тѣла подвергалась у него сильнымъ судорогамъ при видѣ новыхъ, поразительныхъ предметовъ. Когда онъ спалъ, по шумъ, казалось, не имѣлъ на него никакого вліянія, также никакое прикосновеніе не могло его разбудить. Онъ не могъ сносить солнечныхъ лучей. Рисунки и карпины казались ему вырѣзанными на деревѣ.

Множество ощущеній, вдругъ поразившихъ его душу, скоро распроили нервную его систему; опть того въ короткое время мускулы лица его свелись въ слѣдствіе нервическихъ раздраженій. Руки его дрожали такъ сильно, что не могли ничего держать; слухъ его былъ такъ чувствивпелень, что не только звукъ барабана причинялъ ему судороги, но даже онъ чувствовалъ сильную боль, когда кто громко подлѣ него говорилъ. Скоро пропалъ у него аппетитъ, и здоровье его такъ распроилось, что принуждены были перенести его въ покойный домъ, куда ни кого не впускали. Въ это время онъ въ первый разъ лежалъ въ постлѣ и началъ грезить — чего никогда съ нимъ прежде не случалось.

Всего пруднѣе было ему привыкнуть къ нашей пищѣ, которую онъ едва только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ употреблять. Горячія кушанья производили въ немъ палящую жажду, которую едва могъ онъ утолить 12 липрами воды въ день. Но когда привыкъ къ употребительной нами пищѣ, то судороги переспали, раздраженіе нервъ уменьшилось, глаза потеряли лихорадочный блескъ, наконецъ здоровье его мало по малу возстановилось. Доспойно замѣчанія, что перемѣна пищи упучнила его на 2 дюйма въ нѣсколько недѣль. Образъ необыкновенной Гаспаровой жизни, проведенный такъ ужасно нѣсколько лѣтъ

въ оппчужденіи оппъ всѣхъ людей, мало доспавлялъ ему случаевъ къ упражненію ума, и онъ, какъ ребенокъ, долго не понималъ, какое различіе между сущеспвами одушевленными и предметами, копорыхъ онъ никогда не видалъ. Онъ счипалъ движеніе во всякомъ предметѣ произвольнымъ: когда въперъ уносилъ лиспокъ бумаги, ему казалось, что она убѣгаепъ; онъ думалъ, что колыханіе въпвей и лиспьевъ дерева изъявляло свою жизнь, и шумъ сихъ лиспьевъ была рѣчь, копорою оно изъясняло свои мысли.

Зрѣніе его имѣло шу особенность, что онъ равно видѣлъ днемъ и ночью (эпо дознано безчисленными опытами); въ самую темную ночь онъ различалъ зеленый цвѣпъ оппъ голубаго. Всякой запахъ, исключая запахъ хлѣба, укропа, аниса и пмина, казался ему болѣе или менѣе непріятнымъ. По запаху лиспьевъ на большомъ распояніи онъ различалъ плодовищія деревья однѣ оппъ другихъ; когда же шелъ близъ кладбища, коего испаренія впрочемъ другимъ были нечувспвипельны, то впадалъ въ лихорадочную дрожь; запахъ розы бросалъ его въ обморокъ.

Мешамлы не менѣе сильно дѣйспвовали на Каспара Гаузера: оппъ прикосновенія къ онымъ онъ чувспвовалъ какое-то сжатіе и пронзипельный холодъ, копорый, смопря по величинѣ предмета, болѣе или менѣе дѣйспвовалъ

на его члены. Если Гаспаръ бралъ кошку за хвостъ, то по немъ пробѣгала дрожь: онъ ощущалъ какъ бы ударъ въ рукъ. Впрочемъ эта неимовѣрная раздражимельность исчезла мало помалу.

Вопъ обыкновенный образъ его жизни: онъ ѣлъ всякаго рода мясо, кромѣ свиньины, но только то, которое было слабо приправлено; пилъ онъ только воду, не рѣдко упромъ замѣняя ее чашкою шоколада. Онъ чувствовалъ сильное отвращеніе ко всемъ крѣпкимъ напиткамъ: вину, пиву и проч., равно какъ къ кофе и чаю. Впрочемъ онъ отъ другихъ людей отличался только тѣмъ, что видѣлъ въ шепношъ, хотя уже и не такъ ясно.

Эпаго несчастнаго Гаузера уже нѣтъ: онъ погибъ 17-го Декабря отъ раны, нанесенной ему упомянутаго числа неизвѣстнымъ убійцею. Онъ жилъ въ Ганспахъ, гдѣ Президентъ апелляціоннаго суда, Фейербахъ, далъ ему мѣспечко въ пропоколъ. Лордъ Спангопъ, во время пребыванія своего въ Ганспахъ, также оказывалъ ему пособіе. Предполагаютъ, что убійца есть тотъ же самый, которъ уже пыпался однажды умерпвить его: онъ исчезъ, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда. Къ Гаузеру, когда онъ возвращался изъ присутспвія, подошелъ на улицъ человекъ, которъ общалъ опкрыпъ ему важныя шайны, и велѣлъ прихо-

дипь въ паркѣ. Въспо того, чпобъ увѣдомипь о семь друзей своихъ, Гаузеръ скрыль это опъ нихъ и явился въ назначенное мѣспо. Незнакомецъ уже дожидался, опвелъ его въ спорону и вонзиль ему кинжаль, прекрапившій сущеспвованіе сего человѣка, коего жизнь и смерпъ равно злополучны.

Исторія Гаузера еспъ одно изъ доспопримѣчательнѣйшихъ произшеспвіи нашего вѣка. Случались полипическія причины, по копорымъ имѣли надобность скрывать сущеспвованіе важнаго лица: но какая польза воспитапъ ребѣнка въ совершенномъ уединеніи, помипь до зрѣлыхъ лѣтъ подъ спражею шпоремщика, освободипь, бросипь попомъ на милосердіе Провидѣнія и наконецъ убипь? Можно ли, чпобъ въ нашъ вѣкъ сущеспвовало преспупное чудовище, способное къ пакой упонченной злобѣ?

Спранно также, чпо Баварская полиція не опкрыла до сихъ поръ никакихъ слѣдовъ злодѣевъ, нѣсколькo уже разъ посягавшихъ на жизнь несчастнаго человѣка и свершившихъ наконецъ свой гнусный замысель.

Вопъ еще нѣкопорья новыя подробности, копорья мы не упомянули въ нашемъ расказѣ. Было около 3-хъ часовъ по полудни, когда Гаузеръ вышелъ изъ своего жилища на мѣспо свиданія, назначеннаго незнакомецемъ. Спуспя съ полчаса прибѣгаепъ онъ задыхаясь къ чело-

вѣку, которому поручено было надзирать за нимъ, произнося только опривиспо слова: *паркъ, кошелекъ, Уцъ, памятникъ*. Въспѣ съ эгимъ человекомъ бѣжипъ въ паркъ, но на дорогѣ вдругъ падаепъ. Слупникъ его только тогда замѣпилъ, что несчастный молодой человекъ раненъ. Онъ понесъ его домой, пославъ полицейскаго содапа въ паркъ. Солдапъ нашель у подножя Уцова памятника дамской ридикюль, въ коемъ находилась слѣдующая записочка, написанная на выворопъ, пакъ что для прочпеня надлежало приспавипъ ее къ зеркалу: » Гаузеръ скажепъ подробно, какая у меня наружность и откуда я. Но дабы не упруждапъ его, скажу самъ, изъ какой я страны. Я съ Баварской границы. . . на рѣкѣ. . . скажу вамъ даже и имя мое. Вотъ оно: М. Л. О. «

Гаузеръ былъ пораженъ ужасомъ. Силы его такъ испощились, что онъ весьма мало могъ сообщить свѣдѣнй объ убійцѣ.

Предполагаюпъ, что убійство Каспара Гаузера ускорено было какимъ-нибудь обстоятельствомъ, приближавшимъ минупу, въ копорю надлежала упасть завѣса, покрывавшая происхождение сего несчастнаго.

III.

О ВѢРОЯТНОСТИ БЛИЗКАГО УПАДКА

ЛЕГКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВО ФРАНЦІИ.

Мало найдется людей, которые бы не замѣтили, что нынѣ легкая литература начинаетъ выходить изъ моды; и многіе извѣстные писатели, любимцы публики, кои находясь еще эпохою въ ужасномъ безпокойствѣ и благо-разумно замышляющъ вороваться къ литературе болѣе прочной прежде, нежели спрогая крипика рѣшились внимательнѣе изслѣдовать права нѣкоторыхъ лицъ на славу, плѣнившую своимъ звонкимъ голосомъ столько многихъ молодыхъ людей съ истиннымъ даромъ. Нынѣ недоспадка въ признакахъ, свидѣтельствующихъ о такомъ переворотѣ въ общественномъ

вкусъ, и писатели, коимъ эпопъ нереворопъ наиболѣе угрожаепъ, принадлежапъ не къ послѣднимъ, замѣчающимъ приближеніе его. Есть книги копорыхъ уже совсѣмъ не покупаюпъ. Книгопродавцы, эти усердные льстецы всякаго авпора, подающаго надежду, копорые, пакъ сказапъ, погоняюпъ его пока онъ въ ходу, съ пониженіемъ его кредита, опъ него опрекаюпся, не даюпъ уже прежней цѣны за поваръ, копорый прежде покупали очень дорого, и, какъ слышно, въ такомъ случаѣ авпоръ, пришедши съ извѣстнымъ манускриптомъ, не заспаепъ уже ихъ дома. Обычай — дожидатся въ передней, опъ книгопродавцевъ перешель къ авпорамъ. Увы! эпо крайнее униженіе чести липерапурной, давно было предсказано основапельными людьми: по счастью, есть еще нѣкопорыя пособія для спасенія погибающей.

Самый вѣрный признакъ близости сего переворопа есть то, что первоспапейнымъ авпорамъ легкой липерапурны начинаюпъ уже удивляться въ провинціяхъ. А въ эпомъ опношеніи о славѣ липерапурной можно тоже сказапъ, что о модѣ. Владычествво моды, проникнувшей въ провинцію, уже на вѣрно оканчиваепся въ Парижѣ. Авпоръ, являющійся въ провинціальныхъ госпинныхъ, изъ госпинныхъ Парижа изгоняепся: здѣсь надъ нимъ уже смѣюпся, или еще хуже того, объ немъ совсѣмъ не

говорятъ. Въ попъ самый день, когда пор-
препъ великаго челоуька опосланъ въ провин-
ціалныя книжныя лавки, въ попъ самый день
исчезаетъ онъ съ оконъ сполчныхъ магази-
новъ. Какъ часпо случалось мнѣ слышатъ гдѣ
нибудъ, въ дальнемъ углу Франціи, молодыхъ
людей, усердно превозносящихъ пакое имя, копо-
рое въ Парижѣ давно уже предано благопворно-
му забвенію. » Боже! « думалъ я, » проспип имъ
невольное прегрѣшеніе! Они не знаютъ, чпо по-
хвалами своимн дорѣзываютъ его. « Въ провин-
ціяхъ чипаютъ лѣниво и мало; памъ нѣпъ,
какъ въ Парижѣ, мелочныхъ липературныхъ
потребностей; модныя книги доходятъ шуда
поздо, погда какъ цѣна на нихъ уже упала, когда
книгопродавцы, у коихъ онъ на комиссіи, сбе-
рутъ ходившіе въ чпеніи у подписчиковъ,
изорванные, запаскайные экземпляры: въ про-
винціи прекрасныя желпья обертки знакомы
только по журналамъ. И пакъ эпипо книги,
пачканныя съ начала и съ конца чипапеля-
ми, любопытспвующими знаютъ только начало
и конецъ, являюпся на ломберныхъ сполахъ
въ провинціальныхъ госпипныхъ и возбужда-
ютъ запоздалое удивленіе; шумъ, производимый
нѣкогда ими въ Парижѣ, заглушенъ уже
громкой молвою о другихъ книгахъ, копорыя
въ свою очередь призваны слашипся недѣ-
лю или мѣсяць. Вышесказанное, опносясь къ

каждой новой книгѣ, опносятся также и къ Сочинителямъ. Когда сими послѣдними начнутъ занимать въ провинціи: въ Парижѣ они уже забыты, или начинаютъ приходиться въ забвеніе. Горе всѣмъ тѣмъ, про кого въ провинціи начинаютъ говорить: » Они забавны! « Счастливы тѣ, о коихъ тамъ говорятъ: » Они слишкомъ серьезны. « Но счастливые тѣ, о которыхъ въ провинціи вовсе не говорятъ.

Разумѣется, что все сказанное мною опносятся только къ легкой лепучей литературы. Но что такое легкая литература?

Опасаясь нажить враговъ, не хочу ни кого называть по имени; при томъ въ числѣ литераторовъ, ею занимающихся, у меня есть друзья, болѣе любезные сами по себѣ, нежели по своему занятію, друзья, коихъ талантъ дороже ихъ славы. Но не опасаюсь назвать легкую литературу, литературой, которая не пребуется ни ученія, ни прилежанія, ни выбора, ни долгихъ бодрствованій, ни крипики, ни искусства, однимъ словомъ ничего труднаго; литературой, которая случайно, безъ цѣли, хвалается за все, ей попадающее, которая цѣлится за всякую бездѣльную, безсвязную мысль; литературу, коей произведенія суть физическіе результаты винныхъ паровъ, табачнаго дыма

и проч. молнии, зигзаги, безхвостыя кометы, ракеты лопающіяся, коимъ снисходительныя—къ числу копорыхъ нѣкогда принадлежалъ и я — дали неопредѣленное, благовидное названіе *фантазій*. Тутъ въ первомъ ряду Романъ, эпо привилегированное депо всякой болповни, гдѣ находяпть прибѣжище всѣ пѣ, у коихъ нѣпть еще основапельности въ мысляхъ, кпо не знаетъ еще рѣшипельно за что именно взяпсья, кпо колеблется между мечпаніями, почипаемыми имъ за склонность, и капризами, принимаемыми за анпипапніи: большею часпю добрые молодые люди, копорые пишупть въ ожиданіи того блаженнаго времени, когда будутъ умѣпть мыслипть; копорые почипаюпть себя индивидуальными поэтами, попому что имъ сказали, будпо есть индивидуальныя литературы; они рекомендуютъ себя публикѣ: » я чувствую, слѣдспвенно я правъ. « Романъ, чтобы привлечь вниманіе чипапелей, является подъ всѣми формами, подъ всякими заглавіями: Романъ своими смѣшными средними вѣками, своими юными, понкими, спройными дѣвами, своими дѣволами, ангелами, гробницами, кинжалами покрываепть всѣ спекла на окнахъ библіопекъ чпенія; онъ испощенъ, едва дышетъ, не знаетъ болѣе за что взяпсья; какой виньеткой, какимъ костюмомъ обратипть на себя вниманіе прохожихъ; онъ вопиетъ умилипельнымъ голосомъ:

» Другъ—чипапель! я испошилъ всю мою изобрѣпательность: не гнушайся сокровеннѣйшими сценами въ альковѣ; купайся со мною въ одѣяло; я не могу болѣе угощать тебя хорошенькимъ личикомъ, тонкой шейкой, бѣлыми плечиками моихъ красавицъ, ихъ нѣжными, мягкими ручками, ножками спройными, пвердыми, полуоткрытыми, не могу: все эпо исперпо, надоѣло. Я принужденъ предлагать тебѣ пакія вещи, о коихъ не смѣю говорить: ты спанешь презираешь меня. Ты прощаль мнѣ прелюбодѣяніе, наложничество, любовь пресупную, буйную; ты терпѣливо слушаль, когда я проповѣдываль тебѣ о прелеспяхъ шакой любви, софиспически, въ соблазнительныхъ краскахъ излагаль ея правила; ты дозволиль мнѣ безпрекословно нарушаль свяпость брака, коего я и не вѣдаю; ты безъ негодованія слушаль о моихъ женщинахъ, копорья оскверняли по ложе, на коемъ почіепъ священное имя мапери, и копорья, предаваясь пресупнымъ воспоргамъ, въ испупленіи опрокидывали колыбель своего младенца; ты допустиль меня сдѣлать изъ эпихъ женщинъ жерпвъ общеспвеннаго позора, предметъ срамнаго шорга для семейспвъ ихъ, существа насильно совращенныя съ пупи ведущаго къ ихъ назначенію, истинной, чиспой любви. Ты терпѣль мои пиры буйные; мое

испорическое вранье; мои безчисленные пор-
препы, писанные слогомъ паспорповъ; описа-
нiя будуара, приводящiя въ зависпъ обойщи-
ковъ; описанiя шуалепныхъ подробностей для
поученiя модныхъ шорговокъ. Эпого много,
слишкомъ много, другъ-чипапель! Прими за
шо вполне мою благодарность, но увы! эпаго
еще недоспапочно! Всѣ мои шуалепы обвеш-
шали; всѣ тайны моего искусства разглашены;
мои герои, героини сдѣлались общественнымъ
доспоянiемъ; гардеробъ мой весь распашенъ: я
умираю не имѣя о чемъ говорить; поперпи, дай
мнѣ еще одну вольность, другъ-чипапель, чѣмъ бы
продолжилъ существованiе мое еще на годъ, хоть
на полгода, а памъ, увы! необходимость, мо-
жетъ быть, заставитъ меня сдѣлаться чест-
нымъ, благоприспойнымъ, дабы показаться
новымъ. Ты будешь меня презирать, но ку-
пишь. «— Вопъ до чего дожилъ Романъ. Кпо не
видитъ, чпо средства его испощены; чпо онъ
при послѣднемъ издыханiи; чпо для него уже
недоспапочно пайнъ комнапныхъ, чпо суще-
ствованiе его можетъ продолжиться только
преданiемъ ему пайнспвъ поспѣли. Во всѣхъ
изображенiяхъ женщинъ съ глазами пылающи-
ми, съ волнующеюся грудью, копорыя любятъ
не мужа своего, замѣнна нѣкопорая принужден-
ность, сожалѣнiе, чпо нельзя сказапъ болѣе,
негодование на запрепъ благоприспойности, не

говоря нравственности: ее давно ужъ не знаютъ. О! еслибы Романъ могъ сорвать это газовое покрывало, скрывающее опъ него наготу! По крайней мѣрѣ онъ спарается, чпобъ это покрывало было сколько можно прозрачнѣе. Чпожъ удерживаетъ его? Не читающая публика, состоящая изъ народа развращеннаго, алчнаго къ легкомысленнымъ подробностямъ, копорый мало заботится о морали и вкусѣ, лишь бы его забавляли: нѣтъ, его удерживаетъ нѣчто болѣе могущественное, пекущееся невидимо о чести націй даже въ эпохи наиболѣе развращенныя, преяписывующее имъ впадать въ послѣднιά крайности: приличіе: оно сильнѣе морали, коей служитъ только покрываломъ; ему повинуются невольно всѣ, хопя каждый опдѣльно-гоповъ пожертвовать имъ для печальнаго удовольствія прочести соблазнительную сцену.

Не лзя сказать, чпобъ Романъ былъ добровольно безнравственъ; чпобы онъ хопѣлъ соблазнять общество средствами, употребляемыми для обольщенія женщины. Конечно нѣтъ. Романъ не естъ Мефистофель, копорый желалъ бы увлечь съ собою весь родъ человѣческій въ адъ. Въ намѣреніяхъ его сколько же много честности, сколько мало ихъ въ его произведеніяхъ. Никпо не можетъ быть такъ увѣренъ въ невинности намѣреній романа, какъ

я. Есть молодые романисты, свѣжіе, блонкурые, изъ коихъ можно бы было выдавить молоко беркеневское и мораль въ дѣйстви, копорые описываютъ порокъ не хуже первѣйшихъ мастеровъ эпохи искусства. И пакъ Романъ есть просто изпощенная отрасль промышленности, копорая началась съ конца, то есть съ бурныхъ спрасей, безумныхъ положеній, копорая, заславивъ героевъ своихъ проревѣвъ на всѣ голоса, выворотивъ на всѣ манеры пошлую тему прелиминаровъ обольщенія, не знаетъ болѣе, что описывать и перебуеть, чтобъ ей позволили говорить вещи, копорыя не должны быть сказаны, безъ чего она въ опасности умереть отъ изнуренія. Тоже было и съ смертью героевъ его и героинь: онъ, наконецъ, не зналъ уже какъ умерщвлять ихъ: сполько разъ были въ употребленіи самоубійства, уполеніе, угаръ, чахотка, и проч. и проч. Я знаю романистовъ, копорые, доведя своихъ героевъ до того, что имъ надлежало умереть, и не зная какимъ бы новымъ образомъ лишить ихъ жизни, совѣщались объ эпимъ съ нѣкопорыми прекрасными дамами, предославивъ имъ право выбирать родъ смерти, какой имъ будетъ угоденъ; но какъ эти не хотѣли взять на себя отвѣтственности въ смерти существъ такихъ прекрасныхъ, такихъ благоухающихъ, со взо-

ромъ столь глубокимъ, съ теломъ толико хистьмиъ: по, напротивъ еще, просили сочинителей, чпобъ они сжалились надъ такими превосходными созданіями и оспавили ихъ пожипъ. Въ слѣдствіе эпаго романисты и рѣшилиъ просто переселипъ своихъ героевъ въ дѣвственныя лѣса Америки, гдѣ пуспили ихъ жипъ на свободѣ: ибо уже не нашлось такоаго рода смерпи, какоаго рода она ни была, насильственная или произвольная, копорый бы не былъ уже употребленъ другими.

Впорая опраслъ легкой литературы еспъ Повѣспъ: эпо вѣчпо неизмѣющее силы сдѣлапъся романомъ.

О, если бы можно было его увеличипъ, упонипъ, разширипъ до безконечности, какъ листокъ золота въ плющильной машинѣ, погда бы не было Повѣспей: ихъ оспавили бы при Вольперѣ: мы имѣли бы полько Романы; но современная Повѣспъ не листокъ золота; еспъ Повѣспи, писанныя мужчинами, и Повѣспи, писанныя женщинами. Повѣспи, писанныя мужчинами, сущъ незаконныя дѣпи Романа: памъ вы найдете въ миніапюрѣ всѣ прекрасныя новоспи Романа, *влюбленныхъ*, копорыхъ инприга завязывается быспро и развязывается весьма скоро, большая экономія для чипателя; героевъ, копорые дѣйствуюпъ непродолжипельно; ме-

нѣе описаній, менѣе перемѣнъ сценическихъ; но не будыте благодарны за это Повѣсти, не думайте, чѣтобъ это была воздержность съ ея стороны: нѣтъ, это безсиліе. Впрочемъ, памъ бываепть также война противъ брака; но въ Романѣ война большая, а въ Повѣсти дробная, малая. Повѣсти, писанныя женщинами, супть блѣдныя подражанія Повѣстямъ, писаннымъ мущинами. Всякая женщина избираепть родъ какого либо мущины, передразниваепть его ухватки, поддѣльвается подъ его колеръ, ломаепть его фразы. Повѣсти, писанныя женщинами, были бы опличною крипикою на Повѣсти, писанныя мущинами, если бы онѣ не были сдѣланы серьезно, съ алчнымъ желаніемъ извѣспности: онѣ доказали бы, чѣто нѣтъ нужды бытъ мущиной, дабы писатъ Повѣсти, подобныя писаннымъ мущинами; но пеперь доказываюпть только, чѣто еспть женщины, которыя удивляюпся таланту нашихъ сказочниковъ и завидуюпть ему. Кому не надоѣли эптъ женскія Повѣсти? Я не имѣю чеспи знапть нашихъ сказочницъ. Думаю, чѣто всѣ онѣ прекрасны, всѣ привязаны къ своимъ обязанностямъ, всѣ добрыя матери, добрыя жены или добрыя дочери. Но почему же въ ихъ Повѣстяхъ находится сполько любви плопской? Почему онѣ, говоря о счаспії любовника, сожалѣюпть всегда, чѣто не принадлежатъ къ числу его любовницъ? Почему, когда любовникъ даепть

пламенный поцѣлуй, поцѣлуй продолжительный (языкъ повѣспей), почему имѣюшь онѣ видѣ, какъ будно имѣ досадно, что не онѣ получили его? Я понялъ бы литературное предпріятіе молодыхъ женщинъ, молодыхъ маперей, ибо есть женщины и маперы, копорымъ достаесть времени на письмо, послѣ заботъ, оказываемыхъ мужу и дѣтямъ; молодыхъ дѣвиць, ибо есть родители, копорые позволяютъ своимъ дочерямъ обрабатывать любовную литературу; я нашелъ бы, говорю, предпріятіе нравственное, совершенно пропотивоборщенное мужскимъ Повѣспямъ и Романамъ, наполненнымъ безразсудными спрастями; я понялъ бы женщинъ, копорыя защищаютъ своихъ мужей; понялъ бы маперей, копорыя говорятъ о счастіи бывъ маперями; понялъ бы молодыхъ дѣвиць, оспоривающихъ мнимый даръ обольщать, будно бы нераздѣльный съ усами и бальными перчатками; если непремѣнно хопясть психологіи, то я понялъ бы психологію домашняго быта, посвящающаго насъ въ таинства любви чиспой, нѣжности истинной, любезности сердечной, всѣхъ пріятностей, сопряженныхъ съ исполненіемъ долга, кои безъ всякаго сомнѣнія извѣсны дамамъ нашимъ, да же и пишушимъ. Но сдѣлашь изъ Повѣспи только менѣ смѣлую копию съ мужской; говорить тоже, только съ принужденностью, сожалѣя, что не могушь объясниться вполне:

какая жалкая роль! Въспомогите, чтобы нападать на несчастных мужей, выпытывать прошив их пирани, предаваться для избѣжанія оной владычеству человека съ усами и въ бальныхъ перчаткахъ, который разноситъ свою пламенную любовь всюду, гдѣ есть душа уединенная, ищущая души ей опть созданія назначенной, сеспры души (слогъ повѣстей), по еспь: который ищетъ вездѣ женщины, которую бы можно было обезчестить; это дѣло неприличное для дамы, хотя я не сомнѣваюсь, чтобы намѣренія писательницъ не были совершенно чисты. Надъ бѣднымъ Г. Бульи много смѣялись за его нравственные сказки, гдѣ добродѣтель такъ мало имѣетъ оспроумія, гдѣ матери иногда невиннѣе дочерей—и были правы. Смѣшно, что человекъ, который умнѣ своихъ сказокъ, дѣлаетъ изъ себя дурака для служенія нравственности; но не монѣе забавно, что умныя и честныя женщины заимствуютъ у мужчинъ умъ, дабы сокрушить нравственность. Повѣсти нашихъ дамъ супъ, можетъ быть, реакція противъ повѣстей Бульи.

Трепья опрасть легкой литературы еспь Драма, которая пишется какъ бы послѣ сыпнаго обѣда, между директоромъ театра и славящейся актрисой, за споломъ уславленнымъ винами; кто знаетъ, можетъ быть на обнаженныхъ плечикахъ актрисы, служащихъ вспомо-

польпипра, подобно плечамъ начальника евнуховъ въ *Серальскомъ бунтѣ*; Драма, ограждаемая своими теоріями, своими высококомѣрными предисловіями, грозящими напечатлѣньемъ клеймо глупости и невѣжества на всякомъ дерзающемъ не удивляться ей; Драма, оправдывающая свои кражи чужаго, какъ Мольеръ и Шекспиръ, два величайшіе поэты, оправдывали свои заимствованія; Драма зависпливая, надменная, приносящая жалобы на людей, ее неуважающихъ, пономъ, какимъ она могла бы жаловаться на кошельки закрывающіеся; Драма, принадлежащія къ коей писатели ссорятся, упрекаютъ другъ другу въ воровствѣ при помощи посредничающихъ лицъ, подобно разнощикамъ, копорые, заспоривъ объ мѣстѣ среди площади, вцѣпляются наконецъ другъ другу въ волосы; Драма, коей я некогда не прощу, что она соврапила съ испиннаго пупи, испорпила многихъ молодыхъ людей съ прекраснымъ поэпическимъ паланпомъ, вырвала ихъ изъ священнаго храма уединенія, сочепала гармоническіе стихи ихъ съ жалобными звуками Пиччини, сообщила какую-то кулисную вонь могущественнѣйшему генію времени нашего; Драма дошла до поѣуже крайности, въ какой находится и Романъ. Уже ни машинисты, ни декоратеры не могутъ ничего болѣе сдѣлать для нея. Всѣ возможныя приходы ея были исполнены. Она претребовала претредечныхъ кораблей;

морей, гдѣ бы сіи корабли могли ходить: эпи моря и эпи корабли ей были даны. Она претовала пемницъ, церквей подземныхъ, обипыхъ чернымъ крепомъ; хопѣла, чпобы у ней былъ весь Парижъ среднихъ вѣковъ, всѣ площади Лондонскія, Лондонская башня, Темза, Сена, Ипаліанскія иллюминаціи, палачи, колокола, унѣлло звучащіе: все это было ей дано. Она желала городовъ съ проломами, въ копорые впоргались бы непріятели: ей сдѣлали деревянныя спѣны, окрашенныя на подобіе каменныхъ, кои могли бытъ удобно проламываемы. И пакъ, кажешся, Драма не можешъ жаловашся на искусствва, долженспвующія оказывашъ ей пособіе, и копорыя пакъ мало оказывали онаго Корнелю, Расину, Шекспиру. Но опгъ эпихъ вспомогательныхъ искусстввъ претовашъ болѣе нечего: онѣ испощили всѣ средспва свои. Далѣе, въ искусстввѣ привлекашъ вниманіе зршпеля, прогашъ его, Драма, подобно Роману, ожидаешъ позволенія показывашъ то, чего никогда не показывали. Ей уже многое въ эпомъ родѣ было дозволено, многое извинено. Безпретяпспвенно допускала она героямъ своимъ похищашъ дѣвицъ и замужныхъ женщинъ, увозитъ ихъ въ почпювыхъ коляскахъ; претещущихъ вводитъ въ трактиры для удобнѣйшаго достиженія цѣли; успокоивашъ сихъ несчастныхъ, протоситъ у нихъ прощенія, понюмъ брашъ у нихъ руки,

жапъ , цѣловать оныя , осушати свяпопашспвенными лобзаніями слезы , спруящіяся по блѣднымъ лицамъ ихъ. Попомъ , когда сдѣлалось еще жарче , Драмъ сказали : » Видимъ , чего тебѣ надобно : вопъ покойныя кресла со спинкой ; вопъ щипцы , чпобъ погаситъ свѣчу ; вопъ на всякой случай склянка *о де колоня* . . . «

И Драма все расположила , все приготовила , при пособіи смышленого мальчика , или вѣрнаго слуги. Но за симъ занавѣсъ опускается ; ибо Драма боится , чпобъ ее не освиспали всѣ находящіяся въ залѣ мужья , всѣ сыновья сихъ мужей , всѣ пѣ , кои имѣютъ право называти мапъ свою своею маперью , всѣ пѣ , которые имѣютъ молодую жену или дочь. Если Драма не все сдѣлала , по покрайней мѣрѣ все сказала. У ней были свиданія наединѣ , послѣ коихъ герои и героини выходили опяпъ на сцену въ многозначущемъ безпорядкѣ. Она предспавляла , подобно роману и сказкѣ , буйную , разврапную любовь , унижающую челоуѣка до скопа. Но эпога еще мало : хопяпъ , чпобъ Драма все дѣлала , какъ все говоритъ. Да позволяпъ ей , покрайней мѣрѣ , чпобъ у нея былъ слышенъ извѣспный крикъ , по пеапрѣ будетъ полонъ и въ кассу посыпаяся кучи золоша.

Прошивъ эпихъ-по прехъ опраслей легкой липературы начинается переворотъ ; и мы опъ души поздравляемъ съ онымъ публику. Уже всѣ

насыпились сими мнимо-современными нравами, эпохой скопской, насильственной, злодѣйственной южной любовью, которую пересадили въ нашъ умѣренный климатъ, гдѣ спраспи совсѣмъ не имѣютъ той буйственности и болѣе повинующся законамъ приличія. Уже чинапелямъ надобѣть эпохъ слогъ, коимъ всѣ пишутъ и который не принадлежитъ ни кому; эпохъ языкъ привилегированный, опличающійся своимъ *теломъ чистымъ, перстами прозрачными, душой глубокой* и пакъ далѣе; эпохъ языкъ, враждующій съ мыслями; эпохъ обширное паспбище, гдѣ пасеся свободно многочисленное спадѣ подражателей. Сколько людей съ даромъ уничтожила легкая липерапура! Одинъ превосходствовалъ въ одѣ, уносилъ душу чинапеля на крылахъ могучей спрофы, имъ сложенной, въ область его возвышенныхъ мечпаній, или дуповеніемъ великолѣпной прозы своей оживопворялъ безжизненные камни древнихъ церквей, и явился попомъ въ мелодрамѣ предъ публикой, копорая пожимала плечами, взирая на сію борьбу челоуѣка опличнаго—съ его назначеніемъ, поэпа—съ его музою. Другіе разпрапили въ романахъ, въ эпихъ разжиженныхъ повѣстяхъ, сценическій даръ, который, созрѣвъ, могъ бы принести прекрасные плоды. Иной, одаренный колкой, оспрой ироніей, который могъ бы въ сочиненіяхъ своихъ поражать современный эго-

измъ, посвятилъ себя какой-шо подрядной фабрикаці, въ нѣдрахъ коей разслабъ, изчахъ палангъ его. Тотъ жаждалъ познаній, умѣлъ разборчиво собирать древности, постигалъ духъ время минувшихъ, — и упоилъ драгоценную ученость свою въ мелочныхъ подробностяхъ, созданіяхъ мнимо — драматичныхъ. Есть одинъ изъ нихъ, котораго проливъ воли рѣшаюсь назвать, потому что опъ чистаго сердца люблю и его самаго и даръ, коимъ онъ опличаеца, хопя можець эпимъ навлеку на себя его негодованіе; но оно продолжился только до пѣхъ поръ, я въ эпомъ увѣренъ, пока онъ будетъ чипать сію спашью: эпо Жюль Жанень. Слогъ его собственно ему принадлежиць; эпо слогъ живой, бойкой, яркой, непринужденный, чистый, въ копоромъ мысль видна (да проспаятъ мнѣ сравненіе), какъ въ хрустальномъ спаканѣ плавающая на днѣ онаго золопая рыбка. Онъ оспроумень, весель, умѣеть схватиць смѣшную спорону, шупка его просподушна, какъ шупка ребенка; хопя наблюдапель не весьма глубокомысленный, но иногда наблюдения его носяць на себѣ печать удивительной вѣрности, онъ имѣеть неоцѣненный даръ опдавать полную справедливость людямъ, недоспойно прославившимся, поэпамъ беспаланнымъ, холоднымъ, сухимъ прозаиспамъ, хопя (бьюсь объ закладъ) онъ не чипаль и спроки изъ шворе-

ній авпоровъ, имъ придушенныхъ; онъ имѣлъ много и другихъ способностей, но за чѣмъ говорить о прошломъ! Увы! увy! увy! легкая липерапура такъ уходила Жаненя, чпо многіе, весьма многіе, сочпуть за леспь даже и справедливоспъ, мною ему возданную. Чего не извлекла изъ него эпа великая, ненасыпная фабрика, копорую я называю легкой липерапурой? Она высосала даже мозгъ изъ костей его. Она похищала у него каждую мысль, прежде раскрыпія сей послѣдней. Если онъ былъ боленъ, если говорилъ: » оспавъ меня, приди завпра, « она бросалась къ его сполу, порпфелю, рылась въ бумагахъ; не соглашаясь ни за чпо воропипься съ пуспыми руками, похищала начапья лишь замѣчанія, заглавія спапей, планы повѣспей, его имя, даже, когда не находилось ничего болѣе, по бланкесы за подписью эпаго имени. Или садилась къ сполу на кресла ему принадлежащія, брала перо, обмакивала въ чернила, говоря: » дикшуйше! я спану писать. « И Жанень, вышедъ изъ шерпѣнія; бросалъ ей колпакъ свой; она топчасъ хвапала его, выпряживала, желая удосповѣрипься, нѣпъ ли на днѣ эпаго какой-либо сказки. Вопъ какъ имя его являлось на всѣхъ оберпкахъ, во всѣхъ объявленіяхъ, во всѣхъ капалоггахъ. Жанень пакъ добръ, чпо допустилъ совершенно ограбипъ себя, похипипъ послѣднее плапье съ

плечь, выжапъ самага себя, и при помъ мудро-
но съ его спороны было не почеспъ эпой не-
опвязчивосии за должную дань, славъ имени
его воздаваемую. Бѣднѣй, хопя великѣй писа-
пель мелочей! Повѣрь, если бы могли, они поло-
жили бы тебя въ спугу, исполклибъ, дабы
изъ праха швоего извлечь всѣ золопыя песчин-
ки, какіябъ еще нашлись въ ономъ. Однакожъ
прекраснѣй паланпъ его не совсѣмъ погибъ;
но почему? Жанень еще молодъ; ему нѣпгъ и
придцаци лѣпгъ. Еслибъ онъ родился не въ
первыхъ годахъ владычеспва Наполеона, а во
время республики, по мы бы уже пѣли вѣчную
памяпъ его дару.

Таланпъ писателя оцѣняется не шумомъ,
копорѣй надѣлали шворенія его; но заслугами,
имъ оказанными; идеями, копорыя успановилъ,
или въ защипу коихъ раповаль. До сихъ поръ
Жанень оказалъ шолько оприцапельныя заслу-
ги; онъ воспановилъ славу нѣсколькихъ забы-
тыхъ именъ, онъ нарушилъ мирное спокой-
спвіе нѣкопорыхъ особъ, предававшихся безмя-
пешной дремопъ въ академическихъ креслахъ:
но эпоаго еще не много. Для паланпа его еспъ
назначеніе болѣе высокое, нежели благососпоя-
ніе издапелей произведеній легкой липерапуры
и доставленіе подписчиковъ библіопекамъ для
чпенія. Признаюсь, не понимаю, чпо значипъ
слогъ, не имѣющій особеннаго, свойспвеннаго

ему поприща; не понимаю, что значить оригинальный языкъ, коего все упражненіе состоить въ попасовкахъ академистамъ и воспрепятствованіи авпорамъ водевилей считатьъ себя безсмертными! И такъ Жанень будетъ имѣть свое особенное, свойственное ему поприще; нѣкогда онъ постигнетъ свое назначеніе; слогъ его усмирится къ идеѣ, ему предопредѣленной, и, именно, надѣясь на эпо, говорю, что палантъ его уже бы умеръ, еслибы Жанень не былъ въ пѣхъ лѣпахъ, когда только пробуждаются; когда, подобно змію, можно еще промѣнять спарую кожу на новую; еслибы онъ находился въ помъ возрастѣ, когда даръ хопя существуетъ, но не усиливается, онъ подобенъ медвѣдю, копорый испощаетъ жиръ свой, чѣмъ болѣе лижетъ оный; но сей возрастъ не долго медлитъ прибытіемъ, особенно въ нынѣшнее проворное время. Да подумаешь объ эпомъ Жанень!

И есть причины, подающія поводъ заключить, что онъ уже помышляетъ объ эпомъ. Жанень былъ профессоромъ. Жанень знаетъ, что такое хорошая книга. Онъ изъ первыхъ, кои недовольны эпой мишурной славой, копорую доставила ему легкая липература. Онъ ищетъ предмета болѣе серьезнаго, дабы оживить вновь палантъ свой, копорый изнемогаетъ въ повпореніяхъ одного и того же, по недоспапку идей, могущихъ его возстановить.

Онъ уже испыталъ силы свои и въ біографіи, и въ испоріи; въ послѣднихъ номерахъ *Revue de Paris* есть его статья весьма важная, въ коей видна мысль, хотя не твердая, но уже видимо не забояющаяся о публикѣ, любящей только легкую либературу; въ этой статьѣ замѣненъ также и слогъ, полученный благодарнымъ Жаненемъ въ даръ отъ самаго неба; это слогъ, это слово гибкое, слово народное орудіе сообщенія, коимъ онъ такъ часто играетъ, какъ ребенокъ огнеспрѣльнымъ оружіемъ, не опасаясь его могущества. Жюль Жанень перемѣнился. Чѣмъ лучше доказавъ близость переворота, о коемъ я говорю, коего приближеніе встрѣчаю съ радостію, копорый прославляю изъ всѣхъ моихъ силъ, хотя наименѣе было бы пользы отъ него мнѣ неизвѣстному, кого великіе люди легкой либературы не замедлятъ назвать ничтожнымъ зомомъ, (впрочемъ теми же устами, коими они даровали бы мнѣ званіе великаго писателя, если бы я перемѣнилъ тезисъ); но и для сихъ великихъ людей такой переворотъ былъ бы не безвыгоденъ: они могли грѣшить безнаказанно, ибо имъ предоплавленъ способъ принести славное покаяніе.

Въ кризисѣ наиболѣе даетъ себя чувствовать этотъ переворотъ. Нѣтъ ни одного дѣльного и читаемаго публикой журнала, копорый

бы поддерживалъ легкую липературу, кромѣ нѣкопорыхъ случаевъ, гдѣ принимается участіе личная благосклонность: но на эпю уду публику ужъ не приманишь.

Да и таково рода спапьи всегда бывають безъ подписи. Но крипика, собственно такъ называемая, спала спрога; самые скромные и состояще наиболѣе въ связяхъ начинаютъ упрямыться. Сначала были благосклонны ко всѣмъ эпимъ кипучимъ паланпамъ, поощряли ихъ, ибо они, казалось, требовали только у крипки небольшого послабленія, дабы имѣть возможность пробить себѣ новые пупи и за снисходительность крипки заплапипъ ей превосходными пвореніями. Крипка согласилась: она пропускала мимо ушей дружный шумъ первыхъ дебюпанповъ, ибо знала, что это люди большею частію бѣдные и прудолюбивые; она извинила нѣкопорыя школьническія выходки пропивъ великихъ мужей, коихъ имена принадлежатъ къ прудной липературѣ, хотя бы ей еще въ поже время надлежало погоняпъ эпихъ геніевъ въпренниковъ, копорые, не доживъ даже до извъспности, уже освиспывали людей знаменитыхъ: все сіе было оспановлено безъ вниманія. Это оспроумныя дѣпи, говорили рецензенты; надежды на славную будущность вскружили имъ голову; это упоеніе дебюпанповъ,

коимъ аплодируююпъ и копорые визгъ скрипокъ въ оркестрѣ принимаюпъ за громовой голосъ славы, люспру залы за солнце, парперъ, алчущій новоспей, за вселенную. При помъ въ эпо время крипика была снисходительна, какъ и всякая власпъ, коей угождаюпъ леспью. Великіе люди говорили журналиспу: *Другъ любезный!* Люди съ вѣрнымъ вкусомъ и основательными свѣдѣніями, не только не охлаждали перваго порыва эпихъ новорожденныхъ музъ, но еще дружелюбно рекомендовали ихъ недовѣрчивой публикѣ, разбирали, объясняли, пополняли даже, въ случаѣ нужды, ихъ идеи; честные, добрые рецензенты, коихъ сажали на почетное мѣсто при чпеніяхъ, коихъ угощали похвалами и сахарной водой, коимъ писывали на благовонной бумагѣ леспныя записочки, съ изъясненіями глубочайшаго нелицемѣрнаго уваженія. За исключеніемъ эпихъ небольшихъ лукавствъ, неизбежныхъ въ обществахъ образованныхъ, коихъ ни съ той, ни съ другой стороны не принимали за чистыя деньги, между крипикой и авпорами все было основано на чести. Авпоръ не унывая боролся съ сомнѣніемъ публики, крипика не опказывала авпору въ своемъ безкорыспномъ пособіи, не общая однакожъ ему навсегда своего ободренія. Крипика соглашалась принять на себя часть бремени бѣднаго авпора, уравнивая ему на полъ уснановившейся липературы, среди публики,

сладко почивавшей на семь полъ; она не опказывалась встрѣпить собственной грудью часть ударовъ, наносимыхъ авпору, но не бралась опвѣтспговать за злоупотребленіе успѣха, ниже носить ливрею авпора, когда онъ сдѣлается знатнымъ, сильнымъ баронамъ. Союзъ не долго продолжался. Когда искусство превратилось въ легкую липературу; когда количество спали предпочипать качеспву, дружеспво между крипикой и авпоромъ могло сущеспвовать только на условіяхъ порговыхъ; но какъ рѣдко находились такіе продажные крипики: по обѣ стороны приняи опять есптеспвенное положеніе свое: крипика спала крипиковать, авпоры спали писать опчасу болѣе. Что касается до той опрасли легкой липературы, которая называется драмой, по авпоры, посвящающіе ей талантъ свой, и крипики, разбирающіе ихъ, успѣли уже удержать многихъ зрители опъ посѣщенія театра. Что касается до двухъ другихъ опраслей легкой липературы: *Романа* и *Повѣсти*, по можно замѣтить, что многие крипики, коихъ мнѣніе наиболѣе уважается, уже давно опказываются даже разбирать книгу, принадлежащую къ эпои каспѣ. Но за по всѣ великіе люди обвиняютъ крипику въ свяпопапспвенномъ рапорспвѣ пропву искусства, въ самой черной неблагодарности. Но почему же? — Да развѣ крипи-

ки забыли, что великіе люди называли ихъ *любезный другъ!*

Вопь что было у меня на сердць, что выговоришь считалъ я себя обязаннымъ по совѣспи, къ чему былъ побужденъ многими лицами, копорыя не менѣе оскорблялись эпимъ соблазномъ. Знаю, что эпимъ не рѣшается вопросъ о возможной драмѣ и будущей поэзіи, да и не имѣю сполько самонадѣянности, чтобъ браться за такое рѣшеніе; но я нападалъ на все говорящееся и дѣлающееся шеперь въ Романѣ, Повѣспи, Драмѣ, и по единспвенно по причинѣ оскорбленія ими морали. Припомъ я пвердо увѣренъ, что если еспъ какая будущность благая для липературы нашей, то она заключаепся въ обращеніи липераторовъ къ нравспвенности. Впрочемъ я говорилъ эпо все, зная, что подвергаюсь многимъ и великимъ опасностямъ. Или меня назовутъ неспоющею вниманія пварью съ мелочными видами, что уже не можетъ бытъ обидно въ эпопѣ славный вѣкъ, или зависпникомъ, копораго мучишь слава нѣкопорыхъ писателей, или неблагодарнымъ, поелику меня называли *любезнѣйшимъ другомъ*, что еще сильнѣе, нежели *любезный другъ*, или припворяпся, будпо не чипали меня, или, если удоспояптъ опвѣпомъ, то какъ бы хорошо ни знали имя мое, исказяптъ однакожъ оное. Но чпобы ни

случилось, какимъ бы ударомъ ни поразили мое самолюбіе, я вполне буду за то вознагражденъ тѣмъ, что упѣшилъ многихъ хорошихъ писателей литературы трудной, творенія коихъ никакъ не могутъ напечататься.

Низаръ.

IV.

СРАВНЕНІЕ

АНГЛІЙСКАГО ДОЛГА

СЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ.

Капиталь долга Англійскаго срочнаго и безсрочнаго (Ан- глійскаго, Шотландскаго и Ирландскаго).	20,325,632,120 Фр.
Капиталь Французскаго долга.	4,447,106,614 —
Англійскій долгъ превъша- етъ Французскій.	15,878,525,516 —

Долгъ Французскій относится
къ Англійскому какъ 22 къ 100.

Пожизненныя уплаты въ Ан- глии.	67,580,881 Фр.
Во Франціи.	6,200,000 —
	<hr/>
Въ Англии излишекъ.	61,380,881 —
	<hr/>
Сумма ежегоднаго погашенія долга до прекращенія соста- вляла.	60,479,496 —
Во Франціи.	93,216,468 —
	<hr/>
Излишекъ погашенія во Франціи.	32,736,067 —

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, 2 Февраля, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

І.

СВИДАНИЕ

СЪ ИБРАГИМОМЪ ПАШЕЮ.

Въ Маѣ 1833 былъ я въ Конспанпинополѣ. Ибрагимъ Паша споялъ тогда лагерь въ Кутахія, Анапольской споліць, лежащей на спомиль распояніемъ опть Конспанпинополя. Снабдившись для удобспва на пупи Сулпанскимъ фирманомъ, оппиривился я для свиданія съ Египепскимъ военачальникомъ. Мы переѣхали проливъ въ широкой койкѣ съ парусомъ; на Азіатскомъ берегу намъ дали лошадей до Брусъ, ку-

да мы прибыли совершивъ болѣе осмнадцати миль по гористой странѣ, покрытой виноградникомъ и шелковичникомъ. Ночевали въ Иннигалѣ, гдѣ Ага доставилъ намъ для другаго дня свѣжихъ лошадей; здѣсь же одинъ спарый Турокъ оказалъ мнѣ госпепрїимство, оказавшись совершенно опъ плапы за оное. На пупи изъ Иннигала до Дамалиша, изъ Дамалиша до Купухїи видъ мѣспоположенїа часпо измѣняется; но земля вообще плодородна и хорошо воздѣлана. Приближаясь къ Купухїи, сбились съ пупи, и будучи заспигнуты ночью, оспановились въ небольшой деревушкѣ. Казалось, нашъ Европейскїй костюмъ изумлялъ *коренныхъ* жипелей сего округа. Когда я сѣлъ ужинашь, то вокругъ меня собралось великое множеспво любопытныхъ; но никто изъ нихъ не измѣнилъ важности и скромности, свойспвенныхъ опъ природы сему народу. Вообще Турки всякаго званїа имѣютъ въ прїемахъ несравненно болѣе достоинства и приличїа, нежели какой либо другой народъ въ Европѣ. Даже пѣ, которые выходятъ изъ низкаго званїа, обращаются съ ловкостью, свойспвенной у насъ только людямъ высшаго класса.

Въ шестипи миляхъ опъ Купухїи еспъ купальня, успроенная при ручьѣ минеральной воды; здѣсь поспроена деревенька домовъ въ двѣнадцать: изъ нихъ — то Ибрагимъ поселился въ

лучшемъ; при немъ находились Османъ-Бей, верховный адмиралъ его, Телимъ-Бей главный начальникъ кавалеріи и опрядъ гвардіи. Тотчасъ, по прибытіи моемъ, явился я къ Надиръ-Бею, объявилъ ему, что я офицеръ Англійской службы и приѣхалъ нарочно изъ Константинополя дабы засвидѣтельствовать мое почтеніе Его Высочеству. Пока я одѣвался, Надиръ-Бей доложилъ обо мнѣ Ибрагиму, который не замедлилъ пригласить меня къ себѣ. Вхожу: въ маленькой, темной комнаткѣ, коей полъ былъ усыпанъ сарыемъ, худымъ ковромъ, сидѣлъ на низкомъ диванѣ герой воспока, заспавившій прелепачъ Султана въ его столицѣ, герой, коего победы привели въ такое движеніе всю Европейскую дипломатию. Ибрагимъ очень толстъ; средняго роста; въ лицѣ его нѣтъ ни малѣйшей прищипанности, хотя оно ознаменовано печатью ума и рѣшительности. Одѣтъ онъ былъ просто въ національномъ костюмѣ, безъ всякихъ украшеній. Отъ роду ему сорокъ пять лѣтъ. Онъ принялъ меня ласково и пригласилъ сѣсть. Я объяснялся съ нимъ по Французски: Бей служили намъ переводчиками. Въ продолженіе сего разговора, имѣлъ я довольно случаевъ замѣтить его проницательный умъ и наблюдательность. Онъ весьма, казалось, былъ огорченъ, что ему воспрепятствовали распространить далѣе свои завоеванія; о Султанѣ и войскахъ его выражался съ пре-

зрѣніемъ, утверждая, что если бы Европейскія державы не вмѣшались, то онъ уже былъ бы въ Конспаншинополѣ, гдѣ народъ ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Двѣ главнѣйшія спраспи у него: спраспъ къ войнѣ и свободѣ. Я началъ говорить объ успѣхахъ его оружія. »Это еще малоспъ« отвѣчалъ онъ, »въ сравненіи съ шѣмъ, что я надѣюсь сдѣлать со временемъ, прежде нежели лѣпа принудятъ меня вложить въ ножны мечъ мой. Войска для моихъ предпріятій имѣю я довольно, но перплю недоспапокъ въ оружіи.«

Послѣ сего разговора Ибрагимъ сказалъ мнѣ, что онъ идетъ въ купальню съ двумя Деями своими, и пригласилъ меня идти съ нимъ. На четверть мили распоянія отъ дома, въ которомъ Ибрагимъ принималъ меня, находится небольшое строеніе съ кровлей въ видѣ купола; въ семь строеніи еспъ мраморная купальня со скамьями въ водѣ, съ отдѣльною особенною комнатою, въ которой раздѣваются. Мы завернулись по Турецкому обычаю въ проспыни, потомъ вошли въ длинный плавапельный бассейнъ, наполненный весьма чистой, теплой водою, гдѣ долго забавлялись, плавая и ныряя. Между шѣмъ Ибрагимова Европейская музыка, внѣ зданія находившаяся, разыгрывала разныя пьесы, между прочимъ вальсъ изъ Волшебнаго спрѣлка, многія Французскія революціонныя пѣсни, въ числѣ коихъ и знаменитую Марсельскую. По вы-

ходѣ изъ купальни, пошли обѣдаць. Кушанья подавали одно послѣ другаго. Сполѣ былъ самый проспой; онѣ сосполял въ особенноспи изъ пилава, соусовъ и зелени. Пили полько воду. *Бли все изъ одного плоскаго жестянаго блюда.* Вся роскошь сосполяла въ серебряныхъ спаканахъ и ложкахъ. Говоряпъ, однакожь, чпо опносивельно напипковѣ, Ибрагимъ не всегда такъ воздержень, какъ спараепся показапъ. Впрочемъ приемы его благородны, хопя проспы; скромная жизнь, имѣ наблюдаемая, и подвиги, коими онѣ прославиль себя, равно содѣйспивуюпъ къ образованію изъ него доспойнаго предспавипеля древнихъ завоевапелей воспока. Послѣ обѣда вошла Египетская Ибрагимова музыка, состоящая изъ двухъ кларнетовъ, флейты, арфы, шамбурина, нѣкопораго рода прехспрунной скръшки и барабана. Вообще все сіи инспрументы по виду и успройству своему различеспивуюпъ опъ инспрументовъ, носящихъ поже имя въ Европѣ. Музыканты сыграли нѣсколько жалобныхъ, монопонныхъ пѣсень; звуки инспрументовъ своихъ сопровождали они пѣніемъ, копорое, по причинѣ обычнаго у нихъ произношенія въ носѣ, весьма неприятно для слуха. Между прочимъ сыграли они Марсельскую пѣсню и пѣли Французскія слова; но если бы меня заранѣе не предупредили объ эпомѣ, то я бы никакъ не угадалъ. Послѣ обѣда прошли мы въ

спавку, расположенную возлѣ зданія, заключающаго купальню. Тамъ Ибрагимъ, сидя на софѣ, принималъ просьбы; просьбы сіи были подаваемы многими креспьянами, которые предварительно подносили небольшіе подарки.

Выждавъ удобную минуточку, когда часовой оборачивался, они бросались къ ногамъ Пашы, цѣловали полу его плащя, и, поспавивъ принесенное ими, опходили въ спорону и ожидали опвѣща. Изъ числа бывшихъ при мнѣ одинъ принесъ прекрасную дикую козу; другіе довольствовались меньшими дарами, какъ-то: корзиной кашпановъ, феской изъ домашней шерспи, даже комомъ снѣга, для прохлажденія шербета. Ибрагимъ принималъ всѣхъ благосклонно; они уходили довольны или покрайней мѣрѣ казались таковыми. Маленькой сынъ одного бѣдняка, приходившій въ купальню для окончательнаго излеченія опъ оспы, вошелъ въ палатку съ завернутыми по тамошнему обычаю руками, для избѣжанія прикосновенія къ другимъ. Ибрагимъ подозвалъ его къ себѣ, посадилъ возлѣ себя на диванъ и милоспиво ласкалъ его. Послѣ чего Паша пошелъ опдыхать, а я занялся разсмаприваніемъ его Арабской гвардіи. Мундиръ ея соспоипъ изъ курпки безъ всякихъ украшеній, заспегнутой до самой шеи, изъ широкаго воспочнаго исподняго плащя, которое къ низу спановипся уже, изъ бѣлой перевязи и

красной шерстяной фески съ пурпурнымъ сулпаномъ. Солдапы вооружены мускапономъ и саблей; лѣтній мундиръ дѣлаешся изъ бѣлаго холста, зимой же изъ сукна, при чемъ каждый солдапъ имѣетъ еще нѣкопорого рода сюрпукъ для предохраненія себя отъ холоду.

Надиръ-Бей родомъ Полякъ. Онъ принадлежишь къ числу искуснѣйшихъ совѣтниковъ Паши. Исторія его доспойна примѣчанія. Сначала служилъ онъ въ Русской арміи, потомъ перешель къ своимъ соопечесивенникамъ, а по взятіи Варшавы вспушилъ въ службу Сулпана; но, впавъ въ немилость, оставилъ Турецкую армію и опредѣлился къ Ибрагиму, который сдѣлалъ его главноначальствующимъ надъ своей кавалеріей. Османъ-Бей, къ коему Паша также очень рзположенъ, естъ верховный Адмираль Египетскаго флота; родомъ онъ Турокъ, воспитанъ былъ во Франціи и путешествовалъ по южной Европѣ. Оба они очень правильно изъясняюпся на Испальянскомъ и Французскомъ языкѣ. Ибрагимъ весьма храбръ, имѣетъ великія военныя дарованія и сверхъ того охотно выслушиваепъ совѣты Европейскихъ офицеровъ, въ его службѣ находящихся. Солдапы его весьма къ нему привержены и по днесъ побѣждали всѣ войска, высылаемыя противъ Ибрагима Сулпаномъ.

Вечеромъ пригласили меня къ ужину, за которымъ Ибрагимъ не присупсповалъ. Османъ-Бей приказалъ подать бупылку прекраснаго Бوردосскаго вина, копорое у насъ не заспоялось.

Ибрагимъ насмѣхаепся надъ новыми Европейскими костюмами, копорые вводипть Сулпань, и не скрываетъ своего презрѣнія къ бесполезнымъ спараніямъ сего послѣдняго просвѣпипть Турокъ. Напропивъ о Селимѣ Ш, мудрѣйшемъ и несчастнѣйшемъ изъ Сулпановъ, Паша говорилъ съ глубочайшимъ почпеніемъ. Однимъ словомъ, Ибрагимъ говоритъ и дѣйспвуепть какъ человекъ, копорому извѣспна важность его значенія и народность въ Европейской Турціи. Онъ, кажется, принимаетъ живѣйшее участіе въ Греческихъ дѣлахъ, и думаетъ, что Греки не останупся долго покойны.

На слѣдующее упро Надиръ-Бей доставилъ мнѣ лошадей для поѣздки въ Купахію, гдѣ спояла главная армія. Къ сожалѣнію, я приѣхалъ слишкомъ поздно, и не могъ видѣть Арабскую кавалерію, копорая, какъ говорятъ, еспть прекраснѣйшая въ мірѣ. Если вѣрпть словамъ Надиръ-Бея, то кавалерія имѣепть много лошадей, спюющихъ не менѣе 4,000 франковъ даже въ той спранѣ. Судя по лошадямъ самаго Ибрагима, можетъ очень спаться, что На-

Надиръ-Бей говорилъ правду. Въ жизнь мою не удавалось мнѣ видѣть такого прекраснаго коня, какъ попъ, на коемъ Паша совершилъ всю эту кампанію: это конь испинно образцовый.

Армія, расположенная въ Купахія, состояла изъ чепырехъ тысячъ человекъ, почти все Арабовъ, въ такомъ же мундирѣ, какъ и гвардія, но только кирпичнаго цвѣта. Люди вообще рослые, хорошо выучены, содержась въ строгой дисциплинѣ. Въ продолженіе прехъ мѣсяцовъ, въ копорые они спояли по кварпирамъ у жипелей, они не сдѣлали ни одного жестокаго или насильственнаго поступка. Изъ офицеровъ, особенно высшихъ, еспъ много пакихъ, копорые знаютъ Европейскіе языки. Надиръ-Бей увѣрялъ меня, что онъ не видывалъ солдатъ пакихъ храбрыхъ, какъ Арабы. »Но они,« прибавилъ онъ, »не совсѣмъ еще привыкли къ дисциплинѣ.« Армія Ибрагима успроена по примѣру Французской. Упроемъ, по приѣздѣ моемъ, одинъ опрядъ вышелъ изъ города, и когда спалъ взбираясь на холмъ, по верблюды съ женщинами и багажемъ арріергарда соспавляли весьма живописный видъ.

Въ Купахія, столицѣ Анаполіи, считаеся до шеспидесяти пяти тысячъ жипелей. Городъ сей сппроенъ на скапѣ горы, коей вершина увѣнчана развалинами древней ципадели.

Обширныя, зубчатыя стѣны, свидѣтельствуютъ о ея пространствѣ и величинѣ до того времени, какъ она впала во власть Баязета. Улицы въ Купахіи узки и грязны, дома отдѣляются другъ отъ друга развалинами. Женщины въ Купахіи рачительнѣе скрываютъ лице свое, нежели женщины въ Европейской Турціи: онѣ имѣютъ обыкновеніе, при приближеніи мужчины, садиться, обращая къ нему спиной. Здѣсь болѣе Турецкихъ фізіономій, нежели въ Константинополѣ. Число Грековъ не составляетъ и двѣнадцатой доли народонаселенія; у нихъ есть только одна маленькая, подземная церковь, въ которую я ходилъ изъ любопытства. Церковь сія украшена вызолоченными изображеніями Пресвятой Дѣвы и Младенца Іисуса. Главнѣйшая достопримѣчательность въ семъ городѣ есть левъ, изсѣченный изъ камня и по близости замка находящійся, о коемъ рассказываютъ много преданій. Я посѣдилъ Пашу Купахіи. Онъ былъ въ кіоскѣ, среди коего находился фонтанъ. Съ нимъ сидѣло на дугообразномъ диванѣ нѣсколько спарыхъ Турокъ съ окрашенными бородами. Нѣкопорые изъ нихъ ѣли съ одного блюда яичницу, другіе съ непоколебимою важностью обрѣзывали себѣ ногти. Самъ Паша, прекрасный образецъ древняго Турка, занимался правительственными дѣлами, выслушивалъ многочислен-

ныхъ просипелей, окруженный полною подчиненныхъ.

На возвращенномъ пути въ Конспанпинополь, фирманъ мой опять снискалъ мнѣ благосклонный приемъ всѣхъ Пашей, копорые доставляли мнѣ лошадей прекрасныхъ, спокойный ночлегъ и всѣ пріянности мусульманскаго гостепрѣимства.

(REVUE DE PARIS).

II.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

МЕЖДУ ВЛАДѢЛЬЦАМИ

И

НАЕМЩИКАМИ ЗЕМЛИ

ВЪ ВЕЛИКОБРИТАШІИ.

Свойство отношеній между помѣщиками и наемщиками земли, или связь, существующая между этими двумя классами гражданскаго общества, гораздо важнѣе, нежели какъ привыкли думать наши писатели о сельской Экономіи. Правспвенное поощреніе или мѣра побужденія для наемщика земли совершенно зависиптъ отъ стѣхъ, условій, на коихъ онъ принимаетъ въ свое распоряженіе землю: если эти условія добровольны и справедливы, и соопвѣпствуюптъ почвѣ и мѣсположенію земель, отдавае-

МЫХЪ ВЪ НАЕМЪ: по все, предписываемое владѣльцомъ, будетъ вѣрно выполнено. Еслиже порядокъ вещей таковъ, что наемщикъ пользуется землею короткое время, или условія и обязанности сперва спѣснительны, а потомъ тяжелы для наемщика при сдачѣ земли, безъ пользы для него имъ улучшенной, то, естественнo, можно заключить, что дѣло было устроено худо, и какъ для общества, такъ и для обѣихъ условливающихся споронъ выгодъ немного.

Опдача сельскихъ имѣній на срокъ въ наемъ ведется издревле въ Великобританіи, хотя условія, на коихъ опдачи эптѣ совершались, разнообразно измѣнялись съ того времени, какъ введены. Предварительно до эпохи порядка, земледѣльцы обрабатывали землю для владѣльцовъ изъ доли произведеній, копорую они получали для своего существованія съ семействами: у нихъ не было собственныхъ капиталовъ и они считались какъ бы домочадцами помѣщиковъ, доставлявшихъ имъ средства обрабатывать землю. Эпопѣ очеркъ быта земледѣльца во времена древнія согласенъ и съ изображеніемъ, начертаннымъ покойнымъ Лордомъ Камсъ. Эпо изображение вообще согласно со всѣми преданіями, дошедшими до насъ о положеніи собственности и общества тогдашняго времени. » Земли « говоритъ Камсъ, » были обрабатываемы сперва

рабами, соспавлявшими собспвенность ихъ владѣльцовъ, и, слѣдспвенно, неимѣвшими правъ владѣть землями. Тогдашніе работники вообще были лѣнивы и нерадивы. Это важное неудобство вразумило наконецъ, что земля обрабатывается лучше, если работникъ получитъ нѣкоторый участокъ земли, произведенія съ коею поступаютъ къ нему какъ бы, нѣкоторымъ образомъ, въ уплату. Но это новое распоряженіе оказалось не довольно поощрительнымъ для промышленности: приняли другую мѣру, благодѣтельную: считали земледѣльцевъ какъ бы въ часпн, назначая имъ, вмѣсто платы, часпн барышей. При этомъ распоряженіи, участпники обрабатываютъ землю и для выгоды собспвенной и для своихъ помѣщиковъ въ одно и тоже время.

Распоряженіе этого рода представляло еще другую выгоду для владѣльцовъ: давало право на поспоянный ежегодный оброкъ, соспавлявшийся изъ излишковъ барышей, причипавшихся на часпн земледѣльцамъ. Посредспвомъ этого условія земледѣлецъ получалъ всю выгоду отъ своего занятія и, въ случаѣ недоспакковъ, долженъ былъ пенять на свое нерадѣніе или невѣжесство. Для доведенія сего распоряженія до степени совершенства, найдена необходимою другая мѣра: надлежало наемъ дѣлать на многие годы: условіе существенное для того, чтобы

земледѣлецъ увѣренъ былъ въ полученіи выгодъ отъ своего занятія.

Если принявъ наемщика за самаго владѣльца земли, встрѣчающаго всѣ пѣже затрудненія, какія испытываеетъ и сей послѣдній; если онъ обрабатываетъ землю на свой счетъ и пускается такимъ образомъ во всѣ неудачи и случайности: то надобно будетъ признавъ всѣ безполезныя опягощенія, всѣ спѣсненія, принятыя дурно соображеннымъ намѣреніемъ поощряя земледѣліе, средствами уменьшающими дѣйствительную цѣнность собственности и, слѣдственно, предосудительными обществу благу. Если надобно, чтобы прошло много лѣтъ прежде, нежели самый обдуманый планъ будетъ приведенъ въ исполненіе, если нужны цѣлыя годы для того, чтобы видѣть пользу, могущую произпечь отъ исполненія сего плана, то владѣлецъ, упрямо отказывающійся отъ заключеній условій съ своимъ наемщикомъ, или который не соглашается на доспапочно продолжительный срокъ, при коемъ наемщикъ могъ бы извлечь выгоды изъ своихъ улучшеній, навлекаетъ на себя не только осужденіе, но и оказываеетъ виновнымъ въ умыслѣ пропивъ общепвеннаго благосостоянія. Равно и тѣ владѣльцы, которые при заключеніи условій включаютъ такія обязательства, которые могутъ спѣснять дѣйствія и обороты наемщика, или, что значитъ

одно и поже, преляписвуютъ ему извлекапъ изъ земли въ возможно-большемъ количествѣ произведенія для общественаго употребленія, должны бытъ почипаемы врагами общественнаго благоденствія. Если справедливо, что земледѣліе естъ главная опора государства, всякая мѣра, влекущая за собою уменьшеніе количества произведеній, должна подвергаться самому спрогому общественному порицанію.

Прежде нежели помѣстье улучшится, надобно много времени и, можетъ бытъ, это будетъ стоить многихъ издержекъ. Плодъ этихъ улучшеній не можетъ произродиться вдругъ: ибо потребны многіе годы для приведенія къ концу плана наилучше составленнаго. Представьте, на примѣръ, что хозяинъ, принимая имѣніе, испощенное продолжительною и дурною обработкою, захотѣлъ бы улучшить это помѣстье обращеніемъ пашни въ пасбища: пропечетъ шесть лѣтъ по крайней мѣрѣ прежде, нежели опъ сихъ пасбищъ онъ можетъ перейти къ очищенію поля. Если же онъ захочетъ оставить ихъ подъ пасбищами еще на шесть лѣтъ — что не будетъ слишкомъ долго, — когда хотятъ довести испощенное поле до надлежащаго состоянія — по по меньшей мѣрѣ потребуются двадцать лѣтъ, чтобъ наемщикъ могъ извлечь изъ почвы какую либо пользу опъ своихъ улучшеній. Онъ имѣетъ

право на эту пользу и по превосходству системы своей обработки и потому, что онъ долженъ получить барышъ отъ своихъ предварительныхъ издержекъ, если преобладашь, что бы земледѣлецъ имѣлъ побудительныя причины производить дѣло свое хорошо: въ чемъ же онъ найдетъ эту побудительныя причины, если земля отдается ему на одинъ годъ? Среди занятій своихъ, земледѣлецъ всегда будетъ думать о близкомъ срокѣ, не имѣя надежды воспользоваться плодами своей работы и своихъ улучшеній, переданныхъ въ другія руки. Боязнь эта не есть воображаемая: она основывается на дѣйствительности и оказываетъ болѣе или менѣе вліянія на образъ дѣйствования наемщиковъ земли, смотря по тому, въ какихъ обстоятельствахъ они находятся.

Многіе другіе, подобныя случаю выше приведенному, могутъ быть почтены примѣрами. Если хотять, чтобы содержатель земли предпринялъ какія-либо значущія улучшенія, то надобно обезопасить его въ спокойномъ обладаніи его полемъ, чтобы онъ имѣлъ время воспользоваться плодами своихъ улучшеній. Въ продолженіе найма очень часто можетъ случиться, что въ одинъ годъ исправляется болѣе, нежели сколько приобретается въ многіе годы, за тѣмъ слѣдующіе. Въ такомъ случаѣ наемщикъ тогда только найдетъ поощреніе

работать, когда наемъ его общаесть вознагра-
диль издержки въ послѣдующіе годы. Въ про-
тивномъ же случаѣ, по еспь, когда земля оп-
дается на короткій срокъ, можно ли ожидать
опть челоуѣка съ здравымъ смысломъ, чпобы
онъ дѣлалъ издержки на улучшение земли, ко-
пораго всѣ выгоды достанутся другому? На-
емщикъ, поступившій такимъ образомъ, конеч-
но дѣйствовалъ бы вопреки всѣмъ началамъ,
руководствующимъ другими людьми. Не при-
бавляя ничего въ пользу наймовъ земли, можно
замѣнить только, что это неоцѣненное обез-
печеніе въ употребленіи теперь во всей Шот-
ландіи и почти въ половинѣ Англіи. Если спра-
ведливо, какъ утверждаетъ *Артуръ Йонгъ*, что
за улучшение своего земледѣлія Англія обязана
этому обыкновенію отдавать земли въ наемъ,
и что въ тѣхъ графствахъ, гдѣ нѣтъ обычая
управлять землею за наемщикомъ по силѣ
контракта, земледѣліе находится въ худшемъ
состояніи, нежели въ томъ, гдѣ это по обычай
въ употребленіи: по вопросу относительно
пользы наймовъ, такъ какъ и ошибки дѣлаемой
владѣльцами, которые отпказываютъ въ обез-
печеніи своимъ наемщикамъ, рѣшенъ уже по-
ложительно опытомъ. Помѣщикъ, такимъ обра-
зомъ поступающій, не только уменьшаетъ цѣн-
ность своей собственности, но еще посягаетъ
на пользу дѣла общественнаго, замедляя успѣхи

земледѣлія. Предметъ сей столь важенъ по своимъ послѣдствіямъ, что заслуживаетъ все вниманіе законодателя: нѣтъ другаго, достойнѣйшаго занятъ умъ споящихъ у испочника власти, какъ эпопъ, имѣющій столь большее вліяніе на произведеніе вещей общей необходимости. Оспорожностъ, какою обыкновенно правительсва наблюдають, вступаясь въ распоряженіе частными собспвенностями, можетъ быть въ нѣкоторыхъ обспоятельстввахъ усранена, когда дѣло идетъ объ общеспвенномъ благѣ. Владѣльцы, опказывающіеся успупать въ наемъ землю своимъ фермерамъ, или, что одно и тоже, пропывоборствующе успѣхамъ земледѣльческихъ улучшеній, должны быть признаны за недруговъ общеспвеннаго блага.

Благодѣтельные послѣдствія наймовъ ошупительно оказались въ округахъ южной Шотландіи. Тамъ общій почти срокъ наймовъ на 19 и 21 годъ, а иногда и далье. Въ эпомъ заключается и главнѣйшая причина быспрыхъ улучшеній; замѣтныхъ въ земледѣліи спраны сей: опъ сюда происпекають всѣ огромныя, столь производительныя работы, копорыхъ здравомыслящій челоуѣкъ никогда не предпринялъ бы, не обезпеченный условіями опдаленнаго срока. Въ короткое время возникли тамъ красивыя фермы, обширныя хозяйспвенныя учрежденія, превосходно управляемыя, цѣлые округи превра-

пились изъ пуспырей въ разгороженныя поля; земли, покрытыя водою, осушены, и большія проспранспва безплодныхъ мѣспъ очищены и доведены до высокої степени плодоносїа. Всѣ эти обспоятельствва увеличили доходы съ имѣній безъ всякихъ издерженъ со стороны владѣльцевъ. Съ 1790 года доходы съ земли возросли въ Шопландїи вдвое болѣе, нежели въ Англіи, и единспвенно попому полько, что система между владѣльцами и наемщиками раскрываепся на свободнѣйшихъ началахъ, нежели въ Англіи. Нѣтъ сомнѣнїа, что въ пѣхъ часпяхъ Англіи, гдѣ распроспранїлся система наймовъ, принятая въ Шопландїи, непремѣнно изникнутъ обширныя выгоды: ибо почва, климатъ, сбьптъ и другїа обспоятельствва, опредѣляемыя мѣспноспїю, благопрїятнѣе для земледѣлїа въ Англіи, нежели въ Шопландїи. Долгосрочныя наймы будуптъ главнѣйшею причиною всѣхъ улучшенїй, но они не сунтъ причина единспвенная: надобно еще предспавить фермеру нѣкопорую свободу въ управленїи фермою. Если эпого нѣптъ, по смьслъ земледѣльца, спѣсненнѣй по прежнему, поїдетъ по колеѣ, пробитой спаринными обычаями.

Надобно однакожь согласїться, что хопя наемъ земли на долгой срокъ есптъ главнѣйшая причина улучшенїй прочныхъ, но совсѣмъ пѣмъ можептъ выдаспья время, къ испеченїю найма

когда улучшения свои наемщикъ начнетъ прекращать, а владѣлецъ, въ силу почныхъ условій контракта, можетъ принудить его оныя продолжать; но условія эпаго рода вообще оказываются слабыми и недоспапочными въ сравненіи съ силою личной пользы наемщика, а потому онъ рѣдко въ полной мѣрѣ достигаетъ предположенной цѣли.

Чтобы совершенно уничтожить эпо неудобство, Лордъ Камсъ, первый изъ помѣщиковъ Великобританіи разсмапривавшій систему опдачи земель въ наемъ, какъ нравспвенное средство поощренія, предложилъ наемъ безпрерывный или неопредѣленный.

Онъ предложилъ наемъ на неопредѣленное число лѣтъ, которое состояло бы однакожь изъ опредѣленныхъ періодовъ, изъ коихъ по испеченіи каждаго доходъ принимается вышшимъ, причемъ наемщику предоспавляется право снять землю, если онъ найдетъ эпо для себя выгоднымъ, а владѣльцу взять назадъ свое имѣніе, если будетъ видѣть въ эпомъ свою пользу. Вотъ особенности и побудительныя причины такоаго контракта.

Лордъ принимаетъ основаніемъ, что помѣщикъ и наемщикъ земли могутъ между собою довольно почно учестъ, чего спойтъ имѣніе, опдаваемое на опредѣленное число лѣтъ, напри-

мѣръ на 21 годъ, по обыкновенію, принятому въ Шотландіи. Онъ предполагаетъ попомъ, что съ той и другой стороны принять по соглашенію доходъ эпаго времени 1000 фунт. стер. Допустимъ теперь, что наемщикъ изъявляетъ желаніе удержатъ за собою землю долѣе назначеннаго срока, на это владѣлецъ возражаетъ, что невозможно съ точностію опредѣлить, какая будетъ цѣна на землю въ концѣ 21 года; замѣчено уже, что земля по испеченіи найма на 21 годъ получила гораздо высшую цѣнность, нежели какъ предполагали при началѣ эпаго періода, но въ поже время не извѣстно, такъ ли будетъ возвышаться цѣна на землю по испеченіи новаго найма на такое же время. Соображеніе это весьма основательно, и въ слѣдствіе онаго, чтобы предоспавить владѣльцу справедливое вознагражденіе, *Лордъ Камсъ* предлагаетъ означатъ въ условіяхъ, что если наемщикъ согласится увеличитъ доходъ къ концу перваго найма 200-ми фунтовъ, на примѣръ, то владѣлецъ съ своей стороны согласенъ будетъ продлитъ наемъ болѣе 21 года.

Но какъ можетъ случиться, что эти 200 фун., копорые наемщикъ обязывается заплапитъ по ихъ условію какъ добавокъ въ концѣ перваго найма, будутъ превышать ту сумму, какую наемщикъ согласится заплапитъ въ по время, то ему предоспавляется право наемъ

окончить, давши объ этомъ владѣльцу знать покрайней мѣрѣ за годъ до испеченія срока по первому найму. Если же наемщикъ не извѣстипть объ этомъ владѣльца, по это будетъ значипть, что онъ оспавляетъ землю за собою еще на 21 годъ; и если владѣлецъ не извѣстипть наемщика, по крайней мѣрѣ спустя мѣсяцъ по испеченіи времени, въ которое наемщикъ долженъ былъ объявить свои намѣренія, по равномѣрно будетъ подразумѣваться, что онъ согласенъ на возобновленіе найма, и что онъ принимаетъ прежнія условія и для слѣдующихъ 21 года.

Можесть случипться пакже и по, что прибавочная сумма, означенная въ условіи, соспавляетъ доходъ значительно превъшающій цѣнность фермы во время новаго періода, или владѣлецъ найдетъ причины взять свое имѣніе или попребуеетъ гораздо значипельнѣйшаго дохода: въ такомъ случаѣ надобно, чпобы онъ имѣлъ право наемъ уничтожитъ, если сочпептъ это для себя выгоднымъ. Но какъ большая часть улучшеній имѣнія можесть полько происходить опъ хорошаго управленія наемщика и на счетъ пѣхъ издержекъ, которые онъ употребилъ въ надеждѣ воспользоваться плодами улучшеній въ слѣдующіе 21 годъ, по было бы несправедливо лишипть его выгодъ, не сдѣлавъ ему вознагражденія, соразмѣрнаго съ задапочными издержками, имъ употребленными

на улучшенія. Въ такомъ случаѣ принимается условіе: если владѣлецъ предполагаетъ уничтожить наемъ при испеченіи 21 года, то онъ обязывается выплачивать наемщику десятипроцентною сложностью надбавочнаго дохода, копорый обязался платить наемщикъ: такъ, что принявъ прибавочный доходъ въ 200 фун., вознагражденіе составитъ 2000.

Но какъ можетъ быть, что земля въ силахъ приносить больше пропивъ перваго увеличенія 200 франковъ, и наемщикъ найдетъ для себя выгоднымъ сдѣлать новую прибавку 100 фун., что съ прежними составитъ 300 въ годъ, въ такомъ случаѣ владѣлецъ, извѣщенный о новомъ предложеніи наемщика, обязывается или принять предложеніе, или заплатить наемщику вознагражденіе, равняющееся суммѣ двухъ прибавокъ за *десять лѣтъ*: по этой же пропорціи разчисляются и всѣ другія увеличенія, копорья могъ бы предсказать наемщикъ прежде сдачи фермы.

Этотъ способъ всегда обезпечиваетъ владѣльца въ вѣрномъ полученіи, чтобы ни случилось, истиннаго дохода отъ имѣнія. И въ случаѣ, еслибы наемщикъ ему не нравился и онъ хотѣлъ бы переимѣнить его другимъ, напѣхъ же самыхъ условіяхъ, то это никогда не будетъ для него опягощительнымъ бреме-

наемъ: ему спойнть полько заплапипть уговорное вознагражденіе: для него это значило бы поже самое, если бы онъ купилъ новое имѣніе, заплапая десятимѣтнюю сложность дохода. Съ другой стороны не подвержено сомнѣнію, что для него выгоднѣе удерживать одного и того же наемщика, который будучи обезпеченъ въ продолжительномъ содержаніи наняпой имъ фермы, употребитъ дѣяпелнѣйшія мѣры къ улучшенію хозяйства. Кромѣ этого наемщикъ увѣренъ, что въ крайности семейство его имѣетъ право претбовать приличнаго вознагражденія за его искусство и пожертвованія, и онъ не воспрѣпитъ никакой причины, копорая бы оспановила его усилія.

Условившись, что въ концѣ впораго періода 21 года, наемъ оная будетъ продолженъ на слѣдующіе 21 годъ, и принявши эти же условия въ концѣ 3 и 4 и проч. что наемщикъ платитъ уговорный доходъ, съ правомъ предоставленнымъ обѣимъ договаривающимся сторонамъ прекратитъ контрактъ, наемъ можетъ превратиться въ непрерывный, такъ что не будетъ опасенія, чтобы одна сторона находила свои выгоды на счетъ другой. Наемщикъ увѣренный, что всегда будетъ предпочтенъ другому, не перестанетъ улучшать свою ферму, а этимъ самымъ увеличитъ количество произ-

веденій болѣе, нежели при какомъ-либо другомъ видѣ найма.

Таковъ планъ наймовъ, предложенный Лордомъ *Камсъ*. Наемщика пусть не спѣсаяетъ ограниченія, придуманныя невѣжесивомъ, подъ предлогомъ обезпеченія выгодъ владѣльца. Выгоды эптѣ дѣйсивипельно погда полько будупть ограждены, когда наемщикъ будепть имѣпть возможность свободно раскрывапть свою дѣяпельность, познанія и промышленность.

Не уклоняясь опть улучшеній дорого спюющихъ, на копорья онъ не рѣшился бы безъ найма, или копорья онъ замѣнилъ бы улучшеніями непрочными при началѣ найма на опредѣленный срокъ, оспанавливаясь на срединѣ дороги лишь бы полько извлечь возможно-болышія выгоды изъ земли, чпобы сдать ее въ помъ же видѣ, въ какомъ онъ получилъ ее, напропивъ, онъ съ величайшими успѣхами будепть улучшпть ферму, копорую можепть удерживапть за собою на неопредѣленное время. Одинъ полько просвѣщенный хозяинъ можепть поняпть разницу, какая произойдетъ въ печеніи спа лѣпть въ производипельной силѣ земли, опдаваемой въ наемъ по плану Лорда Камса и уступаемой на опредѣленные сроки на 21 годъ различнымъ наемщикамъ. Разница эпа покажется невѣрояпною, если сравнипть шакое имѣніе съ другимъ, въ

копороумъ вовсе не было никакихъ улучшеній. На земляхъ очень плодоносныхъ эта разница будетъ менѣе значительна: но она особенно замѣтна будетъ вездѣ тамъ, гдѣ улучшения возможны.

Въ Шотландіи, гдѣ отдача земель въ наемъ въ общемъ употребленіи, снѣснительныхъ условій немного, и тѣ относятся болѣе къ послѣднимъ годамъ срока; но и въ этомъ случаѣ онѣ рѣдко предосудительны для земледѣлія. Онѣ почти всегда опредѣляютъ только, какой долженъ быть сѣвооборотъ, сколько земли оставлено будетъ подъ лугами, условія объ удобреніи и назначеніе: сколько будетъ опедено подъ паръ въ послѣдній годъ найма. Таковы всѣ ограниченія, вообще принимаемыя въ Шотландіи и для людей, каковы они всегда, ограниченія сіи благодѣтельны. Въ Англіи запруденія другаго рода. Онѣ вообще касаются до время продолженія найма и, во всѣхъ почти случаяхъ, обозначаютъ, что долженъ дѣлать наемщикъ. Безъ сомнѣнія, могутъ быть многія исключенія, но вообще тамъ наемщикъ не имѣетъ ни малѣйшей свободы въ распоряженіи своей обработки. Въ большей части обстоятельство наемщикъ предсавляется не какъ дѣйствующая свободный, но какъ человекъ состоящій въ распоряженіи другаго, управляющаго его дѣйствіями и наказывающаго его или за нерадѣніе, или за непослу-

шаніе, въ которыхъ онъ окажется виновнымъ.

Легко сообразить, что подобная система должна пропивоборспвовапъ улучшеніямъ. При пакомъ успройспвѣ вещей, умъ земледѣльца, порабощенный, зачахнетъ въ бездѣйствіи и, много, если онъ еще удержитъ ту степень знанія, на которой прежде споялъ. И протспья работы при пакомъ порядкѣ вещей идутъ дурно, а объ улучшеніяхъ уже и думаетъ нѣчего, если промышленность не можетъ развиваться свободно. Владѣлецъ, вспутившись въ распоряженія работъ наемщика, охолодитъ его къ дѣлу. Первое неудобство, при семъ представляющееся, состоитъ въ томъ, что наемщикъ не обезпеченъ во владѣніи опкупной земли на доспапочное время; второе, не менѣе важное, заключается въ ограниченіяхъ на все печеніе найма, что претспспвуепъ ему перемѣнитъ систему обработки, или принятъ тѣ сѣвообропы, кои соотвѣтспвуюпъ свойспвамъ почвы, имъ воздѣлываемой.

Земледѣліе еспъ наука поспоянно совершенспвующаяся и попому-по распределеніе полей, которое въ извѣстное время считалось хорошимъ, въ другое признаепся ошибочнымъ и невыгоднымъ. Въ эптомъ свидѣлельспвуепъ опытъ и наблюденіе.

Не оспоривая, мы допустили, что очень бы полезно было съ точностію означать въ контрактахъ общія правила, коимъ предполагается слѣдовать, какъ на примѣръ: что землю надобно привести въ надлежащее состояніе, употребляя всю солому, вырощенную на опкупной землѣ, и никогда не продавать на спорону навоза. Эти ограниченія мы одобряемъ и думаемъ, что въ этомъ съ нами будетъ согласенъ каждый добрый наемщикъ. Мы скажемъ болѣе: мы даже того мнѣнія, что если наемъ заключенъ на извѣстный срокъ, то чрезвычайно благоразумно будетъ ограждать собственность владѣльца ограничивающими условіями касательно послѣднихъ пяти лѣтъ найма. Сверхъ же этого можно развѣ допустить нѣкоторыя условія, кои обязываютъ наемщика сдать при окончаніи найма извѣстное пространство земли, обращенныя подъ пастбища, или назначаютъ, какого должно придерживаться сѣвооборота въ это время. Всѣ же другія ограниченія, вредя наемщику, не приносятъ никакихъ выгодъ владѣльцамъ.

Короче, такъ какъ владѣлецъ рѣдко можетъ самъ обрабатывать свое имѣніе съ пользою, то необходимо, когда онъ ввѣряетъ его другимъ, чтобы онъ этимъ наемщикамъ сообщилъ все право дѣлать такъ, какъ бы онъ самъ дѣлалъ безубыточно для своего имѣнія: иначе онъ

не получить наслоящаго дохода съ цѣнности своего имѣнія. Можно замѣтить между тѣмъ, что владѣльцы вообще неохотно отказываются отъ распоряженія своимъ имѣниемъ, уступая его кому нибудь во временное управленіе: они стараются выговорить для себя возможно больше правъ, хотя уже доказано, что эти выговорныя права доставляютъ наемщику поводъ плашить возможно меньше. Капиталистъ дѣло другое: онъ не знаетъ и не хочетъ знать пайны торговли или мануфактуръ людей, коимъ ввѣряетъ свой капиталъ: онъ довѣряетъ лицу, а не средству, имъ употребляемому. За чѣмъ же владѣлецъ имѣнія будетъ дѣйствовать иначе? За чѣмъ онъ привязывается къ распоряженіямъ работами наемщиками въ продолженіи срока найма? Пусть бы еще пошелъ владѣлецъ вмѣшивался въ эти распоряженія, которыхъ самъ живетъ въ имѣніи и имѣетъ какія-нибудь познанія въ хозяйствѣ: это было бы еще дѣло сносное, хотя и это уменьшаетъ уже плату наемщика; но странно видѣть право это исполняемое, на пр., юрисконсультомъ: я думаю, что онъ сколько же мало понимаетъ въ земледѣліи, сколько капиталистъ въ выдѣлкѣ кисеи. Мы признали пользу ограниченій для послѣднихъ лѣтъ найма, особенно потому, что эти ограниченія не допускаютъ ферму до упадка или до такого состоянія, послѣ котораго

обработка сдѣлается запруднительною и дорого спующею въ продолженіе многихъ лѣтъ для послѣдующаго наемщика.

Чтоже касается до предразсудковъ, внушаемыхъ мнѣніемъ о сѣвооборопахъ, пропивныхъ правиламъ хорошаго земледѣлія, то я имъ не вѣрю: я утверждаю, что начальную цѣнность почвы не уменьшишь никакое полераспредѣленіе, какъ бы оно дурно не было, хотя и по справедливо, что искусственная цѣнность почвы, произраждаемая введеніемъ пастбищъ и удобреніемъ, можетъ быть разрушена ошибочнымъ сѣвооборотомъ. Разсмапривая вещь вообще, мы готовы признашь совершенно бесполезными всѣ спѣснипельныя ограниченія, покрайней мѣрѣ, если онѣ не имѣютъ цѣлю опредѣлишь сѣвооборотъ, который долженъ быть при испеченіи срока конпракпу, или поддержашь имѣніе въ хорошемъ соспоянїи при принятїи его другимъ наемщикомъ.

Въ старину доходъ съ земли, плапимый пользующимся оною владѣльцу, соспоаль въ части различныхъ произведеній земли и работъ, почти всегда неопредѣленной. Въ тѣ времена: деньги были рѣдки, сбытъ произведеній неуспроенъ, а иногда и вовсе не его было. И пакъ по малому количеству денегъ, по недоспапку сбыта, уплапа произведеніями была необходима.

Но по мѣрѣ возраспанія общественнаго благосостоянія, эпопъ способъ уплаты поспепенно измѣнился, и обычай плапипъ деньгами прпняпъ вообще. Недавно многіе владѣльцы изъявили желаніе ввести опяпъ старинный обычай: важно изслѣдовапъ, была ли бы полезна эпта перемѣна для успѣховъ земледѣлія? Уплата найма фермы зерномъ, будетъ ли эпто по часпямъ или вообще, необходимо должно быть убыточно для наемщика: ибо для того, кпо плапипъ напурою, цѣнность уплаты пѣмъ выше, чѣмъ болѣе средства, которыми онъ долженъ покрыпъ оную, скудѣютъ и спѣсняются опъ незначптельностью съемовъ. Цѣна на хлѣбъ въ Великобританіи тогда только подымается, когда дурное время года производптъ недоспапюкъ или уменьшеніе въ жизненныхъ потребностяхъ. Когда наемщикъ плапипъ своему владѣльцу деньгами, по возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ вознаграждаетъ его за скудный урожай; но при плапежѣ напурою, часпо всего произведенія фермы не доспапочно бываетъ для уплаты договорной цѣны: еспеспвенно, эпто совершенно можетъ распроптъ наемщика.

Кромѣ наемной платы за землю, наемщикъ долженъ еще неспп многія общественныя повинности или по условіямъ контракта, или въ слѣдствіе законоположеній попъ спраны. Въ

Шотландіи эти повинности не велики: они состоятъ въ издержкахъ на содержаніе сельскихъ учителей, въ половинномъ взносѣ для бѣдныхъ и въ работахъ для поддержанія въ надлежащемъ состояніи общественныхъ дорогъ. Повинности сіи вообще необременительны и не составляютъ болѣе двухъ процентовъ съ суммы, плаваемой за имѣніе. Но въ Англіи совсѣмъ противоположное. Всѣ общественныя повинности, обременяющія земельнаго владѣльца, оплачиваются наемщикомъ; они очень часто спользуются значительны, что гораздо превышаетъ сумму, плаваемую наемщикомъ владѣльцу за землю. Большая часть изъ сихъ повинностей непостоянна и опредѣляется часто только способомъ обработки (какъ на пр. десятина): эти обязанности дѣлаютъ положеніе наемщика неприятнымъ и убыточнымъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ десятиннаго сбора, гдѣ общественныя налоги уплачиваются владѣльцемъ, тамъ, гдѣ при наймѣ назначается постоянная и опредѣленная плата за всѣ годы срока, гдѣ наемщикъ не опасается произвольныхъ припязаній владѣльца, тамъ земледѣліе возвышается до искусства припязнаго и благотворнаго. Большому простору въ дѣйствіяхъ, коимъ пользуются земледѣльцы Шотландскіе, и превосходству системы отношеній между владѣльцами и наемщиками, должно приписатьъ

большіе успѣхи земледѣлія въ Шотландіи, нежели въ Англіи. Начала, коихъ польза доказана опыпомъ въ Шотландскомъ земледѣліи, произведутъ пѣже выгоды и во всякомъ другомъ мѣспѣ, гдѣ онѣ будутъ съ умѣньемъ приложены. Физическія обспояпельспва въ Англіи благоприяпѣе, нежели въ Шотландіи, со всѣмъ пѣмъ всѣ эпѣ выгоды гибнутъ опѣ птысячи нравспвенныхъ неудобспвѣ, копорыя неминуемо исчезнутъ, когда наши законодательи обрапятъ на сей предметъ хопя часпѣ того вниманія, коимъ они часпо удоспоиваютъ наши заморскія колоніи.

Съ Французскаго.

III.

ЗАЩИСКИ ЗЪВАКИ

ИЛИ

ЧЕМУ МОЖНО НАУЧИТЬСЯ НА ПАРИЖСКИХЪ УЛИЦАХЪ.

На улицахъ, какъ и вездѣ, можно услышать много глупостей; но за то шупь можно узнать пакія полезныя вещи, копорыхъ нигдѣ, въ другомъ мѣспѣ, не узнаешь.

Учашся не въ однѣхъ школахъ: можетъ бытъ, тамъ учашся менѣе, нежели гдѣ либо. Человѣкъ, прожившій всю свою жизнь въ школѣ, даже лучшей, и копорый съ ученической скамьи дѣлаепъ прямо скачекъ на учительскую кафедру, соспарѣвши въ классѣ, меньше знаетъ вещей—допуспивши даже, что онъ что нибудь знаетъ—

нежели рапозѣй, копорого нога не была въ училищѣ, снабженный одного способностію двигаться съ мѣста на мѣсто, границь мостовую. Еслибы знали только то, чему участь, сколько бы вещей не знали!

Опиданный въ пансіонъ, только что распавшись съ кормилицею, и перешедши попомъ изъ пансіона въ коллегію, двѣнадцатъ лѣтъ я все только былъ ученикомъ. И чтожь? Въ эти двѣнадцатъ лѣтъ я менѣ узналъ, нежели въ слѣдовавшіе за ними первые двѣнадцатъ мѣсяцовъ. Прелестное время, въ которое мнѣ указали столько предметовъ, о копорыхъ я прежде не имѣлъ никакого понятія, когда, руководимый случаемъ, я болѣе узналъ глазами, нежели сколько до того времени ушми! Видѣть, для меня чипать: улица для меня энциклопедія.

Эта склонность, обращаешь на все вниманіе что мнѣ ни попадается, родила во мнѣ привычку замѣчать все, что я встрѣчаю. Вотъ опчепъ въ одной изъ моихъ послѣднихъ прогулокъ:

Недавно, проходя по одной изъ пѣхъ почти пуспынныхъ улицъ, гдѣ охотно нанимають дома для пансіоновъ, чпобъ удобнѣе можно было возить воспитанниковъ въ ближній Лицей въ закрытыхъ повозкахъ, въ родѣ омнибусовъ, похожихъ на пѣ, въ коихъ жандармы паскають

подсудимыхъ изъ пюръмы въ судъ, или изъ суда въ пюръму, или на пѣ, въ коихъ директоры пеапровъ перевозятъ акперовъ для впроу пьесы въ Монъ-Парнассъ, копорые первую играли у Рошешуарпской заспавы,—я взглянулъ на вьвъску содержапеля пансіона, имя копорого умолчу, хопя бы я вспомнилъ, и прочель крупными Англійскими буквами нарисованную надпись: *пакой-по научаетъ чипапъ и писапъ.* » Еслибы пакой-по научалъ чипапъ и писапъ, пакъ онъ умѣлъ бы самъ чипапъ и писапъ, « сказалъ я! » Онъ бы зналъ, чего пеперь не знаешь, и для чего ему надобно передѣлапъ свою вьвъску: онъ бы узналъ, что *учитъ и научатъ* не одно и поже.— » Вы дѣло говорише, « сказалъ мнѣ спарый сапожникъ. » Тогдабъ я опдалъ къ нему своего сына. « Такъ-по можно учипься языку ходя по улицамъ.

Тупъ найдупся всякіе уроки. На поворотѣ переулка, упирающагося въ одну изъ нашихъ великолѣпнѣйшихъ улицъ, на мѣспѣ мраморной доски, на копорой папъдесяпъ лѣпъ назадъ красовалось имя вельможи, бывшаго владѣльца шупъ находящихя палапъ, я прочель золотыми буквами написанное: *Книжная Лавка*, и шупъ же золотыми буквами имя купца, превращившаго эпопъ дворецъ въ жиме поргоша спарыми книгами. Эпо сперва задрало меня; но припомнивъ, что я видѣлъ нѣкогда пожитки

Французскаго Маршала на плечахъ бродячаго комедіанта, и бочара, поселившагося въ черпогахъ Цесарскихъ, я нашелъ эпо превращеніе въ порядкъ вещей. Лучшія лошади Королевскія могутъ dospасться въ руки извозчику; палатпы могутъ сдѣлаться конюшнею.

Но вопшь чпо показалось мнѣ уже не въ порядкѣ: одна спѣна эпихъ палатпъ вся была покрппа именами, написанными исполинскими буквами. Чему хочепть учипшь насъ сочинипель эпой спранной прокламаціа? Не считаептъ ли онъ свою лавку за храмъ безсмертіа? Не ужели ему дано въ удѣль завидное право награждать славою? Или не хочептъ ли онъ дашь почувствовапъ, чпо полько шѣ люди, копорые если не сочиняли свою книгу въ его лавкѣ, шо по крайней мѣрѣ чипали памъ ее? Не мечпаептъ ли онъ, чпо сіа шпукапурная скрижалъ его магазина еспъ для лпперашурпы нашего вѣка поже, чпо для Римской Испоріа и славныхъ дѣяній Консуловъ сей республики пѣ мраморы, на коихъ вырѣзывались имена, долженствовапшіа однѣ оспапъся въ попомствіе? Мнѣ хотѣлось бы, чпобъ и обо мнѣ пакже поговорили: я подумаю объ эпомъ.

Между шѣмъ, какъ я предлагалъ себѣ эпип вопросы, пришелъ красильщикъ и, замазавъ всю спѣну, возврапиль ей ея первородную проспотпу; а каменщики сняли долой вывѣску, гдѣ сіало

имя Мецената, которъй, съвъ въ кабриолетку, спокойно переѣзжалъ на новоселье.

Эпо довольно забавно. Но чпоже изъ сего слѣдуешъ? скажете вы. Не слѣдуешъ ли, чпо богатство книгопродавца иногда споль непрочно, какъ и слава автора? Не напоминаетъ ли намъ эпо, чпо скромность еспь вѣрнѣйшій путь къ счастью? Чпо если купецъ не имѣетъ дѣйствительной скромности, по долженъ по крайней мѣрѣ изъ расчетовъ оказывать ее въ своихъ поступкахъ? Чпо вышняя пышность для торговли не еспь средство обогатиться? Не забудемъ, чпо фортуна долго была неразлучна съ самыми просвѣженными вѣвѣсками.

Я продолжалъ путь мой по пропугуру, сему полезному изобрѣшенію, или лучше полезному заимствованію у Англичанъ, которое, сказавъ мимоходомъ, еспь дѣйствительнѣйшее вознагражденіе, дарованное революціею людямъ, которыхъ она лишила каретъ, или которымъ не дала ихъ. Въ одномъ мѣспѣ былъ я принужденъ свернуть съ прямой линіи и спустить на мостовую, по причинѣ полпы любопытныхъ, споявшихъ предъ какой-по лавкой.

На чпо звають эпи добрые люди? На множество порретовъ, искусно литографированныхъ. Тамъ Марапъ и Винченпъ де Поль,

Робеспьеръ и Людовикъ XVI, Вольперъ и Фреронъ, Ла-Вальеръ и Бренвилле, Кромвель и Карль I-й, Гжа Менпенонъ и Марьонъ де Лормъ; шупъ филантропъ и людоѣдъ, убійца и жерпва его, авпоръ и крипикъ, нахалка и беспыд-ная висяпъ другъ возлѣ друга, всѣ въ рядѣ: на всѣхъ глядяпъ съ одинакимъ вниманіемъ. Чпо заключипъ изъ эпаго? Чпо смерть равняепъ всѣхъ; чпо безсмертіе приобрѣтаепся разнымъ образомъ; чпо біографія (ибо собраніе порппреповъ нельзя иначе назвапъ), еспъ не чпо иное, какъ кабинетъ напуральной испоріи, гдѣ безобразнѣйшія, самыя жестокія чудовища занимаюпъ мѣсто возлѣ благороднѣйшихъ, наиболѣе кропкихъ и красивыхъ произведеній природы; гдѣ ехидна, жаба и крокодилъ не мене имѣюпъ права присушпсвовапъ, какъ лебедь, соловей и колибри.

Не всѣ зѣваки знали испорію лицъ, висѣвшихъ въ эпомъ длинномъ ряду; но какъ каждый изъ нихъ зналъ хопя нѣкопорыхъ, и охопно съ самыми живописными пѣлдвиженіями рассказывалъ извѣспное ему, по я удостоверился, чпо и разгуливая по перекресткамъ, можно пройпи курсъ испоріи и философіи, и узнапъ иногда въ четверпъ часа опъ орашора, выпійспвующаго подѣ опкрытымъ небомъ болѣе, нежели въ часѣ, сидя на лекціи инаго Профессора.

У эпой лавки было пакже выспавлено мно- жество каррикапуръ, въ числѣ коихъ была каррикапура, предспавлявшая одного изъ про- хожихъ, но онъ совсѣмъ не обижался ею. » Эпѣ безобразныя карпинки, « сказалъ онъ, » коими сапира пыпаеися изобразипь въ пародіи на- ружность dospoпримѣчательныхъ людей (ко- порыхъ сочиненія онъ пародируетъ), обязаны сущеспвованіемъ своимъ зависпи; но онъ менѣ зла причиняють пѣмъ, на кого зависпъ злоб- спвуетъ, нежели сколько dospавляють удоволь- спвія зависпникамъ. Однакожъ эпо средспво— дѣлапъ себя поняшнымъ людямъ, не умѣющимъ даже чипапъ, было бы опасно, если бы его упопробляли нѣсколько разборчиво, и ежели бы, подобно многимъ аллегорическимъ сочиненіямъ, не было оно большею частію средспвомъ кле- вепапъ безнаказанно. Сверхъ того, нападая на всѣхъ, каррикапура ежедневно болѣе и болѣе перяепъ кредитъ свой. Нужно ли нынѣ быпъ знаменипымъ, дабы привлечь на себя ея вни- маніе? Кпю не былъ предметомъ каррикапуры? Въ наше время, въ эпомъ отношеніи, каждое семейство имѣетъ своего *висильника*. Вопъ видипе здѣсь,—эпо я *повтъиенъ*, « прибавилъ онъ, указывая на карпинку, внушавшую ему сіи раз- мышленія. » Впрочемъ, я очень благодаренъ ху- дожнику, копорый сдѣлалъ мнѣ эпю честь: онъ посупилъ со мною какъ съ Королемъ! «

Всѣ расхохопались на эту рѣчь, копорая, мнѣ кажется, не испорпила бы иной Мольеровой комедіи.

Гравюры и книги раздѣлили между собою нижніе этажи улицы, носящей имя Вольпера. Хотя улица сія еспь не чпо иное, какъ продолженіе рынка *индъекъ*, однакожь она можепть назвапья поржищемъ ума. Никакая другая опрасль порговли не принадлежипть сюда. Однакожь, сколько шупть продаепся такихъ предметовъ, копорые чужды ума, или коихъ умъ совершенно чуждъ. Прочпите аффиши, висящія вездѣ по спекламъ: капалогп книгъ, коихъ извѣспны однѣ заглавія, копорые, подбно карптъ респорашера, содержатъ имена многихъ блюдъ, непребуемыхъ ни кѣмъ, и коихъ ни кпо никогда не опвѣдывалъ.

Я опкрылъ одну изъ книгъ, распавленныхъ предъ лавкой, копорую по заглавію счель за спарую залежь, уцѣлѣвшую опть разперянной С. Викіпоровой библіопеки, коей капалогъ лѣпшь за приспа предъ симъ обнародывалъ Рабеле: и, въ самомъ дѣлѣ, книга сія была писана Французскимъ языкомъ не нашего вѣка, хопя ее сочинили назадъ пому не болѣе прехъ недѣль.

» Это чистой Рабелевскій языкъ, « сказалъ мнѣ книгопродавецъ. Въ такомъ случаѣ, другъ мой, вели перевеспи книгу: теперь пишупть не для Рабелеевыхъ современниковъ. Если бы Рабеле

жилъ въ наше время, по и онъ не спалъ бы писапъ эпимъ языкомъ, равно какъ при жизни своей не писывалъ нарѣчьемъ Сира Жуанвила, ибо погдашняя публика не поняла бы Рабеле, почно пакже, какъ нынѣшняя не понимаетъ языка, упопреленнаго сочинилемъ эпой книги. Цѣль, съ копорой пишупъ, равно какъ и говоряпъ, соспоипъ, мнѣ кажепся, въ помъ, чпобы передапъ другимъ людямъ наши мысли. И пакъ, судя по эпому, должно, какъ я думаю, и говорипъ и писапъ, какъ можно яснѣе. Не взирая на всѣ успѣхи ума человѣческаго, изъ сна человѣкъ, умѣющихъ чипанъ, въ наше время девяносто девять рѣшипелно не поймупъ Рабелевскаго языка. Безъ сомнѣнiя, для васъ ученыхъ, эпомъ языкъ быпъ можетъ имѣепъ много прелеспи, но сознайпесь по совѣспи, не заключаепся ли въ эпихъ похвалахъ, коими вы превозносите сей языкъ, нѣсколько шарлапанизма и педанпизма? Какъбы пакой языкъ ни былъ прелеспенъ, не ужели онъ лучше языка, на копоромъ писали Расинъ, Фенелонъ, Вольперъ? Ссылаюсь въ эпомъ на васъ, сударыня, прибавилъ я, родавая книгу хорошенькой дамочкѣ, копорая оспановилась между пѣмъ предъ выспавкой книгопродавца, просмоприпте какую вамъ угодно главу, и поспрудипесь сказапъ намъ, чпо вы объ ней думаете. — »Быпъ можетъ спупъ много умнаго, но я ничего не понимаю, » сказала

дама, прочитавъ нѣсколько спрокъ. » Впрочемъ, мнѣ до этаго дѣла нѣтъ: я пришла не за пѣмь, а хочу купишь новую книгу. «—Эпо именно самая новая, возразилъ купецъ. — » Въ пакомъ случаѣ дайте мнѣ какую-нибудь по спарѣ; ибо я хочу подарить ее человѣку, копорый знаеть только по Французски. А, да вопъ и есть такая, какую мнѣ нужно. « Она купила хорошенькую книжку, въ коей заключались: *Павель и Виргиня* и *Индійская жижина*. Эпо удостоверило меня, что въ области книгъ, какъ и въ обществѣ человѣческомъ, есть существа, копорья никогда не бывають молоды, также какъ есть другія, никогда не состарѣвающіяся.

Эпо происходило, какъ уже сказано мною, у дверей. Между пѣмь я раскрылъ сочиненіе тоже новое, въ двухъ часпяхъ, коего заглавіе возбудило мое любопытство. Я удивился, найдя въ эпой осмидольной книгъ большею часпію одну бѣлую бумагу: благодаря щщательности, съ коей распавлены были спроки, для соблюденія красивости, и липерамъ, копорья вѣроятно были нарочно выбраны, дабы не упомлять зрѣніе чипающаго, издапель нашель средство разсѣять на тысячь спраницахъ то, что можно было бы безъ труда умѣстишь на пятидесяти. Эпо напомнило мнѣ, что въ Бордо винопродавцы дають награжденія пѣмь спеклозаводчикамъ, копорые умѣють такъ дѣлать

бупылки, чпо онѣ на взглядъ кажутся очень велики, а вина въ нихъ входипть весьма мало. Неужели почпennyя особы, торгующія въ Парижѣ умомъ, оказываютъ пуже щедрость къ геніальному челопѣку, усовершенспвовавшему для ихъ выгоды искусство продаватъ бѣлую бумагу, продаватъ пустое мѣспо?

Внезапно звукъ флейпы привлекъ мое вниманіе на другой предметъ, именно на двухъ верблюдовъ, оспановившихся предъ лавкой. Я думалъ, чпо они спанупть дѣлапть какія-либо экзерциціи. » Скоро ли? « спросилъ я проводника. » Чпо они умѣютъ дѣлапть? « — Только спановипсь на колѣна, а я за то собираю деньги: вопть и все, опвѣчалъ эпопть Турокъ, въ коемъ я узналъ Савояра. Эпи живоппныя продаются; а въ ожиданіи пока кпо-нибудь купипть, я вожу ихъ для показа. На вырученныя деньги кормлю ихъ, но какъ кормлю! Посмотрите, они также худы, какъ и я, пипающійся пойтее выручкой. Прежде я показывалъ ученаго сурка. О! съ суркомъ ходипть гораздо выгоднее: онъ прокормипть челопѣка; а съ эпими верблюдами добудешь только на хлѣбъ, да на воду.—» За чѣмъ же ты занимаешься эпимъ? «—Ахъ, государь мой, да надожъ пользоватся сколько можно своимъ добромъ. — » Да развѣ эпо пвои верблюды? « — У меня только и еспть, чпо они. Баринъ, оппущкая меня, опдалъ мнѣ ихъ за недоплаченное

жалованье. — » Но какъ же они достались пвоему барину? Я не видалъ у него въ конюшнѣ пакихъ жильцовъ. На прошлой еще недѣлѣ, онъ имѣлъ полько прекрасныхъ лошадей, въ помъ числѣ прехъ чиспой Англійской породы. » Да баринъ спалъ играпъ въ карты; ему не посчастливилось; кромѣ бывшихъ у него денегъ, онъ проигралъ еще 66,000 франковъ на честное слово. Баринъ, какъ человекъ благородный, продавъ серебро, алмазы, мебель, и оставшись еще должнымъ 6,000 франковъ, прибѣгнулъ къ займу. А какъ онъ въ опеку, имѣнія заложить нельзя, по занялъ на заемное письмо, но на какихъ условіяхъ? Боже мой! «

Не входя въ подробности, съ какими рассказывалъ мнѣ верблюжій проводникъ, скажу вамъ, любезный чипапель, что упомянутый молодой человекъ, дабы получить 6,000 франковъ, въ коихъ имѣлъ надобность, принужденъ былъ дать заемное письмо въ 24,000. Сумма сія дѣйствительно была ему выдана, но весьма разнообразно. Одну четверть суммы онъ получилъ наличными деньгами, а прочія при четверти разными предметами, какъ по: древней, по еспь болѣе нежели старой мебелью, съспными припасами, изгоповленными для долговременнаго пупешествія, по методѣ господина Апперпа, живописными живыми и неживыми. Всѣ сія предметы были оцѣнены самимъ займодателемъ, и

ихъ надлежало приняты за наличныя деньги; ибо, говорилъ сей обязательный человекъ, ихъ можно обратишь въ деньги, продавъ ихъ, назначенному имъ самимъ покупщику, у котораго онъ распивалъ купишь ихъ ояпы самъ за чепвершую часпъ цѣны и, такимъ образомъ, получишь чистой прибылй 13,500 франковъ, ссужая впро- чемъ деньгами своими за указыя проценпы.

При эпомъ занимающй получилъ мышеловокъ на.....	3,000
Мебели, надлежащимъ образомъ сдѣланной, часпю изъ дуба, часпю изъ пальмы на.....	6,000
Оеологическихъ книгъ, печатанныхъ въ 1713 году, съ одобреня Сорбонны и Короля на.....	6,000
Двухъ живыхъ верблюдовъ, изъ коихъ каждый Профессоромъ бопаническаго сада оцѣненъ въ полпоры пысячи, но оба уступаются за.....	2,400
Садокъ, наполненный чижамй, въ копоромъ сверхъ того находяпся при малиновки, за.....	600
Чиспыми деньгами.....	6,000
Итого.....	<hr/> 24,000

» Благодаря обязательности капиталиста, « прибавилъ Савояръ, » баринъ привелъ въ поря-

докъ дѣла свои, заглапилъ домашнимъ, хопя не деньгами, а вещами, но вещи, какъ вы сами знаете, супъ пѣже деньги. Я получилъ опъ него въ замѣнъ жалованья за пяпилѣпнюю службу эпихъ двухъ верблюдовъ, и сверхъ того обезьяну на водку. Купите сударь, дешево продамъ.»

Вопъ исторія, копорую могли бы счестъ за сказку; однакожь она совершенно справедлива. Слова сего бѣдняка были мнѣ подпверждены людьми, заслуживающими вполнѣ вѣрояпіе. Заключимъ изъ эпаго, что Гарпагоновы спекуляціи или были почерпнуты Мольтеромъ не изъ одного воображенія, или онъ предугадывалъ будущее. И пакъ пвердите пеперь, что комедія исправляетъ забавляя, *castigat ridendo*: мнѣ кажешся, что она забавляетъ совсѣмъ не исправляя, разумѣешся если забавляетъ.

Не подалеку опшуда, на углу улицы, гдѣ мнѣ случилось оспановипсья не помню за чѣмъ предъ аффищами, замѣпилъ я одну аффишу, украшенную аллегорическими рисунками, копорые, казалось, были соспавлены Ланпарой въ пиппейномъ домѣ, погда какъ ужъ рука его не могла вѣрно дѣйспвовапъ. Въ эпой аффищъ извѣщали о собраніи сочиненій, соспавленныхъ по примѣру *Ста одной повѣсти*, авпорами, копорые сложились умспвенными капиталами своими для пособія одному современному Меценату. Нельзя не одобрипъ сего дѣйспвія благопворипельно-

спи. Но каковъ долженъ быть эпопѣ всеобщій умственнѣй сборъ! Если взглянуть въ кошель нищаго, то окажется серебра болѣе, нежели золота, и мѣди болѣе, нежели серебра.

Смѣясь эпой довольно мепкой оспропѣ, принадлежащей впрочемъ не мнѣ, (она принадлежитъ не знаю кому, копорый также, не знаю за чѣмъ, оспановился тамъ же), шелъ я чрезъ Королевскій мостъ, эпо поприще подвиговъ Гаспона, сына Генриха IV, брата Людовика XIII, копорый проводилъ ночи въ помъ, чпо, споя на эпомъ мосту, сдиралъ съ прохожихъ шинели, равумѣлся благороднымъ образомъ, только для своего удовольствия, не для прибытку, какъ модные шалуны, бьющіе спекла въ окнахъ. Опшуда я вспуилъ въ Тюльери.

Мимоходомъ взглянулъ я на Фуапьерова Спарпака. Какая глубокая мысль выражена въ эпой прекрасной головѣ! Какими сильными чувствами волнуется эпо благородное сердце! Какъ ужасенъ долженъ былъ быть эпопѣ взоръ пронцапельный! Какъ вѣренъ ударъ эпой мощной руки! Великъ былъ художникъ, копорый создалъ такое чудесное произведение.

Отвернувшись отъ сей чудесной головы, я увидѣлъ обелискъ, долженствующій украшать прекраснѣйшую площадь Французской сполитцы. Да не прогнѣваюся люди, коимъ всегда кажется, чпо можно сдѣлать лучше, нежели

по, что сдѣлано; эполъ памятникъ, по моему мнѣнію, тупъ на своемъ мѣспѣ: онъ произведетъ прекрасное дѣйствіе среди эпахъ пышныхъ зданій и великолѣпныхъ садовъ, простирающихся отъ Элизійской пріумфальной арки до Луврской коллонады.

Не для украшенія Парижа приказывалъ за три тысячи лѣтъ предъ симъ Сезосприсъ высъчь эполъ обелискъ граничный въ Верхнемъ Египтѣ, откуда онъ былъ вывезенъ двумя искусными машиниспами, офицеромъ морской службы и директоромъ кукольной комедіи. Кто знаетъ, не совершилъ ли онъ со временемъ еще какого либо путешествія. Простоявъ болѣе шести сотъ лѣтъ въ Константинополѣ, Коринѣскіе кони попали въ Римъ, а изъ Рима лѣтъ на пятьнадцать переселились въ Парижъ, а потомъ опять возвратились въ Римъ. И монументы, особенно въ нынѣшнее проворное время, не могутъ устоять на мѣспѣ!

Такими-по размышленіями занимался я по пути до бульвара, гдѣ остановился опобѣдать. Я могъ бы помѣстивъ здѣсь извлеченіе изъ карпы, которую мнѣ подали, съ дополнительными замѣчаніями, помѣщенными мною на полѣ; но эпол не къ спѣху, и такъ до другаго раза.

Если бы изъ прогулокъ моихъ и не собралъ я никакого плода, кромѣ сихъ размышленій, то все бы еще не почивалъ времени моего и пруж-

да поперяннымъ. Наблюдатель много найдеть на улицахъ достойнаго вниманія. Пусть онъ все записываетъ, и взглянувъ чрезъ нѣсколько времени, самъ удивится, увидя, сколько драгоценностей онъ собралъ. Тогда ужъ ему останется только привести ихъ въ порядокъ и пользоваться ими.

REVUE DE PARIS.

IV.

ПОВЫШЕНІЕ

АНГЛІЙСКІЕ КРИТИКИ.

Мы живемъ въ вѣкъ крипики: золопой вѣкъ липературы смѣнился вѣкомъ мѣднымъ. Разсудительный Лордъ Кеймъ и ученый Блеръ говорили о гевіи съ почтительной снисходительностію. За ними послѣдовало дерзкое, буйное племя, состоящее изъ людей, копорые при большомъ умѣ и многоразличныхъ знаніяхъ имѣють не мало и самоувѣренности; сіе племя возсѣло на пресполъ крипики, и посыпало въ публику свои мнѣнія, безпорядочную смѣсь легкоспи, смѣлоспи и спроспоспи. Свѣспъ, непривыкшій видѣспъ, чпобы подвергали сужденію до-

спойнство веперановъ литературной славы; пришелъ въ изумленіе опъ такоу дерзости, и долго не зналъ, на которую спорону склонитъ-ся; но тайное желаніе, бытъ свидѣтелемъ уничтоженія великихъ людей, наконецъ преодолѣло: обыкновенный умъ ощущаетъ какое-то удовольствіе, видя, что эти авторы, коихъ колоссальному гению онъ удивлялся, супъ не что иное, какъ слабые смертные.

Насмѣшки, коими долго преслѣдовали большую часть людей, коихъ мы теперь почитаемъ знаменитыми, посыпались съ самаго начала изъ Эдмбурга; вскорѣ нашлись для нихъ многочисленныя опголоски. Въспо священнаго пламени гениа, возсіялъ для насъ блѣдный факель критики, и толпа прельстилась симъ искусственнымъ блескомъ. Система сіа воспріяла начало свое въ такую эпоху, когда начинали сомнѣваться въ событіяхъ, переданныхъ человеку изъ рода въ родъ. Обществомъ овладѣло необузданное желаніе переменъ, желаніе политическаго возрожденія: оно вѣрило своей способности совершенствоваться. Вопъ откуда произпекло намѣреніе уничтожитъ всѣ древнія повѣствованія, какъ посягающія на царственное величіе общества, и, подобно Адаму, начать собою новый міръ.

Критики наши вообразили, что съ разрушеніемъ общества, должно пастъ и все прочее. Въ

эпомъ именно заключается ихъ заблужденіе: злоупотребленія были, и многія; но липература не подвергалась ихъ вліянію. Она внезапно вырвалась изъ головы и сердца; если природа права, то липература не можетъ быть виноватою. Дабы доставить ученію своему народность, крипики начали пѣть, что спали унижать Вордсворпа, Сусея и Колериджа; они говорили, что сіи великіе поэты имѣли умъ неосновательный, были мечпательные энпузисты, не желавшіе, чтобы ихъ творенія сходствовали съ твореніями другихъ людей, короче, что у нихъ не было ни вкуса, ни генія. Вскорѣ сіи липературные судьи, почитая себя, если не богами, то по крайней мѣрѣ первѣйшими изъ людей, спали пребывать, чтобы рѣшенія ихъ были почитаемы законами. Однакожъ сужденія ихъ произносились подъ вліяніемъ духа паршій. Такъ всѣ поэты, слѣдовавшіе правиламъ Виговъ, были крипиками превозносимы выше достоинства, высказываемы предъ публикой какъ авторы, коихъ творенія вполне достойны ея удивленія. Краббъ занималъ важное мѣсто на эпомъ сѣверномъ Парнассѣ; Кембель былъ его полярной звѣздой, между какъ о Вордсворпѣ, Сусеѣ и Колериджѣ говорили неуважительно, какъ о людяхъ, неимѣвшихъ истиннаго генія, дарованнаго имъ природою.

Торисы, возбужденные Вигами, вышли также

на сцену, но вышли почпи поздно, съ своими идеями, долженспвовавшими, по ихъ мнѣнію, возвращапіпъ полипическому и липерапурному плъу силу и здравіе. Для рапоборспва пропивъ *Edinburgh Review*, спали издавапъ *Quarterly Review*. Завязавшаяся боръба была забавна для всѣхъ плѣхъ, кпо не печапалъ своихъ сочиненій, для коихъ боялся бы крипки; она забавна и плѣмъ, чьи мнѣнія не были сполько закоренѣлы, чпобъ они почипали свяпопапспвомъ пакія нападкы на сіи для нихъ священныя мнѣнія. Оба сіи періодическія изданія играли въ липерапурѣ пуже роль, какую Вигы и Торисы играли въ Парламенпѣ. Между ними не было никакого сношенія, никакой симпапіи; божеспва *Quarterly* предавались анаоемъ въ *Edinburgh Review*. Но сія бравъ всегда производилась на счетъ генія.

Сражались не съ опкрытымъ забраломъ: нападали другъ на друга насмѣшливыми учпиво-спями, горькими сарказмами, обидными примѣненіями. Иронія и знаніе, обнаруживаемыя въ *Quarterly*, представляли разипельный контраспъ съ остроуміемъ и краснорѣчіемъ выпязей *Edinburgh Review*. Правда, первый изъ сихъ журналовъ не пыпался сокрушптъ владычествво царей поэзіи: онъ нападалъ только на молодыхъ авшоровъ, копорые взбирались на Парнасъ со спороны Виговъ. Кепса и Шеллея оспановили въ спремленіи, долго не опдавали справедливо-

спи даже Гацлипу. Но нападки *Edinburgh Review* вообще были сильнѣе, нежели выходки *Quarterly*, ибо дирекпоръ сего послѣдняго журнала, не будучи Вигомъ, имѣлъ много склонности къ Вигамъ: онъ часто, къ величайшему удивленію своей партіи, необыкновенно спраннымъ образомъ выбиралъ жертвы свои. Впрочемъ, и пѣ и другіе имѣли свои особенные предразсудки: *Quarterly* превозносилъ Лордовъ и Леди, *Edinburgh* полипическихъ экономисповъ и спекуляторовъ; оба осыпали хвалами знаніе въ предосужденіе природному жару, оба поддерживали вліяніе духа партій, спараясь уничпожипъ вліяніе генія. Главныя корифеи сего новаго липпературнаго ученія были Джефрей и ДжиФфордъ, люди низкаго произхожденія, копорые при хорошемъ воспитаніи и великомъ умѣ, имѣли еще полную довѣренность къ своимъ достоинспвамъ.

Францискъ Джефрей издавалъ *Edinburgh Review* въ лучшую эпоху его сущеспвованія. Онъ имѣлъ быспрое соображеніе, умъ глубокій и въ поже время веселый; познанія его разнообразны и обширны; слогъ у него одушевленный, живой. Онъ умѣетъ предметъ самый неблагодарный и сухой сдѣлать занимательнымъ посредствомъ своихъ оспрыхъ шупокъ и блиспапельнаго краснорѣчія. Чегожь ему не доставало, дабы съ достоинспвомъ возсѣдалъ на

пресполь крипики? Воображенія. Не только самъ онъ имѣеть его мало, но еще не чув-
спвуептъ, чпо творенія генія не могутъ суще-
спвовапть безъ сего небснаго пламени, 'содѣлы-
вающаго ихъ безсмертными. Вездѣ, гдѣ Джефрей
вспрѣчаептъ воображеніе, онъ опвергаептъ его
съ презрѣніемъ, подобно тому, какъ Арабы оп-
вергають въ степяхъ своихъ восточныя перлы.
Вопъ опкуда произтекаетъ пренебреженіе, ко-
имъ онъ воспрѣшилъ первѣйшихъ поэповъ вѣка
нашего. Его крипики на Вальпер - Скоппа,
Вордсворпа, Супея, Колериджа, Монпгомерри,
супъ доказательспва справедливоспи словъ на-
шихъ. Джефрей не можетъ судить ихъ; они
вознеслись въ область для него недосупную,
область воображенія; для его ослѣпленныхъ
взоровъ ппкой полептъ есптъ безуміе; онъ ду-
маептъ, чпо геній какъ Анпей, перяептъ силы
свои, удаляясь оптъ земли. Крипики Джефрея
повредили липерапурѣ; сарказмы его удержали
порывъ многихъ геніальныхъ людей; писапели-
поэпы прецепали предъ его крипикой, опас-
ясь, чпо творенія ихъ сдѣлаются общимъ
посмѣшищемъ. Рѣдко поюптъ ппицы, видя пла-
вающаго по воздуху яспреба; наши барды бо-
ялись суди Джефрея нашего времени сполько же,
сполько обвиненные по полипическимъ дѣламъ
боялись суди Джефрея въ царспвованіе Іакова
II. Такіе крипики могутъ на время унизипть

геній и превознесъ посредственнаго писателя; но гдѣ большая часть авторовъ, прославленныхъ Джефреемъ? Не взирая на всѣ его усилія, они преданы забвенію. Чпо спалось съ писателями, на коихъ онъ нападалъ, копорыхъ оклеветывалъ? Они уже въ храмъ безсмертія!

Ко всему злу и немногому добру, которое Джефрей сдѣлалъ литературѣ, былъ онъ поощряемъ Вилламомъ ДжиФфордомъ, копорый хотя не самъ началъ издавать, по по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи долгое время былъ редакторомъ *Quarterly Review*. Это былъ человекъ весьма ученый, весьма хорошо знавшій писателей классиковъ и древнихъ Англійскихъ авторовъ. Онъ до такой степени былъ свѣдуць, чпо всѣ другіе казались ему неучами; до такой степени уменъ, чпо рѣдкое сочиненіе нравилось ему; не будучи въ состояніи вознеспись очень высоко, онъ думалъ, чпо никто выше его спать не можетъ. Въ оспроуміи онъ почти равнялся съ Джефреемъ, коего превосходилъ въ сарказмахъ и язвительной ироніи. Джефрей писалъ съ нѣкоторою небрежностью, копорая часпо подавала поводъ думать, чпо онъ говоритъ не искренно; ДжиФфордъ, напропивъ, писалъ съ гордостью и важностью, копорья свидѣльствовали о наслажденіи, какое онъ чувствовалъ въ исполненіи обязанностей своихъ. Джефрей спудился охотно; онъ

желалъ только возбуждать смѣхъ на счетъ какого либо автора; если ему это удавалось, онъ ничего болѣе не желалъ. Но Джиффордъ писалъ какъ бы презирая людей, какъ бы имѣя причины ненавидѣть родъ человѣческій. Ему мало было осмѣять сочинителя: онъ нападалъ на его личность, хопѣлъ представитъ его глупцомъ, мошенникомъ, даже безбожникомъ. Намъ такого рода крипика кажется жалкою, когда вспомнимъ происхожденіе и первоначальную жизнь рецензента. Онъ былъ нѣкогда мапрсомъ не на гордомъ линейномъ кораблѣ, но на маломъ суднѣ, которое развозило уголь; попалъ попомъ въ цехъ сапожниковъ, не пѣхъ, которые облакаютъ ноги наши щегольской обувью, но пѣхъ, кои занимаются починкою оныхъ, и не взирая на все сіе, не принималъ участія въ судьбѣ генія, спрежнягося, подобно ему, изъ низкой доли къ славѣ. Для него Блумфильдъ былъ не что иное, какъ сапожникъ; Бэрнсъ Шотландскій пахарь, Гогъ паспухъ, коего спихи опзываются закупой. Однакожь онъ изъясняется съ неожиданной благосклонностью о Кларѣ, Норпгамптонскомъ креспьянинѣ, подражая вѣроятно той знаменитой дамѣ, о коей говоритъ Попъ, что она заплавила одному изъ кредиторовъ своихъ, дабы насладиться его удивленіемъ. Хопя Джиффордъ обязанъ воспитаніемъ своимъ щедрости одного сосѣда и

почти чудесной благопворительности Графа Гросвенора, но былъ безжалостенъ къ недоспачнымъ студентамъ, кромѣ нѣхъ случаевъ, когда его собственная выгода, или выгода журнала того пребывала. Со многими изъ спаринныхъ Виговъ поступалъ онъ какъ Полифемъ съ Улиссомъ, щадя ихъ на время, дабы пошпаться ими послѣ, когда не будетъ имѣть лучшей пищи. Но если молодой Вигъ, не принадлежащій къ его партіи, осмѣливался спустить на Парнасъ, по Джиффордъ, для нападенія на него быстро, собирався со всѣми силами своими; попомъ, успремивъ змѣиный взоръ, пожиралъ его заранѣе, прежде чѣмъ могли подозрѣвать приближеніе его, кидался невзначай, обвивался вокругъ его какъ удавъ, душилъ, пожиралъ жертву свою, уничтожалъ даже прахъ ея. Впрочемъ, въ *Quarterly* есть примѣры удивительной, весьма основательной критики; въ немъ есть прекрасныя разсужденія о древней Англійской поэзіи и драматической литературы: пусть Джиффордъ былъ на своемъ поприщѣ, здѣсь порожество его паланпа.

Изъ числа главныхъ чиновниковъ Джеффриева шпаба, Лордъ Бруггамъ заслуживаетъ первое мѣсто. Свѣдѣнія его многочисленны и обширны, онъ одаренъ высокимъ гениемъ; теперь нѣтъ, можетъ быть, человека на свѣтѣ, котораго бы зналъ столько, сколько онъ, а дѣятель-

ность его равняется палантамъ. Что другіе должны приобрести ученіемъ, по ему извѣстно по вдохновенію. Особы, желающія открыть ему какую-нибудь новость ученую или липературную, скоро усмаприваютъ, что онъ уже не только знаетъ ее, но знаетъ подробно и можетъ другихъ поучить. Лордъ Бруггамъ глубоко прозираетъ во всякой предметъ; ему равно знакомы и духъ, и сущность, и наружная форма того, о чемъ онъ пишетъ или говоритъ. Умъ его быспръ, неупомимъ; онъ своей ѣдкой ироніей преслѣдуетъ жертву, имъ избранную, даже до могилы. Быспропа соображенія и множество свѣдѣній дѣлаютъ его непергѣливымъ и склоннымъ къ гнѣву; онъ не имѣетъ ни малѣйшаго состраданія къ слабымъ умамъ, любитъ однимъ прыжкомъ достигать цѣли, и съ жалостью глядитъ на пѣхъ, которые идутъ въ по время, какъ онъ бѣжитъ. Полное убѣжденіе въ могущество генія своего и презрѣніе къ другимъ, дѣлаютъ изъ него весьма худаго крипика. Нѣкогда любилъ онъ предрекать политическія событія, предусмапривать жребій народовъ; но событія не всегда бывали согласны съ его предрѣченіями. Онъ вступилъ на липературное поприще, болѣе какъ парпизанъ, нежели какъ судія; разсѣкалъ анапомически сочиненія не для того, чтобы исправить ихъ, но чтобы надъ ними насмѣяться; вмѣсто основательнаго сужденія

опускалъ сарказмы, говорилъ иронически, когда бы должно было говорить съ кропостью, снисходительностію и здравомысліемъ.

Сидней Смитъ долго принадлежалъ къ числу пѣхъ криптиковъ, копорые любяпъ мучить питомцевъ музъ. Умъ его и знанія даюпъ ему полное право рѣзко рѣшать самыя трудныя вопросы; но мы находимъ, что многія комментаріи его написаны совсѣмъ не хорошо, и что особѣ духовной ни мало неидеетъ дѣйствовать опаснымъ орудіемъ сарказма и ироніи. Безъ сомнѣнія, на поприщѣ криптики блиспали многіе великіе паланпы; но мы думаемъ, что они привели самихъ себя не въ соспоаніе прославишья, и дѣйствительнo видимъ, что рецензенты, испытывавшіе силы свои въ спихахъ и въ прозѣ, никогда не имѣли удачи.

Сиръ Джемсъ Макинтошъ былъ самый умѣренный рецензентъ; испорія нашей липерапурьы была ему коропко знакома. Его удивительныя изысканія объ Англійской липерапурѣ, поддержали упадающую въ то время славу *Edinburgh Review*. Разсужденіе предпочипалъ онъ криптическому разбору; рѣдко занимался частностями; любилъ соспавляпъ великолѣпныя пероріи, и, за исключеніемъ разбора Лингардова разсказа о Варѣоломеевской ночи, никогда не входилъ въ подробности. Хотя иногда въ полепъ своемъ задѣваль онъ слегка почву нас-

мѣшливой криптики, но не надолго, и вскорѣ воспарялъ въ область болѣе возвышенную.

Виллаамъ Гацлитъ представлялъ удивительное смѣшеніе размышленій оспроумныхъ и мнѣній самыхъ спранныхъ. Онъ зналъ очень много; былъ знапокъ въ искусстввахъ; имѣлъ вѣрный вкусъ въ липературѣ; взоръ его проникалъ до самой глубины творенія, имъ разбираемаго. Онъ любилъ спраннысти въ способѣ изъясняпьяся и эпимъ много повредилъ славѣ своей; духъ парнїи и нескромности, съ какою онъ выражалъ своимнѣнїя, навлекли ему многихъ, весьма сильныхъ враговъ. По эпому именно. Гацлипа оцѣнили ниже его достоинства, почипали только охотникомъ до парадоксовъ, способнымъ къ оспроумному выраженію спранныхъ идей; но онъ дѣйствительно имѣлъ живое воображеніе, былъ чувствительнень, умѣлъ лучше всякаго другаго поняпъ красоты спихотворенія.

Томасъ Кармилъ къ духу криптики Англійской присоединялъ духъ Нѣмецкой криптики. Его спапья, не взирая на нѣкопорыя спраннысти, избилуюпъ мѣспами сильными, непринужденными, свидѣпельспвуюпъ, что онъ имѣлъ умъ пронцапельный, глубокой, философической.

Томасъ Бабилтонъ Маколей опличаепся великими качествами; быпъ можетъ изъ всѣхъ сѣверныхъ криптиковъ онъ одинъ съ великой силой воображенія соединяепъ совершенное здра-

воуміе, съ нѣжнымъ чувствомъ слогъ язвительный, ироническій. Иногда онъ бываетъ болѣе ослѣпеленъ, нежели почтенъ, находить подъ часъ красныя птамы, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, не видятъ ихъ птамы, гдѣ онѣ есуть. Онъ-то ввелъ въ *Edinburgh Review* учивость въ выраженіяхъ, коей сей журналъ до него былъ во все чуждъ. Теперь уже *Edinburgh Review* не клеветаетъ на геній, не осыпаетъ его ругательствами, хопя пворитъ еще себѣ кумировъ изъ ревущихъ ословъ. Эпопъ журналъ пересталъ нынѣ бытъ пугалищемъ молодыхъ авпоровъ.

Сопрудниками ДжиФфорда были первѣйшіе паланпы времени его; ихъ благородныя чувствованія, глубокая ученость, обширный геній примѣшивали много цвѣтовъ и плодовъ къ пернамя, копорья онъ самъ разсыпалъ въ журналѣ своемъ. Джонъ Вильтонъ если не превзошелъ, то покрайней мѣрѣ сравнялся съ ДжиФфордомъ въ оспрыхъ выходкахъ и горькихъ сарказмахъ. Въ своей поэмѣ о пеапрѣ Ирландскомъ онъ рано явилъ въ эпомъ родѣ паланпы свои; былъ убѣдипеленъ въ рѣчахъ, и близко въ поэзіи подоидитъ къ Вальпер-Скоппу.

Когда спароситъ и ослабленіе паланпа принудили ДжиФфорда предаться успокоенію, по его замѣнилъ Джонъ Джибсонъ Локкартъ. Тогда въ изданіи *Quarterly Review* послѣдовала замѣпная перемѣна; паланпамъ спали оказывать

болѣ покровительсва и снисходительности; сдѣлали Шеллею удивленіе за ругательсва, коими онъ прежде былъ осыпанъ въ семь журналѣ; хвалили классическое воображеніе Кипса; однимъ словомъ, взяли девизомъ слова: »благодарность ко всѣмъ, имѣющимъ даръ, кпо бы они ни были.« Эпаго еще мало: директоръ принудилъ редакторовъ опказаться опъ ихъ обычныхъ ругательствъ пропивъ Америки, къ чему его обязывала любовь къ свободѣ и слава, копорую заслужилъ Вашингтонъ Ирвингъ; хопя иногда и вспрѣчались еще въ семь журналѣ нѣкопорыя выходы пропивъ республиканскихъ правилъ и кой-какія замѣчанія на счетъ различія нравовъ, но онѣ уже были сносны, и брапя наши на Американскомъ материкѣ были намъ благодарны за эпо уменьшеніе ненависти и увеличеніе благодарности. Такой перемѣны не ждали опъ Локарпа. Онъ слылъ охотникомъ до сарказмовъ, коими часпо и съ успѣхомъ въ прежнее время раповалъ. Короче, его пошипали впорымъ Джефреемъ и были пріятнымъ образомъ выведены изъ заблужденія. Правда, онъ иногда спрогъ, романы, имъ разбираемые, взвѣщиваептъ на вѣсахъ *Веверлея*, и находиптъ ихъ легкими; но вообще онъ справедливъ, снисходителенъ, не имѣептъ недостатка въ воображеніи и свѣдѣніяхъ, качества, кои рѣдко вспрѣчаются вмѣстѣ у издапелей журналовъ.

Хотя *Edinburgh, Quarterly* и *Westminster* суть главные журналы наши, однакожь нельзя думать, чшобы они одни имѣли вліяніе на литературу нашу. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ лучшихъ явившихся у насъ разсужденій о поэзіи, писаны опличнымъ поэтомъ Джономъ Вильсономъ и были напечатаны въ *Blackwood's Magazine*. Вильсонъ преизобилуетъ воображеніемъ, въ коемъ Джефрей перпишъ недоспапокъ; часпо, оставивъ соповарищество великаго поэта, съ коимъ возносился на самый верхъ Парнасса, онъ вмѣшиваеца въ сообщество егерей, копорые охопяца у подножія сей горы. Онъ не выбираетъ одного сосуда, кудабъ скоплялъ свои наблюденія, но разсыпаетъ крипическія замѣчанія во всѣ спорны. Его диссерпаціи о Гомерѣ суть доказательсва справедливости словъ моихъ о дарѣ его. Гдѣ вы найдете болѣе учености, основательныхъ познаній, чувсва, геніальности и вѣрности сужденій? Онъ знаетъ всѣ Англійскіе переводы Гомера, и предпочипаетъ всѣмъ Куперовъ; и хотя въ эпомъ многіе крипики съ нимъ не согласны, но пѣмъ не менѣ онъ правъ. Онъ опдаетъ справедливостъ непринужденному таланту Гогга, и въ изысканіяхъ своихъ о Бюрнессѣ, оцѣнилъ его и какъ человека, и какъ поэта, въ чемъ ему подражали немногіе полько крипики. Если въ опечесвѣ нашемъ еще перпятъ по-

рывы возвышеннаго воображенія, по мы обязаны эпимъ Джону Вильсону.

Сиръ Вальтер-Скоттъ много принималъ участія въ *Quarterly Review*; его многочисленныя, исполненныя наблюдательности статьи, перемѣшаны съ біографіями и историческими анекдотами. Нѣкопорыя, какъ на примѣръ, о *Жизни Джона Гома*, доспойны заняты мѣсто между біографіями: пакъ мало похожи онѣ на обыкновенный критическій разборъ; онѣ представляють споль счастливую смѣсь смѣшнаго и серьезнаго, что нельзя довольно начинаться ихъ.

Въ первыхъ, доставленныхъ опъ Вальтер-Скотта въ *Quarterly* статьихъ, болѣе критическаго, нежели въ послѣднихъ.

Робертъ Сутей избѣгаетъ въ статьяхъ своихъ всякаго непосредственнаго прикосновенія съ сочиненіемъ, которое разбираетъ; но выказываетъ свое мнѣніе множествомъ примѣненій и сравненій, почерпнутыхъ въ исторіи и природѣ. Онъ и забавенъ и поучителенъ; мало людей, которые бы пакъ хорошо знали опечеспвенную и иносранную литературу; сверхъ того онъ до безконечности уменъ, имѣетъ самое живое и богатое воображеніе. Хотя онъ стараеця казаться неспрогимъ, хотя опъ природы пихъ и не любитъ оскорблять, но въ немъ много сапирического. Будучи по желанію язвипеленъ, воздаетъ неминуемо за полученный

ударъ сильнѣмъ ударомъ, не довольствуясь въ такомъ случаѣ однимъ блескомъ ироніи, мучитъ жерпву свою, доказывая ей ея погрѣшность. Впрочемъ такъ поспушаетъ онъ тогда только, когда его принудятъ; на истинный геній рука его не поднимается.

Есть много и другихъ журналовъ, гдѣ встрѣчаются статьи рѣдкаго достоинства: *Atlas*, *Spectator*, *Scotsman*, хотя слишкомъ спрое, однакожъ хорошіе журналы; есть и многіе *Магазины*, опличающіеся статьями превосходными. Геній приняли недавно въ защиту два писателя разнаго паланпа и пола: это авторы *Англіи и Англичанъ* и *Героинь Шекспира*. Оба сіи автора исполнили вполне важнѣйшую обязанность критика: Бюльверъ отвергъ духъ партіи, изслѣдовалъ опечеспвленный геній и требовалъ справедливости, въ коей ему опказываютъ, призывалъ поэповъ соединиться, дабы возврапитъ себѣ опять утраченное право старшинства. Мисприсъ Джемисонъ доказываетъ, что портреты, писанные поэтами съ напуры, суть самые вѣрные и прекрасные; что портреты Шекспира, можно предпочесть семи квадрапнымъ милямъ холста, исписаннаго классической кистью. Убѣдительные доводы возврапили достоинству изобрѣпенія мѣспо, на которе оно имѣетъ полное право.

Алланъ Куннингамъ.

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ДВѢ ЖИЗНИ.

ГЛАВА I.

Изящнымъ называютъ прекрасное, прекрасно выраженное. И если эпо справедливо, по искусствво *хорошо одѣваться*, должно принадлежать къ числу изящныхъ искусствъ. Покрайней мѣрѣ сполько же, сколько панцованье.

Воупь почему на женщину, одѣпую со вкусомъ, я смопрю съ удовольспвіемъ эспеническимъ, какъ на арписпа, копораго мы съ наслажденіемъ разгадываемъ въ его созданіяхъ. И одѣвапья хорошо не пакъ легко, какъ думаютъ обыкновенно. Для эпаго нужно много, много условій, н я думаю даже, что эпо пакже

прудно, какъ бытъ великимъ музыканпомъ, или великимъ живописцемъ, и, можетъ бытъ, даже великимъ челоѡкомъ. Правда, на свѣтѣ чаще встрѣчаются женщины хорошо одѣтыя, чѣмъ Наполеоны и Байроны; но эпо попому полько, что природа сама женщина и опъ пого въ дарахъ своихъ щедрѣ къ своему прекрасному полу, чѣмъ къ нашему. А въ доказапельство, что я говорю безъ преувеличенія, постараемся исчислить всѣ пѣ качества, которыя необходимо имѣтъ женщины, чтобъ одѣваться хорошо въ испинномъ смыслѣ эпаго слова.

Для эпаго нужно:

1. Красота, покрайней мѣрѣ нѣкопорая степень красопы; — безъ пого не можетъ бытъ и рѣчи объ изящномъ.

2. Вкусъ, по еспъ качество, копорого нельзя ни купить, ни выучить; копорое дается немногимъ, и копорое даже погода, когда дано природою, еще имѣетъ нужду въ счастливомъ и правильномъ развитіи. Слѣдовательно:

3. Воспитаніе и образованность. Здѣсь вѣрояпно многіе будутъ со мною пропивнаго мнѣнія.—«Кому не случилось,» скажутъ они, «встрѣчать женщину прекрасно одѣтую безъ образованности и воспитанія?» Но разсуждавъ объ одеждѣ пакимъ образомъ, значить не понимаютъ ея глубокаго значенія. Конечно, женщина не-

образованная можетъ быть одѣта по модѣ и даже къ лицу; но развѣ это все? — Красота одежды заключается не въ модѣ и даже не въ красотѣ, она не въ шелкахъ и не въ блондахъ, не въ спрусахъ и не въ брилліанпахъ. Одежда, какъ слово, кромѣ наружной гармоніи, имѣетъ еще свой внутренній смыслъ, понятный для понимающаго. Этого смысла долженъ быть въ ладу не только съ лицомъ и модою, но съ цѣлымъ существомъ женщины. Та, которой одежда не имѣетъ смысла, одѣта дурно. Женщина, которой манеры противорѣчатъ ожиданіямъ, возбужденнымъ ея одеждою, одѣта дурно. Женщина, которой наружность не согласна съ оборотомъ ея ума и съ характеромъ ея любезности, одѣта дурно. Однимъ словомъ все то, что нарушаетъ внутреннюю и внешнюю гармонію, все то дурно, все то неприлично или не къ лицу, все безсмысленно и не изящно. Поэтому для прекрасной, *гармонической* одежды необходимо еще:

4. Грація манеровъ. Но это качество, безъ котораго нѣтъ ни платья хорошо сшитаго, ни платья хорошо надѣтаго, эта грація манеровъ, которая разливаетъ такую обворожительную атмосферу вокругъ женщины, дѣйствуетъ какъ обманъ, только на первую минуту, если не соединена съ другою, съ душевною граціею. И поэтому, чтобы нарядъ

щины былъ прекрасенъ больше одной первой минутой, должна она имѣть еще:

5. Внутреннюю Грацію, грацію ума и душевныхъ движеній, которая предполагаетъ внутреннюю жизнь стройную, гармоническую, прекрасную, п. е.

6. Поэзію сердца.

Но для того, чтобы чувствовать красоту и постигать ее во всей глубинѣ и во всѣхъ упорченностяхъ, кромѣ поэзіи сердца, надобно имѣть еще:

7. Познаніе человеческого сердца, которое (замѣтимъ между прочимъ) есть основаніе всей житейской мудрости и котораго нельзя имѣть безъ

8. Познанія самихъ себя, которое есть, ни больше ни меньше, какъ основаніе всякой мудрости и всякой добродѣтели.

Но всего этого еще мало для того, чтобы хорошо одѣваться. — Чтобы красивый нарядъ женщины былъ вмѣстѣ и прекраснымъ выраженіемъ ея внутренней красоты, мало имѣть красоту, понимать красоту и любить красоту; кромѣ красоты она должна имѣть еще

9. Постоянную возвышенность ума и характера. Ибо безъ того, нѣтъ силы человеческой, которая бы могла отвлечь женщину отъ суеπισности, а гдѣ суеπισность, тамъ желаніе нравиться сильнѣе необходимости внутренней гар-

моніи; памъ желанье нравиться на счетъ испины; памъ можетъ быть блескъ, можетъ быть даже минупное очарованіе, но не можетъ быть *прелести глубокой, поэтической жизни, гармонически выражающейся въ прекрасной наружности*. Безъ особенной, врожденной и щцательно воспитанной возвышенности ума и характера всякая женщина будетъ больше или меньше щцеславною, и предпочтетъ одобреніе многихъ немногимъ, и количество поклонниковъ будетъ ей дороже ихъ качества. Она захочетъ блеснуть передъ всякимъ, кружитъ головы слабыя, и одѣнется прекрасно для людей обыкновенныхъ, но бессмысленно для мыслящаго. Толпа будетъ опъ нея безъ ума, п. е. въ натуральномъ своемъ положеніи; человекъ мыслящій пройдетъ мимо ея равнодушно: человекъ съ душой не замѣнитъ ее.

Такимъ образомъ одежда имѣетъ свою физиономію, предполагаетъ своихъ Лафалперовъ, и также какъ лице можетъ служить зеркаломъ души. Но для того, чтобы одежда служила зеркаломъ души, не мѣшаетъ женщинѣ имѣть, между прочимъ, еще одно качество

10. Душу.

Вы видите изъ всего сказаннаго, что одѣваться со вкусомъ, со смысломъ, изящно, поэтически, гармонически, и пр. и пр.; однимъ словомъ: *одѣваться хорошо*, — не можетъ быть

общеею принадлежностью женщинъ нигдѣ, ни въ какомъ Государствѣ. Потому я надѣюсь, что Московскія красавицы не примутъ себѣ въ особенную обиду, когда я скажу имъ, что Бронскій, герой моей повѣсти, въ цѣлый вечеръ не могъ найти на Тверскомъ бульварѣ ни одной дамы хорошо одѣтой, хотя дамъ было много, потому, что это былъ день гулянья.

Впрочемъ я думаю, что безъ оскорбленія Московской чести, можно признаться, что дамы здѣсь одѣваются особенно дурно. Это живо чувствовалъ Бронскій, которъй недавно возвратился изъ чужихъ краевъ, съ еще свѣжими воспоминаньями и съ несчастною охотою сравнивать.

Онъ находилъ больше изысканности, чѣмъ вкуса, больше небрежности, чѣмъ простоты, и вообще въ нарядахъ больше пропыворѣчій, чѣмъ украшеній. Подъ модною шляпкой неразглаженное платье. Тамъ платье спорное, но поясъ на одинъ бокъ и нескладный башмакъ. Тамъ въ одной одеждѣ смѣшенье десятилѣпнихъ уборовъ, и едва рождающаяся мода на развалинахъ давно забытаго наряда. Тамъ нѣтъ анахронизмовъ, но за то нѣтъ и простоты. Тамъ простота, но нѣтъ опрятности: либо булки не на мѣстѣ, либо смяты, либо перчатки нечистыя, либо башмаки изношенные, а иногда даже сползанные на одну сторону! — Тамъ шелкъ

и блонда и бриллианты и перья и блескъ и мода, и все вмѣстѣ неспройно и безвкусно. Тамъ и вкусъ и протрота, но корсетъ пакъ спянуптъ, что мѣшаептъ еспеспвенности движеній, пакъ что не смотря на всю красивоспъ наряда красавицы, желаетъ ей нарядипься хуже, чтобы казатъся лучше. — Всего рѣже вспрѣчалъ Бронскій хорошо обушую ножку, и съ грустнымъ чувствомъ замѣпилъ онъ, что если Московскія барыни вообще одѣвапья не умѣютъ, то обуваютъся, Боже мой! обуваютъся еще хуже! Изрѣдка, правда, случалось ему вспрѣпиптъ обувь красивую и спройную; но башмакъ, складный снаружи, почти всегда былъ пакъ узокъ, что мѣшалъ ходиптъ, или плапье пакъ коротко, что ножка изъ подъ него казалась будпо на выспавкѣ, и по понкимъ прозрачнымъ чулкамъ полспыми нипками была вышипа вывѣска:

ЗДѢСЬ ПОКАЗЫВАЮТСЯ КРАСИВЫЯ НОЖКИ.

Иногда, рѣдко находилъ Бронскій весь нарядъ прекраснымъ, — но только при другомъ лицѣ; иногда онъ былъ и къ лицу, но пакъ спрого по модѣ, пакъ рабски новъ, что женщина въ немъ казалась пою куклою, которую всякій день посплаютъ съ модами изъ Парижа въ Лондонъ. И это рабство, эта кукольность, давали личику хорошенькому, часпо не глупому, оппѣнокъ какой-то машинальности, ни сколько не пѣни-

пельной для глазъ, и еще меньше привлекательной для воображенія.

Вообще чѣмъ больше Бронскій разсматривалъ наряды гуляющихъ, тѣмъ меньше находилъ ихъ по сердцу, и уже въ досадѣ гофовъ онъ былъ оставилъ бульваръ, когда вдругъ передъ его глазами мелькнули двѣ ножки, которыя сильно взволновали его любопытство; — ножки не выразимо стройныя и обутыя со всею красотью самаго утонченнаго вкуса. Онъ поднялъ глаза выше, дама между тѣмъ прошла мимо, опираясь на руку кавалера, такъ что Бронскій уже не могъ разсмотрѣть лица ея, но за то видѣлъ ея палию, ея стройную палию, аристократически граціозную и тонко обхваченную широкимъ, голубымъ и свободнымъ поясомъ. Невольное чувство завлечило Бронскаго идти за нею.

Нѣтъ ничего легче, какъ описать ея нарядъ: бѣлое платье, безъ прихотливыхъ заплѣвъ, соломенная шляпка безъ перьевъ, безъ цвѣповъ, безъ бантовъ, безо всякихъ украшеній; пурецкая шаль накинутая небрежно, — и вопль все, что можно рассказать объ ея нарядѣ. Но какъ выразить эту гармонию и стройность, эту благородную простоту, эту музыкальную красоту, которыми, казалось, проникнуто все существо ея, такъ, что ея одежда, ея гибкій станъ, ея стройныя движенія и грація ея поступи, все казалось

однимъ изящнымъ созданіемъ, одною прекрасною мыслію, однимъ счастливымъ сномъ.

Въ покроѣ ея платья и въ живописности ея прически, всѣ прѣбванія моды были какою-то удачею, или правильнѣе какимъ-то волшебствомъ согласены съ прѣбваніями самаго разборчиваго, самаго художественнаго вкуса. Не было ничего въ ея нарядѣ, гдѣбы можно было замѣтить границу между модою и вкусомъ, между искусствомъ и природою, и смотря на нее, свѣпскій наблюдатель конечно задумался бы о томъ: лице ли красавицы такъ счастливо пришло къ сегодняшней модѣ, или нарядъ былъ съ умѣньемъ и вкусомъ принаровленъ къ прекрасному ея лицу.

Лице ея, когда Бронскій разсмотрѣлъ его, возбуждало въ немъ такое чувство, въ которомъ соединялись два обыкновенно различныя движенія души: удовольствіе и грусть; — удовольствіе эстетическое, которое внушаетъ намъ все свѣпное въ природѣ, все правильное въ искусствахъ; грусть музыкальная и еще не названная, которую возбуждаетъ въ насъ поже явленіе искусства или природы, только тогда, когда посреди прекрасныхъ формъ его мы открываемъ такое чувство, которое можемъ понять только одинокимъ движеніемъ сердца, но не въ силахъ ни передать его, ни даже назвать другому, ибо для рѣдкаго, для избраннаго, часто нѣтъ у людей ни общаго понятія, ни гоговаго имени.

Черты лица ея, понкія, благородныя, правильныя, казались прозрачными: пакъ чисто и явспвенно выражались сквозь нихъ ея музыкальныя, веселыя, фанпаспическія движенія души.

Она могла бы напомнить Магдалину Кановы, еслибы Магдалину кающуюся можно было вообразить веселою и смѣющеюся.

Мужчина, который велъ ее подъ руку, казался между пѣпидесятью и шестидесятью лѣтъ. Онъ былъ одѣтъ просто, но не безъ щеголеватости.

Вообще и онъ и она были явленіе необыкновенное на Тверскомъ бульварѣ. Но замѣчательнѣе всего было въ нихъ имено то, что всего меньше могло быть замѣчено: они прошли посреди гуляющихъ не обративъ на себя почти ни чьего вниманія, и Bronскому не легко было узнать кто они, потому, что никто не понималъ, о комъ онъ говоритъ. Наконецъ однако нашелся одинъ спарый опспавный Генералъ, который могъ дать ему объ нихъ нѣкоторое понятіе.

» Теперь я знаю, о комъ вы говорите, « сказалъ онъ Bronскому послѣ многихъ неудачныхъ догадокъ. »Человѣкъ пожилой съ молодю дамою? высокій роспомъ? шея прямо? спина не гнѣпся? словомъ сказаць, иностранная фигура, по еспь не Русская — или — какъ бы сказаць? . . . . иностранная? — Это Вельскій съ дочерью. Я его знавалъ прежде. Онъ былъ лѣтъ пѣтъ за границей и недавно возвратился; ужа-

сильнѣйшій чудакъ; англоманъ; а впрочемъ челоуѣкъ пріятнѣйшій, челоуѣкъ образованный, и можно сказать умнѣйшій челоуѣкъ. «

Генераль, котораго разсуждалъ такимъ образомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей въ Москвѣ, которае сами опличаются и невѣжествомъ, и глупостью, и особенно какою-то непонятною тяжестью пустошны, но за то составляютъ другимъ репутацію образованности, ума и любезности. — Спранная Москва! Но и эта спранность имѣетъ свой смыслъ; и для нея можно найти достапочную причину; и она даже даетъ надежды на будущее, надежды, которае рождаются не изъ прямого дѣйствія обшпояпельствъ, но рикошетомъ, какъ ядро, котораго на водѣ спрѣляются ниже, чпобы оно опскочило выше.

ГЛАВА II.

Я надѣюсь, чпобы чипапели изъ словъ Генерала не спануть еще заключапъ объ Вельскомъ. Правда, онъ имѣлъ нѣкопорья особенности, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чпобы онъ былъ ужаснымъ чудакомъ. Англоманомъ же назвалъ его Генераль въ помъ смыслѣ, въ какомъ Русскіе купцы продаютъ Нѣмецкое Шампанское.

Вельскій имѣлъ много привычекъ не Московскихъ и вообще любилъ создавалъ себѣ образъ

жизни самъ, тогда только слѣдуя принятымъ обычаямъ, когда они совпадались съ его мыслями. Не смотря на древность своего дворянства, привычки жизни своей составилъ онъ себѣ по образцу средняго сословія образованной Европы, перенимая иное у Англичанъ, другое у Нѣмцевъ, иное у Французовъ, не пренебрегая впрочемъ и Русскаго, когда оно не мѣшало его вкусамъ и входило въ пошль смыслъ, который онъ спарался дать своей жизни. Къ его крыльцу, вмѣсто швейцара, былъ придѣланъ колокольчикъ. Вмѣсто спая лакеевъ, имѣлъ онъ самую немногочисленную прислугу, и шу вольную. Въ комнапахъ его не было ничего лишняго, но все нужное, все *удобное*. Мебели опмичались роскошью изящества, покоя и чистоты, а не золопа. На сполѣ его всегда лежала послѣдняя иноспранная газета и нѣсколько липературныхъ журналовъ. Въ кабинетѣ его были всѣ замѣчательныя новоспи наукъ и словесностей. Кухня его была Русская, по еспь не древне-Русская, не множество блюдъ безъ конца и безъ вкуса, но Русская новая, *электрически Европейская*, по еспь такая, какимъ со временемъ должно бытъ Русское просвѣщеніе. Маленькую карепу его возили двѣ лошади и почти всегда безъ лакея. Щеголеватость его платья замѣчали немногіе, такъ оно было просто и однообразно. Вообще опрятность, покой, вкусъ,

проспопа и Англійское удобство были опличительнымъ характеромъ всѣхъ его роскошей.

Воспитанная среди такихъ привычекъ, подъ надзоромъ отца умнаго и просвѣщеннаго, проведя пять лѣтъ въ чужихъ краяхъ, въ кругу самыхъ опборныхъ обществъ, въ атмосферѣ изящныхъ искусствъ и умственной аристократіи; одаренная самыми счастливыми способностями и красопою не общою, — Софья Вельская, семнадцати лѣтъ, была бы одною изъ замѣчательныхъ дѣвушекъ въ самыхъ образованныхъ земляхъ, а пѣтъ больше въ Россіи. Не смотря на то однако, она въ Москвѣ не понравилась сначала. И въ самомъ дѣлѣ, между нею и большинствомъ Московскихъ дамъ было не много общаго. Что занимало ее, не занимало ихъ, а ихъ разговоры были ей не по сердцу. Важное для нихъ, казалось ей неважнымъ, а любопытное для нея, заспавляло ихъ зѣвать. Она не могла смѣяться, когда другія смѣялись и, бѣдная, смѣялась почти всегда одна. Она не верпѣла фразъ, не искала сенпенцій, говорила проспо какъ думала и только то, что думала, и попому прослыла ограниченной. Она слушала, когда ей говорили и не могла говорить, когда ее не слушали или не понимали, — и попому прослыла спранною. Не находя людей по сердцу, она молчала сколько могла, — и попому прослыла гордою. Поведенія своего она не расчипы-

вала на эффектѣ,—и попому прослыла вмѣстѣ и сепименпальнойю и холоднойю. Она не восхищалась любезноспями Московскихъ кавалеровъ, и попому прослыла пустою. Она невольню скучала посреди несходныхъ съ нею общеспвѣ, и попому прослыла скучною.

Къ эпому еще надобно прибавипѣ, что Софья была заспѣнчива.

У-г.

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволается. Москва, 9 Февраля, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

СИРІЯ И ПАЛЕСТИНА

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ИХЪ СОСТОЯНІИ.

Спраны, гдѣ возникъ народъ Израильскій, заслуживающій въ высшей степени вниманіе ученаго, какъ перво-поспигшій исключительное ученіе единобожія, спраны, въ коихъ раскрылся коммерческій и промышленный духъ Финикіянъ, покрывавшихъ моря своими неизчислимыми кораблями, распроспранившихъ гражданское устройство въ земляхъ опдаленныхъ, неизвѣстныхъ погдашнимъ менѣе варварскимъ народамъ,

спраны сіи, возбуждающія наше любознаніе своею древнею исторією, приковываютъ вниманіе наше и въ эту эпоху, въ которой живемъ мы.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, Ля-Марпинъ, посѣщавшій недавно Палестину и Сирию, съ отличными похвалами опзывается о вниманіи, какое ему гламъ оказывали, и объ удобстввахъ, съ коими совершалъ свои спранническія походы въ земль Израильянъ. Тѣмъ болѣе эпо насъ радуемъ, что предшественники его не были столь счастливы въ семъ отношеніи Шольцъ, на примѣръ, ученый Бонскій Профессоръ, путешествовавшій по Ливіи, Египту, Палестинѣ и Сирии въ 1820 и 1821 годахъ, чрезвычайно жалуется на затрудненія, полагаемая корыстолубіемъ и грубостію восточныхъ жителей его ученымъ изысканіямъ. По его сказанію, ничего не можетъ быть непріятнѣе путешествія на востокъ. Если вы путешествуете одни, то проводники и переводчики васъ прижимаютъ, Шеихи грабятъ и, къ довершенію бѣды, часно Бедуины оспавляютъ васъ въ шакомъ состояніи, въ какомъ былъ Адамъ пошчасъ по сотвореніи. Необходимо путешествовать въ большемъ сообществѣ; тогда расходы, раздѣляясь между членами каравана, будутъ несравненно менѣе. Общій вамъ врагъ, Бедуинъ, воръ по рожденію, разбойникъ по праву

сильнаго, не посмѣетъ на васъ напасть, если вы въ достапочномъ количествѣ, или при нападеніи его не перяете духа, полагаясь на помощь вашихъ поварищей. Одинъ Пиемонтскій Графъ заплашилъ пяпсонъ піаспровъ наличными деньгами за переѣздъ изъ Назарета въ Джерасть, что соспавляло два дни съ половиною пупи, и не смопря на по былъ ограбленъ Бедуинами. Нѣсколько Англичанъ, ѣхавши изъ Шама въ Тадморъ, заплашили тамошнему Шеиху 500 піаспровъ, который взялся проводить и защищать ихъ пропивъ своихъ единовѣрцовъ Турковъ. На половинѣ дороги ихъ извѣстили, что ближнее племя Бедуиновъ дѣлаетъ весьма опаснымъ продолженіе пупи; и они должны были воропиться назадъ, ничего не выдавши. Драгоманъ (переводчикъ) всегда плапятъ опредѣленную дань проводникамъ; и какъ они всегда въ сношеніяхъ съ ними, какъ воры на ярмакѣ, по Франки должны бываютъ испрачивать гораздо болѣе, нежели сколько нужно бы издержать. Въ Константинополѣ при бича, говоритъ Шольцъ: пожаръ, чума и драгоманъ: исчисленіе слишкомъ скромное, которое можно бы распространить, не измѣня истинѣ. Сирію посѣщаютъ иногда богатые дженплемены, незнающіе иногда, гдѣ прожить свои доходы. Они распочипельно за все плапятъ, чтобы только показаться Европейскими Шеихами. Само по се-

бѣ разумѣется, что это не оскорбляетъ жителей Палестины и Сири, но другіе путешественники разсуждаютъ объ этомъ иначе: кто любитъ больше учиться, а не щеславиться, тотъ конечно постарается поберечь деньги, особенно когда кошелекъ еще не пуга набитъ. Предположимъ, что караванъ вашъ въ дорогѣ, проводники и Шеихъ удовлетворены, Бедуины далеко, или ничего не знаютъ, вы все еще не преодолѣли всѣхъ опасностей, не успранили всѣхъ неудобствъ. Вамъ на дорогѣ встрѣчается рѣка, Иорданъ на примѣръ; не прудитесь искать моста: вы его не сыщете. Не ждите также и того, чтобы вода разсупилась и дала вамъ удовольствіе пройти по суху: надобно перейти въ бродъ и обсушиться на солнцѣ, которое, по счастью, здѣсь довольно жарко. Я предположилъ, что Бедуины далеко отъ насъ: на бѣду, они всегда болѣе въ близи, нежели въ дали, и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о грабежѣ и убійствѣ, они мастера, какихъ нѣтъ. Въ 1819 году караванъ, состоявшій болѣе нежели изъ ста верблюдовъ, былъ совершенно изрубленъ этими опчаянными разбойниками. Коснувшись здѣсь Бедуиновъ, думаемъ, что намъ извиняетъ нѣкоторыя подробности о ихъ нравахъ и о степени ихъ гражданскаго устройсва, сообщенныя премо путешественниками, Буркгардомъ, Шольцомъ и Зиберомъ, которые дополнимъ еще извле-

ченіями изъ другихъ путешественниковъ Англійскихъ и Французскихъ.

Бедуины производятъ охоту приученными соколами, называемыми у нихъ *сакеръ*, которые, если хорошо выдержаны, продаются по 50 франковъ каждый. Домашнія животныя у нихъ верблюды, ослы, лошади, овцы, козы, коровы и собаки. Эпопъ кочевой народъ живетъ въ лагерь, составленномъ изъ черныхъ палатокъ, въ коихъ живутъ отъ 200 до 300 семействъ вмѣстѣ. Въ каждомъ лагерь есть свой Шеихъ. Каждая семья имѣетъ одну или нѣсколько палатокъ. Женщины, составляющія отдѣльное сословіе, содержатъ въ надлежащемъ порядкѣ палатки, плетутъ рогожи и заботятся о домашнихъ животныхъ. Мужчины сперегупъ спада, обрабатываютъ поля, возятъ произведенія ихъ на рынокъ, воюютъ или грабятъ, думая, подобно древнимъ Германцамъ, что лучше по добыть кровью, что можно приобрести попомъ. Для удержанія эписхъ кочующихъ племенъ въ зависимости, Мегметъ-Али старается привлечь къ своему двору Шеиховъ, начальствующихъ надъ племенами, удерживая ихъ подарками и обѣщаніями, а иногда угрозами и насиліемъ. Бедуины вообще малорослы, худощавы и загорѣлы отъ солнца. Не много изъ нихъ шакихъ, кои бы почто знали свои лѣна. Сидя на голой землѣ, они

ѣдяпъ изъ деревянныхъ парелокъ пальцами, безъ ложекъ и вилокъ, горохъ, бобы, хлѣбъ печеный въ видѣ пироговъ въ золѣ, какъ это дѣлалось еще при Авраамѣ, рѣдко говядину. Дѣти пьютъ молоко и ѣдяпъ масло, котораго у каждой семьи чрезвычайно много. Сушеные финики соспавляютъ также любимую пищу Араба. Воду они берегаютъ въ козьихъ мѣхахъ, а съѣспные припасы въ кожаныхъ мѣшкахъ или шерспяныхъ. Въ сношеніяхъ съ своими соотечественниками Арабъ дружелюбенъ, часпо посѣщаетъ ихъ, и проводитъ иногда цѣлые дни въ кругу друзей, не вдаваясь однакожъ въ большіе рассказы. Бедуины одинъ у другаго не воруютъ, п. е. члены одного и того же племени; но сопровождая караваны, они похищаютъ спадъ, попадающіяся имъ на дорогѣ, а попому паспухи спараются обыкновенно держаться въ дали отъ дороги, по которымъ обыкновенно проходятъ караваны. Бедуины вѣряпъ аспрологіи, такъ какъ и силъ извѣспныхъ изреченій надъ различными болѣзнями. »Нѣкопорые изъ нихъ, « говоритъ Шольцъ, » хопѣли продапъ свой Коранъ и изъявили желаніе имѣпъ переводъ Евангелія на Арабскомъ языкѣ.« Хопя Магомешпане, однакожъ они не наблюдаютъ спрого предписанныхъ пяпи дневныхъ молиспвъ. Въ этомъ отношеніи они вообще не слишкомъ совѣспны. »Прославляютъ ихъ госпепримспво,«

продолжають Шольць: » дѣйствительно, иногда они принимали насъ хорошо, а иногда дурно; но почти всегда заснавлиа плащипь слишкомъ дорого за все, что доставляли. « Денонъ, бывши при Французской арміи въ Египтъ, въ 1797 г. сообщаетъ слѣдующую прогашельную черпу объ Арабскомъ гостепріимствѣ: » Одинъ Французскій офицеръ, попавшійся въ плѣнъ къ Арабу, сдѣлался его невольникомъ. Ночью Французы напали на лагерь, къ которому принадлежалъ господинъ плѣннаго офицера, и произвели страшное убійство. Арабъ спасся съ своимъ невольникомъ въ пустынь и раздѣлилъ памъ съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба, у него оспававшійся. « Аллахъ вѣдаеть, « говорилъ онъ, » когда у меня будетъ ояпъ хлѣбъ; но онъ не скажетъ, что я кинулъ того, кого принялъ подъ свой кровъ. « Онъ же далѣе говоритъ: » Бедуины грабили и убивали нашихъ солдатъ, оспававшихъ по дорогѣ, но они поже дѣлали и съ Турками. Гдѣ только еспъ добыча, памъ вездѣ враги для Бедуиновъ. Они охотно вспуають въ договоры, попому что при эпомъ получаютъ подарки, но не счиають себя ограниченными какими-либо условіями. « Гранпре, авпоръ Пупешеспвіа по Индіи въ 1789 и 1790 годахъ, говоритъ о Бедуинахъ: » Они сварливы и гоповы пронзипъ кинжаломъ за малѣйшее слово, копорое имъ

скажутъ. Ихъ тѣмъ болѣе надобно бояться, что они не спыдятся напасъ на васъ шридцать и сорокъ человекъ вдругъ; они всегда вооружены съ ногъ до головы. «

Феликсъ Менжень, сочинитель Жизни Мегмеп-па-Али, рассказываетъ способъ, посредствомъ коего эпопъ хипрый Паша успѣлъ обуздавъ Бедуиновъ: » Онъ забралъ у Арабовъ кобылицъ, зная, что Бедуинъ безъ коня не много спрашенъ; умѣлъ раздѣлить племена, давши однимъ преимущества, въ копорыхъ отказалъ другимъ. Каждый Бедуинъ вооруженъ ружьемъ, саблею и парюю писполемовъ. Не рѣдко эпи Арабы одерживали верхъ надъ Турецкою кавалерією. Эпо очень хорошее легкое войско, съ одинаковой быспропою производящее нападенія и разсыпающееся на мѣспъ неровномъ, изрытомъ глубокими впадинами, копорыхъ кони ихъ умѣютъ избѣгать съ изумительнымъ искусствомъ. Бедуины моляпся, когда вздумаютъ, и не наблюдаютъ ни какого воздержанія: они ѣдятъ свиное мясо, пьютъ вино и другіе крѣпкіе напитки. Пяпдесятъ кочующихъ племенъ, разбѣянныхъ по Египпу, доставляютъ Мегмепу - Али 5,783 конныхъ и 36,220 пѣшихъ воиновъ. «

По свидѣтельствву другихъ путешеспвенниковъ, спраспи пропивуеспеспвеннѣя не рѣдки между пустынными Арабами: имъ знакомы

любострастные болѣзни, копорыхъ излѣченіе предоспавляющъ они природѣ. Нѣтъ народа столь грубаго, копорый не зналъ бы поэзіи: Бедуины имѣющъ свою; спихопворцы ихъ поющъ, сопровождая пѣніе игрою на гитаррахъ, называемыхъ *рабаба*.

Осѣдлыхъ жителей въ сихъ спранахъ считаешся: въ Сен-Жан-д'Акрѣ 16,000, изъ коихъ 4,000 Турокъ, 4,000 Арабовъ, 4,000 Христіанъ и 4,000 Іудеевъ; въ Назаретѣ 3,000, изъ копорыхъ 300 только Магомепанской вѣры. Въ Іерусалимѣ считаешся 18,000 душъ: 10,000 Іудеевъ, 5,000 Магомепанъ и 3,000 Христіанъ, въ Саидѣ 9,500 душъ; въ Бейрутѣ 10,000; въ Триполисѣ 8,000; въ Гейфѣ 2,500, въ Газѣ отъ 5 до 6,000; въ Яфѣ 3500. Древняго Іерихона почти слѣдовъ не оспалось. Все народонаселеніе Сиріи составляетъ около 3,000,000 душъ. Израильпяне, Магомепанская секта въ сей спранѣ, чшущъ, какъ увѣряющъ ихъ неприипели, *prudendum muliebre* и въ извѣстные дни года предающся разврату съ неисповспвомъ. Чшо же касаешся до Друзовъ, обипающихъ по хребту Ливана, шо глядя на нихъ въ общеспвѣ, можно приипать ихъ за Магомепанъ; но когда они у себя дома, шо нарушающъ постъ Рамаданъ, бранящъ Магомепанъ, пьющъ вино и ѣдящъ яспвы запрещенныя Кораномъ. Они не-

навидяпть весь религии и особенно религію Франковъ, ибо у нихъ существуесть преданіе, что нѣкогда Европейцы сдѣлаюся ихъ власнипелями. Чувствипельнѣйшая обида, какую только можепть Друзь сдѣлапть другому, состоипть въ томъ, когда онъ ему скажешъ: » Да покроепть Богъ пвою голову! « Убивши барана, Друзы дѣяпть печенку и сердце совершенно сырыми, какъ самыя лакомыя снѣди. Шестая часпъ жипелей Палестины состоипть изъ Каполиковъ, исповѣдающихъ ученіе церкви Лапинской, Греческой, Армянской и Сирійской. Каполики Сирійскаго исповѣданія называются Маронипы. Церковную службу у Лапинскихъ Каполиковъ исправляютъ Францисканы, Капуцины, Кармелипы или Лазариспы, присылаемые изъ Европейскихъ монастырей. Исповѣдующіе католическое ученіе по Греческому обряду, вообще пверды въ своей вѣрѣ; у нихъ еспть Папріархъ, Архіепископъ и шеспть Епископовъ. Священники ихъ могутъ женипться; духовныя должноспи переходяпть отъ опца къ сыну. Служба опправляется у нихъ на Арабскомъ языкѣ: вопть обспояпельспво, которое особенно должно дѣлапть подозрительнымъ ихъ православіе въ глазахъ Римскаго двора. Наспоящіе Греки преслѣдуютъ ихъ съ невѣрояпнымъ ожеспоченіемъ. Можно сказать вообще, что Воспочные Христіане не имѣютъ большихъ враговъ, какъ собспвенно

своихъ единовѣрцевъ. Когда Турки или Арабы преслѣдуютъ Каполиковъ, то можно ручаться, что Греки заплашили за эпо; равно и на оборотъ. Гробъ Святой находится въ охраненіи у Каполиковъ Лапинскаго исповѣданія. Не было происковъ, какихъ бы не употребили Христіане другихъ исповѣданій, чптобы опнять у нихъ эпо преимущество. Часпо святыя мѣста были свидѣтелями убійствъ ужасныхъ: Каполическихъ Священниковъ не рѣдко рѣзали на спупеняхъ алпаря. Нѣкоторые даже покушались зажечь храмъ, чптобы попомъ, выспроивъ на свой счетъ, успранишь только Лапинскихъ Каполиковъ. Но благодаря надзору Христіанскихъ Европейскихъ державъ, эпопъ планъ не удался. Иудей, приходящіе въ Палестину, почти всѣ оспаюся умерепъ въ мѣспахъ, гдѣ покоицца прахъ Авраама и Иосифа. Иерусалимскіе Иудей добросовѣспнѣе, нежели большая часпъ ихъ единовѣрцевъ, обяпающихъ въ Европѣ. Всѣ они ждупъ время опъ времени прищеспвія Мессіи, копорый возспавипъ царспво Давида и вознесепъ народъ Еврейской на высшую спепень славы и могущеспва, на какой онъ не былъ еще до сего времени.

Жизнь домашняя Магомепанъ совершенно пропивоположна жизни народовъ Западныхъ. Мы опращиваемъ волосы на головѣ и брѣемъ бороду: они оппускаютъ бороду и брѣютъ голову. Мы

привѣспвуя снимаемъ шляпы: у нихъ опкрыть голову въ присупспвіи извѣспныхъ лицъ означило бы величайшую грубоспъ. У насъ спульа, сполы и поспели: они ѣдяпъ сидя на полу и кромѣ рогожъ, коими успилаюпъ полы свои, или проспо дерна, не имѣюпъ другихъ поспелей. У насъ каждый имѣепъ свою парелку, ложку и вилку: они ѣдяпъ всѣ вмѣсптъ, пальцами, изъ одного общаго блюда. Наши яспва сложны, нужды наши многочисленны: ихъ блюда проспы, нужды небольщя. Мы ходимъ для разсѣянія: они шагу не сдѣлаюпъ безъ опредѣленной цѣли. Женщины наши свободны, выходяпъ съ лицами опкрышми: у нихъ онѣ закрываюпся покрывалами, скрываюшими ихъ опъ любопытныхъ взоровъ, опъ чего онѣ дѣлаюпся какъ бы бродящими привидѣніями. Женны наши приносяпъ намъ болѣе или менѣе значительное приданое: воспочные жипели ихъ покупаюпъ и не получаюпъ за ними ничего. Христіане на Воспокѣ клянупся по Арабски. *Ала-Рафи* (головой моею)! говоряпъ они, когда чпо нибудь утврждаюпъ. *Валлахъ* (Богомъ)! восклицаюпъ Магомешане. Дервиши, говорипъ Шольць, ходяпъ совершенно нагіе, живутъ на чужой счепъ и пользуются совершеннымъ своеволіемъ. Они оспанавливаюпъ на улицахъ дѣвиць и женщинъ и позволяюпъ себѣ опкрыпо безчинспва самыя соблазнипельныя. Благодеспни-

вѣй Мусульманинъ, проходя мимо, закрываетъ ихъ своимъ плащемъ, чтобы скрыть отъ взоровъ невѣрныхъ. Въ Яфѣ одинъ Дервишъ до такой степени оскорблялъ Христіанскихъ женщинъ, что Англійскій Консуль Даміень привязалъ его, какъ вола, къ мельничному колесу и заставилъ работать до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ порожественнаго обѣщанія прекратить свое безчинство съ женщинами, исповѣдующими Христіанскую вѣру. Если вы начнете упрекать Дервиша въ какомъ нибудь дерзкомъ поступкѣ, онъ васъ поспѣетъ оспоровить словомъ: *шаръ-Аллахъ* (внушилъ Богъ). Магометане смотрятъ съ особеннымъ уваженіемъ на побочныхъ дѣтей Дервишей; и потому для этихъ лицемѣровъ двери открыты во всѣхъ гаремахъ. Если придетъ имъ охота прибить Христіанина, они это дѣлаютъ пресвободно: ни кпо имъ въ помъ не попрепятствуетъ. Все ихъ извиненіе: *шаръ-Аллахъ!*

Случай, рассказываемый Зиберомъ, можетъ показать уваженіе на Воспокъ къ женщинамъ. Вспуленіе Французскихъ войскъ возродило во всѣхъ Сирійскихъ Христіанахъ и въ Палестинѣ надежду на близкое освобожденіе; по удаленіи Французовъ мѣсть Магометанъ была ужасна. Христіанъ повсюду хватали, заключали въ тюрьмы и даже убивали. Въ Иерусалимѣ Лапин-

скіе Каполики преслѣдуемы были съ особеннымъ остервененіемъ; около пяписопъ ихъ заперли во Храмъ Святаго Гроба, гдѣ и пребыли до того времени, когда Сидней Смитъ силою освободилъ ихъ изъ тюрьмы. Духовные всѣ разбѣжались изъ своихъ монастырей, спасаясь отъ народной ярости. Изъ Рамы (древняго Аримаѳея) также всѣ убѣжали. Одинъ изъ нихъ въ ту самую минуту, когда перелѣзалъ чрезъ монастырскую террасу на сосѣдній дворъ Турка, пославщика для монастыря, былъ примѣченъ полною Арабовъ. Турокъ далъ ему слово защититъ его, а жена скрыпъ, какъ въ то самое время угрожающая полпа явилась передъ домомъ. Крики бѣшеннаго народа успрашили Турка, начинавшаго пререпапъ за собственную жизнь свою, и онъ хотѣлъ уже предать жерпву неумолимымъ врагамъ его. Жена рѣшилась спасти духовнаго. »Какъ! вы хотите вырвать у меня того, кого я обѣщала спасти?« сказала она мяпежному скопищу: »вы узнаете, что можетъ сдѣлать женщина.« Она спряпала несчастнаго въ сундукъ, заперла и съла сама на немъ въ ту минуту, когда разъяренная полпа выломала дверь въ домъ и кинулась въ комнапу. Ни кто не смѣлъ ее пронупъ; умоляли ее удалиться, договаривались съ нею, ласкали ее, но безъ успѣха. Приводили ей разныя изреченія изъ Корана; она отвѣчала также

мѣстами, соотвѣтствующими ея положенію. » Кипо изъ вась будетъ столько подтъ, чптобъ захопѣль пронуть женщину и помѣшалъ ей оказатъ гостепрїимство? « Грозили убить ея мужа, она оспалась непреклонною. Угрозу исполнили: она вскричала: »Вы не иначе достигнете вашей цѣли, какъ убивши и меня? « Монахъ былъ спасенъ.

Въ Палестинѣ, говоритъ Зиберъ, пронуть руку женщины или дѣвицы, еспъ пресупленіе, копорое взволнуетъ всю спрану. Одинъ солдатъ изъ Іерусалима поцѣловалъ, мимоходомъ, въ щеку молодую дѣвицу изъ Виѣліема: эпо произвело возспаніе всѣхъ жипелей; цѣлые при дня они осаждали Іерусалимъ, пребуя выдачи виновнаго, копорого начальникъ гарнизона не хопѣль выдапъ. Извѣспно, чпо Іуда хопѣль сжечъ живую Тамаръ, вдову своего сына, обвиненную въ непозвопительной связи съ обольспипеленъ. У Сирїйскихъ и Палестинскихъ Магомепанъ обольспипель молодой дѣвицы счипаепся внѣ кровипельспва законовъ, и убійца его дѣлаепся ближайшимъ другомъ оскорбленной фамиліи. Виновную, снявши одѣяніе, выспапляютъ на публичномъ мѣспѣ; собспвенный опецъ ея, брапъ или ближайшій родспвенникъ, долженъ вынупъ ея внутренности; въ случаѣ же опказа, они изгоняются или умерщвляюпся.

Буркгардпгь думаетъ, что Іорданъ прежде впадалъ въ Черное море. Теченіе его, говоришь онъ, было оспановлено взрывомъ, испребившимъ Содомъ и Гоморъ. Воды его послѣ того составили Мерпвое Море. Возлѣ Мерпваго Моря, повѣствуецъ Шольць, особенно къ Юго-Воспоку, много находися жидовской смолы, копорая будучи потерпа, издаецъ сѣрной запахъ; ее переработывающъ Іерусалимляне въ крестики или чепки. Въ Іерусалимской долинѣ и въ окрестностяхъ Мерпваго Моря замѣпны еще слѣды многихъ волкановъ. Мерпвое Море въ длину проспирается на 20, а въ ширину около 10 миль: вода въ немъ очень солоня и вредна. Къ воспоку еспъ нѣсколькo колодцевъ нефпи или сѣры; а возлѣ Тиверіады находяпся чепыре колодезя минеральной воды. Іорданъ, сія рѣка, споль славная въ испоріи Израильскаго народа, шириною теперь около десяти шаговъ. Въ окрестностяхъ Мерпваго Моря не рѣдко можно найдпи большія глыбы каменной соли: здѣсь-по въ средніе вѣка искали оспанковъ Лоповой жены, копорой непокорное любопытство было споль спрого наказано. Любопытенъ слѣдующій рассказъ Буркгардпа: »Здѣсь, говоришь онъ, еспъ родъ перепелокъ, называемыхъ *катта*, копорыя прилепающъ въ споль значипельномъ количествѣ, что ребяпишки Арабы убивающъ двухъ

или прехъ разомъ проспо палкою. « Діодоръ Сицилійскій (Гл. I. Кн. 60) повѣспвуепть, чпо Акпизанесъ, Царь Египетскій, собравъ всѣхъ преспуниковъ изъ своего государства, по наказаніи, изгналъ ихъ въ пуспыню. Они поспроили тамъ городъ Риноколюра, получившій свое названіе опть того, чпо основатели его имѣли вырѣзанныя ноздри за преспуленіе. Тамъ, говорипть попть же писапель, они плепупть сѣпи изъ соломы, посредспвомъ коихъ ловяпть чрезвычайное множеспво перепелокъ, обыкновенно прилепающихъ на эпопть берегъ. Риноколюра находилась на границахъ Египпа и Сиріи.

Въ Египетскихъ и Сирійскихъ городахъ собаки почпи совершенно одичали. Онѣ безъ хозяевъ; раздѣляюпть городъ по часпямъ и немилосердо изгоняюпть всѣхъ другихъ собакъ, которія осмѣлились бы забѣжашь въ ихъ околдокъ; живупть онѣ большею часпію по кладбищамъ. Въ Сиріи пчелы болѣе доставляюпть меду и менѣе воску, нежели въ Египтѣ; шерсть на овцахъ тамъ чрезвычайно груба. Саранча періодически опустошаетъ Палеспинскія равнины. Она вылепаетъ изъ Аравійскихъ пуспынь послѣ теплой зимы и разсѣвается по обработаннымъ полямъ, гдѣ распложается ужасно: одна саранча кладепть до сна яичекъ. Ее сушашь, нанизываюпть на очень тонкіе снурки и ѣдятъ, какъ мы ѣдимъ сельдей.

Недостатокъ гостинницъ на Воспокъ вознаграждается иногда госпепріимствомъ жишелей, хотя они въ семь отношеніи не всѣ одинаково великодушны. Буркгардштъ, по справедливости, хвалишь госпепріимство обитателей Керекка. Иностранецъ, кто бы онъ нибылъ, Христианинъ, Іудей или Магометанинъ, принимается тамъ какъ любезнѣйшій родственникъ; имъ овладѣвають еще во врагахъ города, не допускають долго прожить въ одномъ домѣ: всякому хочется угостить его въ свою очередь. Бедуины, зная это расположеніе къ госпепріимству Керекскихъ жишелей, умѣють извлечь изъ ихъ щедрости большія для себя выгоды. Керекцы такъ много дѣлають масла, что не могутъ его продавать и отдають пому, что пожелаетъ только взять. Тамъ для означенія скряги, которые къ сожалѣнію бываютъ и въ Керекѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, нѣтъ другаго названія, какъ *масляный торговецъ*. Дочери и сестры такихъ торговцевъ на примѣтъ и ужъ вѣрно не выйдуть замужъ въ городѣ. Пожелаемъ, чтобъ всѣ Воспочные жишели походили на Керекцевъ: географія чрезъ то выирала бы много.

(NOUVELLE REVUE GERMANIQUE).

II.

АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.

Почему, думалъ я однажды, не могу я одолѣть опвращенія, которое вдовспвующая Ми-леди Дильворптъ оказываептъ къ театру? За-чщо ненавидиптъ она пакъ акперовъ и акприсъ? Предубѣжденіе ея споль сильно, чщо, вѣрояшно, она получила его по причинамъ весьма основа-пельнымъ, намъ неизвѣспнымъ. Хочу узнатьъ эпу пайну.

Беру перчашки, вооружаюсь проспью и не-медленно являюсь къ Леди Дильворптъ, Герцо-гинѣ, по милоспи Божіей и по милоспи покой-наго мужа ея. Вхожу. Герцогиня небрежно по-коилась на диванѣ; въ рукахъ, для приличія, держала книгу, листы коей не были даже раз-рѣзаны. По многимъ, несомнѣннымъ признакамъ,

замыслилъ я, что почтенная Леди Дильворптъ скучала: слѣдственно минула для разговора съ нею была самая благопріятная.

» Смѣю ли, Миледи, предложить вамъ мою ложу на нынѣшній вечеръ? Миссъ Келли будетъ играть. Это актриса, по моему мнѣнію, достойная удивленія. «

— О! много благодарна! Быть можетъ, что Миссъ Келли прекрасная, удивительная актриса; но не желаю видѣть ее. Она актриса; эшаго слова довольно: я мало уважаю актрисъ; поелику сама весьма долго занималась этимъ почтеннымъ ремесломъ.

Вспомнивъ, что Леди Дильворптъ происходитъ по матери отъ Планпагенеповъ, по отцу отъ Ормонда, я сказалъ:

» Безъ сомнѣнія вы принадлежали къ пруптѣ Герцогини Узесской или Бжиджваперской, или къ пруптѣ Маркграфини? «

— Совсѣмъ нѣтъ; я не принадлежала ни къ одной изъ нихъ. Однакожь играла такъ долго, такъ часпо, игра моя была сопряжена съ такими непріятности, что отъ одного воспоминанія о моей театральной жизни, я чувствую лихорадочный ознобъ.

» Неужели! Могу ли спросить, Миледи въ какую эпоху дебютировали? . . «

— Этому уже около шестидесяти двухъ лѣтъ; весьма давно, какъ видите, хопя я очень

хорошо помню это важное обстоятельство. Первая учительница моя в этом искусстве была моя кормилица. У меня былъ пречтенный дѣдушка, оцъ усовъ котораго прегадко пахло табакомъ, видъ его производилъ во мнѣ страхъ. Все это не помѣшало мнѣ играть очень хорошо мою роль, складывать, какъ меня учили, ручки, просить дѣдушку, чпобъ онъ обнялъ меня, по естъ подушилъ. Поцѣлуй дѣдушки составлялъ жесточайшую для дѣвочки моихъ лѣтъ казнь. Однакожъ я повпоряла каждый вечеръ свое представленіе, приходя съ сложенными руками просить того, чего оцъ души не пертѣла. Впрочемъ, представленія сіи были бенефисныя: дѣдушка умеръ и оставилъ мнѣ пять тысячъ фунтовъ сперлинговъ доходу.

» Это-то, Миледи, вы называете своимъ дебютомъ. . .

— Согласитесь, что онъ не дурень.

» Безъ сомнѣнія. Но оставили ли вы послѣ этаго шапръ? . .

— Никакъ. Надежало одну послѣ другой разыграть роли всѣхъ героинь нравственныхъ романовъ: роль спыдливости, невинности, неопытности. Подъ руководствомъ надзирающей своей я сдѣлалась набожна, учлива, граціозна, ходила пошупивъ глаза; изъясляла энпузіазмъ ко всѣмъ искусствамъ; была робка какъ Памела, благоразумна какъ Гевріэппа Бейронъ,

бережлива и умеренна какъ Клариса Гарловъ. О какъ дорого плашила я за свои успѣхи! Мнѣ хопѣлось бѣгать и прыгать по правѣ, жить въ пининѣ и на свободѣ, однимъ словомъ, забавляться; а я принуждена была принаравливаться ко всѣмъ понкоспямъ записной акприсы. Какое мученіе, какая скука! Однакожь у меня были обожапели и я упѣшалась пѣмъ. Когда уже было рѣшипельно опредѣлено, что я ангель, что всѣ героини новыхъ романовъ не споири моей ноги, то надзирапельницѣ моей опказали, ибо я уже знала ремесло свое и она спала бесполезна. Оспавшись одна, я могла по крайней мѣрѣ чипапъ пихонько запрещенныя книги, копорья мнѣ попадались.

— »Послѣ пакихъ сценическихъ пригоповленій, развязку ускорилъ, безъ сомнѣнія, какой нибудь красивый гвардейскій офицеръ!«

— Совсѣмъ нѣпъ. Такъ могла бы поступить полько дурная акприса: я была искусье. Дозволилъ увезти себя полковнику! Фи! Какая гадость! Это очень обикновенно, даже пошло, глупо. Вы увидипе, что я была акприса. Руки моей просилъ Лордъ Дильворпъ; скажу правду, я не могла его шерпѣть. Онъ говорилъ по Ирландски, какъ Коннопской мужикъ, былъ не-ловокъ, неучпивъ, безобразенъ; опъ него воняло виномъ и пабакомъ, въ рѣчахъ его было что-по грубое. Вопъ за кого я вышла. О если бы

вы видѣли, съ какой гоповностью повиновалась я волѣ отца моего, какую нѣжность, скромность изъясляла! Новѣйшій романистъ не нашелъ бы для себя нигдѣ подобнаго идеала невинности, любви дѣтской. Я прелепала какъ Тамела, красѣла какъ Кларисса. Всѣ журналы отдали справедливость красотѣ, еспешивенности, прелести игры моей.

» Прекрасно! А памъ вы принимали на себя личину нѣжной супруги! «

— Въ эпому не было нужды; полько бы мужъ мой могъ пить, игратъ на биллиардѣ, приниматъ всю свою Ирландскую родню, съ копорой напивался; полько бы я припворялась внимательной, послушной женой: онъ болѣе и не пребовалъ. Признаюсь, плакая покорность часто надоѣдала мнѣ, и акприса, наскучивъ своей ролей, успремяла унылые взоры на одну ложу, въ копорой сидѣлъ прекрасный молодой человекъ, Перъ Королевства. Акприсы, мои соперницы, вскорѣ замѣтили мою разсѣяность, наполнили свисипками партеръ, копорый неожиданно воспалъ пропивъ меня массой. Я прибѣгнула къ пеапральному дару моему, заплакала; мнѣ проспили. Женщины закрылись вѣрами, называя меня импересной жертвой; всѣ муцины взялись за шпаги, клянясь защищатъ меня пропивъ всѣхъ и каждого.

— » Прекрасно! Вопъ что называется успѣхъ? «

— Но представленіе пьѣмъ не кончилось: мнѣ оставалось еще сыграть одну роль. Молодой Англійскій Перъ, изъ-за копораго я нажила себѣ бѣду, погибъ на дуэли, и мѣсца его въ моемъ сердцѣ спали добиваюсь всѣ его друзья и соперники. Спали носить мои цвѣта, съ шумомъ аплодировали мнѣ. Самолюбію моему эпо льстило; но мужъ (по есть директоръ мой) опасаясь, дабы пакой успѣхъ не навлекъ ему какихъ либо неудобствъ, попребоваль, чпобы я оставила Лондонъ и ѣхала въ провинцію.

— »Какое печальное событіе для совершенной актрисы!«

— Таланты вездѣ можно раскрывать, когда ихъ имѣешь. Я спала играть роль хозяйки, жипельницы деревенской. Играла въ виспъ и боспонъ съ сосѣдями; слушала исполкованія сновъ, разсужденія объ охотѣ, о зайцахъ, о десятирогихъ оленяхъ. Послѣ удачи въ эпой роли, я сдѣлала нѣкопорыя измѣненія и усовершенствованія въ Мольеровомъ *Мнимомъ Больномъ*, коего уже въ молодоспи разыгрывала и знала наизуспъ. Я легла на диванъ, сдѣлалась слаба; у меня произошло біеніе сердца, попомъ мигрень. Я задернула занавѣсы, никого не принимала; имѣла право капризначать, бранить людей и мужа. Знаменитѣйшій въ окреспноспахъ докпоръ объявилъ,

что онъ рѣшительно не можетъ помочь мнѣ, что моя болѣзнь неизлѣчима.

— » Эта роль должна быть очень скучна; пилули, микспуры, каптаплазмы — необходимыя ея принадлежности. «

— Вы ошибаетесь, не понимаете вовсе роли. Лѣкарствъ тутъ не принимаютъ; берутъ только ванны, слушаютъ музыку, окружаютъ себя цвѣтами, благовои́ями, читаютъ романы, плачутъ до сыпа. Принимаютъ видъ изнеможенія, ѣдятъ будто нехотя конфекты; говорятъ пропязно, съ чувствомъ, меланхолически; спрадаютъ спазмами. Главнѣйшую трудность роли составляетъ выздоровленіе: если слишкомъ скоро возвратишься къ жизни, то все пропадетъ по напрасну. Надобно выздоравливать медленно, съ тихой, незамѣтной поспешностью. Надобно иногда опять на нѣкоторое время впадать въ болѣзнь, такъ, чтобы мужъ пугался, но не спрашивалъ за жизнь нѣжной своей подруги; надобно до того довести его, чтобы это ему рѣшительно надоѣло; превозитъ его ежеминутно; совершенно упомилъ, дабы наконецъ онъ освавилъ васъ на свободѣ, одну одиноконьку; что онъ и сдѣлаетъ, будучи увѣренъ, что по причинѣ слабости, жена не можетъ употребить во зло своей независимости, но что она еще не такъ больна, дабы умереть внезапно.

» Лицемерка! «

— Нѣтъ, актриса: на свѣтѣ все трагедія да комедія. Мы всѣ замаскированы; самой искусной актрисой есть самый счастливый. Разумъ намъ данъ именно на то, чтобы поддерживать занимательность представленія. Припомъ, чтоже пущъ худаго? Думаете ли вы, что почтенный Дилворпъ, супругъ мой, былъ недоволенъ, когда я разыгрывала роль Графини въ Виндзорскомъ замкѣ, въ присутствіи Его Величества Короля Георга IV, которому такъ понравились мои пантомимы, что за сей успѣхъ мужу моему доспался пингуль и десять тысячъ фунтовъ сперминговъ дохода? Мы ничего бы не выиграли безъ скромнаго величія, коимъ сопровождались всѣ мои движенія, безъ благородства моихъ положеній, безъ прелести наиверженныхъ чувствованій, которыми я выражала, безъ ослеплыхъ выходокъ, выученныхъ мною въ обществѣ. Вы безъ сомнѣнія знаете, какую прекрасную роль я играла при дворѣ, и играла такъ долго?

» О знаю: васъ, Миледи, и до сихъ поръ всѣ мащеры спавяптъ въ образецъ дочерямъ. «

— Постойте! воскликнула Герцогиня вспавая и опираясь на кушетку. Воупъ, кажется, положеніе, которое наиболѣе имѣло успѣха въ Виндзорѣ.

— « О Боже! Мнѣ кажется, что я вижу Мис-приссъ Сиддонсъ въ одну изъ прекраснѣйшихъ минутокъ ея. »

— Когда величіе стариннаго двора замѣнилось легкими граціями новаго, то и я перемѣнила игру, переспала принимая величественныя положенія, сдѣлалась большой кокепкой, блиспала оспропами, въпренносью, капризами, и, признаюсь, до такой степени успѣла, что доставила мѣста всемъ своимъ дѣтямъ; кредитъ мой возвысился на высочайшую степень и бѣдный Адольфъ (мой мужъ, сударь!) получилъ Вильфорпское Герцогство.

— « Это презанимательная повѣсть. Кажется, Герцогъ Юркскій былъ вашимъ опъявленнымъ покровителемъ? »

— Да, я разыгрывала роль хорошей жены, единственно дабы понравиться ему. Справедливо было, чтобы онъ принялъ во мнѣ участіе.

— « Имѣйте снисходительность продолжая, Миледи: удивленіе мое болѣе и болѣе возрастаетъ. »

— Лордъ Вильфорпъ до того распуничалъ, что, черезъ два года по полученіи наследства послѣ покойнаго дяди его, всѣ лѣкаря сказали ему, что онъ скоро и самъ умретъ. Мнѣ должно было лишиться его; замѣтьте

это выраженіе: лишился его — его, съ кѣмъ жизнь моя была связана такими пѣгостными узами. Все это богатство, коего уже онъ сдѣлался недоспойнымъ, должно было достаться мнѣ. Сверхъ того я буду свободно располагать моими поступками! Всѣ лѣкаря опъ него отказались; болѣзни его были неизлѣчимы, онъ не могъ долго прожить. Повѣрите ли? Я до такой степени хорошо играла роль свою, что обманывала всѣхъ присутствовавшихъ. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, всѣ домашніе ни мало не сомнѣвались въ искренности моей горести. Эту эпоху почиаю я торжествомъ моего таланта: ибо весьма было прудно не дать замѣтить хопя не много пойд радости, коей я была полна, того блаженства, которое доставляло мнѣ событіе столь счастливое и столь давно желанное. Съ прудомъ, съ великимъ прудомъ могла я сообщить лицу моему видъ если не совершеннаго опчаянія, то покрайней мѣрѣ горести глубокой и безупышной.

— »Превосходно! воскликнулъ я; мнѣ оспается только опдать полную справедливость такому утонченному, высокому таланту. «

— Овдовѣвъ, мнѣ уже не много оставалось сдѣлать, дабы придать лицу моему новое, приличное выраженіе. Я опустила нѣсколько болѣе брови, лице мое давно уже было приуче-

но къ задумчивости, а попому роль вдовы разыграла я съ пѣмъ же паланпомъ, коимъ ознаменованы и другія мною разыгранныя роли. Въ первомъ дѣйствіи выражала я горестную покорность судьбѣ; во второмъ уныніе мое спало нѣсколько проясняясь; въ третьемъ снова начала показываться веселость; въ четвертомъ пратуръ снятъ и на лицѣ моемъ просіялъ лучъ утѣшенія и надежды.

»Имѣли ли вы намѣреніе, Миледи, оспасться навсегда вдовою? «

— Безъ сомнѣнія, хопя впрочемъ эпо намѣреніе было не непоколебимо.

»Какъ же вы спали поступать попомъ, дабы публика выразумѣла по вашей панпомимѣ новое положеніе ваше въ обществѣ? «

— Я приняла на себя важный видъ женщины, копорая находилась въ недоумѣніи, вслушивается въ голосъ своего сердца, размышляетъ, но еще не рѣшилась. Видъ мой былъ благороденъ и спокоенъ, подобный пому, копорый принимаетъ Мисприссъ Сиддонсъ, когда, въ роли могущественной, великой царицы, предается размышленіямъ о жребіи народовъ и царствъ! Евгений, молодой адьюпантъ, копорый въ лучшіе дни жизни моей разыгрывалъ со мною нѣкопорыя нѣжныя роли, былъ уже женаптъ, а попому я рѣшилась вдовспвовать.

» Вѣроятно вы сдѣлались мизантропкой, спали разыгрывать роль раздраженной героини, исполненной гнѣва и негодованія? «

— Нѣтъ, нѣтъ! Публикѣ такія роли не нравятся. Я рѣшилась выбрать совершенно противоположную: разыгрывала въпренницу, шальную: прекрасная роль для женщины, которая не будучи еще старою, чувствуетъ уже приближеніе старости. Я спала себѣ позволять улыбки, вольныя шутки, миспификаціи, смѣлую веселость, однимъ словомъ все: и мнѣ такъ аплодировали, что соперницы мои чуть-чуть не допнули съ досады.

» Какое поржеспво! . . .

— О! возразила вдовствующая Герцогиня вздыхая, поржеспво прекрасное безъ сомнѣнія! Но когда я выходила за кулисы, то заливалась слезами.

» Однакожь, я думалъ, что вы были счастливы? «

— Я была актриса, воптъ и все. Подъ эпимъ покрываломъ внѣшней веселости таилась жесточайшая гореспь. Театральная жизнь не всегда пріятна. Я просила мѣста въ провинціи, мнѣ опказали.

» Опказали! Чпо это значиптъ? «

— Евгеній овдовѣлъ и жилъ въ Шопландіи.

Онъ обошелся со мною весьма гордо, почти презрительно.

« Неблагодарный! »

— Безъ сомнѣнiя неблагодарный, но оспорожный, благоразумный: какой человекъ въ здоровомъ умѣ захочетъ жениться на актрисѣ.

« Смѣю замѣтить, Миледи, что пипая такое презрѣнiе къ этому званiю, вы могли не вступать въ оное. »

— Меня принудили къ этому. Говорю вамъ, что первые уроки я получила отъ моей кормилицы, впорые отъ матери. Сначала приучали меня къ спрадапельному повиновенiю, попомъ къ припворнымъ, наивнымъ ласкамъ; наконецъ къ позипурамъ скромности, спыдливости, благоразумiя: всему этому меня научили. Какъ скоро кто къ намъ приѣзжалъ, я уже должна была держаться какъ на сценѣ. Мои слова, приемы, движенiя, все было расположено заранѣе. Въ эпомъ единственнo соспояло все мое воспитанiе. Я вступила въ свѣтъ актрисой; нашла въ свѣтѣ только актеровъ: слѣдспвенно съ моей спороны было бы глупо дѣйствовать непринужденно, давать свободу чувспвованiямъ, говорить то, что въ самомъ дѣлѣ думаю: это все равно, что безоружному нападашь на человека вооруженнаго съ ногъ до головы. Я думала, что являсь съ открытымъ лицомъ среди

всѣхъ эпитъ людей, скрывавшихся подъ маска-ми, сдѣлаю величайшую глупость. Истинная привязанность, просподушное выраженіе чувствованій погубили бы меня навсегда. Самолюбіе мое пробудилось: играя хорошо роль мою, я могла надѣяться на успѣхъ. И я разыграла эпю роль къ полному удовольствію публики. Увы! . .

» О чемъ же вамъ сожалѣть? Жизнь ваша была исполнена блеска. Уваженіе, копорое имѣютъ къ вашему паланпу, Миледи, должно бы, кажепся, удовлетворить васъ. «

— Нѣтъ, нѣтъ. Будутъ лѣта, въ копорыя надоѣстъ румянится, когда голосъ суфлера спановится несноснымъ для слуха, когда бываешь принуждена оставить блиспапельныя роли и принимаешься за роль дуэнны. Эпо горько! Я поступала какъ могла лучше. Улыбалась молодымъ, принимала видъ снисходительный, милоспивый, когда разыгрывала благородную роль хозяйки, покровительствовала искуспвамъ, была доброй родспвенницей. Наконецъ всѣ эпити филантропическія фразы, всѣ ласки, копорыя я щедро разсыпала, сдѣлались мнѣ несосны. Я наняла компаньонку и наединѣ съ нею вымѣщала на ней досаду, копорую причиняло мнѣ мое принужденное положеніе въ общеспвѣ. Я сдѣлалась капризна, упряма, сердипа, взыскапельна. Пре-

давалась свободно дурному расположенію духа моего. Съ эпаго времени я спала играпъ въ домашнемъ быпу еспественную роль мою, роль скучающей спарой женщины.

» Скажице лучше, « воскликнулъ я, » женщины исполненной ума, снисходительности, вкуса. Ради Бога не оспавляйте навсегда сцены. Удаленіе ваше будетъ общимъ бѣдствіемъ для большаго свѣпа. Въ пеперешнемъ соспоянніи вашемъ вы прелесны; но смѣю спросить, почему вы рѣшились опкрыть мнѣ тайну искусства вашего? Не думаете ли вы, Миледи, что я чувствую какое-либо спайнственное влеченіе къ театру? «

— О, нѣпъ.

» Однакожь! « . .

Герцогиня нѣсколько помолчала.

— Послушайте, сказала она наконецъ, привычка такъ сильна, что я гопова была сей часъ играпъ предъ вами. Но размысливъ, нахожу, что для васъ, любезный Фридерикъ, опкровенность моя не содержитъ ничего новаго. Вы были знакомы съ эпимъ бѣднымъ Евгеніемъ, копорый видалъ меня за кулисами и зналъ, что думаетъ о паланпахъ моихъ. И такъ испорія моей театральной жизни вамъ корошко извѣсна. Не правда ли?

» Ахъ! что вы эпо говорите, Миледи? «

— Полно-пе!.. Мы объяснились вполне и больше говорить об этом не спанем. Опиньт вы не будете меня приглашать съ вами въ спектакль, и поймете, я думаю, почему я чувствую такое неодолимое опвращеніе къ актрисамъ, зрѣлицамъ, декораціямъ, костюмамъ, однимъ словомъ, ко всему пому, что въ свѣтѣ есть театральнаго.

TAIT'S EDINBURGH MAGAZINE.

III.

ЗАЛА

ГОСПОЖИ НЕККЕРЪ. *

(1776).

По смерти Людовика XV, дворъ удалился изъ Версали въ Ла-Мюэпъ по близости Пасси, гдѣ пробылъ около мѣсяца. Въ продолженіе всего этого времени, не врирая на даль, Парижане толпами наперерывъ спекались привѣтствовать новаго Короля своими восклицаніями. Съ самаго утра длинными рядами пшянулись гуляющіе по большой улицѣ Пасси и въ аллеяхъ Булонскаго лѣса. Проспой народъ былъ въ праздничныхъ пластьяхъ; въ женскихъ приче-

* Отрывокъ изъ романа *Филиппъ де Морель*, сочиненія знаменитаго Августина Тьерри, автора *Завоеванія Англіи Нордманнами*.

скахъ были вколопы колосья какъ символъ изобилія. Сія полпа, смѣсь людей всякаго званія, спекалась у рѣшепки замка и расходилась полько съ наспуленіемъ ночи. Таково было начало царспвованія Людовика XVI. Всѣ надѣялись, что народъ сдѣлается счастливѣе, всѣ ожидали, что для государспва послѣдуептъ, пакъ сказапъ, перерожденіе, всѣ имѣли неограниченную довѣренность къ намѣреніямъ юнаго Короля. Монархъ, пронупый пакой любовью, сердечно желалъ оправдапъ надежду, копорую народъ имѣлъ на него. Его поражала великостъ злоупупребленій и необходимость произвеспи всеобщее преобразование; но чувспвуя свою неопыпность, онъ недовѣрялъ себѣ самому, не имѣлъ пвердаго харакпера, находился въ нерѣшимости. Онъ равно пребовалъ совѣпа у государспвенныхъ людей, пользовавшихся довѣренностию покойнаго Короля или находившихся у него въ немилости; но всѣ эти люди отвѣчали ему одно: »Государь, Французское Королевспво существуетъ уже болѣе пысячи прехъ сопъ лѣпъ: пвердостъ его уже доказана. Хопя и встрѣчаются кое гдѣ небольшія неупспроства, но онѣ не удивительны и не спрашны. Правда, что здапіе спаро, однакожъ оно прочно.« И Король, въ слѣдспвіе сихъ отвѣповъ, предавался еще долѣе нерѣшимости; наконецъ, къ величайшему соблазну двора, онъ

выбралъ двухъ Министровъ изъ партіи такъ называемыхъ тогда Философовъ.

Эти Министры были Тюрго и Мальзербъ. Первый, принадлежавшій къ главнымъ лицамъ партіи Философовъ, съ обширными познаніями соединялъ упрямство сектанта. Онъ хотѣлъ создать все вдругъ и говорилъ съ непоколебимымъ равнодушіемъ: «Мнѣ нѣкогда ждалъ: я принадлежу къ семейству, коего члены не живутъ болѣе пятидесяти лѣтъ.» Предпріятія Тюрго рушились не только по причинѣ эгоизма придворныхъ, но и въ слѣдствіе привычекъ и предразсудковъ народа. Уничтоживъ цехи, онъ навлекъ на себя ненависть ремесленного класса; даровавъ полную свободу торговлѣ хлѣбомъ въ зернахъ, возбудилъ всеобщее безпокойство, за коимъ почти непосредственно послѣдовалъ дѣйствительный, а можетъ быть искусственно произведенный недоспапокъ въ хлѣбѣ. Народныя пѣсни и насмѣшки, соединясь съ происками придворныхъ, погубили во мнѣніи Короля человека честнаго, коего вина состояла единственно въ томъ, что онъ слишкомъ довѣрялъ могуществу разсудка. По удаленіи Тюрго министерство финансовъ перешло въ руки человека, опытнаго въ дѣловой практикѣ, искуснаго для изобрѣпанія новыхъ пособій, но сварливаго и распочипеля. Въ печеніи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, недочеты въ казнѣ такъ ужасно увели-

чились, что Король рѣшился приняться за нововведенія и положиться въ выборѣ Министра финансовъ на голосъ общественнаго мнѣнія.

Г. Неккеръ, Посоль Женеvской республики, славился въ то время и какъ возвыщенный полиппикъ, и какъ спонкій знапокъ финансовой чаcпи. Этой славой былъ онъ обязанъ сочиненіямъ своимъ о торговлѣ и несмѣпному богатству, приобретенному въ банковыхъ оборотахъ. Во время Тюргопова министерства, Неккеръ издалъ брошюрку, въ коей воспавалъ проппивъ свободнаго вывоза хлѣба; брошюрка сія имѣла великій успѣхъ, и по всей въроятности много содѣйствоввала упадку Министра. Неккеръ предспавлялся какъ среднее пропорціональное между Философами, коихъ способность къ дѣламъ спала подозрительною, и Папприціями, копорымъ убѣдительно доказали ихъ ничпожество; онъ былъ диня обспояпельствъ; его выбрали. Приобщеніе его къ министерству въ качествѣ генераль-директора казны, было съ радостію принято во всѣхъ торговыхъ городахъ Европы; ибо капиталисты предвидѣли, что новый Министръ прибѣгнетъ къ займамъ, желая основать возвышеніе финансовъ посредствомъ общественнаго кредита. Женева, городъ изобилующій капиталами и опечество Неккера, видѣла для себя въ его возвышеніи предметъ

справедливой гордости и новый источник благосостоянія. Граждане сей республики, споль богапой, не взирая на недоспапокъ земли, вспрѣчаясь на улицахъ, привѣтспвовали другъ друга словами: »знаете ли вы новоспъ?» и дружески пожимали руки.

Возможность упвердитъ заранѣе за собою выгодную часпъ въ финансовыхъ операцияхъ новаго Миниспра соспавляла важнѣйшій предметъ для Женевскихъ капиталисповъ. Они рѣшились сдѣлать для сего попытку, выбрали изъ среды себя одного человекъ, которьй славился коммерческими оборотами и сверхъ того въ дѣтспвѣ былъ другомъ Неккеру; поручили ему опсправиться къ Миниспру, поздравить его, предложитъ ему содѣтспвіе и просить предпочпенія въ пользу его родины. Торговецъ, коему было препоручено сіе важное дѣло, опсправился, соупспвувемьй сиропой, племянницей, имѣвшей опъ роду двадцать два года, у коей онъ занималъ мѣспю опца. И дядя и племянница были дружеспвенно приняпы Неккеромъ и обѣщали вечеромъ на слѣдующій день посѣтитъ его опять.

Декабря 9го 1776 года, около семи часовъ вечера, карета, довольно хорошей наружности, но копорую внимательный наблюдатель попчасъ бы призналъ за наемную, проѣхала чрезъ дворъ минисперскаго дома и оспановилась предъ сѣ-

нями, изъ коихъ былъ выходъ на большую лѣспницу. Видный, хорошо одѣтый, но не въ ливреѣ лакей, легко соскочилъ съ задка кареты и отворилъ двери, копорыя были прихотливо расписаны. Сперва вышелъ чело-вѣкъ лѣтъ пятидесяти весьма щцапельно одѣ-тый: на немъ было темное бархатное плаще, жилетъ изъ бѣлаго апласа, усеянный золопы-ми блеспками, на шпагѣ его былъ ленточный бантъ. Вышедъ изъ кареты, онъ подаль руку молодой дѣвицѣ, коей нѣсколько иноспранный шуалешъ былъ, казалось, проспѣе и скромнѣе шуалета Парижскихъ дамъ въ ту эпоху. Оба отправились въ госпинную, и слуга, отворяя имъ двери, возвѣспилъ звонкимъ голосомъ о при-бытїи Г. Оберти и дѣвицы Риспаль.

Всѣ муцины вспали; и Г. Неккеръ, копорый обыкновенно опличался холодною вѣжливостью, съ замѣпной поропливостью сдѣлалъ нѣсколь-ко шаговъ къ двери. » А! здравспвуй Жозефъ «, сказалъ Миниспръ: *» все ли по добру по здоро-ву? «* . . Но попчасъ, какъ бы желая скрипѣ Женевскую поговорку, копорая вырвалась у него невольнo при видѣ земляка, прибавилъ: » Здравспвуйте, почпенный другъ мой! я очень радъ, чпо вижу васъ! « При сихъ словахъ онъ подаль руку дѣвицѣ Риспаль и повелъ ее къ камину, гдѣ сидѣла Гжа Неккеръ въ широкихъ креслахъ, среди множеспва дамъ, убранныхъ со

всей роскошью и вполнѣ по модѣ погдашняго времени. Ихъ плапья, раздувшіяся опть огромныхъ фижмъ, проспирались предъ ними въ видѣ вѣера; онѣ были покрыпы многими складками гарнипура, среди коихъ блиспали золото, серебро, жемчугъ вмѣспѣ съ газовыми буффамн и гирляндами искусспвенныхъ цвѣповъ. Волосы ихъ, собранные чрезмѣрно высоко на маковкѣ головы, увѣнчавались брилліанпами, множеспвомъ перьевъ, или корзинкой цвѣповъ: названіе сіе было нѣсколько времени классическимъ въ словаряхъ модъ. Госпожѣ Неккеръ опть роду было лѣспѣ придцапѣ шесть или восемь; хопя она имѣла мало привлекапельности, но была довольно хороша собой и въ великолѣпнн одежды не уступала ни одной изъ окружавшихъ ее дамъ. На плапѣ ея висѣли въ при ряда фалбары; но она, особенно вечеромъ, убирала волосы гораздо ниже другихъ дамъ и особенно любила пакую не слишкомъ многосложную прическу. Прическа сія соспояла въ нѣкопораго рода пюрбанѣ, коему, по причинѣ его формы или быпѣ можепѣ изъ леспи, модныя порговки дали имя *Минервина титака*.

Госпожа Неккеръ посадила возлѣ себя юную соопечеспвенницу свою, сдѣлала ей нѣсколько вопросовъ довольно снисходипельнымъ пономъ; видно было однакожъ, чпо къ эпому она предварипельно пригоповилась. Дѣвица Риспаль оп-

въчала ей безъ замѣшательства, хопя робкимъ пономъ; послѣ чего пропянула руку къ дѣвочкѣ десяти или одиннадцати лѣтъ, сидѣвшей на табуреткѣ у ногъ Гжи Неккеръ. Эта дѣвочка, изъ коей долженствовала образоваться нѣкогда знаменипая женщина, опличчалась въ то время полько живоспью своихъ большихъ черныхъ глазъ, не пропускавшихъ ничего безъ вниманія, и болповспвомъ иногда оспроумнымъ, но въ коемъ и погда уже было желаніе производипь эффектъ. Многіе мушины зрѣлыхъ уже лѣтъ, важной наружности, подходили попеременно къ дѣвицѣ Неккеръ и завязывали съ ней разговоръ, въ коемъ мапъ ея не принимала никакого участія, но копорый она часпо прерывала словами: » Держись, другъ мой, прямѣ! «. . Сіе приказаніе всегда сопровождалось движеніемъ головы и плечъ, коему дѣвочка попчасъ подражала. Гжа Неккеръ въ свою очередь поздравила дочь свою съ дружеспвомъ, копоре изъявляла ей особа споль совершенная, какова дѣвица Риспаль. » Луиза. « сказала она ей улыбаясь; » я велю подапъ для тебя кресла: тебѣ нынѣшній вечеръ двадцать лѣтъ. «. . Молодая Луиза, живо повернувшись на табуреткѣ, опвѣчала дѣпской оспропой, копорая непонравилась ей мапери: холоднымъ взглядомъ она попчасъ оспановила болпушку, а Миниспръ удаллся съ видомъ, изъявлявшимъ болѣе снисходи-

пельности. Между пѣмъ дамы съ любопытствомъ разсматривали дѣвицу Риспаль, и шопотомъ спрашивали другъ друга, кто она? Одна дама лѣтъ двадцати пяти, не слишкомъ красивая, весьма много нарумяненная, сказала другой, сидѣвшей возлѣ нея, опмично разряженной, находившейся довольно далеко отъ особы, составившей предметъ разговора: »Не находите ли вы, какъ и я, что она принимаетъ на себя принужденно видъ Гжи Неккеръ? . . . «

— Принужденно, говорите вы; по несчастію для той и другой, онѣ совершенно похожи другъ на друга.

» О, какъ вы спроти! Еще видно, что Гжа Неккеръ могла бытъ *нѣкогда* хороша собой; чтожъ касается до дѣвицы Риспаль—кажется пакъ—то она и теперь не дурна, спройна, имѣетъ хорошій ростъ; хотя цвѣтъ лица у ней свѣжъ какъ у мѣщанки, но должно сознать, что онѣ прекрасенъ. «

— Конечно; жаль однакожъ, что эта длинная, свѣжая фигура сидитъ будпо приклеена къ креслу, какъ авпоматъ, копорого пружина испорчена.

» Признаюсь «, сказала дама, которая говорила прежде — » въ эптомъ отношеніи, если бы я не видала неловкаго поклона, сдѣлашаго ею при входѣ, то при ея шуалетѣ съ того свѣна, почла бы ее за фамильный порпретъ изъ ка-

кой нибудь старой коллекціи, для коего нужна рама. «

Другая дама, закрывшись вѣеромъ, принялась смѣяться; но не взирая на то, одна изъ ея сосѣдокъ, слышавшая весь эпотъ разговоръ, замѣтила смѣхъ сей. Эпо была женщина пожилая, одѣтая въ праурное платье; на головѣ у ней, по старой модѣ, надѣтъ былъ черный чепчикъ съ большими мопыльками. » Я не такъ строго разборчива, какъ вы, милоспивья государыни «—сказала она важнымъ пономъ,—» и нахожу, что эпа молодая особа весьма не дурна. Она держитъ себя очень скромно и прилично; въ большихъ голубыхъ глазахъ ея сіяетъ дѣшепельное чистосердечіе; проспья, совершенно непринужденные приемы ея, по моему мнѣнію, супъ доказательство прекраснаго пона. Въ мое время такія качеспва были уважаемы. «

Слова сіи произвели желаемое дѣйспвіе: обѣ молодья дамы опвѣчали полько принужденной, нѣсколько презрипельной улыбкой. Каррикапура, въ коей онѣ хопѣли изобразитъ незнакомку, и леспный порспрепъ, за пѣмъ послѣдовавшій, имѣли равное сходспво съ дѣвицею Риспаль. Эпо были, такъ сказать, хорошая и худая спороны ея, изъ коихъ каждая поражала болѣе или менѣе, смопря по духу и расположенію пѣхъ, копорые видѣли ее; но для всякаго безприспраспнаго наблюдапеля, ея ясная, спо-

койная физиономія и какаѣ-по опредѣленность въ черпахъ лицахъ, служили свидѣпельспвомъ души чистой и рѣшительнаго харакпера. Нѣсколькo предварительныхъ объясненій могутъ дать вѣрнѣйшее о ней понятіе, равно какъ о нравѣ Г. Обера, дяди ея.

Петръ и Жозефъ Оберъ, сыновья богатаго, уважаемаго Женевца, были въ первомъ дѣтствѣ своемъ поварищами и друзьями молодаго Неккера. Они учились съ нимъ вмѣстѣ въ Женевской Академіи и къ одному и тому же паспору ходили для духовнаго приговоренія къ Причастію, а эпаго произшествія своей жизни пропешпантъ никогда не забываетъ. Спаршій изъ молодыхъ Оберовъ по смерпи отца своего оспавилъ Женеву, поселился въ Бернѣ, гдѣ вступилъ въ бракъ и основалъ порговой домъ, который весьма скоро пришелъ въ цвѣтущее соспояніе. Богатство дало ему способы приобрѣсть въ Бернскомъ кантонѣ нѣсколькo помѣспьевъ, изъ коихъ важнѣйшее было Риспальское, лежавшее въ недалнемъ распояніи отъ Берна, на берегу рѣки Аара. Чпо касаетса до Жозефа, по онъ не счелъ нужнымъ ни выѣхать изъ опечеспвеннаго города, ни жениться. Сношенія его съ Г. Неккеромъ не прекрапились и по опгѣздѣ сего послѣдняго въ Парижъ, куда его пригласили для управленія дѣлами Теллоссонскаго пор-

говаго дома. Будучи увѣренъ въ опличныхъ способностяхъ къ дѣламъ своего друга, Жозефъ Оберъ ввѣрилъ всѣ свои капиталы сему дому и раздѣлялъ его огромныя выгоды.

Казалось, счастье Женевского капиталиста было совершенно. Богатство его быспро возраспало; жизнь велъ онъ спокойную, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. По причинѣ благороднаго его обращенія и пріятной бесѣды, былъ онъ охотно принимаемъ даже въ высшихъ обществѣхъ города, въ коихъ присупспвовапъ усердно желаепъ всякой богатыи Женевской гражданинъ, но куда имѣюпъ входъ только небольшое число избранныхъ. Однакожъ Жозефъ Оберъ чувспвовалъ себя не совсѣмъ счастливымъ: его мучило небольшое чесплюбъице. Хотя по рожденію онъ равнялся съ древнѣйшими фамиліями Женевскихъ гражданъ, но усмапривалъ еще нѣкопоре разспояніе между собою и пѣми изъ соопечеспвенниковъ, коихъ имена, звучащія по Ипаліянски, свидѣпельспвовали болѣе или менѣе догадочно, о произхожденіи сихъ гражданъ опъ благородныхъ семейспвъ, переселившихся въ Женеву изъ-за Альпъ: вопъ чпо день и ночь превожило Жозефа. Долго не обнаруживалъ онъ пого; но однажды, въ присупспвіи ученаго Профессора Испоріи, копорый изчислялъ подробно древнія привиллегіи Имперскаго города Женевы, основы-

вая доводы свои на опысканной недавно древней харши, Оберъ сказаль равнодушно: » Къ спапи объ историческихъ открьпяхъ, скажу вамъ, что на прошлой недѣль я сдѣлаль поже одно, именно нашель въ одной спарой, совершенно изпоченной червями книгъ, что нѣкто Оберпи, дворянинъ, урожденець города Флоренци, былъ, вмѣстѣ съ знаменимымъ поэпомъ Данпомъ, осужденъ къ изгнанію въ одинъ и попъ же день, одними и пѣми же судьями. Эпопъ Оберпи былъ Джибелинъ, даже болѣе Джибелинъ, чѣмъ самъ Данпъ; а попому въ Ипалін ему жипъ было прудно, по причинѣ множеспва враговъ, коихъ имѣла памъ Имперія, и онъ переселился въ Женеву, Имперскій городъ, какъ справедливо утврждаепъ Г. Профессоръ; здѣсь онъ основался жипельспвомъ и опъ него — помы происходимъ. «

— Не ужели! воскликнули многіе вдругъ, иные въ насмѣшку, другіе, будучи увлечены впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ сей неожиданной новостью.

» Безъ сомнѣнія «, возразиль Жозефъ; » но поелику въ слѣдспвіе Женевскаго произношенія, одна буква фамильнаго имени моего въ печеніи времени упрापилась, по думаю, что не худо сдѣлаю, если, изъ уваженія къ памяпи предковъ моихъ, спану носипъ полное ихъ имя. «

Всѣ молчали; нѣкоторые дѣлали головою утвердительный знакъ. На другой же день имя *Оберти* пошло въ обращеніе между всѣми, кто имѣлъ желаніе или нужду угодишь виновнику опкрытія; мало по малу число вѣрующихъ или согласовавшихся изъ вѣжливости возрасло значительнo, и въ городѣ произошло нѣкопорого рода равновѣсіе между исправленнымъ и извѣстнымъ именемъ. Изъ двухъ въ одно время къ Жозефу подходившихъ людей, одинъ говорилъ: здравствуйте, Г. Оберъ, а другой: Г. Оберти, свидѣтельствую вамъ мое всенижайшее почтеніе! Наконецъ, по испеченіе и нѣсколькихъ лѣтъ, имя *Оберти* по видимому превозмогло, вошло въ обычай, укоренилось.

Около этаго времени умеръ старшій братъ Жозефа, Пепръ Оберъ, который опносительно себя не сдѣлалъ никакого употребленія изъ историческаго опкрытія. Онъ былъ давно уже вдовъ и по смерти оставилъ единственную, шестнадцатилѣтнюю дочь, по имени Софью. При концѣ жизни своей онъ изъявилъ желаніе, чпобы Софью опвезли въ Женеву, а въ опекуны ей назначилъ брата своего Жозефа. Софья явилась въ Женеву; дядя опвелъ ей хорошенькую комнапку, изъ коей видъ былъ на Женевское озеро и деревни, коими берега онаго усяяны. Оставшись на единѣ, она окинула глазами все

окружавшее ее и была довольна; но вскорѣ лице ея измѣнилось: » Все прекрасно въ этомъ домѣ«, сказала она съ горестію; »но здѣсь ни что не напоминаетъ объ опцѣ моемъ; даже имени его я не услышу, ибо дѣдушку зовутъ иначе!« Наспаль часть обѣда; Г. Оберпи замѣпилъ, что глаза племянницы его нѣсколько покраснѣли. »Дипя мое! ласково сказалъ онъ ей: »успокойся, будь увѣрена, что во мнѣ найдешь ты впораго опца!« Эпопъ знакъ нѣжности пронуль Софью; она не имѣла духа спросить о причинѣ перемѣны имени, которая произвела на нее такое печальное впечатлѣніе.

Черезъ два дня по приѣздѣ Софьи, она была приглашена въ одно общество; хозяйка нарочно, для удовольствія ея, созвала самыхъ любезныхъ дѣвицъ города. На семь вечерѣ разговаривавшіе съ нею называли или по имени, или говорили ей просто: *сударыня*; она отвѣчала очень весело и, казалось, была весьма довольна сдѣланнымъ ей приѣмомъ. Но около десяти часовъ, одна изъ дѣвицъ сказала: » Не ужели мы разѣдемся не позабавясь немного музыкой? Вопть очень хорошенькая пьеска Пиччини: попросимъ дѣвицу Оберпи начать.«

— Весьма охотно, отвѣчала съ живостію Софія; но прошу васъ, называйте меня Оберъ; эпо имя носилъ опецъ мой и я еще не опказалась опъ него.

Послѣ сихъ рѣшительныхъ словъ, на мину-
 шу воцарилось молчаніе; попомъ занялись му-
 зыкой и эпо маленькое приключеніе, повидимо-
 му, было совершенно забыто. Одинъ только
 человѣкъ смѣшался, хопя искусно скрылъ не-
 приятное впечатлѣніе, произведенное на него
 словами Софьи: эпо былъ ея опекунъ и дядя.
 Сія непредвидѣнная черта твердости харак-
 тера грозила уничтоженіемъ его намѣренія
 спать на ряду съ семействомъ *Каламдрини*,
Туркини и другими фамиліями на и, сославлявши-
 ми, такъ сказать, вѣнецъ Женевского общест-
 ва. И дѣйствительно, какимъ образомъ спать-
 ся подъ именемъ *Оберти*, когда племянница рѣ-
 шительно намѣрена носить имя *Оберъ*? Эпо
 казалось невозможнымъ. Онъ продумалъ цѣлую
 ночь и, на другой день упрямъ, будучи во вре-
 мя завтрака одинъ съ Софьею, сказалъ:

— Любезная племянница, спало опецъ пшвой
 забылъ тебѣ сообщить объ опкрѣпш, копо-
 рое мы сдѣмали касательно наспоющаго имени
 нашего, древняго имени нашей фамиліи? Нѣтъ
 сомнѣнія, чпо наши предки родомъ изъ Ипаліи:
 эпо доказываенся одной спаринной книгой, за-
 главіе коей я нѣкогда зналъ.

• Бапшошка никогда мнѣ объ эпомъ не гово-
 рилъ», спокойно опвѣчала дѣвушка; »я никогда не
 имѣла случая замѣшшш, чпобъ онъ чпо-либо

прибавилъ къ своему имени, или сократилъ изъ онаго. «

Эпопъ опивѣтъ былъ ясенъ. Опекунъ не много разсердился и на минупу впалъ въ уныніе. Но вдругъ въ умъ его сверкнула мысль:

»Софья!« сказалъ онъ; »не носилъ ли кто въ Бернѣ, кромѣ опца пвогого, имени Обера? «

— Одинъ Французъ, съ которымъ мы были коропко знакомы. Для различія опца моего звали Г. Оберъ Ристальской, по причинѣ замка нашего на берегахъ Аара; мѣстоположеніе, увѣряю васъ, прекрасное! Съ одной спороны широкая, быспрая рѣка; съ другой. . .

» Очень хорошо, ты говоришь, что опецъ пвой назывался Оберъ Ристальской? «

— Именно всѣ такъ звали его; да сверхъ того въ пансіонѣ мои подруги называли меня проспо *Ристаль*. Онѣ находили, что эпо имя короче и легче произносишь, ибо всѣ говорили по Нѣмецки; и я такъ къ тому привыкла, что спану и пеперь опивѣчаешь, если меня имъ назовутъ. О! какое прекрасное время было эпо!

» Хорошо, Софья; если эпо пансіонское имя возбуждаешь въ тебѣ пріятныя воспоминанья, то оспавайся *Софьею Ристаль*; я не буду иначе звать тебя. «

Послѣ эпой маленькой сцены пропекло уже шестъ лѣтъ, когда имена Оберпи и Ристаль раздались совокупно въ госпиной Генерал — Ди-

ректора казны. Кромѣ дамъ, коихъ шуалеть описанъ выше, въ гостинной было много и мущинъ, важныхъ по чину или замѣчательныхъ по уму: здѣсь были и придворные, и академики, и чиновники министерства финансовъ, и философы. Всѣ сии люди раздѣлялись на нѣсколько группъ, изъ коихъ у каждой былъ свой особенный предметъ для разговора, но предметъ владычествующей составляла полипика. Поговоривъ нѣсколько времени съ Министромъ, Г. Оберпи удался въ противоположную спорную гостинной, гдѣ нѣсколько человекъ, казалось, предавались жаркому прѣнію. Различіе видовъ ГГ. Неккера и Тюрго, опносительно управленія государствомъ, составляло предметъ спора. Защищникъ Тюрго утверждалъ, что не должно ни мало ограничивать торговлю и промышленность; онъ съ одушевленіемъ повторялъ аксіому экономистовъ: *laissez faire, laissez passer*. Народъ перипитъ, говорилъ онъ; эпо видятъ, но не хопятъ видѣть причинъ, соспоящихъ именно въ пошлинахъ и другихъ узаконеніяхъ, ограничивающихъ свободу торговли, по причинѣ коихъ необходимѣйшія для жизни вещи удваиваются и упроиваются въ цѣнѣ. Вопъ опъ чего у бѣднаго нѣтъ ни хлѣба, ни работы! воскликнулъ онъ въ заключеніе; и если что слѣдуетъ разсѣчь мечемъ преобразованія, по именно эту спѣснительную систему.

— Но принимапья за сїа преобразованїа надбно оспорожно, опвѣчалъ пропивникъ его.

» Какъ! оспорожно! поспунапья оспорожно со зломъ; держапья средины между испиной и ложью? Вопъ чудесный способъ быпья чеспнымъ человекомъ! Вопъ прекраснѣйшїй образъ мыслей! . .

— Если бы дѣло шло только объ опвлеченныхъ испинахъ, какъ въ геометрїи, можепья быпья въ такомъ случаѣ я согласился бы съ вами, сказалъ Оберпи спокойнымъ тономъ, изъявлявшимъ человекѣ опытнаго въ вещахъ, соспавлявшихъ предметъ разговора. Но прошу извиненїя, мнѣ кажепья, что непосредственно уничпожипья сїю сиспему, совершенно мною неоправдываемую, не возможно; ибо распропья много соспоянїй, придупья въ упадокъ многїе порговые дома и сверхъ того уничпожипья надежда, копорую мы имѣемъ учредипья новую сиспему общеспвеннаго кредипья. Кредипья, государь мой, вопъ единспвенный испочникъ благососпоянїя какъ для государспва, такъ и для часпнаго человекѣ.

» Прекрасно!« сказалъ человекъ лѣпья въ придцапья, по густымъ золопымъ эполепамъ коего видно было, что онъ принадлежалъ къ числу высшихъ военныхъ начальниковъ. « Прекрасно! это испинная правда. . .

— Безъ сомнѣнїя, продолжалъ Женевецъ, ра-

дуясь этому неожиданному одобренію, и желая сказать военному что-либо пріятное: кредитъ есть душа войны и всѣхъ великихъ предпріятий; онъ даруетъ могущество и ручается за благосостояніе. Но его можно приобрести только съ нѣмъ условіемъ, чптобы существующія права были уважаемы, чптобы самыхъ злоупотребленій касались не иначе, какъ съ величайшей осторожностью, чптобы точно исполняли всѣ обязанности, какого бы рода онѣ ни были, чптобы вѣрно и безъ замедленія платили кредиторами.

» Это не всегда возможно! пробормоталъ офицеръ въ полголоса, какъ будто отвѣчая не на слова оратора.

— Извините, государь мой, отвѣчалъ Обер-пи, это всегда возможно и всегда должно; и Г. Генерал-Директоръ во все продолженіе министерства своего будетъ доказывать справедливость словъ моихъ.

Офицеръ хотѣлъ установить различіе между государственнымъ кредиторами; опята право полного полученія платежа у нѣхъ, кои ссужали деньгами своими за слишкомъ высокіе проценты; но не взирая на нѣкоторую легкость въ способѣ изъясненія, онъ скоро потерялъ раза два нѣтъ идей своихъ и не могъ какъ слѣдуетъ привести къ концу свою выходку, которая изъясняла въ немъ, если не великія познанія въ

полипической экономіи, по крайней мѣрѣ сильную ненависть къ росповщикамъ.

Разговоръ минулы на двѣ прекратился; попомъ одинъ изъ присуспствующихъ завязаль его опячь слѣдующими словами:

» Знаете ли вы новость? Г. Клермон-Тоннеръ женился завпра на дѣвицѣ Розамбо: Король подписалъ уже брачный договоръ. «

— Клермон-Тоннеръ, Розамбо! воскликнулъ съ веселымъ видомъ Женевецъ. Вопть имена пріятно звучащія!

» Какъ, государь мой, неужели эпо еще нравился вамъ? Чпо касается до меня, по эпо все давно мнѣ надоѣло. Чпо значить звучное имя? Тоже, чпо барабаны моего полка, когда въ нихъ бьютъ: извнѣ громкій звукъ, внупри пуспопа. Имя имѣло смыслъ во времена дѣдовъ нашихъ, нынѣ оно его не имѣетъ болѣе; люди съ именами гранятъ камни. Если мы не плапимъ подапей Королю, по плапимъ ихъ искусспвеннымъ нуждамъ, модѣ, обычаю, праздности, копорая часпо принуждаетъ насъ разоряпья, дабы избѣгнупь скуки. Признаюсь, и я скучаю, не имѣя дѣла; не худо бы насъ заняпъ чѣмъ-нибудь, хопъ на примѣръ войной съ Англичанани, по случаю возмущенія ихъ колоній. «

— Государь мой! сказаль Женевецъ, эпо было бы вредно, очень вредно, для новой системы кредита, и Г. Генерал-Дирекпоръ. . .

» Какъ вамъ угодно, я не пвердо спою за это; но для насъ нужны событія, событія важныя, которыя бы насъ совсѣмъ измѣнили, переродили. Относительно знапности рожденія я никому ни уступаю; но пустьъ возьметъ мою знапность кто хочетъ, кромѣ шпаги, разумѣется, и имени опцевъ моихъ. «

— Это священное наслѣдіе для всякаго чело-вѣка, который сколько нибудь уважаетъ себя! воскликнулъ съ жаромъ Женевецъ. И въ нашей малешкой республикѣ мы почиаемъ свяпою обязанностью не только хранить въ памяти, но даже опыскивать всѣ фамильныя преданія.

Произшедшій въ пропивоположномъ концѣ залы шумъ прервалъ разговоръ и обратилъ вниманіе шуда, откуда оный про-изходилъ . . .

IV.

СМЕРТЬ

ЗНАМЕНИТАГО ПЕРЕПЛЕТЧИКА

ТУВЕНЕНЯ.

(Ж. ЖАНЕНЯ.)

Тувенень умеръ на прошедшей недѣль. Онъ былъ первый, многіе утверждаютъ даже единственный Европейской переплетчикъ. Изъ ремесла своего сдѣлалъ онъ изящное искусство. Нельзя представить себѣ, съ какимъ вкусомъ, знаніемъ, усердіемъ, съ какой неупомимостью, изыскапельностию прудился онъ для своего искусства. Онъ лизалъ къ книгамъ такую спрасть, которая не вдругъ покажется понятною. О хорошей книгѣ, переплетенной въ бумажку, имѣлъ онъ такое же понятіе, какъ о прекрасной женщинѣ, покрытой рубищемъ: толпа смопритъ на бѣдную женщину равнодушно, но живой, пронцапельный взоръ юноши усмапри-

ваепъ подъ симъ рубищемъ красавицу. Воображеніе предсавляетъ ему ее въ великолѣпномъ щегольскомъ убранствѣ; онъ въ своихъ мечпахъ заранѣе украшаетъ ее бѣлыми кружевами и лентами. Такъ поступалъ Тувенень съ книгами. Когда въ руки его попадались старыя листы, пожелтѣвшіе отъ времени, когда ему удавалось добыть какую нибудь старую, замѣчательную, по счастью еще не исплѣвшую книгу, онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія. Тогда во всѣхъ черпахъ, во всей наружности Тувененя сіяла спрасть его. Онъ заирался съ своей книгой, своимъ завоеваніемъ. Прежде дѣлалъ подробный осмопръ каждому листу новаго приобрѣпенія; попомъ, осмопрѣвъ всѣ листы, вымывалъ каждый изъ нихъ. Подъ искусною рукою Тувененя старая бумага спановилась бѣла, гибка и гладка, какъ новая: онъ исправлялъ малѣйшія ея поврежденія. Вымывъ рачительно бумагу, Тувенень сушилъ ее, лѣпомъ на солнцѣ, зимой у камина, а по окончаніи всѣхъ эпихъ пригопвленій принимался за работу, выбирая лучшій сафьянъ или пергаментъ. У него были цвѣта для всѣхъ эпохъ, для всѣхъ періодовъ липературь: ученой древности посвящалъ онъ кожу красновапаго цвѣта, для наукъ богословскихъ, религіозныхъ фіолеповый сафьянъ, среднимъ вѣкамъ пергаментъ, щегольскую позолопу прекраснымъ пво-

реніямъ славнаго вѣка липературы Французской, розовую кожу маленькимъ книжкамъ вѣка попомъ слѣдовавшаго; чпожъ касаепся до лучшихъ твореній нашего времени, по Тувенень, будучи человѣкомъ умнымъ и имѣя понкій вкусъ, пипаль къ нимъ глубочайшее презрѣніе. Трудно было побудить его къ тому, чпобы онъ согласился перяпъ время и маперіаль на творенія современныя. Онъ плакалъ опъ досады, когда долженъ былъ употребить хопя малѣйшій кусокъ кожи для нашихъ осмидольныхъ книгъ, худо печатанныхъ на пусклой бумагѣ, для эпихъ наводящихъ дремону произведеній, спюющихъ чего-нибудь единспвенно по милости переплета. Но великій арписпъ нашъ, какъ ни гордился своимъ искусствомъ, однакожъ далекъ былъ опъ мысли, чпобы переплеть его могъ даровать безсмертіе сочиненію, не имѣющему собспвенной жизни.

Онъ имѣлъ привычку заниматься только пакими книгами, копорыя по чему либо заслуживали спапъ подъ всемогущее его покровительспво. Онъ извлекъ изъ ничпожеспва и облекъ въ богапую, исполненную вкуса одежду безчисленное множеспво спарья, похипилъ у червей и гнили великое количеспво книгъ рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ. Невѣрояпная вещь! Простой переплетчикъ оспавилъ послѣ себя гораздо болѣе книгъ, нежели первѣйшіе пипографыцики

въ Европѣ. Превосходныя произведенія раждавшагося книгопечатанія, пройдя чрезъ такое множество варварскихъ рукъ, попергивъ сполько перевороповъ и буръ полипическихъ, наконецъ почти всѣ исчезли изъ Европы, которую онѣ такъ изумили, такъ попрясли, перевернули. Едва малое число оныхъ плавало еще надъ неизмѣримою бездною времени, но и ими играла буря: явился Тувенень и принялъ въ мирную пристань свою сихъ злополучныхъ, претерпѣвшихъ споль горесное кораблекрушеніе. Онъ собралъ разсѣянныя оспатки ихъ, исправилъ поврежденія, облекъ ихъ въ одежду безсмертную. Онъ нацель ихъ нагими, бѣдными, поруганными, и оспавилъ современникамъ богатыми, пользующимися уваженіемъ. Онъ сдѣлалъ совершенно новыхъ людей изъ спариковъ, коихъ даже имена почти были забыты. Онъ не вписалъ сихъ именъ на бронзовыхъ или мраморныхъ доскахъ, съ копорыхъ время изглаживаептъ ихъ такъ скоро, мимо коихъ идушь не оспанавливаясь; онъ сдѣлалъ лучше: онъ вписалъ ихъ на вещеспвѣ болѣе прочномъ, чѣмъ мраморъ или бронза, онъ изобразилъ ихъ на сафьянѣ своихъ переплетовъ: книга, переплетенная Тувененемъ, безсмертна.

И не только имя его безсмертно, но самая книга соспавляетъ нѣкотораго рода ассигнацію, которую также охотно берутъ, какъ и пон-

кую, красивую бумажку, съ подписью *Гара*. Подипе въ аукціонъ; едва о книгѣ произнесутъ магическія слова: *переплетена Тувененемъ*, какъ уже всѣ бродяющія толпою, каждый наддаептъ безъ милосердія: не спрашиваютъ какая книга, не спрашиваютъ, кто авторъ. Хопятъ только видѣть прудъ Тувененя, осязатъ его, узнаютъ; пѣ, копорые не могутъ купить, покрайней мѣрѣ описываютъ его въ своей записной книжкѣ. Между пѣмъ торгъ продолжается, цѣна увеличивается непрерывно. Наконецъ одерживаетъ верхъ, но не просто усерднѣйшій, а самый богатѣйшій изъ усерднѣйшихъ. Англія, Франція, Германія, Россія, часпо вся Европа принимаетъ участіе въ аукціонной продажѣ одного тома. Наконецъ онъ продается на вѣсь золота. Счастливыи покупательъ уноситъ его домой, какъ уносятъ единственнаго, вновь найденнаго сына, котораго долго и щепно искали. Печальные соревнователи провожаютъ его взоромъ, расчипывая мысленно, чрезъ сколько времени, по причинѣ разоренія или смерти покупателя, книга сія возврапится ояпш въ аукціонъ. И пакъ сколько драмъ, исполненныхъ справей, ревности, ненависти, проклятій всякаго рода, разыгрывается вокругъ одного Тувененева тома!

Нѣтъ сомнѣнія, что единственныи человекъ, вознесшійся въ своемъ искусствѣ до такой не-

слыханной степени уваженія, былъ человекъ не простой. Стоило только взглянуть на него, поговорить съ нимъ, дабы удосповѣриться въ этомъ. Магазинъ Тувененя былъ сборнымъ мѣстомъ всего изящнѣйшаго въ Липерапурѣ какъ Французской, такъ и иностранной. Этотъ магазинъ, эта лавка—до имени дѣла вѣсть—находился со двора въ маленькомъ домикѣ Дофинской улицы. При входѣ прежде всего вы увидите огромный прессъ, для дѣйствія коимъ нужна сила сорока лошадей. Посредствомъ этого пресса сдавливалъ онъ книги въ полцину карпонаго листа. Войдя чувствуешь пріятный (по крайней мѣрѣ для меня) запахъ кожи. Тутъ были собраны библиографическія богатства прехъ Королевствъ. Множество работниковъ занимались, въ безмолвіи почти благоговѣйномъ, различными приготовительными работами, прежде окончанія коихъ онъ не принимался самъ за книгу. Библиофилы богатые и бѣдные, но равные для Тувененя, приходили одинъ за другимъ, кидая зависпливые взоры, взоры библиофила на сіи разсыянные сокровища. Великій Боже! сколько удержанныхъ вздоховъ, восклицаній, копорья замерли на устахъ! Сколько слезъ пролитыхъ въ тишинѣ уединенія! Смогъли на сіи прекрасныя книги, не открывая ихъ, даже не прогая. И мы часто тамъ проводили пріятнымъ образомъ утро, спрашивая: чья эта

книга? Работникъ опвѣчалъ: Принца Риволи. — А эпа? — Шарля Нодье. — Эпа? — Книгопродавца Крозе? — Эпа? — Книгопродавца Технера. — Эпа? — Графа Шалябрь. — А эпотъ спарый Эльзевиръ? — Тувененева покровишеля Пиле-Вилля. — А эпа ученая книга? — Г. Саси. — Эпа въ четвертую долю лиспа? — Г. Армана Берпеня. — А эпа въ двѣнадцатую, пакая щеголевапая, осмнадцатого вѣка? — Жюль-Жаненя. — Тогда, если по случаю, владѣлецъ книги былъ ипуть, всѣ оборачивались и смопрѣли на него съ зависпью и уваженіемъ. — »Какъ это ваше! Да гдѣ вы нашли такую книгу?«—Если же книга принадлежала книгопродавцу, ипо немедленно раздавалось: »Продайте мнѣ, любезный Технеръ, почпенный Крозе!«—Но Технеръ и Крозе, холодные, жестокіе дипломапы опвѣчали: »*Подождите, увидимъ послль!*«—Нерѣшительность эпа очень еспеспвенна: они хопѣли также налюбоваться на свой Тувененевскій переплеть, прежде чѣмъ распанупся съ нимъ навсегда.

Между птѣмъ Тувенень прудился въ уединенномъ кабинетѣ вдали отъ всего мірскаго. Онъ сочинялъ свои переплеты, ибо собспвенными руками дѣлалъ весьма не много; но долго размышлялъ, прежде чѣмъ рѣшалъ опредѣлительно, какъ украситъ такую или такую книгу. Вообще онъ не очень былъ распочипеленъ на украшенія; находилъ, что золото и

красоты почти ненужны для переплета; утверждалъ, что лучше украсить книгу, чѣмъ сдѣлать ее богатою. Онъ предпочиталъ Англійскій сафьянъ, на которомъ оплично выходятъ и хорошо сохраняются всякаго рода оппечатки. Тувененю обязаны мы Англійскимъ сафьяномъ, который у насъ теперь также хорошо дѣлаются, какъ и въ самой Англии. Большую часть дня проводилъ онъ въ трудѣ; иногда изъ-за двери удостоивалъ насъ привѣтливымъ: » здравствуйте! « Онъ распредѣлялъ сіи здравствуйте! по библіотекарскому рангу, начиная съ Принца Риволи, не потому, что онъ всѣхъ богаче, но естъ всѣхъ богаче *книгами*; ибо Тувенень, какъ и всѣ великіе арписпы, былъ человекъ безкорыстный. Онъ имѣлъ сердце благородное; вель жизнь распочипельную; былъ всегда бѣденъ и умеръ наконецъ въ бѣдности. Онъ имѣлъ всѣ таланты великихъ арписповъ и испыталъ вполнѣ бѣдность, неразлучную ихъ спупницу. Во все печеніе жизни повиновался онъ голосу не корысполюбія, но спраспи; а потому книгамъ дѣлалъ такой же приемъ, какъ и людямъ: прежде всего обращался къ книгамъ; не помышляя о ихъ владѣльцахъ. Естъ много книгъ, принадлежащихъ знапнымъ господамъ, которые болѣе прехъ лѣпъ ждупъ въ лавкѣ Тувененя своей очереди; естъ другія, принадлежація бѣднякамъ, кои Тувенень

переплелъ въ одну недѣлю, и за копорыя переплечикъ еще не получалъ денегъ. Онъ не зналъ другихъ обязанностей, кромѣ справки своей или каприза. Надъ нимъ не дѣйствовали ни просьбы, ни угрозы, ни моления. Если книга ему не нравилась, по онъ не дѣлалъ для ней ничего. Тайный голось говорилъ ему, что жизнь его не долго продолжится, что онъ умретъ скоро, что ему должно съ поспѣшностію заниматься достойнѣйшими. Эпопъ человекъ, повпоряю, былъ арписпъ, не ремесленникъ. Онъ повиновался влеченію свыше, скажемъ болѣе, совершалъ родъ священнодѣйствія.

Однакожь онъ умеръ, умеръ эпопъ великій арписпъ. Долго будупъ его оплакивалъ всѣ, кто любитъ книги. Прекрасныя библіотеки, полагавшія на него надежду, предающія теперь унынію. Тувенень былъ жизнью и душою нѣкопорыхъ празднолюбцевъ большого свѣта, оплѣчавшихся хорошимъ вкусомъ; они, лишась своего переплечика, будупъ очень несчастливы. Его лавка служила прекраснымъ мѣстомъ свиданія для многихъ библіофиловъ, копорые входили въ ней съ большей гордостью, чѣмъ нѣкогда въ золотые дни дворца Тюльерійскаго придворные къ Королю, дабы приняты участіе въ его играхъ. Тувенень служилъ для многихъ и предметомъ радости и предметомъ ужаса. Съ предепомъ ожидали его малѣйшихъ каприз-
Телеск. XIX.

зовъ, съ благодарностію принимали всякую бездѣлку, изъ рукъ его выходившую. И его нѣтъ уже! Искусство переплетчика сдѣлалось опять ремесломъ. Старыя книги упростили могущественнаго покровителя своего, древніе авторы, надѣявшіеся, что Тувенень воззоветъ ихъ къ новой жизни, низвергающа ояпть, подобно Евридикъ, въ глубокой мракъ: Тувенень взглянулъ на нихъ въ послѣдній разъ!

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕЦАНОВА.

Печатать позволеться. Москва, 16 Февраля, 1834 года.

Цензоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

Ш П С Ъ М О

КЪ ШВЕДСКОМУ БОТАНИКУ

ИЛИ ФРИСУ.

Сочувствуя Вашему стремленію къ живому и положительному познанію органической Природы и будучи послѣдователемъ Вашего ученія о Системѣ Распительнаго Царства, я поспѣваю себѣ въ удовольствіе сообщить Вамъ нѣсколько моихъ замѣчаній о семъ предметѣ.

Въ нынѣшнемъ году свершается сполнѣнне пому, какъ великій соотечественникъ Вашъ, подобно сѣверному сіянію, озарилъ науку своею системою: и ученый міръ Ботаниковъ могъ

могъ бы праздновать столѣтній юбилей *бражной системы растений* *. Сею системою Линней довершилъ первый періодъ развитія Системы, увлекъ за собою большую часть современныхъ ему поклонниковъ Флоры и спяжалъ себѣ славное имя *Главы Ботаниковъ своего вѣка*. И къ сколькимъ открытіямъ привела она! какимъ счастливымъ, рѣдкимъ успѣхомъ она ознаменовалась!

Но эта система была своевременная, искусственная, и потому она давно уже опцвѣла. Однако въ ней первоначальное дѣленіе растений (на *Явноцвѣтныя* и *Тайноцвѣтныя*) столь естественное, что осталось навсегда въ наукѣ. Сіе дѣленіе царства на двѣ половины можно назвать Геркулесовыми столбами Естественной Системы растений. Оно подтвердилось другимъ авторитетомъ, довершившимъ (1789) второй періодъ развитія Системы. Расширительнаго Царства. Жюссье раздѣлилъ высшую половину на *двудольныя* и *одnodольныя*; а низшую половину оставилъ подъ именемъ *безъстепенодольныхъ* (*Acotyledones Juss.*)

Въ 1825 г. (въ *Syst. Orbis Vegetabilis*) вы дали болѣе вѣрное наименованіе (*Волотныя, Nemeae*)

* Въ *Systema Naturae* 1735. — Начатки же оной предложены еще 1731 года въ *Hortus Uplandicus* — какъ пишетъ Шпренгель въ *Hist. rei herb.* Т. II. p. 323.

сей низшей половинѣ царства, — раздѣлили ее также на два отдѣла и представили четыре области сіи столь удовлетворительно, что нельзя мнѣ казалось не принять ихъ; и я сдѣлалъ это въ моемъ *Разсужденіи о Системахъ Растительнаго Царства* (1827) и *Органологии Растеній* (1828). Въ послѣдствіи я увидѣлъ изъ Агардовыхъ классовъ (помѣщенныхъ въ *Изидъ*, 1825), что согражданинъ Вашъ, въ поже время предложилъ четыре области, совпадающія съ Вашими, хотя иначе разсмаприваемыя *. Въ Шведской Флорѣ *Валенберга* нашелъ я попомъ, что и сей именитый Вашъ одоземецъ принимаетъ такое же раздѣленіе.

Такимъ образомъ для меня еще болѣе подтверждалось, занятое у Васъ и съ 1827 преподаваемое мною дѣленіе;—въ моей *Систематикѣ Растеній* (1831), я покусился распротранить оное до классовъ въ такомъ черпещѣ:

А. — ЯВНОЦВѢТНЫЯ или СѢМЕНОДОЛЬНЫЯ.

(Phanerogamae L. Cotyledoneae Juss.)

Область 1. — *Двудольныя* (Dicotyledoneae Juss.)

Удѣль 1. *Двупологовыя* (Dichlamydeae DC.)

* Явнодольныя, Тайнодольныя, Лжедольныя и Безсѣменодольныя (Phanerocotyledoneae, Cryptocotyledoneae, Pseudocotyledoneae, Acotyledoneae).

- Классъ I. Ложецѣпныя (Thalamiflorae с. Corollif.)
 — — — II. Чашецѣпныя (Calyciflorae DC.)
 Удѣль 2. Однодологовья (Monochlamydeae DC.)
 Классъ III. Пóлогоцѣпныя (Perigoniflorae Goldb.)
 — — — IV. Чешуецѣпныя (Squamiflorae Goldb.)
 Обласпъ 2. — Однодольныя (Monocotyledoneae Juss.)
 Удѣль 1. Листопóлоговья (Phyllochlamydeae т.)
 Классъ V. Почапкоцѣпныя (Spadiciflorae Fries.)
 — — — VI. Плёнкоцѣпныя (Glumiflorae Ag.)
 Удѣль 2. Вѣнкопóлоговья (Petalochamydeae т.)
 Классъ VII. Зѣвоцѣпныя (Ringentiflorae Goldb.)
 — — — VIII. Лилейноцѣпныя (Liliiflorae Ag.)

Б. — ТАЙНОЦВѢТНЫЯ или ВОЛОТНЫЯ.

(Cryptogamae L. Nemeae Fries.)

- Обласпъ 3. — Разновóлотныя (Heteronemeae Fries)
 Классъ IX. Папоротники (Filices L. Whlnb.)
 — — — X. Мхи (Musci Hedw.)
 Обласпъ 4. Единовóлотныя (Homonemeae Fries)
 Классъ XI. Пороспы (Algae Gmel.)
 — — — XII. Грибы (Fungi L.)

Между пѣмъ большинсво голосовъ склонялось къ дальнѣйшему раскрытію дѣленія Линнеева; но Декандоль рознилъ съ нимъ и съ первоначальнымъ дѣленіемъ Жюсьевскимъ; ибо, принявъ дѣленіе на *сосудистыя* и *кльпчатныя*, онъ оплучилъ тайноцвѣпныя папоротники опъ мховъ и перемѣспилъ ихъ къ однодольнымъ. Пропивъ шакого опспупления опъ Линнея (въ коемъ винов-

ны также Швейгеръ, послѣдовавъ Декандоля Барплингъ, и кажеся Шульцъ) я возражалъ въ вышеупомянутомъ *Разсужденіи* моемъ, и еще вновь писалъ о семъ спашью (1833, Дек.) въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Но въ *Bibliothèque Universelle* (1833 Nov.) Декандоль помѣстилъ еще лучшее возраженіе: любя Природу болѣе своей Системы, онъ оспавиль прежнее свое дѣленіе и предложилъ слѣдующее:

I. Phanerogamæ s. Vasculares.

1. Dicotyledones s. Exogenæ.
2. Monocotyledones s. Endogenæ.

II. Cryptogamæ s. Cellulosæ.

3. Aetheogamæ s. Semivasculares.
4. Amphigamæ s. Cellulares.

Эпо дѣленіе еспь по самое, что и Ваше; разница полько въ именахъ обласпей, зависящихъ опъ особаго его возрѣнія, и въ томъ, что онъ обласпи (provinciæ) принимаетъ за классы. Правда, что *Aetheogamæ* имѣюпть необыкновенное образование половыхъ частей (fructificationem insolitam); за то и части сіи сущь полько подобія цвѣпочей (пычинокъ), полько прообразование оныхъ; по чему я сію обласпъ называю *Лжецвѣтотнъими* (*Pseudandra*), для опличія опъ *Безцвѣтотныхъ* (*Anandra Link*), у коихъ нѣпть и сихъ начапковъ, и кои Декандоль оспорожно называетъ *Сомнительнобра-*

ными (*Amphigamæ, fructificatione dubia*). Впрочемъ и его *Aetheogamæ* (Папоротники и Мхи) столько же суть *Amphigamæ*, сколько Порослы и Грибы; ибо сѣмячки или пылинки (*sporangia*) у всѣхъ ихъ одинакого происхожденія и значенія; у всѣхъ онѣ суть части, соединяющія въ себѣ характеръ цвѣточной пыли и сѣмянъ, въ нихъ мужескій и женскій полъ слипы воедино, следовательно онѣ представляють *внутреннее двуполство*.

Принимая сіи чепыре области распеній, Декандоль сравниваетъ ихъ съ чепырьмя областями живописнаго царства, принимая ихъ въ помѣ порядку, какъ онѣ предложены Кювье, и находить нѣкоторое подобіе между ними. Что оба органическія царства соотвѣтствуютъ себѣ въ высшихъ отдѣлахъ и даже построены по одному плану, это несомнѣнно, и объ этомъ много говорено было Океномъ, который соотвѣтствіе сіе проспираль даже до излишества. Но мнѣ казалось всегда неестественнымъ опспуленіе Ламарка и Кювье опъ того порядка живописныхъ, въ которомъ представилъ ихъ Линней, — опспуленіе, состоящее въ помѣ, что они, опдаливъ Моллюски опъ Лучисныхъ живописныхъ, помѣсили ихъ послѣ рыбъ; этимъ оподвинулись *суставноногія* живописныя опъ живописныхъ высшей области, съ коими они сходны суспав-

чапымъ образованіемъ и двухстороннюю симметрію пѣла. Послѣдую примѣру Окена и другихъ Зоологовъ, я держался Линнеевскаго порядка живопныхъ и дѣлилъ ихъ на *Суставчатыя* и *Безсуставныя*, а двѣ обласпи первой половины называлъ (по идеѣ Боннеповой и для соотвѣтствія съ именами распипельныхъ обласпей) *Внутресуставными* (*Endogona, intus articulata*) и *Наружносуставными* (*Exogona, extus articulata*). Въ Сенш-Илеровыхъ *Лекціяхъ* я нашель желанное начерпаніе и приняль оное, съ удержаніемъ прежнихъ именъ, какъ по привычкѣ къ нимъ моихъ слушапіелей, пакъ и попому, чпю у насъ имена: *Позвоночныя* и *Безпозвоночныя*, привыкли пониматъ въ прежнемъ, Ламарковскомъ смыслѣ. Въ 1831 году я издалъ таблицу Живопаго Царства, соотвѣтственную вышеприведенной:

А. — Ж. СУСТАВЧАТЫЯ.

(*A. Articulata m. non Civ. Vertèbrata Gff.*)

Обласпь I. *Внутресуставныя* (*Endogona m.*).

Удѣль 1. Теплокровныя (*Haematerma Ltr.*).

Классъ 1. Звѣри (*Mammalia exc. Homine*).

— — — 2. Ппипцы (*Aves*).

Удѣль 2. Холоднокровныя (*Haemasuma Ltr.*).

Классъ 3. Гады (*Reptilia*).

— — — 4. Рыбы (*Pisces*).

Область II. *Наружносуставная* (Exogona т.).

Удѣль 1. Суставноногія (Condylopoda).

Классъ 5. Насѣкомыя (Insecta *Lam.*).

— — — 6. Крабники (Polymeria. *Goldf.*).

Удѣль 2. Черви (Vermes. Intestina *L.*).

Классъ 7. Кольчатники (Annulata).

— — — 8. Глисты (Entozoa).

Б. — Ж. БЕЗСУСТАВНЫЯ.

(A. Exarticulata т. Evertebrata *Gff.*).

Область III. *Моллюски* (Mollusca).

Классъ 9. Улитники (Idioscephala).

— — — 10. Раковницы (Acephala).

Область IV. *Лучистыя* (Radiaria).

Классъ 11. Лучевини (Radiata *Lam.*).

— — — 12. Полипы (Polyri *Lam.*).

Декандоль въ той же статьѣ приводитъ число распеній и живописныхъ каждой области : число первыхъ по Шпейделеву Номенклатору (1821), число вторыхъ по изчисленію Лессона, Рейнода и Эдвардса (1830),—составляютъ отношительныя ихъ числа, и никакого не находятъ въ семъ отношеніи соответствія между органическими царствами; ибо

РАСТЕНІЙ

ЖИВОТНЫХЪ

1. Двудольныхъ	636.....	Внутресуставныхъ....	180
2. Однодольныхъ	144.....	Моллюсковъ.....	200
3. Разновѣлопныхъ	65.....	Наружносуставныхъ	540
4. Единовѣлопныхъ	155.....	Лучистыхъ.....	80

Но если сіи же числа сравнить по принятому мною порядку половинъ и обласпей, тогда выходятъ любопытныя слѣдствія, показывающія, что природа и здѣсь себѣ соотвѣтственна.

Сравните сначала *половины* царствъ:

I Ж. Суставчатыхъ	72.....	P. Явноцвѣтныхъ.....	78
I Ж. Безсуставныхъ	28.....	P. Тайноцвѣтныхъ....	22

Видимо, что число высшихъ распеній и живопныхъ къ числу низшихъ опносятся *почти какъ 3: 1*, и что по населенности половинъ своихъ оба царства имѣють *прямое соотвѣтствіе*. Пропорція сія еще почтѣе покажется, если вспомнимъ, что съ 1821 года наибольшія открытія сдѣланы въ низшихъ классахъ распеній, почему опносительное число ихъ (22) по всей вѣроятности приблизилось къ 25; почто такъ можемъ допустить увеличеніе опносительнаго числа суставчатыхъ живопныхъ (до 75), между коими находились классъ насѣкомыхъ.

Сравните теперь *области* высшихъ половинъ.

1. Ж. Внутресуставныхъ...	18.	Двудольныхъ	$63\frac{6}{10}$.
2. Ж. Наружносуставныхъ.	54.	Однодольныхъ	$14\frac{4}{10}$.

Здѣсь находится уже *обратное* опношеніе: у живопныхъ низшая (впорая) обласпь многочисленнѣе первой, а у распеній высшая; такимъ

образомъ между областями большихъ половинокъ находится *соотвѣтствіе перекрестное*, существованіе коего вы показали въ аналогіи многихъ отдѣловъ грибовъ и порословъ. Сравнивая населенность областей въ низшихъ, меньшихъ половинахъ, находимъ тоже обратное или перекрестное соотвѣтствіе, съ тою разницею, что здѣсь у живописныхъ многочисленнѣе высшая (претрѣя) область, а у распеній низшая (чеп-вертая).

3. Ж. Моллюсковъ	20	Разноволопныхъ.....	$6\frac{5}{10}$
4. Ж. Лучиспыхъ	8	Единоволопныхъ.....	$15\frac{5}{10}$

Изъ этихъ чиселъ областныхъ открывае-ся и здѣсь приближеніе къ тому же содержанію, какъ 3: 1.

Впрочемъ почныя заключенія о числахъ мож-но будетъ сдѣлать погда только, когда извѣсп-ныя распенія и живописныя приведутся къ *естественнымъ видамъ* (*species naturales*) и со-спавится новая ихъ перечень. Теперь довольно и этого общаго замѣчанія, что Природа не только въ сиспематическомъ планѣ органиче-скихъ царствъ своихъ представляется одина-ковою, логически-правильною; но и въ населеніи оныхъ видами соблюла опредѣленную размѣрен-ность. Такой результатъ утверждаетъ меня въ Начертаніи Живописныхъ, предложенномъ сопер-никомъ Кювье; а обращеніе знаменипаго Женев-

ца служить окончательнымъ утверденіемъ Начертанія распеній, принадлежащаго Шведской школѣ, именемъ коей опличаю я современное направление Ботаники *, которому начало положено ученіемъ Линнея. Словами его оканчиваю письмо мое:

» Природа всегда себѣ подобна, хопя для насъ, по недоспапкѣ необходимыхъ наблюденій, часпо и кажется съ собою несходною. « (*Natura sibi semper est similis, licet nobis saepe, ob necessariarum defectum observationum, a se dissentire videatur*).

МИХАИЛЬ МАКСИМОВИЧЪ.

1834

Февр. 10.

* См. Историческое Изложеніе Системы Распительнаго Царства. (Ученыя Записки И. М. У. N. 1. 1833.)

II.

ИСТОРИЯ

МОЕГО ПРЯТЕЛЯ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА ЛИРОВА.

Chose inconstante... qu' une femme!

V. HUGO.

Ah s'il faut vivre pour aimer,

Il faut bien plus aimer pour vivre!

A. V.

Въ Москвѣ, въ какой улицѣ не скажу, есть домъ, нѣкогда принадлежавшій Генералу N. N.; онъ своей архитектурой напоминаетъ тяжелый и кудрявый вкусъ осьмнадцатаго вѣка и принадлежитъ къ сплию Красныхъ Воробъ. Въ этомъ домѣ есть комната, доспойная особеннаго замѣчанія и къ несчастію не вѣсьмъ извѣстная, ибо въ ней былъ кабинетъ молодой дѣвушки. Тамъ она думала вслухъ, тамъ она забывала госпитное кокетство, ошъ чего, между на-

ми сказать, была еще милѣе. Перенесемъ въ эту комнату; она, какъ всякой послѣ увидитъ, играетъ важную роль въ исторіи моего пріятеля. Въ серединѣ споялъ небольшой сподикъ, покрытый пестрымъ ковромъ; на этомъ сподикѣ лежала раскрытая книга въ богатомъ переплетѣ; между двухъ страницъ этой книги сіяла незабудка, увядшая, но еще сохранившая свой цвѣтъ. У споды сидѣла молодая дѣвушка, погруженная въ думу и съ слезами на глазахъ; она смотрѣла по на цвѣпокъ, по на дверь, и при всякомъ малѣйшемъ шорохѣ цѣловала незабудку и вспавала съ своего мѣста. Попомъ переписывала книгу съ какой-то досадой... Очевидно, что такое безпокойное чтеніе было средствомъ убить время, въ ожиданіи кого-то. Вдругъ закрыла дверь и явился человекъ средняго роста, въ камеръ-юнкерскомъ вицмундирѣ, въ очкахъ и съ палкою. Вошедшій былъ Князь Сивской: онъ изъяснялся медленно и напиралъ на каждое слово, такъ что его манера говорить походила на начинающійся фейерверкъ; ходилъ онъ мѣрно, тяжело, и шаги его, какъ шаги каменнаго комманданта въ Донъ Жуанѣ, были слышны изъ прѣпелой комнаты.

Вы подумаете, что Надежда (такъ называли молодую дѣвушку) ему обрадовалась, что она еще разъ поцѣловала незабудку и побѣжала къ нему,

на встрѣчу? .. Нѣтъ, ни чупь. — Пожалѣйте Надиньку: не его она ожидала!

Каммеръ-юнкеръ взялъ спуль и сѣлъ не говоря ни слова. Побывъ немножко въ неловкомъ бездѣйствіи, онъ снялъ съ своей руки перспень и началъ осмадривать свой собственный палисманъ.

Надежда, бросивъ на него взглядъ, выражавшій пресильную досаду, продолжала чипать и довольно часто обращалась, не къ нему, а къ двери.

Князь, разсудивъ, что ему слѣдовало начать разговоръ, прошепталъ, говоря и перспню и молодой дѣвушкѣ: «Спранное дѣло никакъ не поймешь! *Le croiriez vous, Mademoiselle, impossible de déchiffrer ce talisman.*»

— *Vous savez l'arabe?*

— « *Un peu, Mademoiselle.*»

Она, будучи все это время въ какомъ-то лихорадочномъ положеніи, ярко покраснѣвъ, скоро сказала ему: *Ce talisman semble vous dire avec fierté: tu ne me comprends pas, jeune homme!*

Князь засмѣялся, но смѣхъ его походилъ на кашель.

— « *C'est charmant, Mademoiselle, vos expressions sont très poétiques. Au reste rien de difficile en cela; toutes les dames s'en mêlent. La poésie est tombée en quenouille!*»

И такой же смѣхъ послѣдовалъ его замѣчанію. Надежда прибавила съ насмѣшкой: *Si c'est une phrase d'amour, je conçois que vous ne l'entendiez pas.*

— » *Et pourquoi, s'il vous plait? « . .*

Надежда, не отвѣчавъ ни слова, спала опять чашать; а онъ, молча, снялъ очки и плапкомъ обпиралъ ихъ спекла.

Эпопъ скучный *tête à tête* длился около чепверпи часа, какъ вдругъ спукъ сабли и звонкихъ шпоръ прервалъ чпеніе молодой дѣвушки; и она закрыла книгу.

Вошелъ офицеръ, видный собою, одаренный опъ природы неописаннымъ достоинствомъ, споль цѣнимымъ Русскими барышнями, соспоящимъ въ черныхъ волосахъ и голубыхъ глазахъ.

Она подошла къ нему; и оба помѣнялись равно громкимъ поцѣлуемъ; онъ въ руку, она въ щеку; попомъ начали говорить:

— » Поздравляю васъ, милая Надежда, я осмѣлился привезти вамъ эпу книгу. « . .

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна!

— » Эпо новый романъ *Delphine Gay*; *il vous appartient de droit.* «

— Смоприте; вопъ и другая ваша книга, и незабудочка цѣла. Тупъ въ одно время раздалась новый поцѣлуй и смѣхъ Князя.

Онъ, привставши, сказалъ: *Serait ce votre fête, Mademoiselle?*

— Oui, Monsieur.

— Excusez, je ne le savais pas.

— Vous avez peu de mémoire. — Алексѣй Иванычъ, прибавила Надежда, смотря на офицера, не забудьте; завтра нашъ урокъ.

— Развѣ эти вещи забываются? Вы знаете, Князь, я имѣю счастье бытьъ училелемъ рисованья Надежды Сергѣевны.

— Я этого не зналъ, опвѣчалъ Князь, которъй опть нечего дѣлалъ смотряль внизъ и поигрывалъ своею палкою. Это должно бытьъ очень пріятно. Довольнымъ вы своей ученицей? — Тупъ, поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что его въ комнапѣ оставили одного: вспалъ, надѣлъ перчатки, взялъ шляпу и палку, и тихо опсправился домой, весьма довольныйъ своею любезностью и думая, что Надежда опть него безъ памяти.

Офицеръ, такъ хорошо приняпыйъ нашею героиней, былъ имянно мой пріятель Лировъ; онъ считался Адьютанпомъ при опцѣ Надежды и ей служилъ еще аккуратнѣе, чѣмъ своему Генералу. Мать Лирова была Ипаліянка; и онъ, достойный сынъ Авзонійской красавицы, любилъ все изящное и нравился нашимъ съвернымъ дѣвамъ своею полу-южною физиогномією. Надеждѣ онъ давалъ уроки въ рисованьи. Прощу замѣшпшь пѣмъ, которые найдутъ, что такой обычай между неродспвенными молоды-

ми людьми не въ нашихъ нравахъ, что мой пріятель былъ у своего Генерала, какъ дома, и что даже Надежду Сергѣвну онъ просто называлъ: *милой Надеждой*. Генераль Н. Н. мало оставался дома: главную же роль въ домѣ играла Анна Васильевна, его супруга, извѣстная во всемъ кварталѣ своею гордостью и славой о нѣкогда рѣдкой красотѣ. Она всегда принимала Лирова, какъ сына, и хвалила дочь за ея хорошей выборъ; однако съ нѣсколькихъ поръ не много охладѣла къ моему пріятелю; хотя все принимала его хорошо; но только ласки уступали мѣсто какой-то холодной учтивости. Лировъ и тогда мнѣ объ этомъ говорилъ съ прискорбіемъ, но видя, что Надежда все также его любитъ, онъ продолжалъ къ ней ѣздить и былъ счастливъ.

Два слова объ воспитаніи Генеральши объяснятъ эту странную перемену: она была дочь небогатаго помѣщика и ее (по несчастію это не единственный примѣръ) легко ослѣплялъ всякой блескъ; но проживши въ столицѣ, она мало по малу стала нуждаться въ блескѣ, болѣе и болѣе яркомъ, и имъ же хопѣла окружить дочь свою. Анна Васильевна находила, что теперь слишкомъ уже обыкновенно прельщаются гусарскимъ мундиромъ или чешуйчатыми эполетами, какъ то бывало лѣтъ пять тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, кажется,

пришло счастливое время нашей бражки, изъ Иностранной Коллегіи; это не я одинъ, и нѣкоторыя дамы говорятъ. При такихъ исполнскихъ шагахъ въ просвѣщеніи, не мудрено, что лѣтъ черезъ десять наступитъ чередъ членовъ Уголовной Палаты. Анна Васильевна находилась въ періодѣ перехода (*dans une période de transition*); будучи въ нерѣшимости выбора между удалыми офицерами и господами дипломатами, она выбрала себя какое-то *juste-milieu*, т. е. камеръ-юнкера. Въ самомъ дѣлѣ въ камеръ-юнкерѣ вы найдете и золото покрывающее гусара, и Парижской башмакъ моднаго секретаря посольства. По моему, коли ужъ восхищаться золоту, то лучше смотрѣть на руды Демидова и Яковлева, но все таки не лзя не согласиться съ Анной Васильевной: шипье камеръ-юнкерскаго мундира производитъ дѣйствіе неимоверное! Держась эгихъ правилъ, Генеральца, познакомившись случайно съ Княземъ Сивскимъ, намъ уже извѣстнымъ, нашла, что онъ лучше всякаго годится ей въ зяпья. Припомъ мысль, что на письмахъ, адресованныхъ къ ея дочери, будущъ слова: *Ея Сіятельству*, казалась для ней весьма важною, ибо она, какъ мы видѣли, была подвержена ослѣпленіямъ; а Князь или Графъ, какъ ни будь шусклъ, по неволѣ сіяетъ.

Думая, что хорошій понъ пребуетъ намѣренія свои скрывать и дѣла длитъ какъ можно

больше, она никому не открывала своихъ мыслей, кромѣ мужа, копорый всякой разъ ей отвѣчалъ: » Дѣлай, что хочешь, и оставь меня въ покоѣ. «

Прошелъ цѣлый мѣсяць, и всякой думалъ про себя, что его намѣренія удаются. Анна Васильевна ожидала только благопріятной минуты, чтобы обнаруживъ свою волю Надеждѣ Сивской, молча, радовался своимъ любовнымъ успѣхамъ. Сердца Лирова и молодой дѣвушки равно бились другъ для друга.

Разъ упромъ, Надежда сѣла въ помѣ кабинетѣ, гдѣ мы въ первый разъ съ ней познакомились, и держа рисовальный карандашъ, съ особеннымъ прилежаніемъ списывала гипсовую Діану. Она прудилась спарашельно и весело, ожидая своего милаго учипеля и желая его поразить быспрымъ успѣхомъ. Онъ вскорѣ вошелъ, но не живо и радостно, какъ бывало прежде, а блѣдный и печальный.

— Что съ вами?

Лировъ молчалъ, сѣлъ подлѣ Надежды и взялъ ея руку. Она дрожала отъ страха и препеннымъ голосомъ воскликнула: » Ради Бога, скажите, что съ вами? «

Лировъ, собравшись съ силами, началъ говорить: » Я сей часъ выхожу изъ комнапы вашей мапушки; она послѣ многихъ учпивыхъ, но двусмысленныхъ словъ и извиненій,

рѣшилась объявить мнѣ ясно, что вамъ скоро выходить за мужъ. « . .

Надежда радостно воскликнула: »Неужели! и вы этому не рады? «

Лировъ, убитый этимъ невѣстнымъ ударомъ, чуть чуть говоря, продолжалъ: » Не радуйтесь: не я, другой вамъ назначенъ. Дай Богъ, чпобъ вы были счастливы; вопъ единственное, возможное утѣшеніе въ моей горести. «

Надежда, поблѣднѣвъ какъ мраморъ, прошептала: » Да кто-же? «

— Кто? не знаю. Сказавъ сіи слова, Анна Васильевна меня просила не пакъ часпо ѣздить; ибо вашему жениху могло-бы не нравиться. . .

— »Не перзай меня! нѣтъ! пы или смерти! «

Они уныло и долго молчали, но вдругъ, подвигнутые пламенной силой, почувствовали новую жизнь: ихъ сердца вспыхнули огнемъ равно жаркимъ, чистымъ, неугасимымъ: вся ихъ жизнь была въ эту минуту одно чувство, одно дыханье, одна молитва. . . они бросились другъ другу въ объятія и Лировъ, невольно взглянувъ въ зеркало, увидѣлъ Генеральшу, споявшую за ними.

Пылающія сердца нашихъ любовниковъ вдругъ погрузились въ ледъ. . . Они вздрогнули и пихо обрапились къ двери. — Анна Васильевна, вѣрная своей политикѣ, не показала ни малѣйшаго знака неудовольствія; напротивъ,

ласково молвила дочери: » Поди къ своему опцу, моя милая, онъ тебя спрашиваетъ. « — Надежда, опустивъ голову, вышла, а спарая дама, выждавъ все время, пока слышала шаги своей дочери: » Алексѣй Иванычъ! « сказала Лирову, который также уходилъ: » поспойте; мнѣ кажется, что послѣ того, что случилось, вамъ ужъ вовсе нельзя видѣть моей дочери; мнѣ жаль, но что же дѣлать? «

Лировъ съ чувствомъ отвѣчалъ: » Ахъ! еслибъ вы знали, какъ ваша холодность меня убиваетъ! Вамъ жаль! О нѣтъ! вамъ не жаль ни меня, ни вашей дочери — вопъ что ужасно!

— Алексѣй Иванычъ, вспомните, что теперь было, при мнѣ. . .

— » Что-же? Нѣтъ! моя грудь заключаетъ сердце не какъ ваше, а сердце пламенное, полное жизни. «

— Алексѣй Иванычъ, не забывайтесь! Я вамъ еще разъ повпоряю, и навсегда, вы больше не увидите моей дочери.

Лировъ почувствовалъ лихорадочный холодъ; онъ схватился за шляпу, смотрѣлъ какъ бѣшеный на спарую даму, которая хладнокровно любовалась гипсовой Діаной; потомъ съ усиленіемъ произнесъ такіа слова: » Мнѣ не видать вашей дочери? и никогда! Теперь честь моя принуждаетъ васъ предупредить, что я, съ этой минуты, и ежедневно, употреблю всѣ возмож-

ныя средства, чтобы ее видѣть и съ нею говорить. Вы предупреждены, прощайте! « — Онь послѣшно вышелъ.

Анна Васильевна улыбнулась, сказала: » Какой съумасшедшій! « и позвонила. — Вошелъ слуга.

— Сергѣй, всякой разъ, что будетъ приѣзжать Алексѣй Ивановичъ, сказать, дома нѣтъ.

— » Слушаю-съ. «

=

Я видѣлъ Лирова послѣ сего несчастнаго упра: онъ не походилъ на себя. На другой день занемогъ и долго, долго былъ боленъ.

Что же съ бѣдной Надинькой? Все счастье ея исчезло, какъ призракъ; мечты, копорыя пакъ сладостно носились въ ея воображеніи, потемнѣли и скрылись; все блаженство пропало, какъ дымъ, и передъ ней оспался одинъ Князь Сивской.

Случалось ли вамъ, во время упренняго сна, упопавъ въ міръ фанпазій, дышавъ неясной гармонією, копорая вашу душу ласкаетъ и колеблетъ, и вдругъ, проснувшись, вспрѣпшился съ соннымъ лицомъ вашего слуги?

Таково было положеніе Надежды, когда еще воспоминаніемъ не вышедъ изъ счастья, къ со-

жалѣнію уже мѣнувшаго, ибо трудно съ нимъ разсѣпаться, ибо всякой сладкой звукъ оспапляетъ послѣ себя гармонической слѣдъ — она въ первый разъ увидѣлась съ камеръ-юнкеромъ!..

Госпінная Анны Васильевны предспапвляла спранное и весьма богатое смѣшеніе всѣхъ временъ, всѣхъ вкусовъ, всѣхъ спранъ. Спѣны были обипы розовой шелковой матеріею съ бѣлыми узорчатыми изображеніями разныхъ шпницъ и цвѣповъ; въ глубинѣ мраморный каминъ, привезенный изъ Ипаліи; передъ нимъ Кыпайскія ширмы, на право Турецкой диванъ; на лѣво Лондонское форпеніано. Проппвъ каминъ, между двумя окнами: споль съ бронзовыми часами изъ Женевы и съ вазами купленными на Парижскихъ и Пепербургскихъ заводахъ. Одни полько кресла и спуля, среди эпой песпрой карпины, соопвѣсппвовали вкусу спѣнъ; обойка ихъ была пакая же; они были покрыпы позолопой, массивны, неподвижны, какъ во время предковъ Генерала, копорые изъ золопыхъ своихъ рамъ, съ гордою улыбкою, спопрѣли еще на какой нибудь пункпъ госпінной. Въ эпой-по комнаптъ, вечеромъ, на диванъ, при

дня послѣ разрыва съ Лировымъ, сидѣла Генеральша и велѣла позвать свою дочь.

Анна Васильевна, когда рѣшалась на что нибудь, любила это дѣлать торжественно и съ пригопвленіями. Въ этотъ же день, приказаніе никого не принимая, полуосвѣщеніе гостинной, особенная походка и голосъ Генеральши были вѣрнымъ предвѣщаніемъ чего нибудь важнаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ вечеръ Надежда узнала, что рѣшительно она будетъ женою Сивскаго. Всякой пойметъ чувство, которое волновало ея душу, и всякой, изъ сказаннаго до сихъ поръ, представитъ себѣ, какъ бѣдная Надежда мучилась и умоляла свою мать, и какъ старая дама холодными ласками и увѣщаніями старалась склонить дочь на свою сторону.

Этотъ разговоръ не имѣлъ никакого результата: Анна Васильевна и молодая дѣвушка не перемѣнили ни образа мыслей, ни своихъ рѣшеній и, по видимому, было все отсрочено до вѣснаго разговора, еще не назначеннаго, и вѣрно еще отдаленнаго, по прекрасной привычкѣ Генеральши. Между тѣмъ Сивской всякой день навѣщала свою невесту; все также холодно былъ ею принимаемъ и все думалъ, что онъ ею любимъ спрашно.

Надежда спановилась задумчива, и по этому всѣ родные старались какъ можно больше ее развлекаль и веселиль.

Анна Васильевна, вспомя, что она прежде

любила рисовать, совѣщывала ей опять эгимъ, занялся, но ужъ не было прежняго учителя! Каммеръ-юнкеръ хопль предложилъ себя, но получилъ отказъ, и гдѣ ему равняться съ моимъ пріятелемъ Лировымъ?

Кспапи объ немъ. Вѣдь онъ былъ боленъ, здоровъ ли онъ теперь?

Черезъ нѣсколько дней, упромъ, вошелъ въ лавку Бекерса, на Кузнецкомъ мосту, молодой человекъ, въ тепломъ сюртукѣ. Посмотрѣвъ на него, всякой-бы сказалъ: онъ былъ хорошъ собой, но вѣрно только что оправился послѣ сильной болѣзни. Это былъ Лировъ. Онъ сълъ и разсмапривалъ эспаппы, полученные изъ Франціи. Вскорѣ вошелъ лакей: это былъ слуга Гѣнерала N. N.; онъ подалъ записку прикащику и топъ началъ отбирапъ пребуемые эспаппы. Лировъ узналъ Сергѣя, но эпомъ не узналъ Лирова. Пока прикащикъ и лакей разсчищывались, онъ чпо-то мелкими буквами написалъ на оборотѣ порпфель Victor Hugo; попомъ всунувъ его въ порпфель, принесенный слугою, вышелъ изъ лавки задумчиво.

Надеждѣ принесли порпфель. Она была одна въ своемъ кабинетѣ и машинально смотрѣла на купленные рисунки, какъ вдругъ увидѣла слѣдующія спроки: » Mon ange, je pars dans deux jours, peut être pour long-temps. Il faut que je te voie, que je te serre contre mon

coeur, qui n'a pas cessé de t'aimer. Auras-tu le courage de venir seule á minuit sur le boulevard, voisin de ta maison? « . . . — Она, пренебрегая опять радости и страха, оспорожно и скоро сперла резиной по, что было написано, но эти слова нашли мѣсто въ ея сердцѣ.

Въ нашемъ воспитаніи, барышни и днем не смѣютъ однѣ носу показатъ на улицѣ; не такъ какъ въ благословенной Женевѣ, гдѣ при всемъ педантизмѣ, при всей строгости нравовъ, дочери знатнѣйшихъ особъ выходятъ однѣ, и это никого не удивляетъ; впрочемъ у всякаго народа свои обычаи, и для Русской барышни такое рѣшеніе было подвигъ. Но любовь все прудности преодолеваетъ, особенно когда любимый предметъ такой молодецъ, каковъ *былъ* мой пріятель. . . Увы! я говорю *былъ*, и по справедливости, онъ послѣ болѣзни много перемѣнился: живые, голубые глаза были скрыты зелеными очками; волнистые черные волосы не такъ ужъ роскошно украшали его блѣдное чело; онъ былъ худъ и слабъ. Надежда его не видала послѣ описанной сцены, и только во все это время могла узнать объ немъ, что онъ былъ боленъ и выздоровѣлъ.

Наспалъ вечеръ. Она надѣла на голову Турецкую шаль, окупала свой божественный спанъ въ шубу, покрывшую розовымъ апласомъ, и увѣрившись, что все въ домѣ спитъ, отпра-

вилась на цыпочкахъ и едва дыша. Только что успѣла выдти на улицу, вдругъ бупочникъ закричалъ, привычнымъ крикомъ, и она внѣ себя опъ ужаса побѣжала назадъ; но потомъ, ободрившись, ояпъ пуспилась впередъ. Луна освѣщала небосклонъ и бульваръ былъ видѣнъ опъ самыхъ воропъ ихъ дома. Она замѣпила человѣка въ широкомъ плащѣ, смопрѣвшаго на нее издали. Не зная, что дѣлать, думая, что эпо онъ и боясь ошибиться, припворилась, будпо ояпъ идепъ назадъ. Онъ сошелъ съ бульвара — и погда опважнѣе, но все съ препепомъ, Надежда пошла прямо къ нему. Лировъ ее обнялъ съ жаромъ. . .

Она на него смопрѣла неподвижно, попомъ сказала: » Ахъ! какъ вы перемѣнились! «

— Но ты меня узнала?

— Очки? И какъ блѣдны!

— Душа моя, я ѣду; тебѣ жаль меня?

— » Ахъ, какъ жаль, что вы пакъ похудѣли — и въ опспавкѣ! «

— Опвѣчай мнѣ, увѣрена ли ты въ моей любви?

— » Вы ѣдете? «

— Да, Надежда! Ты знаешь мое сердце — будемъ неразлучны; я тебѣ другъ и опора! « — И онъ хопѣлъ ояпъ приняпъ ее въ объятія. . . Но она опспупила, и закричавъ: » ахъ! если у насъ узнаюпъ, что я съ вами на бульварѣ! и ночью! « убѣжала, какъ быспрая серна.

Лировъ вздрогнулъ и подумалъ: Неужели ея душа измѣнилась, какъ лице мое! — Терзаемый тысячью муками, онъ возвратился къ себѣ.

=

На другой день его уже не было въ Москвѣ; друзья уговорили его развлечь себя пупешеспвiемъ и, съ пѣхъ поръ, я объ немъ долго ничего не зналъ, ибо мой прiятель не охотникъ писаць писемъ. Онъ рыскалъ по чужимъ краямъ цѣлые два года, объѣздилъ всѣ Нѣмецкія воды для поправленія здоровья, всю Италію — спрану ему родную, какъ опечесиво мапери — и вдругъ грянулъ ко мнѣ въ Пепербургъ, куда я переселился.

Возвратимся къ Надеждѣ. Свиданье ея съ Лировымъ ни кому не было извѣстно. Анна Васильевна, послѣ продолжительныхъ нерѣшеній, назначила наконецъ эпоху впораго разговора. Князь Сивской былъ приглашенъ на чрезвычайную бесѣду и Генеральша ояпъ важно коснулась свадебнаго предмета. Но что-же? Надинька была согласна съ своей маперью? Лировъ въпрень, ей измѣнилъ, не хорошо воспитанъ?.. Нѣтъ! не по; а вопъ невысказанная испина: Лировъ ужъ не попъ блестящій офицеръ, Лировъ подурнѣлъ, Лировъ въ опспавкѣ! И все

забыто. . . все: и уроки рисованья, и дареная незабудка, и клятва въ вѣчной любви!

=

Мой пріятель, во время своего путешествія, не имѣлъ извѣстій о Надеждѣ, и при первой встрѣчѣ спросилъ меня объ ней съ нетерпѣніемъ. Что зналъ я, то сказалъ; т. е. что Генераль Н. Н. умеръ, что совершенно раззорилось его семейство опъ оставленныхъ долговъ, и что спарая дама съ дочерью живетъ теперь въ Берлинѣ, почему? не знаю.

Лировъ отправился въ Москву и былъ въ ихъ домъ, уже принадлежавшемъ Сивскому; узнавъ, что камеръ-юнкеръ живетъ въ своей деревнѣ, онъ къ нему написалъ письмо и получилъ пакой отвѣтъ:

»Почтеннѣйшій Алексѣй Ивановичь!«

»Вы ошибаетесь: Надежда Сергѣвна не моя жена; домъ ихъ я купилъ послѣ покойнаго Генерала. Я былъ вашимъ соперникомъ; но послѣ разсудивъ, что невыгодно женился, удался опъ прелестней намъ извѣстной красавицы. Мы съ вами сошлись въ желаніи узнать, что съ ней сдѣлалось. Подробнаго я ничего не могу сказать, но вопъ короткой опривокъ изъ письма моего брата, которъй живетъ въ Бер-

линѣ при Посольствѣ, и которъй ее прежде знавалъ: » Я встрѣтилъ бывшую твою невесту на улицѣ: ея странный костюмъ, походка, смущеніе, при видѣ стараго знакомаго, меня поразили. « Эти спроки непріятны и для васъ и для меня. Но вы, пакъ сказать, ихъ опъ меня попребовали. Будемъ благодарить Бога, что эта прелестная, но опасная Сирена, насъ не увлекла въ свои сѣпи! «

» Считайте меня всегда вашимъ преданнымъ и покорнымъ слугою. «

» Сивской. «

Лировъ съ тѣхъ поръ не былъ въ Пепербургъ; я его совершенно поперялъ изъ виду. Въ послѣдствіи, изъ всѣхъ лицъ сей повѣсти, я встрѣпилъ только Сивскаго, и онъ сказывалъ, что мой пріятель теперь только заботится объ угожденіи своему желудку и цѣлые дни проводитъ у Яра и Мапперна.

III.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ЛОНДОНѢ.

=

СЦЕНА ПРАВОВЪ.

=

Любите ли вы эти повѣсти, бродящія по свѣту, коихъ начало восходитъ до временъ попопа, копорья перешли чрезъ всѣ мифологіи, и досель еще насъ занимають? Преданіе о *непробудно спящихъ* не есть ли одно изъ образцовыхъ произведеній ума человѣческаго? Наслаждаясь сею удивительною легендою, я подумаю о ея дрезности, вспоминаю, что, въ продолженіе прилцати вѣковъ, двадцать народовъ усвоивали себѣ ея вымысль. Эндиміонъ и его продолжительное усыпленіе; Эпименидъ съ своимъ пробужденіемъ, равно исполненнымъ удивленія; Фридерикъ Барбарусса, заснувшій въ пещерѣ и превратившійся въ камень; всѣ, до героя Вашингтона Ирвинга, копорый воскресаетъ послѣ двадцатилѣтняго сна и находить свою жену вышедшею за мужъ за другаго, всѣ сіи

фигуры мелькають предо мной съ закрыпыми, опяжелѣвшими вѣками. Я даже вспоминаю, что Магометъ, эпопѣ крикнуть безъ воображенія, обокравшій такъ нагло все вѣрованія, пародировалъ Эпименида въ своемъ Коранѣ. Очаровательный вымыселъ, сквозь которьей исторія цѣлаго міра дозволяетъ себя угадывать и провидѣть!

Для сочинителя сихъ страницъ онъ имѣетъ особую прелесть. Подобно Магомету, Эпимениду и любимцу Діаны, я проснулся опъ долгаго усыпленія. То мгновеніе, въ которос я коснулся береговъ Англїи, не видѣнныхъ мною въ продолженіе семи лѣтъ, привело меня въ поже положеніе, въ какомъ были фантаспические герои, имена коихъ сей часъ были упомянуты. Семь лѣтъ пропекло. Боги—Пенаты! Крышка Англійскаго дома! *home! comfort!* слова, составляющія гордость Британца—ибо никто не понимаетъ васъ за предѣлами его острова—вы были для меня поперяны!

Само собою разумѣется, что глаза мои не были сомкнуты въ продолженіе эпого люспра, равнаго вѣку; но что они видѣли! Дома, поля, псапры, развалины, фантасмагорїи лунапика, продолжительное видѣніе, блестящую мечпу. Англичанинъ полько у себя дома живетъ полною жизнью. Въ Англїи, жизнь его естъ призракъ жизни; сонъ, мечпа, усміе; самыя на-

слажденія ему въ пягоспъ. Только въ свяпилищѣ своего „у себя дома“ владѣеть онъ самъ собою, полько въ любезной пиши своего кабинета и алькова вполнѣ чувспвуетъ себя. Здѣсь, въ эпомъ центръ всѣхъ своихъ радостей, онъ снова прибрѣпаептъ свою энергію, какъ Анпей, объемлющій мать свою.

Сентября 20, 1820 года, въ субботу вечеромъ, соння пассажировъ, между коими находился и я, очупилась на большой набережной Дувра, примчавшись на пароходъ. Я могъ бы изобразить вамъ языкомъ поэтовъ, какое впечатлѣніе производилъ бѣгъ сего чудовища, извергающаго изъ себя дымъ, клокочущаго пламенемъ, подобно Химерѣ, прорѣзающаго пупъ черезъ волны вихрянъмъ полетомъ. Время было прекрасное. Солнце сіяло. Море казалось спящимъ.

Я бросился на родную землю.

O quantâ natale solum dulcedine mulctas!

повпорялъ я мысленно, et coetera, бросая взоры кругомъ себя.

» Великій Боже! « вскричалъ, я разговаривая самъ съ собою: » какъ низки эти дома! «

Многочисленные этажи Европейскаго маперика и ихъ гигантская архипектура представлялись моему воображенію. Мнѣ казалось, что я вышелъ на берегъ въ землѣ Лиллипуповъ.

Мальчикъ съ пальчикъ, снявши съ себя семи-милые сапоги, не испыталъ спраннѣе ощущеній. Маленькія окна; маленькіе ставни; узкія двери; много, два эпажа; гостинная въ видѣ коробки; маленькія вилки съ према зубчиками; легкая чепверомѣспная колясочка; большая дорога, похожая на пропинку въ паркѣ; низкіе заборы; хижины-игрушки; микроскопическіе виды; прекрасный бархапный дернъ: — все находить я въ миніяпюрной гармоніи. Я чувствовалъ самъ себя уменьшеннымъ, съежился, если можно упопробить это проспонародное выраженіе; словомъ, все, даже понкіе сапоги почпальона, внушали мнѣ какое-по смиреніе.

Прощай, Бробдингагъ! * вопъ я и въ Лиллипутъ! Вездѣ, въ другихъ спранахъ, общеспво искусспвенное. Только здѣсь человекъ понималъ, чпо онъ весьма мало, или даже ничего не значилъ. Въ Ипаліи люди сооружаютъ цѣлые каменные лѣса; во Франціи оспавляютъ на публичныхъ дорогахъ просторъ для шеспи дилижансовъ, капаящихся рядомъ. Эпа пипанская борьба съ природою еспъ безумная гордоспъ. Я оппрекаюсь опъ ней. Мнѣ надобно привыкать снова къ экономической простопѣ и симметприческому порядку моего опечеспва, гдѣ пакъ скупы на время, на проспранспво и на деньги.

* Земля гигантовъ въ извѣспномъ романѣ *Ссифта*.

Я прибылъ въ Лондонъ въ Воскресенье поутру. Одна изъ пѣхъ блистательныхъ ночей, въ кои меланхолическая поржеспвенность любимаго поэтами свѣшила разливаеиъ самый чиспѣйшій блескъ, пробудила во мнѣ чувспва исполненнаго очарованія; я пригоновился вкуспнъ сладоспъ возвращенія во всей полнопѣ. Было пяпъ часовъ, когда я пришелъ на Веспминсперскій моспѣ. Глубокое молчаніе; городъ спиппѣ: ни малѣйшаго шума, ни одного прохожаго, никакого признака жизни. Много чувспвъ возбуждаеиъ въ душѣ видъ огромнаго города, гдѣ спполько спраспей, инспригъ, пороковъ, преспуплений, замысловъ и прудовъ, молчапѣ подъ однимъ и пѣмъже покровомъ, усыпленные обшпмъ, крапковременнымъ сномъ!

Въ девяпъ часовъ меня освѣжилъ опдыхъ, коимъ насладился я на спокойной постелѣ моей госпиппцы. Я позавпракалъ *по англійски*: пилъ чай, ѣлъ масло и *rolls*, копорья моя хозяйка называла *маленькими французскими хлѣбцами* и въ копорыхъ, кромѣ имени, не было ничего французскаго. Веселый и радоспный, опправилъ я на визиппы.

Какое блаженспво увидѣпся съ моимъ спарымъ поварищемъ Г! Я направилъ свои шагп къ Гросвенор-Скверъ *, гдѣ онъ живеиъ. Закрыпья

* Кварпалъ населенный дворянспвомъ.

лавки, городъ еще долгое время безмолвный по- слѣ обычнаго часа пробужденія, поразили меня меланхолическимъ удивленіемъ. Я поднялъ голову Фавна, служившаго молоткомъ у дверей Г. Тяжелый кусокъ бронзы упалъ тяжело; и звукъ, раздавшійся въ обширныхъ покояхъ, возвратился ко мнѣ, удвоенный проспранспивомъ, которое долженъ былъ пробѣжать. Черезъ пять минутъ ожиданія, пронзительный голосъ, выходящій изъ кухни, * помѣщаемой, какъ извѣстно, ниже уровня улицы, вскричалъ:

» Кто тамъ? Чпо вамъ угодно? За чѣмъ вы такъ шумите! Развѣ не можете порядочно поспучать? «

Вы бы подумали, чпо это Киммеріанка, копорой помѣшали спать: такъ сильно огорчена была эта женщина спухомъ моего молотка; ея невѣжливоспъ оскорбила меня. Однакожъ я вспомнилъ о законахъ Англійскаго равенства, о независимости, копорою мы сполько хваспаемся, и очень тихо опвѣчалъ: » Я желаю видѣспъ вашего господина. У себя ли онъ? «

— Ищите его въ Норвичъ.

Она заперла свою форпочку, и ворча про себя какія-то несвязныя ругательства, перявщія-

* Кухни опдѣляются опъ улицы нѣкопорымъ родомъ площади или маленькаго продолговапаго двора, углубленнаго ниже уровня земли и огороженнаго желѣзною рѣшеткою.

ся подь сводами кухни, безъ всякихъ церемоній оборопилась ко мнѣ спиною.

Мой другъ былъ въ Норвичѣ. Онъ спрѣлялъ памъ куропапокъ, муча бѣдныхъ арендапоровъ своею невъносивою дѣятельностію. Я очень хорошо понималъ все это. Но грубость кухарки меня удивляла. По какому праву приняла она меня какъ вора! Развѣ не лъзя постучать въ дверь безъ того, чптобы не разсердиль ея?

Я пересмотрѣлъ всѣ часпи моей одежды.

Развѣ у меня шляпа измяпа?

Или рубашка желпа?

Или башмаки попереяли свой блескъ и аристократическій характеръ?

Нѣптъ; все было въ порядкѣ: я могъ быль приняпъ за дженпельмена. Увы! я позабыль, чпто спукнувъ молопкомъ полько одинъ разъ, я пѣмъ выдалъ себя за нищаго бродягу, чпто эпопъ плебеизмъ моего удара былъ поняпъ и приняпъ какъ слѣдуепъ; позабыль, чпто черезъ каждые при мѣсяца мода спучать въ дверь претерпѣваепъ въ Лондонѣ большія перемѣны, и чпто попъ, кпто не знаепъ новой манеры и не слѣдуепъ ей, необходимо смѣшиваепся съ низкими людьми, которые ни за чпто не считающся.

Мое долгое пребываніе въ чужихъ спранахъ заспавило меня забыпъ всѣ сін оппѣнки особыхъ нравовъ, кои полько Англии извѣсп-

ны. Я уже не зналъ, что Воскресенье въ Лондонѣ есть день чорный, пустое проспранство, рядъ двадцати чепырехъ часовъ, посвящаемый ничпожестиву: тогда не бывають ни богомольны, ни въпрены, ни важны; дають полный опдыхъ всѣмъ чеповѣческимъ способностямъ. Какъ будто пайная механическая сила вдругъ оспанавливаетъ весь ходъ дѣла и набрасываетъ какой-то креповый саванъ на весь городъ, какую-то свинцовую крышку на всё зданіе, какую-то непоспжимую лепаргію на всѣхъ жипелей. Еслибъ можно было оспановипъ на эпопъ день обращеніе крови и послѣдовапельность мыслей, я думаю, и эпо было бы сдѣлано Англичанами. Дѣйспвіе огромной пневмапической машины, умспвенной и моральной, не причинило бы ужаснѣе пустопы. Я являлся у дверей шести или семи моихъ знакомыхъ; одни брали морскія ванны; другіе уѣхали въ Шопландію; пѣ приказывали сказать, что они больны; нѣкопорые были въ церкви: вездѣ опказъ.

Гдѣ, спрашивалъ я самъ себя, Корсо Рима, Бульвары Парижа, Прадо Мадрипа? Сравнипте съ эпою одушевленной жизнью, съ эпою блиспапельною сценою, гробовую поржеспвенность Англійскаго праздника! Признаюсь, мои чувства не были тогда благопріятны для моего опечспва; и въ эпомъ слишкомъ спрогомъ соблюде-

ни Воскресенья я находилъ мрачное зрѣлище, возмущавшее мою душу; видѣлъ спарую закваску пурипанизма въ самомъ опаснѣйшемъ броженіи. И что за польза принуждавъ челоуѣка къ унылости, когда эта унылость не обогащаетъ его никакою добродѣтелью? Неужели пріятнѣе, когда ремесленникъ пьянствуетъ, чѣмъ когда онъ панцуетъ? Я предпочитаю невинную веселость угрюмымъ порокамъ. Развѣ небо повелѣваетъ намъ скучать и на другихъ наводить скуку? Развѣ неподвижность есть добродѣтель, предписываемая религіею? Для чего припятствовать народу веселиться? Угрюмая нація не есть самая лучшая.

Печальное зрѣлище представляють въ Воскресенье эти пустынные улицы; эти длинные ряды прогуливающихъ безъ цѣли, которые имѣють видъ людей, идущихъ искать въ Темзѣ лѣкарства отъ жизни и сплина. Все это плынетъ погребальнымъ шагомъ къ церкви или къ парку.

Кромѣ сихъ мѣстъ, вы вездѣ находите уединеніе и безмолвіе. Эта пустоша дозволила мнѣ съ большимъ вниманіемъ осмопрѣть перемыны, сдѣланныя новѣйшими архипекторами въ западной части города: трупъ я нашелъ доказательства самаго дурнаго вкуса, въ какой только можетъ впасть нація. Я удивился

эпою смѣси всѣхъ орденовъ, или, лучше ска-
зать, эпому безпорядку архипектуры: Еги-
петскій спилъ рядомъ съ Арабскимъ; профиль
Греческаго храма вмѣспѣ съ оспрыми шпи-
цами Гопическаго собора: сколько полумѣся-
цовъ, подковъ, перроновъ, каріапидъ, пре-
пензій, разнородныхъ смѣшеній! Какое жалкое
подражаніе древнему и новому искусству! Я
объгаль кварпалы, обипаемые людьми высшаго
пона, и не могъ добратъся ни до одного изъ
моихъ знакомыхъ: упомленный до крайности сими
безплодными поисками, я пакже въ свою оче-
редь направилъ шаги свои къ парку; полпа,
склынувшая съ улицъ, пѣснилась здѣсь; полпа
молчаливая, надупая, чванная, преупипанная эпи-
кетомъ. При взглядѣ на эпопу народъ, весь
одѣпый въ черное, вы могли бы подуматъ, что
здѣсь всѣ оппѣпки происхожденія и соспояннія
изглажены. За нѣсколько гиней сидѣлецъ нани-
маепъ щегольское пильбюри и корчипъ изъ себя
знапнаго господина. Вашъ порпной носипъ бле-
спящее жабо и пакже медленно движепся, какъ
Перъ Англии. Ложный хорошій понъ идепъ по
пяпамъ испиннаго; чернъ передразниваепъ ари-
стокрапію; а какъ для сего нужно только
молчатъ и брапъ на себя нагмый видъ, идпи
прямо, смопрѣпъ на всѣхъ съ презрѣніемъ, то
кажепся вездѣ только и видишь одну аристо-
крапію.

Во внутренности Кенсингтонскаго сада сцена перемѣняется. Эпопѣ прелестный паркъ какъ бы исключительно назначенъ для прогулокъ женщинъ; красота, столь общая въ Англїи, показывается здѣсь подъ всѣми формами, во всѣхъ костюмахъ, подъ всѣми именами, начиная отъ шипыхъ золотомъ и серебромъ шелковъ до простаго флагнуха! Кенсингтон-Гарденъ помирить меня немного съ Англійскимъ Воскресеньемъ. Я проклиналъ только эпитъ кавалеровъ, въ большомъ парадѣ, копорые ѣздя взадъ и впередъ подлѣ маленькой глиняной стѣнки, отдѣляющей садъ отъ парка, привлекали, на счесть бѣдныхъ наемныхъ лошадей, взгляды гуляльщицъ: глупое шщеславїе, копорое смѣшивалось, въ моихъ глазахъ, съ нестерпимымъ педантизмомъ! Я сълъ въ первый попавшійся дилижансъ, копорый и привезъ меня къ Графинѣ * * * въ Ричмондъ.

Все семейство было въ залѣ. Маленькій импровизованный концертъ раздавался подъ сводами, обремененными позолопою и объярью: Пожилые играли въ каршы; кучи золопа лежали на зеленыхъ сполахъ. Я провелъ нѣсколько времени у Графини, удивляясь внутренне спранному контрасту, между нравами нижняго сословія и высшаго общества Англїи.

Вечеромъ я снова пробѣжалъ городъ, Спрандъ и Гросвеноръ - Скверъ. Пьяные шатались по

улицамъ ; развратъ и безпорядки всякаго рода слѣдовали за печальнымъ однообразіемъ дня. Я возвратился домой глубоко опечаленный. Для меня было что-то возмущительное въ этой смеси лицемерія и пороковъ, соблюденія пуританскихъ привычекъ во внѣшности и разврата на самомъ дѣлѣ. Нравы моего опечеснва , признаюсь , вдохнули въ меня много горькихъ размышленій, много опасеній за будущее.

(NEW MONTHLY MAGAZINE.)

IV.

ВОЕННЫЙ СУДЪ

НА ОСТРОВЪ МАЛЬТЪ.

БЫЛЬ.

He died, as erring man should die,
Without display — without parade! *

ВУРОН.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ Августѣ, группа молодыхъ офицеровъ, коихъ лица изображали живѣйшее безпокойство, собралась на большомъ плац-парадѣ Валетты. Удушипельный зной царствовалъ во все продолженіе дня; и этой одной причины уже доспапочно было, чпобы оправдать опчаспи лихорадочный жаръ, пылавшій на физиономіяхъ лицъ,

* Онъ умеръ, какъ долженъ умирать всякой: безъ суешности, безъ хвастовства!

кои соспавляли сію группу. Хотя прохладный въперокъ, поднявшійся къ вечеру съ моря, проливалъ пріятную свѣжестъ на площади, разнося на крыльяхъ своихъ упоительное благовоіе лимонныхъ садовъ, никпо, по крайней мѣрѣ изъ Англичанъ, не являлся насладиться удовольствіями прекрасной ночи; молодые офицеры одни видѣлись на площади, сполпившись во кругъ одной изъ пушекъ, распавленныхъ болѣе для украшенія, чѣмъ для обороны города.

Они полько чпо оспавили залу Сира Ральфа Спанлея, Губернапора всѣхъ Англійскихъ владѣній на Средиземномъ Морѣ, дабы на просторѣ излишь свои чувспвованія, очевидно спѣшенныя присупспвіемъ Генерала.

— Я это зналъ напередъ, говорилъ одинъ изъ самыхъ младшихъ офицеровъ, я зналъ, чпо это такъ кончипся. Съ самой минупы его ареста, или лучше со дня вспупленія его въ ропу Мажанди, я предсказывалъ гибельную развязку. У Франка Виллиса такая прелеспная жена... а сердце такъ благородно... Онъ не могъ ужипся съ подобнымъ челоукомъ... Вы, Вернонь, принадлежите къ Военному Совѣпу; скажите, какъ Франкъ предспавиль свое дѣло? какъ онъ защищался?

— Онъ и не брался за это. Преспупленіе его слишкомъ очевидно: оно предспавлено ясно, со всѣми подробностями. Даже присоединены

спранныя обспояпельспва. Капраль Рупефордъ показаль подь присягою, чпо въ попьже день, послъ полудня, видълъ Виллига предававшягося публично на плац-парадъ безпорядкамъ всякаго рода. . .

— Но развъ не было свидѣтелей касательнo главнаго пункта?

— Ни одного! вскричалъ съ жаромъ Артуръ Спанлей, племянникъ Губернапора и самый младшій изъ его адьюпанповъ. Мажанди дѣлаль свой доносъ пакъ спупанно, въ пакомъ безпорядкѣ, пакъ подло, чпо я сначала было надѣялся, чпо Франкъ будепть обвинень не вполне, чпо преспупление его будепть ослаблено. Но спарый дядя мой, начавъ говорить, засыпаль обвиненнаго множеспвомъ хипрыхъ распросовъ; и послъ сей нравспвенной пыпки, для слушателей не меньше чувспвительной, какъ для обвиненнаго, попребоваль опъ него, чпо онъ можепть предьявить въ свою защиту?

— Какъ же Виллисъ выдержаль эту улику? Казался ли онъ пораженнымъ, или по крайней мѣрь пронупымъ ею?

— Никогда я не видываль челоуька споконнѣ. Еслибъ Виллисъ былъ высъченъ изъ поь скалы, на копорой мы нашли его, и тогда бъ онъ не могъ имѣпть осанки болѣ твердой и рѣшипельной. Ни на лицѣ, ни въ гла-

захъ не видно было ни малѣйшей перемѣны. Даже когда гнусный Мажанди, который, сказапъ мимоходомъ, напрасно спарался скрыпъ свое смяпеніе при вычисленіи подробностей, кои съ намѣреніемъ силлся увеличивапъ, даже когда онъ подъ присягой рассказывалъ о множествѣ разныхъ опыповъ его будпобы непокорности и буйства, Виллись не обнаружилъ нималѣйшаго движенія, гдѣ бы изображалось не полько негодование, даже проспое удивленіе. —

— А когда попребовали, чпобы онъ защищался?

— Онъ отвѣчалъ голосомъ яснымъ и пвердымъ, чпо не имѣепъ ничего сказапъ въ свое оправданіе. Но Генераль, счипая сей отвѣпъ за новое доказательство непослушанія, повпорилъ гнѣвнымъ голосомъ свое приказаніе.

— Тогда, перервалъ молодой Спанлей, зала сдѣлалась пеапромъ ужаснаго смяпенія. Со всѣхъ споронъ раздавались голоса: » Скажи, какое сдѣлано тебѣ оскорбленіе, Виллись, кричалъ одинъ. — Изобличи преступника! говорилъ другой. — Не допускай веспи себя на убой. Покажи Генералу саблю, копорою пы, на проломъ Сен-Себаспианскомъ, прикрывалъ его сына! « — Но спарый Президентъ, раздраженный симъ нарушеніемъ порядка, немедленно громовымъ голосомъ повелѣлъ очиспипъ залу.

— Нѣсколько словъ доспапочно было по-

помъ, чптобы предспавипь сущность дѣла съ доказапельствами и уликами, продолжалъ Вернонъ. За пѣмъ, послѣ крапкаго рассуждения, произнесенъ смерпный приговоръ.

— Клянусь всѣмъ святымъ, вскричалъ Артуръ Спанлей, прерывая снова, мнѣ пріятнѣе было въ тысячу разъ слышать громъ непріятельскихъ батарей, чѣмъ эпопъ сурово-звучный голосъ, коимъ дядя мой говорилъ погда съ обвиненнымъ. Я не думалъ никогда, чптобы могло быть сполько величественной важности въ спарикѣ, копорого привыкли мы видѣть всегда такъ проспымъ, чптобы онъ способенъ былъ къ такой глубокой распроганности, опъ копорой слова его дрожали при исполненіи гореспной, неумолимой обязанности. Онъ не могъ оспановипь своего взора на прекрасномъ, благородномъ лицѣ Виллиса, произнося роковое слово. Весь аудиторіапъ былъ пораженъ какимъ-то оцѣпенѣніемъ; мрачное, глубокое молчаніе царствовало; и при чпеніи страшнаго приговора слышны были только задушаемая рыданія нашихъ младшихъ поварицей. Чпто касается до меня, сердце мое гопово было разорваться...

— Въ нашихъ рядахъ нѣтъ солдата храбрѣе Виллиса, сказалъ одинъ изъ низшихъ офицеровъ послѣ минушнаго молчанія. Онъ принадлежитъ намъ по особенному праву: его дамъ

намъ Богъ. Онъ родился въ Индіи, при Блэкгау, во время репиреды войскъ; отецъ его, копорый былъ сержанпомъ, опспалъ опъ полку, чпобы вырыть въ песокъ могилу для его мапери. Я помню, чпо, при вспупленіи моемъ въ корпусъ, я слыхалъ опъ спарыхъ моихъ поварищей въ Индіи, какъ Франкъ, завернупый въ дорожномъ мѣшкѣ, качался на армейской фурѣ, предоспавленный кой — какимъ забопамъ находившихся при полку женщинъ, кои въ добавокъ на ту пору были еще завалены ранеными и больными.

— Франкъ Виллисъ служилъ съ нами въ Испаніи, примолвилъ другой офицеръ; онъ имѣетъ медаль за Ватерлоо.

— Чпожъ вы думаете, Вернонъ? Неужели нѣтъ никакой надежды? спросилъ претій. Не горько ли видѣть, чпо такой опличной солдапъ долженъ погибнуть тахимъ несчастнымъ образомъ? Хотя Виллисъ и не захопѣлъ при своемъ оправданіи сослаться на свидѣтельство своей жены, но нѣтъ ни одного челоуѣка въ полку, копорый бы не зналъ причины, заспавившей его поднять руку на своего капитана. Припомъ характеръ Мажанди слишкомъ извѣстенъ; да и спрасъ его къ Бесси Виллисъ ни для кого изъ насъ не пайна.

— Все это правда, опвѣчалъ Вернонъ; да спарый Спанлей — вы мнѣ проспите, Арпуръ,

это выраженіе — неумолимъ, когда дѣло идетъ о дисциплинѣ. Припомъ же, сказать правду, снисхожденіе въ наспоящемъ случаѣ не можетъ бытъ оправдано никакимъ законнымъ предлогомъ! . .

— Можно сдѣлать все, что хочется, лишь бы хотѣлось то, чего должно хотѣть.

— » Такъ, Арпуръ! можно, да не въ гарнизонѣ, какъ вы сами когда нибудь извѣдаете вашимъ собственнымъ опытомъ. Но дѣло не въ томъ. Если почто можно еще сдѣлать что-нибудь для спасенія Виллиса или по крайней мѣрѣ для смягченія его наказанія, по узы, соединяющія его съ нами, и героическая пвердоспъ, имъ обнаруживаемая, заслуживаетъ соединенія всѣхъ нашихъ усилій. Сиръ Ральфъ имѣетъ ко мнѣ нѣсколько благосклонности — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ — какъ къ другу своего единственнаго сына, пережившему его, принявшему послѣдній его вздохъ... Арпуръ, который съ утра до вечера заспавляетъ дядю осыпая его упреками и выговорами, Арпуръ не можетъ себѣ вообразить, какъ нѣжно любилъ онъ несчастнаго Эдуарда. «

Арпуръ Спанлей подошелъ поближе, чтобы вслушаться въ рѣчь; Вернонъ продолжалъ:

— » Вы сами, Арпуръ, вы племянникъ и наслѣдникъ Генерала; вамъ можно поговорить за него; онъ васъ выслушаетъ. Мы дали ему вре-

мя излишь весь свой гнѣвъ. Пойдемъ — те къ нему теперь оба и употребимъ всё убѣжденія, чтобы подкрѣпить эту просьбу, подписанную цѣлою половиною гарнизона, всѣмъ полкомъ, и даже самимъ Мажанди, копорый, я увѣренъ, охотно теперь опдалъ бы свою правую руку, лишь бы только дозволили ему взять назадъ свою жалобу.

— Спупайше, спупайше! Богъ да поможетъ вамъ! вскричали единогласно всё офицеры. Мы останемся здѣсь и будемъ дожидаться слѣдствія вашей просьбы.

Сиръ Ральфъ выслушалъ съ благосклоннымъ участіемъ краткое вычисленіе прежнихъ заслугъ осужденнаго солдата и тѣхъ правъ, кои онъ имѣлъ, по рожденію своему, на привязанность всего полка, а по безпорочности поведенія и службы, на любовь самаго Генерала. Спаржъ перебралъ все это самъ со всѣми подробностями, не спараясь ни мало скрывать чувствъ, кои питалъ онъ къ другу своего единственнаго сына, равно какъ и къ несчастному, бывшему послѣднимъ защитникомъ поперяннаго любимца души его.

— Всѣмъ сердцемъ готовъ бы, сказалъ онъ въ заключеніе, удовлетворить общимъ желаніямъ корпуса, особенно когда слышу ихъ опъ посредника, лично мнѣ такъ любезнаго, какъ Маіоръ Вернонъ. Но высшій долгъ повелеваетъ мнѣ

скрѣпить сердце. Польза службы пребудетъ, чтобы нарушение дисциплины, столь важное, было наказано по всей строгости законовъ: а благо общее должно предпочитать всякому частному внушенію. Коротко сказать, не смотря на все уваженіе, коимъ я считаю себя обязаннымъ вашему ходатайству, Вернонъ, даже къ ходатайству Артура, который такъ мало понимаетъ важность того, о чемъ онъ проситъ, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь бездѣлкѣ, я чувствую, что малѣйшее снисхожденіе съ моей стороны, въ дѣлѣ столь близко относящемся къ сохраненію порядка военной дисциплины, было бы важнымъ преступленіемъ противъ моихъ обязанностей. . .

Вернонъ, старинный офицеръ, служившій издавна при штабѣ, зналъ очень хорошо смыслъ официальныхъ отвѣтовъ; и потому сей первый отказъ не ошановилъ его. Онъ показалъ видъ, будто считаетъ отвѣтъ сей за вызовъ начать снова просьбу и выразилъ еще настоятельнѣе по нѣжное участіе, которое Виллисъ, своею храбростію, поведеніемъ и благородными чувствованіями, какъ солдатъ и какъ человѣкъ, умѣлъ возбудить къ себѣ во всемъ гарнизонѣ. » Никогда, примолвилъ онъ, никогда милосердіе не было болѣе заслужено, не будетъ единодушнѣе одобрено! «

Но Генераль Спанлей былъ непреклоненъ: безъ

всякой жестокости, однако съ пвердостью, опровергъ онъ всѣ его умствования. » Другъ мой! опвѣчалъ онъ: вы имѣете дѣло съ спарымъ солдатомъ, съ человекомъ, въ глазахъ коего описываемыя вами качества и заслуги имѣють чрезвычайное достоинство. И такъ посудите сами, чего должно стоить мнѣ упорство, въ наспоющемъ случаѣ бытъ спрогимъ исполнителемъ своего долга, и не обременяйте меня просьбами, къ копорымъ я долженъ оспасть невнимательнымъ. Капитанъ Спанлей сдѣлаетъ также очень хорошо, продолжалъ Генералъ возвышая голосъ, если переспанетъ пожимая плечами съ выраженіемъ негодованія и досады; я признаюсь педерь со всею искренностью, что на сей разъ долгъ мой есть самый птягоспнѣйшій и самый печальнѣйшій. Короче, Вернонь, это дѣло невозможное! Виллисъ долженъ умереть. «

Спарикъ бѣгалъ взадъ и впередъ по залѣ, чтобы собрать голосъ, разперянный при столь необыкновенной для него распроганности. Вернонь считалъ недолжнымъ болѣе настаивать: однако рѣшился намекнуть о нѣкопорыхъ обспояпельствахъ касательно человека, за копораго Виллисъ осужденъ былъ умереть, равно какъ о молодой, любезной женѣ несчастнаго солдата. Обспояпельства сіи снова распрогали спараго Губернапора, но не могли поколебать его рѣшимости. » Ну, Вернонь, добрый вечеръ!

примолвилъ онъ, пожавъ съ горячностію руку Майора; просипте мнѣ эпу наружную неблаго-дарность и будьте увѣрены, что я равно умѣю цѣнить ваши права на мое снисхожденіе и пу скромность, съ копорой онъ были вами вы-спавлены. А вы, Артуръ Спанлей, если эпо можете вамъ доставить удовольствіе, знайте, что мое участіе въ судьбѣ несчастнаго Вилли-са не уступаешь ни въ чемъ вашему. «

— Ну, что! закричали вдругъ двадцать го-лосовъ, когда оба друга явились къ своимъ по-варищамъ, кои ожидали ихъ, погруженные въ живѣйшее безпокойство.

Вернонь покачалъ головою. »Неумолимъ!« вскри-чалъ Артуръ въ испугленіи. »Франку Виллису оспаешся только умереть; и онъ умретъ — умретъ, какъ человекъ! «

Звукъ барабана и погасавшіе со всѣхъ споронъ огни возвѣспили офицерамъ, что пора расхо-диться. Тѣ, которые должны были проходитьъ въ воропа крѣпости, замѣпили, что часовые ок-ликали ихъ унылымъ, болѣзненнымъ голосомъ. Возвращавшіеся въ казармы видѣли, что люди, собравшіеся кучками въ разныхъ мѣспахъ, на перекресткахъ аллей, наблюдали печальное мол-чаніе или шопотомъ продолжали безпокойный разговоръ. Ни одного веселаго звука не раздава-лось въ сихъ мѣспахъ, обыкновенно полныхъ одушевленія; сквозь полуотворенныя двери ка-

меръ не слышно было ни одного куплета народной баллады или пѣсни. Женщины, вмѣсто шумнаго выраженія маперинской нѣжности, споль имъ свойственной, скликали попихоньку своихъ дѣтей и, сжимая въ объятіяхъ, припворялись будто бранящъ ихъ, дабы скрыть слезы, невольно капившіяся изъ ихъ глазъ.

Только одна каморка, среди всей эпой длинной фасады, оспавалась во весь день замкнутою и казалась несравненно печальнѣе и безмолвнѣе всего ее окружавшаго. Эпо была комната Бесси Виллисъ, коей часы, уже сочпенные, быспро мчались, въ мрачномъ, нѣмомъ опчаяніи.

Слишкомъ увѣренный, что здоровье жены его избавитъ ее отъ горькихъ мукъ прощанья, ибо она лежала уже на смертномъ одрѣ, Виллисъ пѣмъ легче могъ сохранять непоколебимую пвердоспъ, которую не переспаваль обнаруживать съ самаго своего ареспа. Ни одну минуспу не обманывался онъ на счетъ судьбы, его ожидавшей. Родившись солдапомъ, отъ солдата, онъ понималъ всю спрогоспъ военной дисциплины; и такъ мало думалъ просипъ о помилованіи, такъ искренно предпочипалъ честную смерпъ пѣлесному наказанію или заключенію въ пюръму, что не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія для возбужденія въ судьяхъ

соспрананія и уваженія къ своимъ прежнимъ заслугамъ.

И пакъ онъ долженъ былъ умереть! Оковы, висѣвшія на его ногахъ, окны переплетенныя полспыми желѣзными прутьями, сквозь копорыя едва продиралось нѣсколько блѣдныхъ лучей солнца, глубокое одиночество: все соединялось, дабы напоминать ему каждую мину-ту, что печальное существованіе его скоро должно кончиться. Онъ могъ бы умереть счастливецъ; могъ бы пасть на полѣ битвы, въ одномъ изъ многочисленныхъ сраженій, гдѣ всегда дѣйствовалъ съ опличіемъ! Но тогда онъ не воропился бы съ порожествомъ въ любезную ему Англию, не увидѣлъ бы своей Бесси, не поклялся бы опцу ея, чтобы побѣдить его упрямство и получить руку его дочери, любить и беречь ее во всю жизнь; клятва, копорой онъ, увы! долженъ былъ пещерь сдѣлаться жертвою! Таковы были меланхолическія воспоминанія, коимъ предавался узникъ, когда появленіе Маіора Вернона извлекло его изъ сихъ гореспныхъ мечпаній.

— Эпо я, Виллисъ, сказалъ Маіоръ нѣжнымъ голосомъ; я, пвой спаринный поварищъ, пришелъ къ пещъ сказать послѣднее дружеское проспи!

— Ваша милость были пакъ всегда умны и добры, опвѣчалъ Виллисъ, сисясь обнявъ колѣ-

на своего командира. Вы были ко мнѣ всегда пакъ ласковы и благосклонны, Г. Маіоръ, и учаспъ моя была бы не такова, еслибъ я, слѣдуя вашимъ наспавленіямъ, спарался обузды-
вапъ свою несчастную горячность.

— Сядь, мой другъ, сядь, сказалъ Вернонъ; тебѣ надобно успокоиться.

— Нѣпъ, сударь! опвѣчалъ Виллисъ, усиливаясь приняпъ понъ веселоспи; успокоюсь я завпра, прежде васъ. Когда часовая спрѣлка спанепъ на двѣнадцати, голова Франка будепъ наслаждапъ такимъже глубокимъ сномъ, какъ наши храбрые поварищи, оспавшіеся при Капр-Бра.

На сей опвѣпъ, слишкомъ уже, можепъ быпъ, легкомысленный, Вернонъ опвѣчалъ важнымъ голосомъ: » Я пришелъ къ тебѣ, Франкъ, узнапъ, не дашь ли пы мнѣ какихъ-нибудь порученій, которыя другъ пвой могъ бы исполнить. Не обманывая тебя и прежде надеждами спасенія, я пѣмъ менѣе чувспвую замѣшательспва объявивъ тебѣ теперь, чпо самые жаркіе друзья пвои поперяли ихъ совершенно. Ты долженъ завпра умерепъ, Виллисъ!

— Я никогда и не думалъ иначе, Маіоръ; и въ слѣдспвіе сего, пригоповился искапъ милосердія, въ коемъ опказываюпъ мнѣ люди, у божеспвеннаго Спасипедя нашего.

— Надѣюсь, чпо пы сдѣлалъ все зависящее

опъ тебѣ, чпобы умереть въ мирѣ; сердце пвое конечно не сохраняетъ въ себѣ никакого злаго чувства противъ врага и обвинителя пвоего?

— Никакого, Г. Маіоръ, совершенно никакого! Это также вѣрно, какъ моя надежда на милость Божию. Я долженъ благодарить Отца Небеснаго, что онъ не допустилъ меня обогреть рукъ въ крови несчастнаго, когда мое справедливое негодованіе вышло изъ границъ; но теперь могу сказать, что прощаю, и прощаю изъ глубины души, Капитану Мажанди; боюсь только, чпобъ ему самому не было слишкомъ тяжело простить себя.

Вернонь спросилъ его попомъ нѣжнымъ голосомъ, не имѣетъ ли онъ чего поручить для несчастнаго, спраждающаго созданія, съ коимъ долженъ такъ скоро распаться?

— Скажите ей, вскричалъ солдатъ, скажите лучшей и вѣрнѣйшей изъ супругъ, чпо мнѣ гораздо тяжелѣе было бы умирать, еслибъ я не былъ убѣжденъ, чпо мы скоро соединимся снова. Чпо касается до васъ, Г. Маіоръ, то, если могу имѣть смѣлость беспокоить васъ прозьбою, поспарайтесь, чпобы Бесси и ребенокъ ея были опправлены приличнымъ образомъ къ ея спарому отцу, передавъ ему, чпо дочь его, до послѣдней минуты, была сладостнѣйшимъ утѣ-

шеніемъ мужа, умирающаго теперь за честь ея...

— Такъ, спало, правда...

— Да, сударь! Благодаря Бога, душа моя въ эпоть опнощеніи спокойна! Бѣдный спарикъ, опецъ моей Бесси! ты долго колебался опдашь свое возлюбленное дѣщице солдапу—но все не думаль, что эпоть солдапу долженъ будеть погибнуть пакою позорною смерпью...

Эпоть пягоспный разговоръ былъ перерванъ приходомъ пюремщика, за которымъ вошелъ другой человекъ, въ военномъ мундирѣ.

— Такъ поздно въ пюръмъ! Кто здѣсь до сихъ поръ? сказалъ важнымъ голосомъ Сиръ Ральфъ, приближаясь къ осужденному.

— Это посѣщеніе друга, милоспивый государь, опвѣчалъ Маіоръ Вернонъ; и ему въ смятении, показалось, что Генераль принесъ помилованіе несчастному.

— Виллисъ! вскричалъ Сиръ Ральфъ, обращаясь къ солдапу, который споялъ передъ нимъ, выпянувшись во всей спрогоспи военной позинуры: я очень хорошо знаю сердце добраго солдапа и потому увѣренъ, что ты не пипаешь ко мнѣ никакого враждебнаго чувспва за свое осужденіе. Тебѣ должно умереть; пакъ распанемсяжъ друзьями! Дай мнѣ свою руку, Франкъ Виллисъ, спасишель моего сына, моего возлюбленнаго сына, который теперь у Бога!

дай мнѣ свою руку, другъ мой, и помни, что съ этой минутой жена твоя и ребенокъ— мои дѣти!

— Кто-нибудь изъ двухъ не останется долго здѣсь, видѣ лона Опица Небеснаго! Я это чувствую! опивчалъ Виллисъ, сжимая съ благодарностию руку спарца, ласково къ нему протянувшую. Но Богъ да благословишь васъ, Генераль, за вашу нѣжность къ другому сиротѣ! Сдѣлайте изъ него добраго солдата, сударь, сдѣлайте — если позорная смерть отца его не положишь на немъ пятна... Но нѣтъ, вскричалъ онъ, выпрямясь съ благородною гордостью, нѣтъ! жизнь Франка Виллиса чиста и безукоризненна!

— Мы это знаемъ, очень знаемъ, вскричали вмѣстѣ Сиръ Ральфъ и Вернонъ. Не безпокойся на счетъ своего сына. Скажи только, что еще можемъ мы сдѣлать для твоего утѣшенія.— « И во первыхъ, сказалъ Генераль, допрогиваясь ногою до оковъ Франка и подозвавъ шюремщика, во первыхъ долой это! Мы знаемъ Виллиса и можемъ опивчать за него! «..

При усиліяхъ, съ которыми должно было снятъ желѣза, Виллисъ обнаружилъ чувствую боли. » Что это значитъ? « сказалъ Вернонъ шюремщику, которъй, видя участіе командировъ, самъ не боялся казаться соспрадательнымъ.

— Желѣза открыли у него спарую рану, опвѣчалъ ппоремщикъ; и Вернонъ вспомнилъ, чпо въ Сен-Себасціанскомъ дѣлѣ, въ опчаянной схваткѣ, гдѣ Виллисъ защищалъ до послѣдней крайности Эдуарда Спанлея, пуля раздробила ему именно эту самую ногу. Обстоятельство сіе усугубило общую распроганность.

— Генераль, сказалъ Франкъ, подходя къ своему спарому командиру, съ скромною швердоспїю, внушаемою убѣжденіемъ, чпо всѣ земныя опношенія между ними оканчиваюпся: не гнѣвайпесь на меня. Польза службы пребовала примѣра; вы его дали. Благородный и великодушный характеръ вашъ внушилъ вамъ попомъ вознаградиць сію примѣрную спрогоспѣ благотворительностью: вы и эпо сдѣлали, сударь, и, повѣрыпе, сдѣлали для тако-го сердца, копорое вполне эпо чувспвуепть. Я умираю пеперь упѣшеннымъ, гордымъ, если смѣю сказаць, ибо знаю, чпо сынъ мой не оспанепся безъ опща, бѣдная вдова моя не будепть одинокою, безпрїюпною сиропою. Прощайпте, достопочпленные командиры, продолжалъ онъ, замѣчая, чпо самый суровѣйшій изъ его поспиппелей былъ распроганъ до глубины души; не продолжайпте вашей скорби о помъ, копорого мїръ уже опвергнулъ. Опецъ О'Гал-

лоранъ не оставитъ меня сегодня вечеромъ и, надѣюсь, завтра упромъ...

— » Прощай, Франкъ! Господь съ побою! « сказали поржественно Генераль и Маіоръ выходя изъ пюрьмы. Старый Спанлей, не могши успоаять пропивъ слабости и смяпенія, долженъ былъ опереться на своего адьюпанпа, проходя подъ сводами излучистыхъ корридоровъ.

По упру, вѣсповая пушка раздалась съ приспани, лишь полько волны озлапились первымъ мерцаніемъ Авроры. Немедленно весь гарнизонъ спалъ подъ ружье для исполненія гореспной обязанности. Печальные звуки праурнаго барабана, глухо перекапывались, какъ мрачная прелюдія смерти. Три раза полкъ, къ копорому принадлежалъ Виллисъ, обошелъ кругомъ плац-парада, при заунивномъ воѣ трубъ похороннаго марша. Наконецъ все умолкло; слышенъ былъ одинъ голосъ — голосъ спарца священника, чипавшаго опходную молишву.

Одинъ, съ обнаженною головой, въ мундирѣ своего полка, Виллисъ шелъ за спарцемъ, позади бапальона, въ рядахъ коего пакъ часпо спремился къ побѣдѣ и славѣ. Теперь онъ шелъ медленно: но его шаги были тверды, спокойны; блѣдная важность лица его доказывала довольно убѣдительно, чпо онъ умѣетъ идти на смерть.

Въ эпоху многочисленной полѣ, собравшейся видѣть, какъ онъ долженъ испустить послѣдній вздохъ, много сердець обливалось кровью; сердце Виллиса было спокойно. Много успѣ сжималось болѣзненно при семъ зрѣлищѣ крови, приносимой въ жертву неумолимому закону; успа Виллиса, казалось, съ наслажденіемъ впивали послѣднее дыханіе воздуха. Много глазъ напрасно усиливались удержавъ крупныя слезы, могущія уличить ихъ въ слабости: глаза Виллиса ласково обращались на поварищѣй или благоговѣйно поднимались къ небу, гдѣ онъ ожидалъ возмездія за свою жертву на алтарѣ правосудія.

Роковое мгновеніе приближалось. Маіоръ Вернонь, долженствовавшій командовать полкомъ, давалъ приказанія противорѣчащія другъ другу и въ первый разъ въ жизни не могъ владѣть собою. Молодой офицеръ, командированный вмѣсто Мажанди, котораго благоразумный Генераль съ намѣреніемъ опрядилъ на другое мѣсто, не могши выносить внутренняго волненія, оставилъ свой постъ. Глубокое, благоговѣйное молчаніе царствовало всюду; даже пѣ изъ зрипелей, кои завлечены были однимъ любовьюспвомъ, спояли недвижныи и безмолвны, не смѣя перевести духа. У солдатъ спрогая, непоколебимая наружность, предшсываемая дисциплиной, едва обуздывала внутреннее смяпеніе.

И между тѣмъ, изъ среды сей толпы, споль глубоко пораженной, не раздавалось ни малѣйшаго роппанія, ни одного неодобрительнаго звука. Виллисъ спокойно успремилъ взоры на свое послѣднее убѣжище, на гробъ, который несли предъ нимъ чепверо его поварищей, внимая полько спасительнымъ словамъ, кои обѣщали ему миръ и блаженство по смерти.

Но послѣднее слово христіанскаго утѣшенія замерло на запахъ священнослужителя. Раздался громкій, суровый голосъ команды. Рота легкой пѣхоты, къ коей принадлежалъ Виллисъ, выступила; и въ ту же секунду, при звукѣ залпа, мгновенно разсѣкшаго воздухъ, Франкъ Виллисъ, коего прекрасное лицо было закрыто опчаспи повязкою, сдѣлавъ невольнo скачокъ впередъ, грянулся бездыханнымъ трупомъ на землю.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ полкъ возвращался назадъ въ казармы, при звукѣ трубъ и барабановъ. Женщины, помышляя о Бесси, тревожились симъ зловѣщимъ звукомъ; но ихъ безпокойство было уже напрасно.

Послѣ упреннаго сбора, Артуръ Спанлей привелъ къ ней молодую и сострадательную супругу одного изъ своихъ друзей, и вмѣстѣ съ ней, сѣвъ у постели несчастной, старался пролить въ сердце ея хоня каплю утѣшенія. Первые лучи дня начали проникать въ комнату. Видны были женщины, ухаживав-

шія за больною; ихъ пальцы, приложенные къ губамъ, давали знашь, что она заснула; но разсмопрѣвъ внимательнѣе ея блѣдныя руки, сложенныя посверхъ одѣяла, потчасъ увидѣли, что успокоеніе ея было вѣчное. Дѣйствительно, Бесси умерла, но пакъ недавно, что ея ребенокъ лежалъ еще у грудей ея. И пакъ первые звуки упреняго барабана, подавъ первый знакъ смерти Виллиса, были вѣспшиками и ея смерти; и прежде чѣмъ раздались они въ другой разъ, жена солдапа покоилась уже съ нимъ въ одномъ гробѣ.

(NAVAL AND MILITARY MAGAZINE).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕЦАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Февраля 23 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.	Стр.
Обозрѣніе Русской Словесности за 1833 годъ.	5
Оптомосокъ изъ Испалін 1833 года. (С. П. ШЕВЫРЕВА).	32
Окрѣпленности Московскія: Пепровское - Разумовское. (— — — го).	39
Спапуя Наполеона на Вандомской площади. (Извлечено изъ Liter. Blätter der Börsen-Halle.).	103
Англичане и Французы. (изъ Revue de Paris).	178
Торговля шелковыми издѣльями во Франціи и Англіи.	195 — 259
Испанскія Колдуньи.	215
Водопадъ Терни. (С. П. ШЕВЫРЕВА).	243
Краткая Національная Справочная Франціи.	251
Убийство Гаузера.	273
Сравненіе Англійскаго долга съ Французскимъ.	307
Свиданіе съ Ибрагимомъ Пашею. (изъ Revue de Paris.).	309
Объ отношеніяхъ между владѣльцами и наместниками земли въ Великобританіи. (съ Фр.).	320
Новѣйшіе Англійскіе крипки.	360
Сирія и Палестина въ нынѣшнемъ ихъ со- споянїи. (изъ Nouvelle Revue Germanique.)	391
Смерть знаменитаго Переплетчика Тувене- ня. (Жюля - Жапена).	447
Воскресеніе въ Лондонѣ. Сцена Нравовъ.	487

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Аукціонъ. (Повѣсть ... л...)	17
Домикъ на Никитской. (Z.)	53
Дуэль. Изъ записокъ Медика. (Blackwood's Magazine.)	78
Воспочная Магія. (Revue de deux Mondes)	108
Опрывокъ изъ повѣспи: Да, или Нѣтъ? ...	144
Записки Зѣваки. (изъ Revue de Paris)	343
Опрывокъ изъ Романа подъ названіемъ: Двѣ Жизни. (Y.—Z.)	377
Актеры и Актрисы. (изъ Tait's Edinburgh Magazine)	409
Зала Гжи Неккеръ. (1776). (Гжи ТИЕРРИ)	425
Исторія моего Пріятеля Алексѣя Ивановича Лирова (X.)	468
Военный Судъ на островѣ Мальтѣ. Быль...	499

НАУКИ:

Мысленное и пѣлесное бытіе жизни растеній. Письмо къ Е. В. (М. Максимовича)	65
Письмо къ Шведскому Бопанику Илии Фрису. (М. Максимовича)	457

КРИТИКА.

О Гёте и Шиллеръ. (изъ Гейне)	129
О Спихопвореніяхъ Г. Языкова. (Y.—Z.)	163, 232
О вѣроятности близкаго упадка легкой Литерапуры во Франціи. (Низара)	281

Къ сей части приложень очеркъ Спатуи Наполеона.